ВАЛ. ЗОРИН • МИСТЕРЫ МИЛЛИАРДЫ

РОВЕСНИК

ГЕТТИ
ХАНТ
ТОРНТОН
КЕННЕДИ-
старший
ХЬЮЗ

ВАЛЕНТИН
ЗОРИН

МИСТЕРЫ МИЛЛИАРДЫ

Издание второе, дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1972

32И
З-86

Предлагаемая вниманию читателя книга, плод многолетнего исследования ведущих и богатейших промышленно-финансовых династий Соединенных Штатов, примыкает к опубликованной ранее работе о некоронованных королях Америки. Их автор Валентин Зорин, журналист и ученый, политический обозреватель Советского телевидения и радио, лауреат премии В. Воровского, доктор исторических наук, профессор Института США АН СССР, неоднократно бывал в Соединенных Штатах, встречался и беседовал со многими персонажами его книг. Результаты исследований, личные впечатления и наблюдения и легли в основу этой книги.

1—11—5
145—71

Дочери моей Катеринке
и сверстникам ее посвящается
эта книга

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА

— Знаете, как меня называют в Америке? — спросил во время встречи с автором этой книги крупнейший предприниматель и нефтяной воротила Жан Поль Гетти. Глубоко посаженные, острые, как буравчики, глазки его при этом заблистали от удовольствия, которого обычно несколько суховатый, с сознанием своей значимости делец был на сей раз не в состоянии скрыть. — Мистер Миллиард!!!

Тон, которым это было произнесено, весь вид тщедушного, с физиономией, таящей в себе что-то неуловимое от крысиной мордочки, говорил о том, что звание это для моего собеседника наиболее почетное и желанное. Казалось, присвой ему молва титул наиумнейшего в роду человеческом, наихрабрейшего, наикрасивейшего или наиталантливейшего во вселенной и ее окрестностях, подари ему судьба женщину красоты и иных достоинств невиданных, любовь, какой не бывало, — все это не преисполнило бы его такой гордостью, таким прямо нестерпимым счастьем, какое излучал он в момент, когда, выпятив грудь и став даже выше ростом, произносил эти слова: «Меня называют мистер Миллиард».

Поль Гетти — обладатель одного из крупнейших, если не крупнейшего, состояния в мире. Но не только и, пожалуй, не столько это обстоятельство привлекает наше внимание, побуждая посвятить ему одну из глав книги.

О старых могущественных династиях некоронованных королей Америки — Морганах и Фордах, Рокфеллерах и Меллонах, Дюпонах и Вандербильтах, Гарриманах и некоторых других написано немало. Отдáл дань тому и автор. Но в последние десятилетия на

арену американского бизнеса вышла новая группа дельцов, стремительно богатеющая, набирающая огромный вес в промышленности, финансах, политике. Речь идет не просто о новых персонажах. От старых династий их отличает не только стаж, не только возраст их денег — а деньги тоже имеют свой возраст со всеми вытекающими из этого последствиями, — это представители новейшей, «модерновой» формации капиталистических воротил, типа, почти не изученного и не описанного в литературе и печати.

Рассказать о них необходимо. При этом рассказ о новейшей формации американских бизнесменов не просто дань интересу исследователя к новому виду, несколько отвлеченный, академичный, связанный с научными изысканиями автора в области американского бизнеса. Нельзя объяснить это и лишь стремлением публициста поделиться своими впечатлениями от нескольких поездок, которые довелось совершить в Соединенные Штаты в последние годы. И, уж конечно, эти очерки не имеют ничего общего со столь распространенным на Западе ажиотажем вокруг огромных состояний и их обладателей, когда буржуазная пропаганда в расчете на всесветного мещанина с его извечно завистливым «живут же люди!» искусно ткет сусального золота ореол вокруг толстосумов.

В этой книге рассказывается о нескольких ныне активно действующих воротилах американского капитала, вскарабкавшихся в последние годы на вершину делового Олимпа, вошедших в узкий круг людей, обладающих огромным влиянием и оказывающих значительное воздействие на жизнь и политику крупнейшего государства

современного капитализма. Именно эти «мистеры Миллиарды» узурпировали власть в сегодняшней Америке, именно их интересы проглядываются за многими зигзагами политического курса Вашингтона. Получить о них представление — значит яснее увидеть те скрытые пружины, которые движут сегодня американский государственный механизм, понять и его силу, и его слабость.

Со многими из «героев» этой книги мне довелось встретиться, разговаривать, видеть их, что называется, вблизи, о некоторых составить представление по многочисленным материалам.

...Время летит быстро. Больше того, эта, казалось бы, абсолютная категория, нечувствительная к проблемам и эпохам, при ближайшем рассмотрении оказывается связанной с этими эпохами весьма непосредственным образом: по мере прогресса человечества время как бы спрессовывается, его ход убыстряется на наших глазах так, будто бы реактивные двигатели имеют к нему прямое отношение. Того, что ныне происходит за один год, не в таком уж далеком прошлом с избытком хватило бы на десятилетие.

Совсем немного времени прошло со дня выхода в свет первого издания этой книги. Но сейчас, готовясь к новой встрече с читателем, ее автор должен был кое-что пересмотреть, кое-что переоценить и немало написать заново. Трудно поспевать за стремительным ходом времени!

Но, безусловно, главное, суть, стержень книги остались неизменными, как неизменными остаются пока в сегодняшней Америке власть и всесилие кучки толстосумов. По-прежнему список богатейших людей мира возглавляет самодовольный «мистер Миллиард»

Жан Поль Гетти, по-прежнему никому не уступает титул «самого страшного человека Америки» зловещий миллиардер из Техаса Гарольдсон Лафайет Хант, воротила, с именем которого связывают двойной заговор против братьев Кеннеди. По-прежнему в Белом доме почтительно прислушиваются к тому, что говорит предприниматель из Лос-Анджелеса Чарльз Торнтон.

Но хозяин в Белом доме уже другой. Кстати, попал он туда не без помощи того Торнтона, которому посвящены многие страницы этой книги. Когда писалась глава о нем для первого издания, Торнтон был хотя и дельцом многообещающим, но вызывавшим у респектабельных джентльменов с Уолл-стрита некоторое недоверие: слишком уж стремительным, слишком внезапным был его взлет. С тех пор недоверие в значительной степени рассеялось, сменившись сложным чувством, являющим собой смесь почтения и зависти, недоброжелательства и восхищения.

Техасца Джонсона в Белом доме сменил калифорниец Никсон. Но Гарольд Хант, немало сделавший для того, чтобы привести в Белый дом Линдона Джонсона, отнюдь не собирается отказываться от жирных кусков пирога, достающихся в Америке тем, кто имеет доступ к вершинам власти. Он занят новыми интригами, связанными с карьерой его очередного фаворита, земляка и единомышленника — мракобеса Джорджа Уоллеса. Что касается Линдона Джонсона, то он, всеми покинутый — такова уж судьба неудачников в Америке, — доживает свой век на техасском ранчо.

После многих неудачных попыток автору удалось добраться до Гарольда Ханта, а также встретиться с Чарльзом Торнтоном и

Эдвардом Кеннеди, Линдоном Джонсоном и Джорджем Уоллесом.

Поздней осенью 1969 года я побывал в Техасе на ранчо у бывшего президента. Куда девались его величественный вид и апломб, зычный голос и, казалось бы, непоколебимая самоуверенность. Передо мной был усталый, разочарованный, сломленный человек.

За это время новые удары судьба обрушила на семейство Кеннеди. Умер глава клана старый Джозеф, таинственная автомобильная авария на мосту серьезно подмочила политическую репутацию Эдварда Кеннеди. Но неуемное фамильное честолюбие, могущественные силы, сделавшие ставку на людей с фамилией Кеннеди, влекут нынешнего главу клана дальше по скользкой, но столь желанной для него дороге к власти...

Работа над темой, предлагаемой вниманию читателя книги, чем-то напоминает попытку вычерпать до дна колодец — трудился, трудился, казалось бы, дочерпал до дна, не успел еще дух перевести и отереть со лба пот — глядишь, на дне вновь накопилась вода.

Впрочем, автор и не претендует на то, чтобы исчерпать тему. Но если то, что ему довелось узнать за долгие годы изучения сложной и противоречивой страны этой, деятельности — тайной и явной — могущественных владык республики денежных королей, увидеть во время поездок за океан, вызовет интерес у читателей, принесет им хотя бы небольшую пользу, он будет считать, что трудился у этого колодца не напрасно.

САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

Глава I

Суфле из спаржи и миллиард долларов

Туманным, промозглым вечером, когда английская погода решила предстать в своем наиболее классическом виде, мы ехали по лондонским улицам, пробираясь сквозь автомобильное стадо. Впрочем, «ехали» — некоторое преувеличение, с этим понятием связано нечто иное, во всяком случае, значительно более быстрое. Уже давно назрела необходимость подобрать более подходящее название для процесса передвижения по лондонским улицам в часы так называемого «большого трафика», в Москве именуемого часом «пик». Словом, расталкивая гудящие, фыркающие, изрыгающие из недр своих всевозможные проклятия и только что не становящиеся от бессильной ярости на задние колеса современные экипажи, мы пробирались к цели.

Мы — это два журналиста, один — местный старожил, другой — это я, оказавшийся в Лондоне проездом. Что же касается цели, то ею был один из лондонских клубов, где в тот вечер должен находиться интересовавший меня человек. Не сумев встретиться с ним иначе, мы, с трудом раздобыв приглашение в клуб, решили воспользоваться такой возможностью.

На следующий день в отделе светской хроники одного из лондонских изданий об этом рауте было напечатано следующее: «Мистер Нубар Гульбекян, 68-летний миллиардер, отмечал с друзьями выход в свет своей книги, в которой рассказывается, как он накопил богатство, увеличил капитал, унаследованный от отца Галуста, прозванного «Господин 5 процентов» за то, что он получал, как и его сын теперь, 5 процентов дохода от «Ирак Петролеум компани» (60 миллионов тонн нефти в год). На приеме находился Жан Поль Гетти, президент «Гетти ойл» — самый богатый человек в мире. Между суфле из спаржи и копченой семгой Гульбекян и Гетти еще больше «обогатились», заключив сделку, которая принесет каждому из них по 20 тысяч долларов».

Правда, «каких-нибудь 40 тысяч долларов» — годовой доход полутора десятков английских рабочих семей, — с ловкостью фокусника и на глазах у почтеннейшей публики извлеченных из воздуха, хотя и наполненного запахом наилучших сигар и дорогих яств, вряд ли сколько-нибудь заметно обогатили двух пожилых джентльменов, проделавших этот фокус. Что такое, право, 20 тысяч долларов для Жана Поля Гетти, личный капитал которого составляет 1 миллиард 300 миллионов долларов!

...Да, в тот вечер в нескольких шагах от меня как-то очень буднично, в мягком покойном кресле, положив ноги в тупоносых черных башмаках на неправдоподобно толстой подошве на низенький столик, сидел, попивая кофе по-турецки, самый богатый на

земном шаре человек — некрупный старичок в темном костюме и белом жилете. По размерам лично ему принадлежавших богатств Жан Поль Гетти, американский нефтепромышленник и финансовый воротила, стоит ныне в списке миллиардеров мира на первом месте, раньше братьев Рокфеллеров, Ротшильдов, Круппов, Меллонов, Фордов и носителей других громких фамилий.

Между тем до недавнего времени это имя ничего не говорило за пределами узкого круга нефтепромышленников. Но вот самый информированный из всех органов американского большого бизнеса журнал «Форчун» в ноябре 1957 года опубликовал статью, утверждавшую, что вдали от посторонних глаз, втихомолку нефтепромышленник Гетти сколотил гигантское состояние. Оно принесло ему в падкой до всяческих сенсаций Америке, обожающей все «самое», звание «самого богатого в мире человека».

Трудно сказать, было ли сенсационное открытие «Форчуна» плодом усилий и изысканий его специалистов в области финансов или же сам Гетти счел, что пристало время вынырнуть со своим миллиардом на поверхность, полагая, что он уже может не страшиться конкурентов, а реклама ему не повредит, но факт остается фактом: имя его с почтительным восхищением и завистью стали произносить везде, где собирались хотя бы два бизнесмена. Как писала, скрывая под шутливой формой явную угодливость, газета «Уолл-стрит джорнэл»: «Теперь с ним больше не случалось казусов, которые были возможны до 1957 года, когда Гетти встречал своего старого школьного товарища и тот мог спросить: «Между прочим, Поль, где ты сейчас работаешь?»

После публикации в «Форчуне» на страницах американской печати время от времени стали появляться статьи и заметки об обладателе миллиарда, о его бизнесе. Критика обратила внимание на книги, до той поры никем не замеченные, на обложках которых стояло имя того, кто их писал, — Поль Гетти.

Автор этих строк уже тогда заинтересовался деятельностью Гетти. Необычное в наше время дело, когда возникает новое крупное состояние. Подавляющее большинство современных финансово-промышленных империй Америки было сколочено десятки, а то и сотню-полторы лет назад. Начало им положили знаменитые «бароны-разбойники», первонакопители сегодняшних огромных состояний, а нынешние Морганы и Рокфеллеры, Меллоны и Дюпоны, Форды и Гарриманы возглавили уже существовавшие до них миллиардные дела, будучи «помазанниками» бизнеса, наследуя состояния, корпорации, банки и пороки своих дедов и отцов.

Лишь редкий случай мог привести в это «общество избранных», именуемое в Америке «клубом миллиардеров», кого-либо из

аутсайдеров. Я прочитал книги самого Гетти и многочисленные писания о нем, продирался сквозь бесчисленные колонки цифр толстенных фолиантов финансовых отчетов возглавляемых им компаний, встречался со служащими этих компаний, даже побывал в его доме в США. Но самого Гетти увидеть не удавалось.

И вот в слабо освещенном неверным пламенем свечей в массивных серебряных подсвечниках небольшом зале лондонского клуба невдалеке от меня попивал кофе невысокий человек за семьдесят, хлипкого телосложения, с угловатыми движениями. Высокий с залысинами лоб, глубоко сидящие глаза, какое-то неуловимое сходство с киноактером Сергеем Мартинсоном в его остро гротесковых ролях. В глаза бросается почти неестественная бледность, выдающая человека, делящего свое время между деловой конторой и ночными клубами. Разговаривает Гетти подчеркнуто тихо — уверен, что его услышат. Я читал прежде, что улыбается он редко, а улыбка его напоминает волчий оскал. Думалось, что это литературное преувеличение для создания традиционного облика. Но стоило Гетти улыбнуться — и стало ясно: нет, не преувеличение. Не знаю, является ли улыбка «флагом корабля», но о человеческом характере она может сказать и говорит многое.

Разговор с миллиардером краток и мимолетен.

— Мистер Гетти, вы постоянно живете в Англии?

— Нет. Мой основной дом находится в Америке, в Калифорнии, в Лос-Анджелесе. А здесь, в Англии, в двадцати милях от Лондона, в Свазерлендском замке расположена моя деловая резиденция. Бизнес заставляет меня жить в Европе, недалеко от Ближнего Востока. Это удобно и для моих управляющих, и для меня.

— Каковы ваши деловые планы на будущее, что вы можете сказать о своем бизнесе?

— Мой бизнес? Мои планы на будущее? О, я успешно продолжаю мой нефтяной бизнес. У меня все хорошо. И я бы хотел, чтобы и в дальнейшем все было так же успешно в моем бизнесе.

Много ли узнаешь за несколько минут? В таком беглом разговоре, пожалуй, важно не то, что говорится, а как говорится. Хочется яснее представить себе собеседника. «У меня все хорошо», — говорит он, но вдруг по его лицу пробегает подобие какой-то тени. И та поспешность, с которой Гетти добавляет, что он хотел бы того же и в будущем, вдруг выдает неуверенность. Да, да, миллиардер Поль Гетти, самый богатый из американских миллиардеров, не уверен в будущем. Именно поэтому он с суеверной оглядкой высказывает самому себе пожелание, чтобы завтра его дела шли не хуже, чем сегодня.

Папа, мама, жены и Поль

Кто же такой Поль Гетти, как проник он в американский «клуб миллиардеров», откуда взялись его огромные богатства? Проявивший в последние годы вкус к рекламе, сам Гетти попытался ответить на эти вопросы в серии статей, опубликованных в американской печати. Смысл этих статей сводится к утверждению, что дверь в «клуб миллиардеров» может открыть любой человек, обладающий «инициативой, характером и умением ориентироваться». Гетти сообщает, что разбогател, пробурив нефтяную скважину в удачном месте и в удачное время. Кроме того, по его словам, он проявил достаточную проницательность и воспользовался услугами подходящей компании.

Видный канадский журналист Боб Уорд остроумно высмеял рецепты Гетти. «И все-таки, — пишет он, — мы не можем рекомендовать статьи Гетти в качестве пособия для будущего миллионера. Мы должны признаться, что тоже пробовали бурить нефтяные скважины, молоть зерно, искали подходящее время и компанию, но так и не приблизились к миллиону долларов.

Однако мы не отрицаем того, что способы стать миллионером существуют. Мы, например, рекомендуем родиться сыном миллионера. Расчет прост: как только вы станете членом семьи миллионера, у вас появятся реальные шансы на быстрое обогащение. Можно также выйти замуж за сына миллионера или жениться на его дочери. Потом вы сможете любоваться миром с балкона семнадцатиэтажного особняка или чего-нибудь в этом роде».

Канадский журналист не случайно упоминает в качестве надежного способа стать миллионером — родиться в семье миллионера. Поль Гетти был единственным сыном Джорджа Франклина Гетти, оставившего после своей смерти состояние в 15 миллионов долларов. Этот капитал, конечно, не делал семейство Гетти членом «клуба миллиардеров», но, как говорится, для начала неплохо.

Сведения о деятельности Гетти-старшего можно почерпнуть в книге «История нефтяного предприятия Джорджа Франклина и Ж. Поля Гетти, 1903—1939 гг.», написанной самим Полем Гетти и посвященной им отцу. Из этого сочинения, продиктованного благодарностью то ли к родителю, то ли к его толстому кошельку, мы узнаем, что Джордж Франклин Гетти был адвокатом в Миннеаполисе. В 1903 году дела одного из клиентов привели его в Оклахому как раз в то время, когда там была обнаружена нефть. Отделавшись от докучливого клиента, папаша Гетти ринулся в спекуляции. За 500 долларов он получил в аренду 1100 акров земли на территории, принадлежащей индейскому племени.

За первой сделкой последовали другие. Все это произошло как раз в тот период, когда наряду с нефтяной начала зарождаться и автомобильная промышленность, все большее распространение получал двигатель внутреннего сгорания. Именно это, очевидно, имеет в виду Гетти, утверждая, что его отец «предоставил ему возможность заняться нефтяными делами в самый подходящий для того момент».

Одним словом, имел место богатый папаша. Биограф Гетти Г. Рис в книжке «Мультимиллионеры» пишет в связи с этим так: «Всякому, кто подобно огромному большинству людей впервые услышал имя Гетти, можно охотно простить, если он думал, что этот последний является одним из тех легендарных американских героев, которые, начав с нищеты и неизвестности, вступили в мир бизнеса, идя теми же самыми путями, которые в мире политики приводят людей из деревянных лачуг в президентское кресло в Белом доме. Непреложным фактом является то, что в сегодняшней Америке подобные карьеры если и не относятся целиком к области мифологии, то, во всяком случае, встречаются значительно реже, чем можно предположить. Босоногие парни, шагающие по каменистым тропам из мира лохмотьев в мир богатства, начинают уже относиться к тому, что быстро превращается в почти вымершую американскую специфику, такую, например, как буйволы, и скоро в Америке придется создавать для них специальные резервации, если подобный тип людей вообще должен быть сохранен».

Что касается буйволов — это точно. О резервациях — тоже. Правда, имеется разница. Буйволы хотя и редкая, но реальность. Что же касается «парней, шагающих каменистыми тропами в мир богатства», то это все-таки мифология. И во всяком случае, это не про Гетти. Его тропа была не столь уж каменистой.

Гетти-старший был человек рассудительный и потому понимал, что сложности современного мира требуют знаний. Приказчики, конечно, дело хорошее, но свой глаз лучше. Поэтому отпрыск миллионерской семьи сначала изучал геологию в Калифорнийском университете, а затем получил диплом в области экономики в старейшем английском университете — Оксфорде. Затем Гетти-младший появился в Оклахоме, заявив своим приятелям, что он не двинется с места, пока не заработает миллион долларов. Заявление это можно было бы счесть самонадеянным, если бы за спиной говорившего не стояли отцовские капиталы и влияние. Опираясь на них, он взялся за тот же бизнес — перепродажу нефтеносных участков. Тогда отец и сын уповали не столько на добычу нефти — то было еще дело темное, — сколько на коммерческие операции, в просторечии именуемые спекуляцией.

Хорошо зная местную обстановку, они по дешевке скупали земли, преимущественно у индейцев, перепродавая потом эти участки втридорога. Первая же деловая операция Поля Гетти — дело происходило в 1914 году — заключалась в следующем: предварительно все разузнав, он купил земельный участок размером в 160 акров, заплатил за него 500 долларов, взятых взаймы у отца. Затратив еще некоторое количество денег для осуществления контрольного бурения, он через несколько месяцев этот участок продал уже за 40 тысяч долларов. Через два года удачные спекуляции принесли новоявленному дельцу его первый миллион долларов.

Сочтя себя после этого человеком самостоятельным, молодой Гетти оставил бизнес и ударился в загул. В течение года миллионера перевидали многие кабаки и ночные заведения в нескольких штатах страны. Но гнев отца, пригрозившего лишением наследства, вернул в конце концов Поля Гетти «на круги своя».

Появившись на западном побережье, начинавшем бурное промышленное развитие, Гетти создал компанию, которая действовала в тесном сотрудничестве с предприятием его родителя, обосновавшегося в Лос-Анджелесе. Как свидетельствует биограф, «здесь отец и сын опять стали действовать в тесном сотрудничестве, которое характеризовалось тем, что ни один из них не подчинялся целиком другому, в равной степени как и не был полностью от другого независим».

Отношения между отцом и сыном были поставлены на деловую и коммерческую основу. Так, например, когда Гетти-младший вознамерился принять участие в делах отцовской фирмы, Джордж Гетти на это согласился при условии, что сын купит у него акции. Сделка была совершена. Поль Гетти получил в свои руки треть акций отцовской компании, заплатив за них миллион долларов.

В этот период начинаются семейные злоключения Жана Поля, обошедшиеся ему дорого. В 1923 году Гетти женился, в 1926-м развелся и женился второй раз, затем, как свидетельствуют справочники, в «последующие тринадцать лет было зафиксировано еще три его брака, ни один из которых не продолжался больше шести лет». Как утверждают сведущие люди, именно этим объясняется то обстоятельство, что Гетти-старший, умерший в 1930 году, из пятнадцатимиллионного состояния завещал сыну «только» 500 тысяч долларов, остальные оставив его матери. Дескать, он не решился доверить крупные капиталы своему легкомысленному отпрыску.

Впрочем, этот последний родительский урок пошел не очень впрок, и Поль Гетти еще неоднократно менял избранниц своего

сердца, доведя число только официально зарегистрированных браков до вполне внушительной для такого случая цифры 7. Правда, в этой связи в американской печати высказываются предположения о том, что дело, быть может, не только в любвеобильном сердце. Влиятельная, хорошо информированная и избегающая дешевых сенсаций газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала как-то о возможности новой женитьбы нефтяного магната. «Этот брак, — заявила газета, — соединил бы (нет, не два любящих сердца. — **В. З.**) две компании, которые ежегодно производят 189 тысяч баррелей * неочищенной нефти».

Вот она, любовь миллиардера! Счет в ней ведется не на минуты и часы, которые влюбленным наблюдать не положено, не на биение сердец и лунные серенады, а на баррели неочищенной нефти. Гетти-второй, безусловно, превзошел своего отца, оказавшись и ловчее и удачливее, а его мораль не помешала, но, быть может, и помогла превращению 15-миллионного состояния, которое в конце концов досталось ему, в миллиардное дело.

В 30-е годы Поль Гетти от спекуляции нефтяными участками переходит сначала к добыче, а затем к переработке и продаже нефти и нефтепродуктов. Первым шагом на пути к этому была острая война... с собственной матерью. Схватка продолжалась в течение двух лет и закончилась тем, что чадо завладело принадлежавшим по завещанию отца миссис Гетти контрольным пакетом акций компании «Джордж Ф. Гетти инкорпорейтед», а в начале 1934 года Гетти и вовсе вытеснил престарелую миссис с поста директора этой компании. К тому времени он овладел также контролем над средних размеров, но влиятельной «Пасифик Уэстерн ойл компани» и обратил свои взоры к крупной компании «Тайдуотер ассошиэйтед ойл», располагавшей нефтеочистительным оборудованием и разветвленной сетью по продаже нефтепродуктов. Обладание этой компанией превратило бы Гетти в фигуру, более или менее заметную в нефтяном бизнесе Соединенных Штатов.

Главная трудность в овладении этой компанией заключалась в том, что здесь приходилось иметь дело уже с китами, с самими Рокфеллерами, держащими в руках контроль над ней.

Как ему это удалось, и по сей день остается тайной. Но Поль Гетти сумел объехать на кривой самого Джона Д. Рокфеллера-второго, тогдашнего главу этой династии, отца пяти братьев, возглавляющих ее ныне. Последний, не усмотрев в Гетти опасного конкурента и явно недооценив его, в 1939 году внезапно продал нахрапистому дельцу 200 тысяч акций этой компании по сходной цене — 10 долларов за штуку. Объединив несколько своих фирм

---

* В одном барреле 159 литров.

в новую — «Гетти ойл», Поль Гетти вышел в люди. Правда, ему еще было далеко до предпринимателя всеамериканского масштаба первого ранга. Если он и вынашивал дерзкие планы борьбы с господствовавшими безраздельно в нефтяном бизнесе Рокфеллерами, то делал это втихомолку, не доверяя своих планов никому.

Чет или нечет

Несмотря на все успехи, несмотря на то, что отцовское состояние было приумножено, а бизнес значительно расширен, Поль Гетти оставался хотя более или менее преуспевающим, но заурядным предпринимателем, одним из тех, кого киты большого бизнеса с высоты своего миллиардного величия презрительно именуют «сошкой». Миллион долларов, символ счастья и предел мечтаний американского предпринимателя XIX века, сейчас, во второй половине XX, в непрочные времена стремительного обесценения денег, недостаточен.

Процесс монополизации и укрупнения банковских трестов и промышленных корпораций привел к тому, что в ход пошли большие величины. Располагая миллионом или даже несколькими миллионами, на деловой арене современной Америки самостоятельного бизнеса не создашь. Разве может тягаться и устоять в борьбе с конкурентами, скажем, банк, или, точнее, при нынешних масштабах банчишко, с капиталом в каких-нибудь три-пять миллионов долларов, когда по всей стране раскинули свои щупальца, наплодив отделений не только в каждом городе, но и на каждой улице, гиганты вроде «Морган гаранти траст», «Чейз Манхэттен бэнк», «Бэнк оф Америка», каждый из которых располагает миллиардами долларов?

Нет, нелегко живется сегодня в Америке рядовому миллионеру. На хлеб с маслом, конечно, хватает. На одну, другую виллу и полдюжины автомобилей — тоже, но размах не тот, да и куражу меньше. То ли дело миллиард или хотя бы полмиллиарда!

Проникнуть за двери «клуба миллиардеров», войти в элиту американских монополий — значит получить графское и герцогское достоинство в американском мире большого бизнеса. Червь честолюбия, жажда богатства и могущества снедали начинавшего уже стареть Поля Гетти. Он чувствовал, что уперся в невидимую, но непроницаемую стену. Пока он копошился где-то у основания пирамиды американского нефтяного бизнеса, находившиеся на ее вершине Рокфеллеры с благодушием сытого хищника взирали на его усилия. Они не прочь были даже иногда бросить ему

кость — Джон Д. Рокфеллер-второй соблаговолил уступить Гетти по сходной цене свои акции. Но стоило Гетти протянуть руку за следующим куском, как он почувствовал железную хватку могучего конкурента. Ему не было хода на нефтяных рынках Америки. Ему разрешали существовать лишь в качестве сателлита. Только представив себе эту хватку, можно понять, как, снедаемый бешеным честолюбием, неуемной жаждой денег и власти, Поль Гетти мог решиться на такое.

... Это произошло жарким летним днем 1948 года. В это время на тихоокеанском побережье стоит удушающая жара. Влажный раскаленный воздух, как паровой каток, давит человека к земле, выжимая из него пóтом всю энергию и силу.

Ранним утром, когда зной еще не так безжалостен и изнуряющ, Гетти вкушал в одиночестве утренний кофе за роскошно сервированным столом в собственном доме-дворце в Санта-Монике — пригороде Лос-Анджелеса. Внезапно его внимание привлекла небольшая газетная заметка. В ней говорилось, что мистер Ральф Дэйвис сообщил накануне в клубе деловых людей Сан-Франциско о благополучном завершении своих переговоров с эмиром далекого Кувейта. Результатом переговоров явилось заключение договора о концессии на разведку и добычу нефти где-то недалеко от кувейтских границ.

Газетное сообщение подействовало на Гетти как удар тока. Лихорадочно работала мысль, наматывалась логическая цепь рассуждений. Он давно и хорошо знал Ральфа Дэйвиса — своего опасного конкурента, в прошлом доверенного рокфеллеровского человека, вице-президента их компании «Стандард ойл оф Калифорния», а ныне самостоятельного предпринимателя, президента «Американ Индепендент ойл компани». Этот сан-франциский делец был известен лисьей хитростью, невероятной пронырливостью, сочетавшейся с расчетливой осторожностью. Шейх Кувейта — владелец фантастических богатств, Гетти наслышан о неправдоподобном великолепии его двора, драгоценной посуде, одеяниях, коврах, украшениях короны, которым нет цены. Без многих миллионов к нему не сунешься. Значит, концессия обошлась конкурентам в кругленькую сумму. Но не такие они люди, рассуждал взволнованно метавшийся по кабинету нефтепромышленник, чтобы бросать свои доллары на ветер. Значит, что-то пронюхали и рассчитывают сорвать куш.

Из лос-анджелесского дома летят указания. Поль Гетти требует сведений и фактов. Самая подробная информация — вот в чем он сейчас нуждается. Его папаша, старый Гетти, часто говорил: «Ни одно высказанное мнение не может быть лучшим, чем точная информация». Гетти-младший усовершенствовал отцов-

ский афоризм. В бизнесе, говорит он, «информация — мать интуиции».

И вот в большой, неуютный, заваленный бумагами кабинет дельца начинают поступать сообщения — справки специалистов, прогнозы геологов, купленные за большие деньги рассказы людей из окружения шейха, местных жителей. Собранные сведения говорят и много и мало. Концессия шейхом Кувейта компании Дэйвиса действительно предоставлена сроком на 60 лет — до 2008 года. В виде задатка шейх положил себе в карман 7 миллионов 200 тысяч долларов. Компания приобрела право на изыскания не в самом Кувейте, где давно уже распродано все, что можно и нельзя распродать, а в так называемой Нейтральной зоне, находящейся на побережье Персидского залива, между Кувейтом и Саудовской Аравией. Обе эти страны имеют права на Нейтральную зону, деля ее между собой. Таковы были первые сведения, раздобытые Гетти о сделке конкурентов. Неясным, однако, оставалось главное: есть ли там нефть, а если есть, то достаточно ли ее для промышленной разработки.

Теоретически, рассуждал он, вроде бы должна быть. Бесплодная и почти необитаемая солончаковая пустыня Нейтральной зоны, раскинувшаяся на две с половиной тысячи миль на побережье Персидского залива, находится в одном из самых нефтеносных районов мира. Несколько сот километров севернее, на побережье Каспия, — советская нефтяная жемчужина, знаменитый Баку. На противоположном берегу Персидского залива предмет давних вожделений американского бизнеса — нефтепромыслы Ирана. На западе и юге — богатейшие нефтяные залежи Ирака, Кувейта.

И Гетти решается. Если шейх Кувейта, рассуждает он, заработал миллионы долларов, дав на 60 лет кусок прибрежной пустыни американской компании, то это не может не разжечь аппетиты его августейшего конкурента, хозяина второй половины этой пустыни — монарха Саудовской Аравии. Верные люди под покровом тайны срочно пробираются в экзотический Эр-Риад, город, где находится как будто сошедший со страниц сказок 1001 ночи дворец короля Сауда, взявшегося соединить современный комфорт с ослепительным восточным великолепием.

О богатствах короля Сауда на Западе и Востоке ходили легенды. Путешественники с восторгом описывали украшения его дворца, уникальные, не имеющие цены самоцветные камни на его одеянии, рассказывали также о стоящих целое состояние, специально сделанных для него фирмой «Роллс-Ройс» автомобилях, разъезжающих среди почти первобытных лачуг в селениях крестьян, роскошных яхтах, быстроходных воздушных лайнерах, на которых вместе с многочисленными обитательницами гарема и охраняю-

щими их евнухами Сауд кочевал по фешенебельным курортам мира. Пойди подступись к такому. Но показухе восточного монарха противопоставлен холодный расчет американского дельца. Гетти понимает — блеск тщеславного владыки обходится недешево. В его гареме 600 жен и наложниц, а им ведь тоже пить-есть надо.

Одним словом, Поль Гетти сторговался с королем Саудом. Переговоры продолжались много месяцев, и условия, на которых в 1949 году была получена концессия, заключались в следующем: хотя к моменту ее подписания было неизвестно, имеется ли там нефть, Гетти сразу же выплачивал 10 миллионов 500 тысяч долларов наличными королю Сауду. А затем в течение всего срока действия концессии, также независимо от того, будет найдена нефть или нет, он обязывался вносить в королевскую казну по миллиону долларов ежегодно.

Поль Гетти играл азартную игру. Он поставил на кон все свои богатства, рискуя их потерять и обанкротиться в случае неудачи или же сорвать огромный куш, если нефть будет найдена. О том, что это был больше ход азартного игрока, нежели трезвая сделка предпринимателя, свидетельствует то, что он ринулся в эту игру, так и не получив надежной информации, не узнав сколь-нибудь достоверно, есть ли там нефть.

Гетти отверг даже предложение своих помощников поехать на побережье Персидского залива и на месте оценить ситуацию. Запершись на несколько дней в кабинете, он разглядывал географические атласы и карту Ближнего Востока и гадал над прогнозами геологов. Как? Никто не знает — быть может, на кофейной гуще или при помощи столоверчения. Прогнозы специалистов были противоречивы: одни говорили, что нефть есть, другие, что есть, но немного, третьи, что она отсутствует вовсе. «Информация — мать интуиции». На сей раз надежной информации не было. И следовательно, «интуиция» была ни при чем. Верх взяла алчность.

Четыре длинных года Поль Гетти провел в страхе и терзаниях. Месяц проходил за месяцем, а многочисленные поисковые партии, кочевавшие на верблюдах по раскаленной пустыне, нефти не находили. Люди болели и умирали. Но все новые и новые отряды бросались в пустыню. Туда сгонялось население из других районов. На пароходах и самолетах доставлялась техника. Текли сотни тысяч, миллионы долларов, состояние таяло. За четыре года Гетти выложил 30 миллионов долларов. Нефти не было...

Трудно сказать, какое слово произнесет Поль Гетти в свой смертный час. Мне, например, кажется, что этим словом будет «Вафра». Так называется местечко в пустыне, около которого в мае

1953 года была обнаружена нефть. В огромных количествах, удобно залегающая, высокого качества. В течение нескольких дней Гетти из находящегося на грани банкротства нефтепромышленника-одиночки превратился в обладателя одного из самых богатых в мире нефтепромыслов, самого крупного независимого поставщика нефти, действующего в районе Ближнего и Среднего Востока, а спустя 3—4 года и обладателя одного из крупнейших состояний в мире.

Поль Гетти играл. Играл азартно. Как за зеленым сукном в Монте-Карло. Мог проиграть. И тогда пошло-традиционный для зарвавшихся игроков выход — пуля в лоб. Нефть была найдена. Гетти выиграл. Так, как выигрывают в рулетку. Деловые способности в данном случае ни при чем.

Успех кружит голову, доллары, когда их очень много, делают человека самоуверенным, заставляют его забывать о бессонных ночах, о пробуждениях в липком от страха поту с мыслью о банкротстве. С высокомерием удачливости Поль Гетти любит сейчас пофилософствовать за рюмкой французского коньяка.

— Человек, занимающийся нефтью, — говорит он тихим голосом, растягивая слова и явно любуясь собой, — вскоре приучается мыслить большими масштабами и вести счет на миллионы. Миллионы лет потребовались природе на то, чтобы в темных недрах земли образовалась нефть; миллионы и миллионы денег ушли на развитие нефтяной промышленности и эксплуатацию нефти; ежегодно в мире производится 7 тысяч миллионов баррелей нефти; миллионы тонн различных нефтяных продуктов потребляются сотнями миллионов людей.

Все правильно. К этому остается лишь прибавить миллионы людей, из которых выжаты все соки, забраны все силы на нефтепромыслах, принадлежащих избранным единицам — Рокфеллерам и Детердингам, Меллонам и Гетти; сотни миллионов, миллиарды долларов, обогащающих эти единицы, при помощи чудовищной алхимии капиталистической эксплуатации превращающих кровь, пот и слезы миллионов в золотой поток для себя!

И все-таки страх от азартной игры с судьбой, страх, порождаемый зыбкостью достигнутого, не прошел бесследно, он живет и сейчас, таимый от всех, но вполне реальный. Трудно забыть искру этого страха, мелькнувшего в глазах Гетти, когда я спросил, как идут дела в его бизнесе. Нет, то не была тень от неверного света свечей — дань весьма модному сейчас на Западе снобизму, — игравшего на белоснежных скатертях и тяжелом серебре ресторана лондонского фешенебельного клуба. Вполне реальный страх прозвучал в его суеверном пожелании самому себе, чтобы в будущем ничего не изменилось к худшему.

И пожалуй, дело не только и не столько в суеверии. Рискованная игра, которую ведет Гетти, не прекратилась в день, когда с берегов Персидского залива пришла депеша, сообщившая о мощном фонтане нефти. Она продолжается и сейчас. Во-первых, позднейшее и более внимательное обследование запасов в недрах земель, на которые Гетти наложил лапу, показало, что они не столь беспредельно богаты, как это казалось поначалу. В результате доходы нефтепромышленника в последнее время несколько сократились. А во-вторых, с острым беспокойством читает ежедневно нефтяной король телеграммы, поступающие с Ближнего Востока.

И если для многих такие сообщения — это политика, отзвуки острой борьбы, происходящей в мире между угнетателями и угнетаемыми, то для Гетти это вещи сугубо личные — колеблется здание его бизнеса и богатств.

Человек неглупый, он понимает, что раскаленный ветер, проносящийся над его нефтяными вышками, несет из глубин Африки не только песок и зной. Этот ветер таит ту бурю, которая сдует всех гетти отовсюду, где они присосались. Воротила понимает, что счет ведется не на десятилетия и даже не на годы. Он торопится. Торопится выкачать как можно больше, хищнически и безжалостно, думая только о дне сегодняшнем.

Что же касается дня завтрашнего, то Гетти с теми, с кем связан нерасторжимыми узами богатства, фетишей и, главное, страхом, — делает все, чтобы задержать его приход. В английских бомбардировщиках, которые разрушали аденские деревни и расстреливали беззащитных людей, в отрядах белых наемников, терзавших многострадальное Конго — страну несметных богатств, — в подкупе продажных и убийстве честных африканцев — во всем том, что происходит в «слаборазвитых», по высокомерному наименованию Запада, странах, — усилия и миллионы Гетти и его сотрапезников по ресторанам фешенебельных клубов.

Тайны Даунинг-стрит и государственного департамента США хранятся за семью печатями. Не скоро станет известно, кто подталкивал вершителей судеб Великобритании в середине 60-х годов XX столетия с неописуемой жестокостью подавлять освободительную борьбу народов Ближнего и Среднего Востока, в чьих интересах раздувают военный пожар в этой «горячей точке» планеты вашингтонские политики. Но если на вопрос «кто?» ответит история, то вопрос «почему?» ясен и теперь. Статистика свидетельствует: чистые доходы компаний, извлекающих нефть в этом районе, составляют ежегодно многие миллиарды долларов.

Между этими «кто?» и «почему?» прямая связь. И разве, зная все это, столь уж невероятным покажется предположение о том,

что обосновавшийся в нескольких десятках миль от Лондона американский миллиардер может иметь непосредственное отношение к действиям наемников империализма, убивающих арабов, терзающих их землю.

Думается, что не случайность, не прихоть, не желание пооригинальничать надоумили Поля Гетти в одной из его статей зачислить в разряд «наиболее замечательных людей прошлого» Бенито Муссолини. Единственный недостаток отвратительного дуче, который видит американский толстосум, в том, что этот фигляр и политический прохиндей, видите ли, не умел «отличать возможное от невозможного». Впрочем, нельзя отказать Гетти в последовательности: муссолиниевские самолеты, уничтожившие города и деревни Абиссинии, и напалм, которым во имя спасения его нефтепромыслов на берегах Персидского залива поливали несколько десятилетий спустя деревни Адена, — это, безусловно, явления одного порядка.

Преступления не бывают безнаказанными. Комплекс вины рождает неуверенность, беспокойство. Это подметил рецензент «Уоллстрит джорнэл», органа бизнесменов, в статье, посвященной автобиографии Гетти «Моя жизнь и состояние». В 1963 году она вышла отдельной книгой. «Человек, который достиг многого, — пишет рецензент, — вряд ли должен подтверждать это о себе кому бы то ни было. Все же через книгу проходит какая-то невидимая нить оправдания: отчаянное обращение к читателю за одобрением. Так, мистер Гетти пытается разжалобить читателей, сетуя на свои неудачные женитьбы, подчеркивает, что в отличие от своих коллег он голосовал на выборах за Рузвельта».

До чего трогательно, не правда ли?

Тень страха, нет-нет да и омрачающая лицо самого богатого человека в мире, говорит о том, что миллиард долларов еще не делает человека счастливым. Для счастья необходимы чистая совесть, уверенность, нужно будущее. Несколько лет назад Поль Гетти азартно играл с судьбой: чет — нечет. Можно выиграть, а можно и проиграть. Игра, которая ведется сейчас, — это игра безнадежная, в конце концов ее придется проиграть. Ее просто нельзя выиграть. Здесь не будет чет. Будет обязательно нечет. Раньше или позже. И Гетти гадает когда: завтра, через месяц, через год?

Нефть и прочее

Жадность. Без этого не понять Поля Гетти. Ему всего мало. Он готов прибрать к рукам все, что может принести доход. Он является главой почти ста мелких и крупных предприятий. Иногда

его бизнес кажется неожиданным. Ну что, скажем, общего между деятельностью нефтепромышленника и производством автоприцепов? Ничего. Но тем не менее Гетти неплохо зарабатывает на производстве многих типов передвижных фургонов, цепляемых к автомобилям.

Бизнес «кемпинга» превратился в последние годы во многих западных странах в дело очень доходное. Житель тяжелого для повседневного существования, смрадного Нью-Йорка всю неделю живет мечтой о том, как он, вырвавшись в субботу из этого бензинового ада, поваляется на берегу тихой речки, прочистит уши от неумолчного днем и ночью грохота десятимиллионного города. О том же мечтает житель Чикаго и Филадельфии, Сан-Франциско и Хьюстона, Бостона и Нью-Орлеана.

В конце рабочей недели начинается «великий исход». Все, кто может, покидают город. По десяткам дорог тянутся автомобили. Ко многим из них прицеплены фургоны. Маленькие и побольше, на двух, на четырех и даже на шести колесах. Вся эта колесная армада растекается на многие десятки километров вокруг города, оккупируя все мало-мальски пригодные куски «природы», не изъятые из обращения при помощи лаконичной, но многозначительной и всемогущей в Америке надписи — «прайвит проперти» — «частная собственность».

Те, кто побогаче, держат эти мобильные гостиницы в своих гаражах, а большинство прибегает к помощи прокатных контор, беря автофургоны на время отпуска или на уикэнд.

Капитал интересуют доллары. И «отдыхательный бизнес» превратился в последнее время в своеобразную и крупную отрасль, привлекающую деньги многих предпринимателей и приносящую им немалые доходы.

Не прошел мимо этого и герой нашего рассказа. Во время войны он доказывал свой патриотизм в рядах армии. Однако, надев офицерский мундир, бизнесмен не отправился на поля боев, а возглавил работавшую на войну «Спартан эйркрафт корпорейшн». После войны он не выпустил из рук эту компанию, выкупил ее у правительства по сходной цене и превратил в фирму массового производства фургонов-автоприцепов.

...Есть в Нью-Йорке улица под названием Мэдисон-авеню. Уже само название этой улицы — знак респектабельности. Преуспевающий бизнесмен не преминет в первые же минуты разговора сообщить, что его контора расположена на Мэдисон-авеню. За ярлычок с надписью «Мэдисон-авеню», пришитый к подкладке пиджака, пальто или шляпы, купленных в магазине, на ней расположенном, владелец магазина сдерет с покупателя дополнительные доллары — качество штанов, быть может, и не лучше купленных в менее фе-

шенебельном районе, но зато кураж иной. Жить в богатых домах Мэдисон-авеню, держать на ней контору, покупать в ее магазинах — это уже признак преуспеяния.

В центре Манхэттена, на одном из самых оживленных перекрестков этой улицы, в окружении богатых магазинов и контор особенно процветающих фирм и компаний, на углу Мэдисон-авеню и 61-й стрит стоит большое здание. Любой из местных жителей скажет вам, что наряду с самыми знаменитыми небоскребами Нью-Йорка он имеет имя собственное — «Гетти билдинг». Хозяин не живет в этом доме, он сдает его очень богатым людям под жилье и очень богатым компаниям под конторы. Выгода двойная — сотни тысяч арендной платы плюс реноме — Поль Гетти не где-нибудь, а на Мэдисон-авеню.

...Среди огромных и дорогих гостиниц Нью-Йорка не последнее место занимает отель «Пьер». У его зеркального подъезда вы не увидите рядового «форда» или «рэмблера». К тротуару причаливают дорогие «кадиллаки» и «роллс-ройсы». Дородные швейцары распахивают дверцы и, почтительно поддерживая под локоток, ведут по расстеленному на асфальте дорогому ковру под протянутым во всю ширину тротуара ярким не то навесом, не то балдахином обладателей очень тугих кошельков. Именно здесь обосновался и провел месяцы после избрания и до переезда в Белый дом — с ноября по январь — Ричард Никсон. Здесь он формировал свое правительство, разрабатывал планы его первых шагов.

Отель «Пьер» — тоже собственность Гетти, дающая ему ежегодно весьма круглую сумму дохода. Гостиничный бизнес — дело выгодное, и потому он приобретает отели не только в Соединенных Штатах Америки, но и за их рубежами. Так, ему принадлежит один из крупнейших отелей Мексики, «Пьер Маркес», в Акапулько и ряд других.

Но все это доходы побочные. Главным же как была, так и остается нефть. Нефтяная империя Поля Гетти имеет внушительные размеры — она приносит своему хозяину доход в 84 миллиона долларов ежегодно. В центре империи в течение многих лет находилась компания «Гетти ойл». Основное поле ее деятельности в последние годы — эксплуатация нефтяных богатств Ближнего Востока. Именно это источник главных богатств мистера Миллиарда, и потому деятельностью компании он руководит самолично. Для того чтобы быть поближе к нефтепромыслам Ближнего Востока, бизнесмен покинул родину и, перебравшись в Старый Свет, прочно обосновался в Европе. Его главной резиденцией является Лондон, хотя в фешенебельных отелях Парижа и Рима, Женевы и Вены его тоже считают завсегдатаем, а в последнее время он создал свою штаб-квартиру и в Италии.

Правда, дело здесь не только и не столько в желании находиться в непосредственной близости к источникам богатств. Современные средства связи предоставляют возможность осуществлять деловые операции и на расстоянии, а карман Поля Гетти способен выдержать почтово-телеграфные расходы. Коммерсант отнюдь не стремится вдыхать запах нефти. Его вполне устраивает запах денег. Как-то, объясняя, почему он предпочитает руководить своим бизнесом вдали от нефтяных вышек, он сказал: «Если человек является дантистом, то ему, конечно, приходится засовывать пальцы в рот своего пациента, и тут без непосредственного присутствия около пациента и его зубов не обойтись. В моем случае это не является столь необходимым. И я могу сделать свое дело и отсюда». Разговор шел опять же в лондонском ресторане.

На протяжении десяти лет он ни разу не был в Америке и отнюдь не из стремления быть поближе «к зубам пациента», а из чисто деловых соображений. Он стремится обойти американское налоговое законодательство. Ввоз в Соединенные Штаты нефти, добываемой им на Ближнем Востоке, отнял бы у него определенную часть прибыли, которая ушла бы на оплату пошлины. Поэтому он предпочитает добывать нефть на берегу Персидского залива, сбывать ее где выгоднее, деньги хранить где надежнее, а пребывать в Европе — подальше от опасных конкурентов и налоговых законов.

Было бы несправедливым упрекнуть этого сына Америки в том, что он забыл про родину. Отнюдь. Его нефтяной бизнес в Америке до недавнего времени был объединен в двух компаниях — «Тайдуотер ойл компани» и «Скелли ойл компани». Обе они занимаются добычей и очисткой нефти, производством и продажей нефтепродуктов, а также их транспортировкой. Поле деятельности «Скелли ойл» — юг, юго-запад США — экономические районы, являющиеся бастионами новых экономических групп. Эти группы конкурируют с Уолл-стритом и, в частности, с Рокфеллерами.

Что же касается «Тайдуотер ойл», то, действуя преимущественно в этих районах, она вместе с тем осуществляла проникновение в нефтепромышленность Латинской Америки, в частности в Гватемалу, Парагвай, а также в нарождающуюся нефтяную промышленность Пакистана.

Не желая зависеть от конкурирующих фирм, в начале 60-х годов Гетти решился на значительную трату. Выложив несколько десятков миллионов, он стал владельцем крупнейшего в капиталистическом мире и наиболее современного по своему оборудованию нефтеочистительного завода, перерабатывающего сырую нефть и производящего все виды нефтепродуктов.

Тем же стремлением к полной деловой независимости объяс-

няется широкая программа строительства собственного танкерного флота, осуществлением которой воротила занят в настоящее время. Таким образом, в руках Гетти будет весь комплекс — от добычи сырой нефти до ее переработки и доставки в десятки стран, с которыми нефтепромышленник ведет дела.

Внимательный читатель, возможно, обратил внимание на то обстоятельство, что, говоря о «Гетти ойл» и «Тайдуотер ойл», я употребляю слова в прошедшем времени — «осуществляла», «находилась» и т. д. Нет, эти компании не обанкротились. Их не постигла судьба тысяч фирм-мотыльков, компаний-однодневок, радужными пузырями, иногда даже немалых размеров, проплывающих по небосводу американского бизнеса, а затем лопающихся, разорив не в меру доверчивых акционеров.

Думается, что Полю Гетти такое пока не угрожает. Он ухитрился прочно уцепиться, обрести определенную стабильность, отбить ожесточенные атаки могущественных конкурентов, немало сделавших, чтобы от него избавиться. Дело в другом: в очередном маневре воротилы, немало озадачившем его коллег и конкурентов.

Произошло это осенью 1967 года. Во всех деловых клубах Америки только и было разговоров, что о новой затее Поля Гетти. Одни считали, что Гетти сделал опрометчивый ход, который может ему дорого обойтись; другие утверждали, что это ход конем, который вознесет оборотистого дельца на новую высоту.

Что же взбудоражило бизнесменов? Стало известно, что две крупнейшие нефтяные компании, входящие в орбиту Гетти, — «Тайдуотер ойл» и «Гетти ойл», «хитрый лис», как иногда называют коллеги Гетти, вкладывая в это и почтительность к удачливому предпринимателю, и зависть к конкуренту, решил объединить в одну гигантскую сверхкомпанию.

Я разговорился в те дни на эту тему с одним завсегдатаем уолл-стритской биржи, который, по его словам, знает в нефтяном бизнесе не только что было и есть, но что будет и чего не будет. «Поверьте мне, — убеждал меня мой случайный собеседник, — я слежу за нефтяным бизнесом Гетти с 1903 года, когда старый Гетти совершал еще первые шаги. Я знаю Поля как облупленного. И уверяю вас, что никогда он не делал ничего просто так».

Разговор происходил в баре маленького ресторанчика на одной из узких улочек, прилегающих к Уолл-стриту. Сюда после делового дня собираются средней руки банковские клерки для того, чтобы перевести дух и посудачить. Измученный изнуряющей жарой, помноженной на духоту и лихорадочный ажиотаж биржи, я, зайдя в первый попавшийся ресторанчик, чтобы промочить горло бокалом пива, очутился за стойкой рядом с этим невысоким юрким

старичком с набрякшими под глазами мешками. В руках у него был стакан неразбавленного виски со льдом. Судя по неестественному блеску глаз и несколько закостеневшему языку, мой собеседник находился здесь довольно долго. И стаканчик, который он держал в руке, был явно не первый. Быть может, именно поэтому он был так откровенен. Впрочем, откровенность такого рода бывает иногда между незнакомыми собеседниками.

Из разговора я узнал, что мой случайный знакомый провел бурную жизнь. Знавал он дни успехов, когда имел в руках довольно внушительные суммы, всю жизнь гнался за призраком золотого тельца. И, как бывает с большинством из ловцов миражей, охотников за неверным предпринимательским счастьем в Америке, потерял все деньги и вынужден доживать свой век на службе у чужого богатства.

— Моя ошибка, — откровенничал он, — заключается в том, что я пытался делать деньги в самом неверном бизнесе из всех — нефтяном. Я давно понял это, но не мог сменить бизнес, потому что именно здесь хотя и больше риска, но зато больше возможностей взять наибольший приз. Мне не хотелось довольствоваться малым. В результате у меня сейчас нет ничего.

По морщинистой щеке старика скатилась пьяная мутная слеза.

— Но я еще не конченный человек, — пылко стал уверять он. — Я знаю столько обо всех этих парнях, с которыми мы вместе начинали и которые сейчас делают вид, что видят меня в первый раз, что им придется выложить денежки. Иначе то, что знаю я, узнают и другие. Они еще меня вспомнят. Я заставлю их раскошелиться.

Признаться, мне начинало уже надоедать пьяное бормотание старикашки, его бессильные угрозы, но он, отвлекшись от собственных злосчастий, опять заговорил о Гетти. И стало ясно, что это не просто пьяное хвастовство. Мой собеседник действительно помнил и знал многое. С удивившей меня точностью он говорил о цифрах доходов своего удачливого сподвижника, с чисто американской скрупулезностью перечислил названия десятков компаний и фирм, связанных с компаниями Гетти, называл страны, где вложены геттиевские капиталы. Было очевидно, что случай свел меня действительно с человеком, который знает, о чем говорит.

— Здесь судачат, — продолжал старик, — о последней сделке Поля. Говорят, что ему изменила осторожность и он, объединив две крупнейшие компании, выпустил из бутылки джинна. Дескать, ему не под силу одному контролировать гигантские масштабы новой компании.

Уверяю вас, «лис» хорошо знает, что он делает. Ему ведь тоже приходится нелегко. Пока он был второразрядным дельцом,

боссы нефтяной промышленности не очень-то принимали его всерьез, отмахиваясь от него как от дерзкой, назойливой мухи. Но после того как Гетти перехватил из-под носа Рокфеллеров и Меллонов огромный куш на Ближнем Востоке, его стали опасаться даже самые сильные.

Поверьте мне, это не облегчило его жизнь. С Рокфеллерами шутки плохи. Это говорю вам я. Мне это вышло боком, они превратили меня в ничтожество. Конечно, с Полем так легко, как со мной, сейчас не совладать. Но ему ясно, что устоять в борьбе с гигантами он сможет только в том случае, если сам будет возможно бóльшим. То, что он предпринял сейчас, это не прихоть, не желание. Это его единственный шанс выжить.

Думается, мой случайный собеседник был прав. С того времени, как нефтяной бизнес Поля Гетти приобрел теперешний размах, ему приходится вести ожесточенную борьбу со своими могущественными конкурентами. Комментируя свои последние деловые операции, Гетти всячески подчеркивал, что не интересуется только размерами ради размеров. Он стремился дать понять, что речь идет о продуманной операции.

Правда, о главном он говорил весьма туманно. В беседе с журналистами Гетти аргументировал решение соображениями более целесообразной организации управления своим бизнесом.

— Существуют серьезные деловые причины, продиктовавшие мне этот шаг. Объединение упрощает структуру бизнеса и операций. Новая организация более экономична. Теперь мы будем осуществлять одну операцию там, где раньше производили две. Теперь существует лишь один штат директоров и служащих, имеется вместо двух одна бухгалтерия.

Слов нет, одна бухгалтерия вместо двух — вещь неплохая. Но в данном случае дело не в этом. Да и сам Гетти в том же интервью как бы ненароком обронил: теперь компания стала больше, а следовательно, сильнее, ради этого можно пойти на известные неудобства. И, как бы совсем ставя точку над «и», воротила объясняет, почему это объединение понадобилось ему не позже и не раньше, а осенью 1967 года.

— Я думаю, — проговаривается он, — что слияние моих компаний значительно усилит мои позиции в восточном полушарии.

Вот именно. Здесь-то, как говорится, и зарыта собака. Стоит сопоставить эту ненароком оброненную фразу о причинах серьезной реорганизации и время, когда Гетти это осуществил, чтобы многое стало на свои места: нагляднее стали методы пронырливого дельца, только и думающего, как бы прибрать к рукам то, что, по его мнению, плохо лежит.

Израильская агрессия против арабских стран летом 1967 года, за которой, несомненно, стояли Рокфеллеры и Меллоны, неожиданно для последних обернулась против них. Затевая свою игру, они рассчитывали сбросить прогрессивные режимы в некоторых арабских государствах и тем самым укрепить свои позиции в этом районе, дорваться до новых нефтяных источников. На поверку дело обернулось иначе. Не добившись свержения независимых правительств и замены их своими марионетками, Рокфеллеры накликали гнев арабских народов. Их нефтяные позиции оказались под угрозой, поток ближневосточной нефти заметно сократился, вызвав ликование техасских конкурентов Рокфеллеров и Меллонов.

Гетти не был бы Гетти, если бы в такой момент он не попытался погреть руки. Его, конечно, нимало не волновали судьбы арабских народов. Он думал лишь о том, чтобы воспользоваться трудностями конкурентов, и предпринял для этого свои меры. Вот откуда разговоры об «усилении позиций в восточном полушарии», вот почему он засуетился со своей реорганизацией именно осенью 1967 года.

Не случайно, аргументируя свои действия, Гетти пользуется сравнением их с осуществлением военных операций. Не деловых, а именно военных. На Ближнем Востоке идет война, и делец разыгрывает из себя генерала. Развалившись в кресле, он выпячивает грудь:

— Искусство бизнеса имеет много общего с искусством генерала. Я считаю, что в бизнесе следует руководствоваться военной историей. Кампанию и стратегию нужно заранее разрабатывать. Наполеон потерпел поражение, потому что никогда не мог отличить возможное от невозможного, — звучит излюбленное рассуждение дельца. — Безграничные просторы России расстроили его планы. Если перед вами маленькая страна, ее можно пройти в десять бросков. В России десять бросков ничего не значат. Он вынужден был сделать сотню бросков, далеко ушел от своих баз и проиграл. В бизнесе то же самое. Не следует продвигаться нерасчетливо быстро. Уверяю вас, что в отличие от Наполеона я умею отличать возможное от невозможного. Мои продвижения рассчитаны. Поэтому меня не ждет неудача.

Вот так. Ни больше ни меньше!

Не исключено, что за всеми этими громкими речениями лежит определенный расчет. Надо отдать справедливость Гетти, он бывалый игрок и неплохой психолог. Успех в некоторых его предприятиях сопутствовал ему не в последнюю очередь из-за того, что он всегда учитывал психологический фактор. Гетти хорошо знает, что доверие к предприятию тоже капитал. Демон-

стрируя свою уверенность, высмеивая сомневающихся, он стремится при помощи такой психологической обработки убедить всех в прочности своих позиций.

Но дело не только в психологии. Имеется здесь и определенная деловая философия, в области которой Гетти большой мастак. Говоря как-то о своих взглядах на бизнес, он выразился следующим образом: «Некоторые считают, что хороший бизнес требует вложения денег в различные предприятия. Чем больше предприятий, тем лучше. Выгоднее иметь один процент в восьмидесяти компаниях, нежели восемьдесят процентов в одной. Конечно, если ваши деньги вложены в компанию, обладающую одним деревом, на которое смотрят за плату, лучше их вложить еще куда-нибудь, потому что сильный ветер может однажды повалить дерево и ваш бизнес развеет ветер. Но если речь идет о крупной компании, то я бы предпочел одному проценту в восьмидесяти компаниях восемьдесят процентов в одной».

Так он и поступает. Речь в данном случае идет не об отвлеченных рассуждениях склонного пофилософствовать за послеобеденной рюмкой коньяку самодовольного баловня фортуны, а о взглядах предпринимателя, на собственном опыте познавшего волчьи законы американского бизнеса, видевшего, как сотни его сподвижников разорялись и уходили в деловое небытие под ударами грозных и могущественных конкурентов. Одним из главных выводов, который почерпнул Гетти из своего делового опыта, является вывод о том, что для того, чтобы выжить в американском бизнесе, «надо быть большим».

«Надо быть большим». Эту фразу часто можно слышать от Поля Гетти. Не просто так, не ради величины самой по себе, а для того, чтобы выжить. Он согласен с тем, что созданная им гигантская корпорация ставит трудные задачи, ибо управлять многообразным, многоплановым, раскинувшим свои щупальца в шестидесяти странах бизнесом — дело трудное.

«Впрочем, — успокаивает себя Гетти, — все зависит от организации. Я могу позволить себе нанять десятки, сотни, а если потребуется, и несколько сот наилучших управляющих. Они сделают все, что необходимо».

Управляющие, или, как их в Америке называют, менеджеры, работают на Гетти точно так же, как на всех других воротил. Впрочем, не вполне так же. Многие из геттиевских соседей по деловому Олимпу давно уже не руководят своими огромными промышленными и финансовыми империями. Кто знает сегодня, скажем, Морганов — членов семейства, контролирующего самую большую в мире промышленно-финансовую империю? Почти никто. Безликие и безвольные наследники старого «Корсара» — Джона Пирпон-

та Моргана давно уже превратились в рантье, живущих на проценты со своих огромных капиталов, легковесных прожигателей жизни, передоверивших ведение огромного бизнеса наемным управляющим. Пожалуй, большинство носителей громких фамилий американских миллиардеров мало что смыслят в деле, приносящем им миллионы.

Поль Гетти не таков. Представитель новой формации американского бизнеса, он твердо убежден в том, что он и только он может руководить своими компаниями. «Я думаю, — говорит он, — что человек ведет собственную машину более внимательно, чем взятую напрокат».

Служащий — это служащий, даже и самый квалифицированный. А хозяин — это хозяин, в этом Гетти убежден твердо.

— Игрока в теннис, — философствует он, — судят по количеству выигранных им партий. Если он никогда не выигрывал, можете себе представить, что он за игрок. Если человек называет себя бизнесменом — справедливо посмотреть на его счет в банке. Необходимо разобраться в том, что он сделает в бизнесе как индивид, а не как служащий. Хороший служащий максимум что может — это поддерживать заданный темп. Можно поручить служащему работу, ему невозможно передать ответственность, азарт, право на риск.

Делать ставку, выигрывать или проигрывать могу лишь я, — продолжает нефтяной король. — Ни один из моих служащих не мог бы рисковать так, как рисковал я тогда с кувейтской нефтью. Это уже не квалификация. Здесь ничего не скалькулируешь. Это везенье. Нападешь на нефть — разбогатеешь, нет — разоришься. Поставить и выиграть — для этого надо быть гением либо родиться с серебряной ложкой во рту. Я выиграл.

Чего ради!

Гетти называют волком-одиночкой. Недоверчивость и неуемное властолюбие — характерные черты этого стареющего воротилы. Он никому не доверяет. Даже собственным сыновьям, которых у него четверо. Бизнес есть бизнес, исповедует он, и родственные чувства здесь ни при чем. Так он думал, когда совершал финансовые сделки с отцом. Так действовал, когда брал за глотку собственную мать, ведя с ней финансовую войну по всем правилам американского бизнеса.

Так думает и теперь. «Нежный папаша» не видит сыновей годами. Он с ними не общается, он с ними сотрудничает. Гетти-младшие — служащие его компаний, действующих в США. Папа

ими доволен. По его словам, «они оказались хорошими работниками».

Говорят, чужая душа — потемки. Трудно постигнуть чувства, понять мысли другого человека чуждого мира, особенно если он Поль Гетти. Быть может, сформулированная им самим основа его отношений с собственными сыновьями может послужить каким-то ключом к этим душевным потемкам. «Я был уверен, — говорит в своей автобиографической книжке «Моя жизнь и состояние» Поль Гетти, — что мои сыновья будут хорошо работать, ибо они потратили много сил и времени, а я денег на освоение этой работы. И если бы они не оказались хорошими работниками, они бы не находились сейчас там, где находятся. В конечном счете совместная работа в деловом предприятии является почти тем же самым, что и пребывание в одной футбольной команде. Не имеет никакого значения то, чьи они сыновья или с кем они связаны; важно одно: чтобы они были хорошими игроками. И мне кажется, что мои сыновья — хорошие игроки».

Что касается футбольной команды, то все сказанное престарелым миллиардером, безусловно, правильно, как, впрочем, справедливо и то, что недостаточно усердный работник на ответственном посту в деловом предприятии — обстоятельство, нежелательное для его хозяев. Но каким холодом, какой душевной черствостью веет от этих слов дельца, которому бухгалтерские книги заменяют семью, цифры убытков и прибылей — человеческие чувства, а биржевые котировки — извечные людские радости и привязанности.

Впрочем, в самое последнее время в этом смысле кое-что начало меняться. Нет, Поль Гетти не воспылал внезапными родительскими чувствами, не умилился, увидев трогательных младенцев — своих внуков. Он перестал быть бы самим собой, проявив такие чувства. Их у него нет. Зато есть расчет. Он и подсказывает целесообразность некоторого сближения с собственными сыновьями.

— Черт побери, в конце концов, — рассуждает Гетти, — должна же быть какая-то разница между просто менеджерами и менеджерами, носящими фамилию Гетти. В итоге хотя они того и не стоят, но все отойдет им.

Одним словом, в конце 1967 года за океан полетела депеша, которая гласила, что старший из сыновей Гетти — 44-летний Джордж в только что объединенной компании получает портфель исполнительного вице-президента и в этом качестве ему надлежит немедленно, покинув все дела, направиться на Ближний Восток. Поскольку там стреляют, быть может, удастся в суматохе и неразберихе что-нибудь урвать. Но поскольку опять же там стре-

ляют и, что называется, не ровен час... то старший Гетти предпочитает быть подальше, обретаясь где-нибудь в европейском ночном клубе, а Гетти-младший пускай урывает. В начале 1968 года Джордж Гетти появился на Ближнем Востоке...

Кстати, почему именно Джордж? Почему не кто-либо из остальных сыночков? Не берусь судить определенно, но, наверное, какие-то черты его характера показали главе фирмы, что на Джорджа не страшно положиться. Каковы эти черты можно лишь догадываться по некоторым фактам, доносящимся, из-за наглухо закрытых дверей пышного и безвкусного особняка в Лос-Анджелесе, в котором обитает Джордж Гетти.

Некоторое время назад великосветское общество Лос-Анджелеса было взволновано до чрезвычайности. Некогда красивая, но безвременно увядшая 36-летняя Глория Гетти, жена Джорджа, подала в суд прошение о разводе. Развод с наследником миллиардного состояния — такое в Америке встречается не часто.

Если бы иск учинил Джордж Гетти — никто бы не удивился. Скандальные бракоразводные процессы папаши Гетти, его селадонские похождения, описания которых не выдерживает бумага даже долготерпеливой американской прессы, приучили публику к сообщениям об очередном разводе в семействе Гетти. Но на сей раз инициатором развода была Глория Гетти. Интерес публики был подогрет до чрезвычайности. Целый рой репортеров зажужжал вокруг необычного скандала. То, что было выяснено пронырливыми репортерами судебной хроники, долго служило темой разговоров. Ходатайствуя о разводе, Глория Гетти заявила, что она вынуждена это сделать... ввиду безмерной жестокости своего мужа.

Можно представить себе ад, окружавший женщину в ее пышно раззолоченной клетке, если она решилась бросить детей, виллы, яхты, лишь бы быть подальше от вылощенного, безукоризненно одетого, с безупречными манерами Джорджа Гетти, слывущего столпом американского высшего общества.

Нам неизвестно доподлинно, что изволил сказать по этому поводу папаша Гетти. Зато мы знаем достоверно, что он сделал. Не успели еще пожелтеть газетные листы с сообщениями о скандальном бракоразводном процессе Джорджа Гетти, как он был приближен к главе семейства. Мистер Миллиард и здесь оказался верен себе.

Поль Гетти — молодой и злобный волк, это для капиталистического мира явление в общем заурядное. Но приближающийся к порогу жизни старец, так и не узнавший естественных и необходимых человеку радостей и привязанностей, обходящийся без родины, без близких, без семьи, исступленно громоздящий один

миллион на другой — не для себя: сколько может съесть или напялить на себя один человек, не для детей — он от них далек, не для внуков — он их никогда не видел, — это зрелище страшное, противоестественное.

Когда сталкиваешься с таким явлением, ибо Поль Гетти — это уже не столько человек, сколько явление, то невольно задаешься вопросом: чего ради он действует, что любит, чего хочет, к чему стремится?

В тот памятный вечер я попытался выяснить это у самого Гетти. И Гетти заговорил... об искусстве. Он с увлечением рассказывал о своих коллекциях, в которых действительно есть шедевры мирового значения. В его доме в Калифорнии — собрание, в котором Рембрандт, Тинторетто, Веронезе, много картин Гейнсборо, одна из лучших в мире коллекция французской мебели и ковров XVIII века, мрамор Древней Греции и Древнего Рима.

После того как Гетти поселился в Англии, в его новом доме появилась вторая коллекция, которой тоже нет цены. Не скрывая самодовольства, миллиардер сказал: «У меня есть замечательные вещи. Прекрасное собрание картин. Часть из моего собрания я предоставил сейчас на время лондонской Национальной галерее. Среди полотен, которые я им одолжил, находится автопортрет Паоло Веронезе в полный рост, большое полотно Рубенса «Возвращение с охоты». Уже несколько месяцев в этом музее выставлена принадлежащая мне картина Рембрандта «Портрет мужчины», написанная им в 1661 году. У меня есть много работ импрессионистов. Недавно я приобрел замечательную коллекцию персидских ковров XVI века».

Гетти действительно знаток и тонкий ценитель искусства. Те произведения из его коллекции, которые мне довелось видеть, свидетельствуют об этом с несомненностью. В скольких богатых домах Америки вы можете увидеть модную модернистскую пачкотню.

Дело не только в том, что старомодный Рембрандт ценится меценатами все-таки дороже ультрасовременного поп-арта. Дело во вкусе, если хотите, культурном уровне. В кабинете Джона Рокфеллера в богатой раме висит нечто, что можно повесить и так и этак — и ногами вверх, и боком, и наискосок. Его эстетический вкус тому не препятствует.

Гетти за мини- или макси-модой не гоняется. В его собраниях вы не встретите ничего, что было бы данью преходящей моде. Все в них самой высокой пробы.

Нефтепромышленник не только покупает картины и статуи. Он о них пишет. Несколько лет назад вышла его книжка «Выбор коллекционера». В ней Гетти описал предпринятое им еще до вой-

ны путешествие по Европе с целью пополнения своих коллекций. В этой книжке немалая эрудиция, подчас меткие и тонкие замечания и суждения.

Но чем больше вчитываешься в эту книжку, знакомишься с собранием произведений искусства, принадлежащих Гетти, тем больше ощущаешь нечто такое, что не имеет никакого отношения к искусству, к той радости, которую дарит общение с проявлением человеческого духа, с тем высоким, что в искусстве заключено.

В первый раз эта мысль пришла мне в голову, когда я смотрел замечательные картины его американской коллекции. Как можно, подумалось мне, спрятать эти сокровища не только от людей, но и от самого себя, держать их здесь, в этих затемненных залах, отказавшись от радости общения с ними? Ведь Гетти не был здесь уже много лет, вполне удовлетворившись сознанием, что эти бесценные творения гениев — его собственность.

Рассматривая как-то богато изданный «Выбор коллекционера», я внезапно обратил внимание на дату того знаменательного путешествия в Европу в поисках произведений искусства, которое описывается в этой книге, — 1939 год. В период «странной войны» в затемненных городах — старинных очагах европейской культуры — появился холеный, под защитой американского паспорта делец с улыбкой, которую иногда называют волчьей, и чековой книжкой.

Пусть читатель мысленно представит Европу тех дней. Уже грохотали пушки, а это, как известно, время, когда «музы молчат». Преданные своими продажными правителями, жители многих европейских городов со дня на день ожидали вторжения иноземных орд. Рухнул привычный уклад жизни. Сместились все представления о ценностях: бак с бензином, ящик консервов, а тем более пачка зеленых долларовых бумажек для многих перепуганных буржуа стоили тогда дороже кусков потрескавшегося мрамора или громоздких полотен, которые не спрячешь от бомбежки, не унесешь в кармане. И за океан переправляются десятки ящиков с картинами, старинной бронзой, гобеленами, коврами. Как провести здесь грань между любовью к искусству и беспредельным цинизмом, страстью коллекционера и примитивным мародерством?

Еще деталь. Осматривающему коллекцию картин Гетти в том собрании, которое хранится в его американском доме, бросается в глаза особое пристрастие хозяина коллекции к замечательному англичанину Гейнсборо. Это, пожалуй, одно из наиболее обширных собраний великого художника. Сначала думаешь, что этот изысканный, парадно-пышный живописец чем-то особенно близок и дорог собирателю. Но все поясняет хранитель коллекции. Он говорит, что цены на произведения этого художника особенно взлетели в последние десятилетия. Тогда же, когда их покупал Гетти,

они не пользовались особой популярностью у коллекционеров, цена их была намного меньше. Вот вам и секрет лучшей коллекции картин Гейнсборо — она приобретена по случаю, как подержанный пиджак, в подкладке которого впоследствии находят банковский билет в миллион долларов. Дело не столько в тонком вкусе ценителя и не в изысканном сочетании серовато-серебристых тонов и гейнсборовском совершенстве линий, дело все в тех же долларах.

Биограф миллиардера Рис, не пожалевший в его жизнеописании медовых красок, вынужден тем не менее констатировать: «Гетти начал заниматься нефтяным бизнесом потому, что он является рентабельным, и потому, что, по его собственным словам, это «хороший бизнес». Он покупает картины потому, что они прекрасны, но также и потому, что они представляют собой хорошее капиталовложение».

Словно бы испугавшись такой откровенности, автор, очевидно, хорошо оплаченного панегирика тут же пускается в сомнительного характера философические рассуждения.

«Иногда даже возникает вопрос, — размазывает он, — не существует ли для г-на Гетти какая-то предопределенная гармония в разных жизненных сферах, в силу чего его понятия Добра, Красоты и Выгоды становятся равнозначными и взаимозаменяемыми».

Вряд ли, однако, эти софистские костыли способны подпереть образ «бескорыстного и возвышенного ценителя искусств». Воистину темна душа человека, для которого понятия добра и выгоды, выгоды и красоты взаимозаменяемы!

Итак, при ближайшем рассмотрении оказывается, что Поль Гетти не такой уж бескорыстный служитель искусства. Он делает бизнес не для того, чтобы покупать картины. Он покупает картины, чтобы лучше делать бизнес, надежнее поместить свои капиталы, превращая искусство в бизнес. «Гетти ойл» может лопнуть, а Рембрандт останется Рембрандтом, и миллионы, вложенные в бесценные коллекции, — это хорошая страховка делового человека на случай обстоятельств непредвиденных.

Было бы упрощенным и примитивным утверждение, что единственно, чем движим коллекционер, — это барышничество. Гетти не вульгарный «мещанин во дворянстве», жадно скупающий что ни попадет под руку, — было бы выгодно. Все значительно сложнее. Он отнюдь не примитив — налицо и знание предмета, и, если хотите, известная утонченность, даже изысканность. Занимаясь нефтяным бизнесом, Гетти хорошо изучил технологию добычи и обработки нефти. Он неплохо разбирается в сложных финансовых проблемах. Для руководства современным бизнесом нуж-

ны знания, и Поль Гетти, не доверяющий руководства своими компаниями наемным специалистам, опирается не только на свои способности, которые, несомненно, незаурядны. Он хорошо изучил дело. Но ни его способности, ни знания не дали бы ему в обществе, в котором он действует, вскарабкаться на вершину богатства — способных и знающих немало, — если бы он не выработал в себе совершенно особых специфических качеств, которые даже его добродетели сделали пороками.

То же и с искусством, с коллекционированием. Гетти много видел, много знает, выработал собственный взгляд на вещи. Он, безусловно, специалист и ценитель. Но и здесь то, что, казалось бы, должно писаться со знаком плюс, идет под жирным минусом. Есть что-то глубоко отвратительное, абсолютно несовместимое с самой сутью искусства в этом холодном знании коммерсанта. Как от «поверки алгеброй гармонии», искусство не выдерживает прикосновения торгаша, становясь в его руках, независимо от его воли и желания, трупом.

Нет, не искусства ради действует этот черствый человек и холодно-расчетливый делец, не красоты для копит свои богатства. Для чего же?

...Несколько лет назад в отделах светской хроники английских газет были опубликованы пространные отчеты о званом обеде и вечере, на котором присутствовали сливки английского общества, а также специально прибывшие с этой целью итальянские графы и банкиры из Сан-Франциско, отпрыски испанского королевского дома и хозяева крупнейших промышленных концернов Европы, обладатели несметных состояний и даже один индийский раджа. Прием происходил в двадцати милях от Лондона, в старинном замке. Попав в этот замок, я был поражен его красотой. Этот уникальный памятник английской архитектуры XVI века в течение нескольких столетий был родовым гнездом герцогов Свазерлендских.

С потемневших от времени портретов представители многих и многих поколений древнего рода взирали на отнюдь не рыцарского вида субтильного старика, расположившегося в огромных готических залах замка. Поль Гетти, приобретя родовое имение герцогов Свазерлендских, давал прием в ознаменование новоселья. С томным кокетством американский толстосум, выставивший с помощью долларов обедневших английских герцогов из отчего дома, выложивший только на модернизацию — установку драгоценных ванн, аппаратов искусственного климата, бассейнов для плавания и прочего — около трех миллионов, объяснял гостям, что он устал от шума городской жизни и потому решил поселиться в сельской местности. И вообще пора заиметь пристанище

одинокому человеку, сетовал бедняжка Гетти. Нельзя же всю жизнь скитаться по гостиницам, это неуютно, да и накладно: приходится снимать дорогие номера в дорогих отелях — деньги так и текут. И экономный миллиардер показывал гостям свое новое жилище — смесь благородной седой старины с наисовременнейшим комфортом.

По подсчетам репортеров светской хроники, лишь этот вечер обошелся хозяину в несколько десятков тысяч долларов. Вино лилось рекой в буквальном смысле. Струи шампанского били из нескольких фонтанов, кушанья подавались на золотой посуде. Перепившиеся денежные тузы и отпрыски аристократических родов учинили подлинный дебош. Охмелевшие великосветские шалуны едва не утопили в мраморном бассейне фоторепортера, пожелавшего увековечить этот раут. Насмерть перепуганного, потерявшего всю аппаратуру, насквозь промокшего, его отняли у расходившихся гостей и вытащили из бассейна дюжие служители. Газеты сообщали, что в течение нескольких дней парк и лужайки, примыкающие к замку и напоминавшие после приема поле сражения, приводились в порядок, очищались от обломков, осколков и иных следов великосветского кутежа.

И все-таки читатель поспешит, если сделает вывод, что страсть к прожиганию жизни является пружиной, движущей Гетти, толкающей его к заграбастыванию все новых миллионов. Во-первых, тех богатств, которые у него уже есть, более чем достаточно для самых отчаянных кутежей и беспросыпного пьянства не одному, а тысяче кутил и прожигателей жизни на добрых несколько десятков, если не сотню, лет. А во-вторых, Поль Гетти отнюдь не бесшабашный кутила и далеко не прожигатель жизни.

Общество, в котором он живет, круг, в котором вращается, требуют время от времени широких жестов в виде пышных приемов. И Гетти идет на это, но скрепя сердце. Представитель фирмы, осуществлявшей по заказу Гетти модернизацию Свазерлендского замка и подготовку к описанному выше приему, рассказывал впоследствии представителям прессы с нескрываемой ошарашенностью о том, как миллиардер выматывал из него все *жилы*, самолично проверяя и перепроверяя счета на покупку килограмма гвоздей или мотка проволоки для прикрепления картин. Флегматичный метрдотель был доведен хозяином замка буквально до слез, когда не смог найти счета на несколько банок майонеза и коробку лаврового листа.

О скаредности Поля Гетти, доходящей до анекдота, рассказывают все его знающие. Впрочем, судите сами — в огромном Свазерлендском замке имеется лишь один телефон обычного образца. Он установлен в личном кабинете хозяина, куда ход всем

посторонним, в том числе и его гостям, строго заказан. Посетители этого дома, желающие позвонить по телефону, имеют возможность воспользоваться несколькими десятками телефонов-автоматов, установленных во всех помещениях дворца. Я предвижу недоверчивые улыбки читателя. Нормальному человеку трудно поверить в то, что обладатель миллиардного состояния собирает с им же самим приглашенных к себе в дом гостей центы и пенсы в копилки таксофонов.

И тем не менее это факт. Так же, как фактом является то, что большая часть деловой корреспонденции Поля Гетти пишется в целях экономии собственноручно на обратной стороне и на полях писем, полученных им от клиентов. Имя Гетти не связано ни с одним благотворительным мероприятием, столь модным среди миллиардеров, любящих отводить глаза широкой публике.

А вот еще один образчик геттиевского патологического скупердяйства, но уже, если можно так выразиться, теоретического свойства. Весной 1967 года Гетти выступил на страницах английской печати с большой статьей. Не думайте, что она содержала соображения относительно нефтяного бизнеса, тонкостей финансовой механики или иных предметов, имеющих отношение к большому бизнесу. Ничего подобного. Статья содержала рекомендации на тему о том, как можно сэкономить несколько долларов на эксплуатации автомобиля. «Ни один из владельцев автомобиля, — поучает автор статьи, — не имеет права не думать о себестоимости своих поездок».

Дальше — больше. Экономный миллиардер предлагает читателю плоды своих длительных раздумий и расчетов. «Одна неисправная свеча зажигания, — говорится в этом бесподобном образчике геттиевского журнализма, — обходится владельцу в течение года в 36 долларов 40 центов в виде перерасходованного бензина. Загрязненный фильтр двигателя в течение того же периода наносит автовладельцу убыток примерно в 18 долларов, неисправные кольца поршней — еще 12 долларов». Особенно миллиардер обеспокоен неправильной установкой зажигания. Шутка ли, эта ужасная ошибка может унести за год из кармана легкомысленного обладателя машины целых 4 доллара. Вот ужас-то!

От всех этих грусть наводящих подсчетов Гетти обращается к рекомендациям. По его мнению, не резкое, а плавное торможение дает возможность на каждый галлон бензина проехать большее количество миль, аккуратное подруливание к тротуару экономит покрышки. «Не забывайте, что внимательное, аккуратное и нежное ваше отношение к автомобилю, включая мойку, обслуживание, полировку и так далее, обеспечивает более длительный срок службы

автомобиля и при продаже — максимум его цены, хотя бы и подержанного».

Обратите внимание на слово «нежность», употребленное миллиардером по отношению к вещи. Оно обронено не случайно. Среди его многочисленных писаний — а я прочитал сотни страниц, вышедших из-под его пера, — это единственный случай, когда Гетти сентиментален. Сравните это хотя бы с приведенным выше его рассуждением о взаимоотношениях с сыновьями! И этот единственный случай имеет место, когда речь заходит о материальной ценности, о вещи. Это уже не просто вещь — в данном случае автомобиль. Это вещь-символ, вещь-ценность, вещь-культ. Единственный культ, которому всю жизнь поклонялся и поклоняется Жан Поль Гетти.

Казалось бы, что плохого в советах разумно эксплуатировать автомобиль. Но вдумайтесь в это. Миллиардер, ворочающий огромными суммами, кстати, владеющий не одним, не пятью, а целым парком автомобилей, поглощенный своими крупного масштаба финансовыми операциями, находит время и, главное, желание для того, чтобы поделиться соображениями на тему грошовой экономии.

Нет, не альтруизм, не забота о ближнем движет в данном случае миллиардером. Это симптом заболевания. Стоит только Гетти наткнуться на тему о том, где можно сэкономить грош, и его уже не остановишь. Нечто, быть может вначале и неплохое, доводится до абсурда, приобретает характер патологический. К Полю Гетти особенно относится мысль о том, что человеческие недостатки суть продолжение хороших качеств. С тем уточнением, что все или почти все хорошие качества, заложенные в этого субъекта матушкой природой, в данном случае в силу ряда обстоятельств доведенные до абсурда, обернулись своей противоположностью. Он человек по-своему цельный, обуреваемый страстями всепоглощающими. Геттиевская скупость — это качество, доведенное до совершенства, химически чистое, свободное от всех посторонних примесей, вроде оглядки на то, «что люди скажут», какой-либо стыдливости и ханжеских вздохов о благе ближнего.

Скаредность Гетти такова, что люди, общающиеся с ним, иногда задают вопрос: полноте, да в своем ли он уме?

Совместимые несовместимости

В своем. Его ум работает четко и безотказно, распутывая сложнейшие хитросплетения деловой конъюнктуры. Он самостоятельно и единолично руководит большим и очень сложным бизнесом, ни-

где не обнаруживая пока что ни признаков склеротического ослабления умственной деятельности, ни отклонений своей психики. Скаредность титанических масштабов, не менее всепоглощающая, чем у пушкинского Скупого, — это вторая натура Поля Гетти.

...Надо было слышать, как потускнел голос Гетти, спало все его оживление, с которым он только что рассказывал о недавно приобретенных шедеврах живописи за несколько миллионов долларов, когда я его спросил, знает ли он, в каких нечеловеческих условиях живут и трудятся арабы — рабочие на его нефтяных приисках.

— О-о, да, да, — торопливо забормотал он. — Конечно, я стараюсь исправить их тяжелое положение. Я только жду время, чтобы исправить их жизнь. Необходимо сделать что-нибудь для моих рабочих. И я, конечно, думаю о моих рабочих и хочу сделать все возможное для них... Поверьте мне... Но я считаю себя тоже рабочим человеком. Я тоже тружусь. Каждый день по пятнадцать часов в сутки. Разве это мало? Вы понимаете меня?

Мы понимаем. Понимаем, что Гетти, загребая миллионы в поте лица, по многу часов проводит в своем огромном и неуютном кабинете, заставленном ящиками с кока-колой, заваленном сводками биржевых котировок, цен на нефть, договорами, каталогами картинных галерей, аукционов и распродаж.

Но мы также понимаем разницу между гнущим по пятнадцать часов в сутки спину под палящими лучами африканского солнца на нефтяных промыслах рабочим-арабом и получающим за этот поистине каторжный труд гроши, которых как раз хватает на то, чтобы не умереть с голоду, и Полем Гетти, который изнемогает в своем Свазерлендском замке по пятнадцать часов в день, подсчитывая тщательно десятки тысяч долларов дохода, получаемых им ежечасно.

Нечто не возникает из ничего. И если в почтительном окружении ливрейных лакеев, за столом, противоположный конец которого теряется в сумраке огромного зала и который сервирован драгоценной посудой из старинного фарфора, золота и серебра, восседает за трапезой сутулый старик, то это лишь часть картины. Другая и главная ее часть, без которой мы видим не объемное изображение, а лишь схему, остается в тени.

В тот самый момент, когда миллиардер в полном одиночестве вяло перетирает вставными зубами чудеса кулинарного искусства, тысячи таких же, как он, людей, вернувшись в свои лачуги после бесконечно длинного рабочего дня в зное и пыли, давятся сухой фасолевой лепешкой, запивая ее тепловатой, с привкусом керосина водой.

Их не окружают стены, увешанные произведениями гениев, и зо-

лотая утварь работы Бенвенуто Челлини. Наспех сколоченные из фанеры и листов гофрированной жести, не защищающие ни от дневного зноя, ни от ночного холода стены того, что никак нельзя назвать человеческим жильем, да брошенная прямо на земляной пол куча старого тряпья, заменяющая постель семье, — вот все достояние людей, постоянно качающих нефть из недр Аравийской пустыни.

Это их земля — на ней жили их отцы и деды. Подобно старым пиратам — конкистадорам, Гетти выменял у их правителей бесценные сокровища за стеклянные бусы. Но операции конкистадоров — безделица по сравнению с деятельностью современных джентльменов в белых манишках. В старину действовал базарный примитив — обманул, и давай бог ноги.

Сейчас все делается по науке, науке капиталистической эксплуатации. Мало прикарманить чужие земли и недра, надо заставить истинных хозяев этих богатств в поте лица извлекать их из-под земли и задаром отдавать чужому дяде. Это не гипербола публициста. Это констатация факта с математической, в буквальном смысле, точностью. Экономисты подсчитали, что каждый рабочий нефтяных промыслов Ближнего Востока отрабатывает свою годовую заработную плату в течение 3—5 дней. А остальные дни в году он приносит хозяевам нефтепромыслов чистую прибыль. Поль Гетти платит своим рабочим ровно столько, сколько потребно, чтобы поддержать их физическое существование и возможность пользоваться их трудом. Спекулируя на крайней бедности местного населения, он примитивный образ жизни и полуголодное его существование сделал вторым, после стоимости извлекаемой нефти, источником своего сказочного обогащения.

Золотая посуда и картины Тинторетто, замки и фонтаны из шампанского, пакеты акций и яхты — все это не собственность Гетти, это деньги, изъятые у тружеников, гнущих спину на нефтяных промыслах и других предприятиях миллиардера. Его богатства — это материализованные механизмом капиталистической эксплуатации лишения и пот, голод и беспросветная нужда десятков тысяч существ, которых на воскресной мессе толстосум именует «ближними своими». На языке экономической науки сие называется извлечением прибавочной стоимости.

Нет, не просто удача, не исключительное сочетание личных качеств вознесло Гетти на вершину его богатств. Все это лишь способствовало тому, что на этой вершине оказался именно он, Гетти. Но в основе этого богатства — закономерности капиталистической эксплуатации человека человеком.

Гетти, безусловно, личность незаурядная. Уже одно то, что он является одним из очень немногих американских предпринимате-

лей, которым удалось сколотить крупное состояние в последние годы, ставит этого дельца в положение исключительное. Ведь сейчас приток новых членов в состав «клуба миллиардеров» почти прекратился и элита американского большого бизнеса, прочно окопавшаяся на вершине делового Олимпа, заняв круговую оборону, стремится не допустить в свой узкий избранный круг никого из посторонних.

Что способствовало этому? Случай? И он тоже. Счастливый для Гетти случай сделал его сыном миллионера, а не булочника или сапожника. Без миллионов папаши Гетти не было бы миллиардов Гетти-сына. Счастливо для него сложились обстоятельства, когда, зарвавшись в безумном азарте, под тенью надвигающегося банкротства, он вдруг напал на богатейшие нефтяные пласты в Аравийской пустыне.

Ведь могло случиться иначе, и длинный список обанкротившихся бизнесменов пополнился бы еще одним именем.

Но было бы наивно все объяснить лишь слепым счастьем. У всех состоятельных американцев рождаются отпрыски, однако миллиард сколотить удается отнюдь не каждому из них. Удачные сделки совершает не только Гетти. Ральф Дэвис — его конкурент — выторговал у шейха Кувейта свою концессию на год раньше и тоже нашел нефть, но его имя не значится в списке миллиардеров. Поль Гетти обладает целым рядом качеств и специфических особенностей, которые дали ему возможность использовать с максимальным эффектом все счастливо сложившиеся для него обстоятельства и повороты судьбы. Эти качества отнюдь не все скверны сами по себе.

Природа, распределяя свои гены и хромосомы, не сортирует их: положительные отдельно для трудящихся, а отрицательные особо для паразитов.

Хозяин «Гетти ойл» — человек, безусловно, незаурядного ума, отточенного отличным и разносторонним образованием. Нефтяное дело, финансы, экономические проблемы, история и искусство — области, в которых он достаточно хорошо ориентируется. Он человек волевой, решительный и безжалостный.

До тонкости зная механизм действия капиталистического рынка, свободно ориентируясь в проблемах сложного промышленного комплекса, Гетти выжимает все из положения единоличного главы своей империи. Руководителю даже и крупной нефтяной компании, или танкерного флота, или банка, но входящего в состав более широкого экономического объединения, во главе которого стоят различные директораты, советы управляющих и прочее, для принятия того или иного решения потребны всевозможные санкции, визы, увязки и согласования.

Взять тех же Рокфеллеров — могущественных конкурентов Гетти, — во главе их империи стоят пять братьев Рокфеллеров и их дядя Уинтроп Олдрич. Мнения и интересы этих шестерых, уже не говоря о полутора-двух десятках влиятельных акционеров, совпадают далеко не всегда.

Гетти же имеет возможность действовать, не балансируя между различными, подчас противоположными точками зрения, располагая всей полнотой экономической власти, — обстоятельство в бизнесе немаловажное. Громоздкая система управления подчас сопряжена со многими трудностями и недостатками, не дает необходимой гибкости, затрудняет реакцию на потребности рынка, замедляет технический прогресс, лишает необходимой для сохранения нужного ритма и темпа быстроты действия.

Полновластный, энергичный, квалифицированный, до предела лично заинтересованный, Гетти успешно конкурирует со своими могущественными соперниками, безжалостно и последовательно используя все преимущества, которыми располагает.

Человек он сложный и противоречивый. В нем уживаются качества, казалось бы, несовместимые. Этот говорящий тихим голосом, обладающий вкрадчивыми манерами, не по-американски вежливый джентльмен, поначалу оставляющий впечатление даже какой-то робости, не очень любит огласку и сторонится газетчиков. Скромность? «Если Наполеон, — пишет Гетти, — извлек пользу из французской революции, а Кромвель — из английской, то я извлек для себя выгоду сначала из первой мировой войны, затем из великой экономической депрессии и, наконец, из второй мировой войны». Да, скромность, переходящая в манию величия! Наполеон, Кромвель и Поль Гетти!

Заметим, кстати, что одновременно с примериванием на себя наполеоновской треуголки Гетти спокойно признается, как в чем-то вполне обычном, в том, что он построил свое благополучие на несчастье миллионов — войнах и кризисе.

Выше уже говорилось о не лишенных тонкости искусствоведческих эссе книги «Выбор коллекционера». Но то же самое перо, которое с достаточно солидной эрудицией разбирает особенности живописцев фламандской школы, борзо набрасывает статейки, в последние годы регулярно публикующиеся в весьма специфичном журнале «Плейбой».

И вот среди фотографий совершенно обнаженных девиц в более чем фривольных позах и советов молодым балбесам, от которых краснеет даже телеграфный столб, своеобразный читательский контингент «Плейбоя» приобщается к откровениям престарелого селадона.

Размах дельца, ворочающего миллионами, сочетается в Гетти с

крохоборством, перед которым бледнеет даже гоголевская Коробочка. Многолетнее общение с шедеврами мирового искусства, воспевающими красоту и благородство человека, и невероятная душевная черствость дельца, не знающего ни сыновней привязанности, ни отцовских чувств. Это уродливое сочетание несочетаемого — результат воздействия мира чистогана, уродующего и иссушающего все.

Ум, превратившийся в хитрость и изворотливость; воля, ставшая жестокостью; размах дельца, перешедший в манию величия; честолюбие, обернувшееся цинизмом; любовь к искусству, выродившаяся в барышничество; расчетливость делового человека, замененная скаредностью Шейлока, — таков страшный, поистине противоестественный сплав, созданный в тигле современного капиталистического общества, носящий имя Жана Поля Гетти — самого богатого предпринимателя в мире.

ГАРОЛЬД ХАНТ —
«ОПАСНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКЕ»

Глава II

Скорбь за 20 центов

Солнечным утром 22 ноября 1963 года по улицам Далласа катил большой черный «кадиллак». Он выбирал дорогу подальше от той, по которой вскоре должен был проследовать автомобильный кортеж президента Соединенных Штатов. Прибытие его ожидалось с минуты на минуту. Избегая людных мест, черный «кадиллак» подкатил к ничем не примечательному дому и остановился у тротуара.

Из машины вышел высокий, несколько грузный мужчина в темном пальто и шляпе и, буркнув что-то коротко и зло шоферу, тяжелой, неверной походкой, выдававшей немалый возраст, направился вдоль улицы. Пройдя несколько кварталов, долговязый джентльмен вошел в массивные двери здания, хорошо известного здесь каждому. У его входа на медной дощечке, начищенной до блеска, выбито «Марчентайл бэнк билдинг» — цитадель и штаб-квартира богатейших банкиров Далласа.

Мягко гудящий красного дерева лифт поднял пришедшего на седьмой этаж. Не отвечая на угодливые поклоны и почтительные приветствия, он проследовал в комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

Несмотря на обшарпанный вид комнаты, выцветшие обои, ободранные разностильные кресла, затхлый воздух давно не проветриваемого помещения, человек, усевшийся за письменный стол, далеко не беден. Наоборот, он богат. Больше того, богат чудовищно, неправдоподобно, фантастически.

Гарольдсон Лафайет Хант, делец, разменявший восьмой десяток, — а это был он, — не любит разговоров на тему о том, сколько у него денег. Часто, отмахиваясь от нескромных расспросов репортеров, он цитирует своего заклятого друга, старого знакомца и многолетнего конкурента Поля Гетти.

— Знаете, что говорит старина Поль на этот счет, — огорошивает он вопрошающего. — Старина Поль говорит: «Если вы можете сосчитать, сколько у вас денег, вы не миллиардер».

И Хант хихикает дребезжащим фальцетом, довольный тем, как отбрил любопытного, — и на нежелательный вопрос не ответил, и достоинство сохранил, толсто намекнув на свое миллиардерство.

Акции предприятий хантовского семейства — и в этом характерная особенность их бизнеса, отличающая их от подавляющего большинства как семейных, так и несемейных корпораций Америки и Европы, — недоступны никому, кроме членов самого этого семейства — Ханта, его шести сыновей и зятьев. Пользуясь тем, что бухгалтерские отчеты не надо оглашать на ежегодном собрании акцио-

неров — их можно рассмотреть в тесном семейном кругу, — руководители этого огромного бизнеса не дают никому отчета о своих делах, о своих доходах. И потому одной из излюбленных тем гаданий американских финансовых кумушек являются хантовские капиталы. Цифры личного состояния в этих гаданиях колеблются от пятисот миллионов до трех миллиардов. Думается, что как то, так и другое не соответствует действительности — одни преуменьшают, другие преувеличивают хантовские богатства. Пожалуй, ближе всего к истине сумма в миллиард долларов, о которой говорят наиболее осведомленные специалисты.

Во всяком случае, эта сумма делает Ханта вторым по размерам личных капиталов после Поля Гетти толстосумом в Америке и вводит его в первую пятерку богатейших людей мира, наряду с эмиром Кувейта и королем Саудовской Аравии. Кстати, сам Гетти сказал как-то: «Чрезвычайным независимым богатством обладает в Америке только один человек — это Хант. Я бы очень удивился, если бы оказалось, что у него сейчас нет полутора миллиардов». Это, впрочем, не мешает Ханту быть субъектом весьма экономным, о чем свидетельствует отнюдь не только обстановка, его окружающая. Свою машину, стоящую много тысяч долларов, он оставляет в нескольких кварталах от оффиса не почему-нибудь, а из соображений экономии: стоянка машин напротив банка платная, надо раскошелиться и отдать 50 центов, а это, что ни говорите, расход.

Если этого одного из самых богатых в мире людей кому-нибудь пришлось бы, что называется, «встречать по одежке», то в доме американского буржуа средней руки его не пустили бы дальше передней. Лоснящийся, видавший виды синий костюм, странная застиранная рубашка, вид более чем затрапезный — таким передо мной предстал делец, перед богатством которого блекнут несметные сокровища индийских раджей. Позже я обратил внимание на весьма странную прическу Ханта: волосы лежали какими-то клочьями, целые пучки были выхвачены, что придавало и без того неаккуратной голове вид не то больничный, не то тюремный.

В ответ на мой вопрос один из хантовских сотрудников, пряча усмешку, сказал, что босс не считает возможным платить парикмахеру и стрижет себя сам. Боюсь, что и сейчас читатель улыбнется недоверчиво — слишком уж это неправдоподобно, но тем не менее и это факт. Один из богатейших людей мира экономит на стрижке, предпочитая являть себя ближним в облике прямо-таки непотребном.

...В то утро обычно пунктуальный босс нарушил привычный распорядок дня. Не притронувшись к бумагам, он направился к радио-

приемнику и, настроив его на волну местной радиостанции, стал напряженно прислушиваться.

Шли минуты. Из приемника лилась бравурная музыка. Но вот что-то щелкнуло, и диктор задыхающимся голосом объявил: только что неизвестные обстреляли машину, в которой по улицам Далласа ехал Джон Кеннеди. Ни слова не говоря, не выказав ни малейшего удивления, Хант покинул свой кабинет и, неторопливо спустившись вниз, вышел на улицу. Завернув за угол, он спокойным и размеренным шагом дошел до небольшой писчебумажной лавчонки, где за 20 центов приобрел небольшой флажок Соединенных Штатов на деревянной подставке. Вернувшись к себе, он водрузил покупку на письменный стол, опустив лоскуток до половины древка в знак траура. Пусть все видят, как Гарольдсон Хант скорбит по поводу смерти президента Джона Кеннеди.

Вскоре Ханта осаждали репортеры. «Ваше мнение о покушении?», «Кто за ним стоит?»

Вопросы следовали один за другим. Но на все был лишь один ответ: «Комментариев не будет».

Впрочем, это репортерское многолюдство в приемной Ханта в такой момент, когда американским репортерам, право же, было чем заняться, уже само по себе симптоматично. Почему именно к Ханту, а не к кому другому бросилась местная пишущая братия с вопросами относительно убийства президента США? Почему уже на следующий день после убийства на страницах печати стали появляться намеки на некую таинственную связь, будто бы существовавшую между «далласской трагедией» и самым богатым жителем Далласа? Почему, наконец, в ходе расследования убийства, да и по сей день, имя Ханта нет-нет да и возникнет в связи с обстоятельствами того, что американская печать именует «преступлением века», мрачным событием, искусно запутанный клубок которого далеко еще не распутан. Вряд ли сейчас можно дать исчерпывающие ответы на все эти «почему». Хотя, пожалуй, о некоторых вещах говорить можно уже и сейчас.

Но нет, думается, пока «простого, как мычание», ясного и однозначного ответа на эти вопросы. Жизнь не учебник геометрии, уверенно утверждающий, что кратчайшее расстояние между двумя точками — только и исключительно прямая. В жизни все сложнее и зигзагообразнее. И потому, быть может, не стремление к лобовому ответу на все эти «почему», а попытка проследить жизненные линии, связи и интересы представителей двух семейств, входящих в список богатейших в Америке, — семейства Хантов и семейства Кеннеди, попытка разглядеть те точки, в которых эти линии пересекаются, если и не даст нам полного ответа на все вопросы, то, во всяком случае, поможет кое-что понять.

Охота за «дикой кошкой».

Они были едва знакомы, Гарольдсон Лафайет Хант и Джон Фитцджеральд Кеннеди. Вряд ли сказали друг другу больше нескольких фраз, изредка встречались на официальных раутах, съездах демократической партии. Что их могло связывать, блестящего молодого аристократа, в 43 года ставшего президентом Соединенных Штатов, и престарелого техасского воротилу? Что могло быть между ними общего?

Джон Фитцджеральд Кеннеди родился в 1917 году в одной из аристократических семей Бостона — одного из наиболее аристократических американских городов.

Гарольдсон Лафайет Хант родился в 1889 году в семье фермера, ковырявшего землю штата Иллинойс, недалеко от городка с многозначительным и красноречивым названием Вандалия. Аристократизмом на хантовской ферме не пахло. Пахло навозом.

Бостонская знать кичится своим происхождением от первых переселенцев. Высокомерная замкнутость семейства Кеннеди стала притчей во языцех в Бостоне. Одна из сестер будущего президента как-то призналась, что в течение долгого времени братья и сестры Кеннеди считали, что они обречены на безбрачие, поскольку интересоваться кем-либо за пределами своего семейства среди Кеннеди считалось дурным тоном.

Семейство Хантов было хоть и большое, но друг другом отпрыски его интересовались мало и, покинув отчий дом, потеряли друг друга из виду.

Джон Фитцджеральд Кеннеди получил образование блестящее — он окончил сначала Гарвардский университет в Америке, а затем Лондонскую школу экономических наук.

Гарольдсон Лафайет Хант едва осилил начальную школу. А затем, убоявшись бездны премудрости, принялся колесить по Америке, гоняясь за удачей.

Джон Фитцджеральд Кеннеди... Впрочем, о Джоне Кеннеди, о Роберте Кеннеди, всем семействе Кеннеди, о том, как и где пересеклись пути Хантов и Кеннеди, почему сплелись они в трагический узел, речь впереди. А сейчас вернемся к Гарольду Ханту, к тому, каким образом полуграмотный сын фермера выбился в миллиардеры.

Здесь мне хочется напомнить читателям один старый анекдот из числа тех, за которые, как утверждают знающие люди, Каин убил Авеля. Комиссия ученых, изучавшая проблемы долголетия, разговаривает со столетним старцем. Спрашивает: «Вы курите?» — «Никогда не притрагивался». — «Пьете?» — «В рот не беру». — «А как насчет женщин?» — «Всю жизнь сохранял верность жене». — «Все

ясно — вот секрет долголетия». В это время за стеной раздается страшный шум. «Что такое?» — всполошились эскулапы. «Не обращайте внимания, — говорит старец, — это за стеной буянит мой старший брат — пьяница и бабник».

В предыдущей главе, рассказывавшей о Поле Гетти, речь шла о сыне миллионера, получившем пятнадцатимиллионное наследство, неплохом специалисте, использовавшем для своего обогащения знания инженера и экономиста, о том, что все это сыграло немаловажную роль в его восхождении на вершины делового Олимпа. И вдруг Хант — полуграмотный сын захудалого фермера. Ну как тут не вспомнить о старшем брате столетнего долгожителя!

Это шутка, но если говорить всерьез, то исключение — а карьера Ханта среди обладателей миллиардных состояний случай вполне уникальный и исключительный — отнюдь не опровергает общего правила.

Покинув отчий дом, Хант кочевал из штата в штат. Его видели в притонах Калифорнии и в местах, где совершали свои сделки мелкие спекулянты Северной и Южной Дакоты, владельцы игорных домов Аризоны и темные дельцы Канады. Был случай, когда молодой Хант вдруг вынырнул в качестве владельца хлопковой фермы, но быстро разорился и в 1921 году, будучи объявлен банкротом, вновь принялся гоняться за фортуной.

О начале хантовского бизнеса в Америке говорят по-разному. Однако я не встречал наивного чудака, который был бы склонен всерьез принимать высказанную как-то на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн» версию о том, что первоначальную сумму, позволившую ему начать нефтяной бизнес, он скопил, работая батраком и лесорубом, хотя некоторое время лесоруба Хант из себя изображал. Так в Америке не бывает.

Пожалуй, значительно более достоверным выглядит утверждение журнала «Тайм» о том, что «начало богатствам Ханта положено за игорным столом».

В поисках сведений о начале хантовского бизнеса я разговаривал в Америке со многими информированными людьми, в том числе хорошо и много лет знающими самого Ханта. В той или иной степени, с большими или меньшими оговорками, но большинство из них подтверждает именно эту версию начала его карьеры. В течение нескольких лет Хант добывал свой хлеб при помощи колоды карт. Он был известен во многих игорных притонах юга Америки. Были выигрыши, были проигрыши. Однажды в игорном доме «Эльдорадо» в Аризоне его партнер по покеру, спустив все, что при нем было, поставил на кон последнее свое достояние — нефтяную скважину. Так было положено начало одной из крупнейших нефтяных компаний современного капиталистического мира.

Пожалуй, есть смысл немного остановить внимание читателя на одной стороне хантовской жизни, не потому, конечно, что сие в достаточной степени пикантная тема, а потому прежде всего, что без этого не понять до конца Гарольда Ханта. Без этого не уразуметь не только тех или иных фактов его биографии, особенно в начале его деловой карьеры, но прежде всего не понять его самого, не разглядеть под маской хотя и несколько неопрятного, быть может, чудаковатого, подчас раздражительного и злобного, но в конце концов безобидного старикашки отвратительного хищника, растленного типа, без принципов, чести, морали.

Авантюризм у Ханта в нраве. Он игрок, игрок по натуре, по образу мыслей, по психологическому складу. Игра — неотторжимая часть его биографии. Дело не в том, что волею случая он выиграл в карты некую толику денег, а затем, покинув стезю греха, двинулся по пути респектабельного бизнесмена, использовав выигранные деньги лишь в качестве первого толчка. Кстати говоря, именно такая версия господствует в писаниях, посвященных техасцу, которых в последние годы на американском рынке появляется все больше.

Игра не случайный эпизод в жизни Гарольда Ханта. Она сама его жизнь. Красной нитью азарт игрока проходит через все его сознательные дни баловня фортуны. Едва научившись первым буквам, один из восьмерых детей фермера из Иллинойса, Хант, по его собственным словам, уже отлично манипулировал колодой карт. Первые в жизни деньги, которые оказались у него в руках, были гроши, которые он выигрывал в карты у старших братьев.

Надо сказать, что миллиардер сейчас не очень любит, когда ему напоминают о роли карточной колоды в его судьбе. Но в узком интимном кружке, расчувствовавшись, нет-нет да и заговаривает старый игрок о величайшей страсти своей жизни. Просто не может он удержать это в себе.

Официальные хантовские биографы вовсю стараются представить страсть своего идола как мимолетный эпизод или вовсе ее отрицают. Но вот собственный рассказ Ханта о случае, который впервые дал в его руки внушительную пачку долларовых бумажек. Он рассказал об этом сам в минуту откровенности вхожему в его дом американскому журналисту Тому Бакли. Привожу этот рассказ слово в слово.

«Я работал на лесозаготовках в Пекос Вэлли и Нью-Мехико. Наш лагерь был расположен на железнодорожной ветке, другая ветка милях в двух от нас вела к лагерю, где работали мексиканцы. Вечером я ездил туда играть в кункан. Это очень умная игра. Надо играть испанской колодой в 40 карт без восьмерок, девяток и десяток.

Как-то теплым вечером мы сидели на открытом воздухе, и я сдавал карты на опрокинутую бельевую корзину. Внезапно я начал выигрывать, и выигрывать потрясающе. К нашей группе сбежались все, кто был в лагере. Азарт охватил всех, и каждый вынимал все запрятанные доллары, заработанные в предыдущие месяцы. А мне все шла и шла карта. Мы продолжали играть дотемна, пока все, что было у мексиканцев, не перешло в мой карман.

В тот вечер я выиграл четыре тысячи долларов. Я спрятал деньги поглубже, любезно попрощался с мексиканцами и отправился пешком вдоль железной дороги. Когда я отошел на расстояние выстрела, я сделал рывок в сторону, кубарем скатился с насыпи и нырнул в лес. Я был убежден, что, если буду продолжать свой путь по шпалам, не исчезнув у проигравших из виду, мне не видеть моего выигрыша. Я побежал, петляя через лес, сделал большой крюк и под утро вернулся в свой лагерь. У меня хватило ума никому не говорить о случившемся. А днем, так же никому ничего не говоря, я сел на поезд и уехал в другое место. Мои деньги остались при мне».

Это эпизод из ранней деятельности Ханта. А вот более поздний. Долговязый детина, уже не бродяга, а отец семейства и начинающий делец, подвизающийся на ниве спекуляции нефтеносными участками. Но изменились лишь внешние обстоятельства. Хант оставался все тем же. Дабы не быть обвиненным в вольном обращении с фактами, я вновь прибегну к свидетельству наиболее авторитетного в данном вопросе лица — самого Ханта.

«В то время я скупал участки недалеко от Лейк Вилледж. Прошло несколько лет после моей свадьбы, и у нас были дети. В один из дней жена попросила меня свезти дочь в Нью-Орлеан — ребенку надо было удалить миндалины. Поехал. Оставив девочку в госпитале, я зашел в клуб, помещавшийся в отеле Грюнвальд. Сейчас этот нью-орлеанский отель называется отель Рузвельта. Сам не знаю, зачем я купил на сотню долларов фишек для игры. Решил немного размяться перед обедом. К обеду в моем кармане лежало 700 долларов выигрыша.

Вечером я снова пришел в клуб и сел играть. Я собирался играть экономно. Войдя в зал, где шла игра, обнаружил, что за столами сидят лучшие игроки страны, известные мастера покера. Но у меня было преимущество, я их знал (их знали во всех игорных домах Америки), а они меня нет. Все, что им было известно обо мне, это то, что я плантатор из дельты Миссисипи, а плантаторы — эти провинциальные увальни и наивные парни — не были для них опасными соперниками.

Из клуба в тот вечер я ушел за полночь. В кармане у меня было десять с половиной тысяч долларов. Именно в тот вечер мне

стало ясно, что я лучший в мире игрок в покер. Самые искусные игроки Америки были в клубе. Три раза я полностью контролировал игру. Те люди все знали о мошенничестве. Проиграв мне, они стали распространять слухи, что Хант плутует как-то по-новому.

Но я был просто лучше большинства игроков, и я полагался на свое выдающееся умение. В своем роде это было плутовство. Сейчас поясню, что я хочу сказать».

Хант приглашает своих собеседников в гостиную и просит одну из горничных принести колоду карт. Уже по одному тому, как берет в руки он эту колоду, как карты, будто наэлектризованные, прилипают к его пальцам, видишь профессионала. Неуловимым движением разом развернув всю колоду веерообразно, Хант припечатывает ее к столу лицевой стороной кверху.

«Когда я играю в покер, — говорит он, и его тонкий скрипучий голос звенит от гордости, — я опираюсь на свою фотографическую память. Я могу минуту посмотреть на карты, а потом без единой ошибки назвать их расположение в колоде. В покер надо помнить карты, которыми играют, это элементарно. Но важно еще вот что. Большинство игроков небрежно тасуют, и карты обычно остаются в том порядке, в каком были».

Возможно, потом Хант пожалел о своей минутной откровенности, ибо приведенный выше рассказ, попавший в печать, обесценивает десятки страниц писаний его официальных биографов, утверждающих то, что версия о Ханте-игроке выдумана его врагами для того, чтобы унизить «великого предпринимателя». Вышеприведенный рассказ все расставляет по местам. Воротила самолично смакует подробности, делится опытом. Он даже готов теоретизировать. И нет оснований в данном случае подвергать сомнению его слова. Если они и нуждаются в каком-либо уточнении, то только в той части, где он говорит о плутовстве, утверждая, что все плутовство заключается в его хорошей зрительной памяти. Пожалуй, ближе к истине обобранные им гроссмейстеры покера. Люди, хорошо знающие Ханта, — правда, сейчас они это делают с оглядкой: слишком уж он опасен и слишком длинны его руки, — утверждают, что его биография знает не один громкий скандал, когда шулера хватали за руку, а его физиономия помнит не одно увесистое доказательство карточного жульничества.

Если что и менялось с возрастом, а главное, с разбуханием хантовского кошелька, то это масштабы игры. Юный Хант обирал лесорубов. Хант, начинающий бизнесмен, за вечер сгребал с зеленого сукна десяток тысяч долларов. Воротила Хант, доходы которого составляют миллион долларов в неделю, и играет соответственно, ему уже тесны залы игорных домов, мала рулетка. Он играет

везде, где только возможно. Ставки его измеряются цифрами со многими нулями.

Так несколько лет назад стало известно, что Хант делает ставки во время футбольных матчей сразу по 50—100 тысяч долларов. Известен случай, когда во время футбольного матча ставка Гарольда Ханта составила 300 тысяч долларов.

Кстати говоря, гены азарта переданы Хантом и своим отпрыскам. Его младший сын Ламар известен как один из крупнейших держателей футбольного тотализатора. Именно это и принесло Ламару Ханту пост президента американской футбольной лиги. Те, кто ведает, что такое футбол в Америке, знают, что занятие сие имеет немного общего со спортивным соревнованием. Усилиями дельцов типа Ламара Ханта американский футбол превращен в дело грязное и прибыльное для этих дельцов.

Конечно, по меньшей мере наивно утверждать, что сотни хантовских миллионов, его нынешнее состояние — результат карточной игры. Речь идет о первых шагах, хотя шулерские приемы прочно остаются в арсенале воротилы и по сей день. Хант не любит, когда ему напоминают историю его первой нефтяной скважины. Он даже пытается ее отрицать. Но он не в состоянии отрицать нашумевшую историю с Дэйзи Брэдфорд.

Этим женским именем мелкий старатель некто Джайнер по кличке Папуля назвал самый крупный в истории нефтяного дела фонтан, который забил из скважины, пробуренной им в пустынных прериях Восточного Техаса в месте, выбранном наугад. Вне себя от радости, кустарь-одиночка, в один день ставший богачом, скупил все прилегающие земли — всего 4 тысячи акров. Вот, казалось, та самая удача, о которой грезили десятки тысяч ловцов случая, бросившихся в те годы на земли, оказавшиеся нефтеносными. Удача, обернувшаяся бесплотным призраком, миражем, погубившим столь многих людей и обогатившим лишь считанные единицы.

Однако вскоре Джайнер внезапно умер (?!), а его наследники опять же неожиданно обнаружили, что по всем документам, оставшимся после его смерти, собственником этого богатейшего месторождения является не кто иной, как Хант (?!!). Каким образом месторождение, открытое старателем, попало в Хантовы руки, неизвестно и по сей день.

Сам Хант объясняет дело просто: он, дескать, заплатил Джайнеру миллион долларов и приобрел месторождение. Однако это объяснение из ряда тех, которые только громоздят неясности и недоумения. Во-первых, непонятно, откуда в тот момент тогда мелкая сошка Хант мог достать миллион долларов. Во-вторых, с какой стати Джайнер стал бы продавать за миллион то, что стоило значительно больше. И наконец, в-третьих, коль скоро этот миллион все-

таки существовал, то куда он делся — Джайнер умер в полной нищете, не оставив наследникам ни цента. Что ни говорите, а без крапленых карт здесь явно не обошлось.

Обстоятельства смерти Джайнера вызвали недоумение у многих из тех, кто его знал. Пошли разговоры и пересуды. Имя Ханта сопровождалось крепкими эпитетами. И тогда нефтяной воротила выступил с опровержением, из которого явствовало, что его сделка с Джайнером была для него крайне невыгодна, почти разорительна. И единственное, ради чего он пошел на эту операцию, было, как он выразился, сделать Джайнеру приятное. Как говорится, еще того чище. Лучше уж не будем углубляться в хантовские доводы, ничего путного из этого не выйдет — шулер остается шулером.

Есть в словаре американских нефтепромышленников термин «уайлдкэт» — «дикая кошка». Так называют нефтяные скважины, которые бурятся, что называется, наобум, на глазок, без всякой геологической разведки. Просто человек, жаждущий во что бы то ни стало разбогатеть, всякими правдами и неправдами сколачивает некую толику долларов, покупает на них самое примитивное, чаще всего подержанное, буровое оборудование, приезжает в никем не занятый район и начинает бурить — авось повезет. Такая скважина и есть «дикая кошка». Владельцы их зовутся «уайлдкэтеры».

Время от времени в Америке появляются тысячи «уайлдкэтеров». Это происходит тогда, когда в каких-нибудь, обычно малонаселенных, районах либо обнаруживают нефть, либо ползут слухи, что ее можно найти. Крупные компании не препятствуют такого рода «самодеятельности». Ведь геологическая разведка и пробное бурение стоят денег. Не лучше ли предоставить дело «частной инициативе»? Все равно, в случае если нефть будет найдена, она попадет в руки крупных компаний.

До сих пор в Америке вспоминают «черную лихорадку» начала 30-х годов. В Восточном Техасе были обнаружены признаки большой нефти. Десятки тысяч людей сорвались с места. По своим масштабам и трагизму техасская «черная лихорадка» под стать знаменитой клондайкской «золотой лихорадке».

Вспомните страшный рассказ Джека Лондона «В далеком краю», запечатлевший трагедию людей, теряющих облик человеческий в погоне за золотыми крупинками. «Из-за отсутствия свежих овощей, а также неподвижного образа жизни у них началось худосочие и по телу пошла отвратительная багровая сыпь. Но они упорно не хотели замечать опасности. Затем появились отеки, суставы стали пухнуть, кожа почернела, а рот, десны и зубы приобрели цвет густых сливок. Однако общая беда не сблизила их — напротив, каждый с тайным злорадством следил за появлением зловещих симптомов цинги у другого.

Вскоре они совсем перестали следить за собой и забыли самые элементарные приличия. Хижина превратилась в настоящий свиной хлев; они не убирали постелей, не меняли хвойных подстилок и охотнее всего вовсе не вылезали бы из-под своих одеял, но это было невозможно: холод стоял невыносимый, и печка требовала много топлива. Волосы у них свисали длинными спутанными прядями, лица заросли густыми бородами, а одеждой погнушался бы даже старьевщик. Но их это не трогало».

Суровые прерии Восточного Техаса в годы «черной лихорадки» видели картины и похлестче. Не голод и цинга, так другие напасти косили искателей богатств. А главное, что в сумасшедшей погоне за ускользающим миражем миллионов люди зверели, теряли все человеческое, рвали мясо и грызли глотки один другому. Но в отличие от клондайкской на сей раз не нашлось Джека Лондона для того, чтобы поведать миру о душу леденящих историях десятков тысяч людей, об исковерканных судьбах, о разбитых семьях, затоптанных в прах надеждах, о поломанных жизнях.

...Не так давно мне довелось наблюдать, пожалуй, за самым популярным в Техасе своеобразным спортивным соревнованием. Оно называется родэо. Прямо скажу — зрелище сильное. Сначала состязаются всадники на необъезженных конях. Выигравшим считается наездник, сумевший дольше других продержаться на такой лошади.

Затем повторяется то же самое, но уже не с лошадьми, а с дикими быками. Страшно смотреть на взбесившихся животных, швыряющих оземь ковбоев, взгромоздившихся им на спины. Я не видел ни одного, которому удалось продержаться хотя бы минуту. И вот, глядя на прихрамывающих, в изодранных костюмах, с разбитыми, в кровоподтеках лицами наездников-ковбоев, нелегко добывающих хлеб свой насущный, я подумал об «уайлдкэтерах». Единицам из единиц удалось удержаться на спине взбрыкивающего на все лады случая. А большинство оказалось безжалостно затоптанными жизнью. Сам Хант сказал как-то:

— Поиски нефти — рискованная игра. Вероятно, только одна из тридцати пробуренных скважин окажется продуктивной. И только одному нефтянику из тридцати повезет. Остальные останутся без штанов.

Бухгалтерия Ханта относительно соотношения удачников и неудачников явно приукрашена. Что же касается штанов, то если бы дело было только в штанах!

Хант был среди тех немногих, кому повезло.

Как, скажет читатель, опять случайная удача? Гетти — удача, Хант — счастливый случай — сплошные удачники, именуемые автором «исключением». Быть может, в Америке действительно

не так уж сложно стать миллиардером, надо только дождаться случая?

Нет, вовсе не так. Речь действительно идет о случаях исключительных, из ряда вон выходящих, редчайших сочетаниях случайных обстоятельств, оборачивающихся богатством для единиц. Только сотни тысяч, миллионы неудачников, погнавшихся за миражем быстрого обогащения, потерпели крушение, несть им числа, а имена их неведомы, а Гетти, Хант и еще несколько выкарабкавшихся используются как приманка для всесветных простаков и выдаются за явление чуть ли не типичное. А поскольку книга эта рассказывает не о сотнях тысяч и миллионах американцев, сброшенных брыкающимся почище дикого быка случаем, но о фортелях капризной Фортуны, действительно об исключительных людях, ухитрившихся выиграть миллионы по трамвайному билету, то воедино собранные случаи эти могут дать несколько искаженную перспективу. Оговорка эта рассчитана на вдумчивого читателя, который в состоянии сделать соответствующие поправочные коэффициенты, разобраться, где правило, а где исключение.

Десятки тысяч разорившихся, обанкротившихся, впавших в нищету людей, не видящих никакого выхода, кроме как свести счеты с жизнью, — это не абстракция, это страшная реальность сегодняшней Америки. Только в одном 1970 году, по официальным данным американского правительства, в США обанкротилось около 11 тысяч фирм и банков с общим капиталом почти в 2 миллиарда долларов.

...Приезжающего в Нью-Йорк обычно ведут на галерею для публики нью-йоркской биржи, расположенной на знаменитой Уолл-стрит. Это явный просчет тех, кто стремится поразить воображение иностранцев видом лихорадочно бьющегося сердца американского бизнеса.

Должен признаться, что трудно придумать зрелище более унижающее достоинство человека, нежели потная, орущая, мечущаяся по громадному помещению орава биржевиков. На огромном световом табло, расположенном где-то под потолком двухъярусного зала, непрерывной чередой бегут цифры биржевых котировок. Ревом отвечает зал на любое их изменение. Ведь прыжки этих цифр означают, что кто-то хапнул куш, а кто-то эти же деньги потерял.

Нет, не наигранный страх искажает время от времени лица людей, снующих от телефонов к конторкам, за которыми оформляются сделки. В любой момент многие из них могут оказаться и оказываются нищими. Я видел человека — это был плотный мужчина, с когда-то, очевидно, красивым лицом, изборожденным глубокими морщинами. Всклокоченный, со сбившимся на сторону галстуком, он попался мне навстречу в тот момент, когда выходил из опера-

ционного зала биржи. Что-то в его облике остановило меня, и я, повернувшись, пошел за ним.

Этот не старый еще мужчина брел по коридору на подгибающихся ногах, тычась в стенку. По его лицу стекали крупные капли не то пота, не то слез. Вдруг он остановился и, покачнувшись, привалился к стене. И тут я увидел то, что меня поразило, — его глаза. Это были мертвые глаза, глаза человека, для которого все кончено. Я не знаю, что произошло за несколько минут до этой встречи в вестибюле нью-йоркской фондовой биржи. Я не знаю, что произошло после, когда этот человек на неверных ногах вышел через пышный подъезд и, шатаясь, побрел по Уолл-стриту, но мне было ясно, что для этого человека речь шла о жизни...

Нефтяной бизнес и... блошиные скачки

Гарольд Хант делает нефть. Нефть сделала Гарольда Ханта. «Хант ойл компани» росла очень быстро. Серия удач — и он опережает многих конкурентов. Бурно растет потребность в нефти. Она нужна для миллионов автомобилей, ставших основным видом транспорта. Все больше нефти требуется для авиации и флота, для химии и металлургии. И Хант растет как на дрожжах. Он ухитряется заполучить многие нефтеносные участки. Ему принадлежит несколько сот скважин в тринадцати штатах страны; главные из них в Техасе, Арканзасе, Луизиане.

Но, пожалуй, самое удивительное то, что он сумел оградить свои сокровища от жадных лап могущественных конкурентов. Спрятать нефтеносные участки от Рокфеллеров — это в Америке требует изворотливости чрезвычайной, ловкости рук незаурядной и подлинной головоногости. Недавно мне попался знаменитый американский справочник «Who is who» — «Кто есть кто», года издания 1950-го. Это был год, когда состояние техасца, судя по всему, уже перевалило за несколько сот миллионов. И вот справочник, в котором вы можете найти сведения о лицах, вовсе мало приметных, в стране, где обладателей тугих кошельков почти что обожествляют, о миллиардере Ханте всего две строчки: «Нефтепромышленник, основатель радио- и телевизионной программы «Форум фактов». Даже без традиционных года и места рождения.

Что и говорить, глубоко законспирировался Хант, прячась от жадных и длинных рук Рокфеллеров, что называется, от греха подальше. Из подполья и безвестности он вынырнул лишь в середине 50-х годов, тогда, когда его могущественные конкуренты уже не могли его прихлопнуть, как муху. Впрочем, еще и сейчас Хант не любит вдаваться в разговоры о своих делах и своих богатствах.

И причина тому отнюдь не скромность, хотя некоторые изменения в отношении Ханта к рекламе в последние годы замечены. Но об этом после.

Нефть не цель, нефть — средство. Хантова цель — деньги. Не знаю, читал ли Гарольд Хант Марка Твена. Скорее всего нет. Он ничего, кроме себя самого, не читал и не почитал. Но заповедь американских бизнесменов, сформулированную великим сатириком, он, сам того не ведая, выполняет неукоснительно. Заповедь гласит: «Наживай деньги. Наживай как можно больше. Наживай честно, если можешь, и бесчестно, если иначе нельзя». Хант предпочитает бесчестно. Честно-то он как раз и не может. Главное для него — наживать. А как и чем, не столь уж важно.

В последние годы Хант вышел за пределы Соединенных Штатов. Вместе со своими сыновьями, а их у него четверо, и двумя дочерьми, точнее мужьями дочерей, он осуществляет усиленное проникновение в экономику тех стран, которые не могут противостоять его натиску. Двигаясь по стопам своего давнего знакомца и конкурента Гетти, Хант получает крупную нефтяную концессию на Ближнем Востоке — эмир Кувейта в 1958 году заключает с ним сделку. Сам Хант назвал эту концессию «фантастической». В арабском мире ее зовут иначе — грабительской. Правда, кусок этот значительно меньше того, на который он позарился.

Потеряв аппетит и сон от зависти к удаче Гетти, Хант решил сунуться по его следам. В один из весенних дней 1958 года с далласского аэродрома в глухое время, когда в аэропорту было малолюдно, с далекой запасной взлетной дорожки в воздух поднялся большой трансатлантический самолет. На борту воздушного гиганта находилось всего несколько человек, которые в машине с зашторенными окнами подъехали прямо к трапу самолета и, пряча лица под низко надвинутыми шляпами, поспешили скрыться в самолетном салоне. Никому не были известны ни имена таинственных пассажиров, ни место назначения самолета, ушедшего вне расписания.

Лишь через несколько дней завсегдатаи деловых клубов Далласа обратили внимание на отсутствие Ханта. Однако никто не мог дать вразумительного ответа по поводу его местопребывания. Отсутствовал самый богатый человек Далласа ни много ни мало — полгода. Все это время он обретался не где-нибудь, а... при дворе шейха Кувейта. Именно сюда в тот весенний день взял курс самолет, на борту которого находился Хант и несколько его помощников.

Шикарные приемы и развеселые прогулки, щедрые подарки и льстивые беседы, просьбы и шантаж — все было пущено Хантом в ход для того, чтобы выцыганить у кувейтского владыки неправдо-

подобно богатую концессию. Однако одновременно с американцем в Кувейте находились представители крупной японской нефтяной компании. Впоследствии Хант сетовал на то, что подарки японцев были богаче, а посулы щедрее. В результате ему не удалось заполучить все, немало досталось и японским бизнесменам. Хант был вне себя. Большего огорчения для него не могло быть. Единственное, что утешало, — то, что попало в его руки, сулило огромные барыши.

А затем и новое приобретение. Одной из наиболее громких нефтяных сенсаций является открытие прежде никому не ведомых огромных запасов нефти в недрах ливийских пустынь. Специалисты считают, что в скором времени в одной только Ливии будет добываться нефти столько, сколько в середине 60-х годов дают все страны Среднего и Ближнего Востока.

Одному богу известно, каким образом ухитрился воротила наложить лапу на булькающее в недрах Ливии нефтяное море. Но факт остается фактом — нефтяные концессии, захваченные пронырливым техасцем, охватывают огромную территорию, превышающую 11 миллионов акров. На вопрос репортеров, как ему это удалось, он с хвастливостью, по мнению американцев типичной для техасцев, заявляет:

— Моя политика покупать все, покупать везде.

И действительно, он покупает везде: в Пакистане ведет разведку урановой руды, в Либерии эксплуатирует нефтеперерабатывающие заводы, в Австралии (совсем недалеко от Техаса) ищет нефть.

После кувейтского огорчения Хант стал домоседом. Рыскать по свету в поисках новых источников обогащения он предоставил своим четырем сыновьям и двум зятьям. Дескать, пусть наживают сами. Хант же, как клещ к собаке, присосался к американским недрам. Принадлежащие ему нефтяные промыслы в Восточном Техасе в годы второй мировой войны дали нефти больше, чем добыли за эти годы Германия, Италия и Япония, вместе взятые.

После войны делец скупил нефтеносные земли во многих других районах Америки. Среди его важнейших приобретений — огромное месторождение нефти в штате Монтана.

Но вот парадокс — выходцу из фермерской семьи толстые пачки акций, нефтяные вышки и танкеры кажутся делом хотя и прибыльным, но ненадежным — того и гляди вылетишь в трубу. Этот внезапно разбогатевший мелкий буржуа озабочен вложением своих денег в ценности прочные. И если Гетти достаточно интеллигентен для того, чтобы сделать ставку на непреходящую ценность Рембрандта и Гейнсборо, то малограмотный и вульгарный Хант

по классическим образцам нуворишей прошлого века единственной ценностью почитает землю, самое недвижимое из всех недвижимостей.

Он превратился сейчас в одного из крупнейших американских помещиков. Размеры принадлежащих ему сельскохозяйственных угодий — они оцениваются в 200 миллионов долларов — можно сравнить с огромными латифундиями богачей Латинской Америки. Лишь на одном его ранчо в штате Вайоминг стадо в 9 тысяч голов крупного рогатого скота и 12 тысяч овец.

Но бизнес есть бизнес. И толстосум не ограничивается бараньей идиллией. Ему принадлежат предприятия консервной промышленности, цитрусовые и ореховые плантации, заводы и фабрики пищевой промышленности и фармацевтические предприятия, на которых утилизируются все продукты животноводческих ферм и скотобоен хантовского сельскохозяйственного комплекса. Среди его богатств обширные лесные угодья. Не потому, что он любитель природы: лесопромышленное производство принадлежит к числу весьма прибыльных, а мимо прибыли Хант не пройдет.

Сложный комплекс. Огромное хозяйство. Миллионные обороты. И вполне закономерно возникает вопрос: а как может не очень грамотный, не обладающий специальными познаниями в нефтяном деле, финансах, промышленном производстве предприниматель управляться со всем этим многотрудным хозяйством? Как удается ему руководить делами, тонкости которых для него подобны темному лесу?

А никак. Он не считает нужным обременять себя изучением биржевой конъюнктуры и разглядыванием геологических карт. Нет, далласский толстосум отнюдь не бездельник. Как уже говорилось, ежедневно с пунктуальной точностью он появляется в своем кабинете. Туда со всех концов Америки сходятся многочисленные, специально арендованные кабельные линии. С неослабным вниманием следит он за непрерывной чередой цифр, строчка за строчкой сменяющих одна другую на большом световом табло, укрепленном на стене прямо над столом. Но это не пункты котировок биржевых акций, а провода соединяют кабинет не с фондовыми биржами Нью-Йорка и Чикаго.

Немалые деньги выброшены для того, чтобы незамедлительно узнавать самые последние новости с... крупнейших американских ипподромов. Именно они, эти новости, результаты каждого из заездов и сообщаются беспрестанным мельканием лампочек на световом табло в деловом кабинете Гарольда Ханта. О хантовской страсти к игре выше уже рассказывалось. Не стану утверждать, что с годами ничего не изменилось. Изменения налицо. Если на заре туманной юности Хант плутовал, объегоривая мексиканских

лесорубов, сидючи на земле и сдавая замусоленные карты на поставленную дном вверх бельевую корзину, а затем зайцем петлял по лесу, унося ноги и заодно выигрыш, то теперь бельевую корзину заменяет электроника и убегать ни от кого не надо — он сам догонит любого.

По стенам хантовского кабинета стоят огромные шкафы. «Картотеке, хранящейся здесь, — показывая на шкафы, говорит хозяин кабинета, — нет цены. Тут родословная всех породистых рысаков Северной Америки». Надежная информация, получаемая за соответствующую мзду, орава околоипподромных жучков, учиняющая без особого почтения к уголовному кодексу, в интересах босса головоломные трюки и темные махинации, приносят свои результаты: Хант признается, что сумма ежегодных выигрышей на бегах колеблется где-то в районе миллиона долларов.

Впрочем, не следует упрекать воротилу в узости интересов. Играет он не только на бегах. Петушиные бои и бейсбол, бокс и собачьи бега, гольф и еще бог весть что — все это увлекает и поглощает Ханта. Он до сих пор сокрушается в связи с казусом, происшедшим с ним несколько лет назад, когда во время всемирного чемпионата по бейсболу, происходившего в 1956 году, он поставил на команду янки 300 тысяч долларов, а та потерпела сокрушительное поражение.

Ну, а дела? Кто занимается ими в то время, когда босс обсуждает со своими приятелями сравнительные достоинства жеребцов или перипетии блошиных скачек? На жалованье у миллиардера команда специалистов. Уже после первых удач на нефтяном поприще, не переоценивая собственных знаний и умения, он стал привлекать к своему бизнесу опытных людей — администраторов и финансистов, инженеров и геологов. В стране, где все покупается и все продается, талант и знания — такой же товар, как нефть и макароны. Их можно продавать и покупать. Хант покупает.

Во главе огромного хантовского предприятия в настоящее время находится целый штаб специалистов высокой квалификации. А хозяин даже не утруждает себя руководством его деятельностью. Он доверил это дело пронырливому и опытному, преданному Сиднею Латаму — человеку, которого называют «правой рукой Ханта», визирю и правителю хантовского королевства.

В регентский совет, руководимый Латамом, входят сыновья, а также мужья дочерей Ханта. Это в основном люди уже другой формации, особенно зятья. Папаша позаботился о том, чтобы не только передать сыновьям свои деловые качества — жестокость и беззастенчивость, изворотливость и полную неразборчивость в средствах, лживость и пиратский нахрап, — но и отполировать такой изощренный букет качеств суммой специальных знаний в обла-

сти финансов, геологии, инженерного дела. Латам — хорошо, а свой глаз лучше.

На протяжении многих лет Ханта трудно было упрекнуть в чрезмерной родительской заботливости. До него туго доходит что-либо не имеющее прямого отношения к деньгам. Детское лепетание, кудряшки, штанишки — это все не для бизнесмена, и отпрыски всецело находились на попечении мамаши.

Исключение было сделано лишь для самого старшего, которого со дня его рождения в 1918 году готовили к роли наследного принца. И имя-то свое он получил, исходя из этой предназначавшейся ему роли, — Гарольдсон Лафайет Хант II — как папаша. Когда Ханту-второму исполнилось 19 лет, отец ввел его в правление корпорации. На всех углах знакомым и незнакомым Хант-старший твердил: «Мой Гесси умнейший человек из всех, кого я когда-либо знал. Никто так не разбирается в нефтяном деле, как он. Ни одна собака не чувствует запах дичи так, как мой Гесси чувствует запах нефти».

Но то ли сказались грехи молодости и разгульная жизнь Ханта-старшего, то ли просто судьба решила отомстить миллиардеру за свои неумеренные милости, восстановив свойственное природе равновесие, но наследный принц обманул ожидания отца. Внешне полная копия Ханта-старшего, он превратился сейчас в полного кретина. В 1946 году второй Хант буйно помешался. Были приглашены лучшие врачи. Заезжая знаменитость произвела сложную операцию. Ничто не помогло. И вот уже несколько лет на вилле, примыкающей к хантовскому дому, обитает Хант-младший, проводящий свой досуг за детскими играми. Родитель соорудил ему шикарное обиталище, Ханта-младшего обычно сопровождает пикантная блондинка, которая получает крупные гонорары в расчете, что сумеет пробудить принца к жизни.

Хант безутешен. Впрочем, по-хантовски. Даже горе у него имеет вполне определенное выражение — в долларах. Как-то Гарольд Хант сообщил репортерам с тщеславной суетностью, что содержание больного сына обходится ему ежегодно в 250 тысяч долларов...

Болезнь старшего заставила Ханта обратить особое внимание на остальных своих отпрысков. Ныне различные должности в хантовских предприятиях занимают его сыновья — Нельсон Банкер Хант, Уильям Герберт Хант и самый младший, Ламар Хант. При деле и мужья двух его дочерей. Их Хант выбирал строго и придирчиво. Чувства хантовских дочерей, когда их выдавали замуж, были ни при чем. «Браки совершаются на небесах» — это не для Хантов. Хантовские браки вещь более чем земная. И хотя в зубы женихам миллиардер скорее всего не смотрел, изучал он их значитель-

но более внимательно, чем самый опытный из техасских ковбоев изучает при покупке лошадей. Личные счета и родственные связи, знания в нефтяном деле, финансах и деловая хватка, состояние здоровья и наследственность, образование и круг знакомств, таланты и еще десятки других обстоятельств были пристально рассмотрены, тщательно взвешены раньше, чем каждый из этих субъектов был введен в круг хантовского семейства.

А будучи введенными, они оказались в упряжке. От них требуется полное и безоговорочное подчинение воле главы семейства, беззаветное служение делу нагромождения хантовских миллионов. Так, начав свою карьеру за зеленым сукном игорных домов Арканзаса, Хант остался игроком и взгромоздившись волею случая на вершину делового Олимпа.

...Вот сидит он, массивный старик с одутловатым лицом, спутанными седыми волосами и выцветшими глазами. Под темным костюмом светлый жилет и красный в белую горошину галстук бабочкой. Перед ним, прямо на письменном столе его кабинета, разложена на несвежей салфетке нехитрая снедь: черный хлеб, сыр, изюм, стакан апельсинового сока. Хант настроен философски. Бесконечно самовлюбленный, он убежден в том, что его привычки должны стать нормой для каждого американца. Поэтому трапеза имеет рекламно-просветительный характер — она происходит в присутствии представителей печати.

— Белый сахар — это яд номер один, — глубокомысленно изрекает новоявленный пророк. — Белая мука — яд номер два, жиры — яд номер три.

Толстосум безмерно доволен собой. Он поучает присутствующих, уверяет их, что открыл секрет долголетия и процветания и что секрет невероятно прост. Он заключается в том, чтобы «избегать употребления в пищу продуктов белого цвета».

Надо думать, что в свете такого сногсшибательного открытия известный профессор Висконсинского университета Роберт Лэпман срочно пересматривает выводы своего многолетнего труда, изложенные им в вышедшем в Америке обширном исследовании. Не ведая о роли белого цвета в пище, бедный профессор Лэпман, очевидно, по наивности своей считает: «Важным моментом в характеристике богатых людей является тот факт, что они живут дольше, чем остальное взрослое население Америки». И ученый делает вывод о том, что, по свидетельству статистики, «средний размер состояния американца с возрастом увеличивается». Иными словами, обладатели крупных состояний независимо от цвета продуктов, поедаемых ими, имеют ярко выраженную тенденцию к долголетию.

Впрочем, неизвестно, чье мнение в Америке возобладает — профессора Лэпмана или миллиардера Ханта. Пока что в этой стране деньги говорят громче, нежели ум и талант.

Даллас — уютное местечко!

Экстравагантность — скажете вы. Типичный далласский стиль — скажет американец. Далласский стиль, техасские манеры в обиходе, бизнесе, политике — эти выражения все чаще мелькают на страницах американской прессы. А Ханта называют одним из типичных представителей Техаса, столпом далласского общества. Собственно, гражданином богом спасаемого города Далласа он стал не так уж давно. После скитаний в погоне за долларами по городам и весям он осел в нем лишь в 1938 году. Но с тех пор Даллас наложил свой отпечаток на Ханта, а Хант влияет на многое в Далласе. Каков же он, этот стиль, откуда происходит, как выглядит, чем грозит?

После рокового залпа, стоившего жизни президенту Соединенных Штатов, в Америке появилась целая литература, посвященная Техасу вообще и Далласу в частности. Много среди этой литературы дешевки, погони за сенсацией, плоских анекдотов, кургузых теорий, смехотворных выводов. Но есть и серьезные размышления, представляющие бесспорный интерес. К числу такого рода размышлений можно отнести статью профессора социологии Техасского университета Риса Макги, озаглавленную «Корни несчастья». Позволю себе привести выдержки из этой статьи.

«За цветущими полями, — пишет Рис Макги, — великолепными шоссейными дорогами и вздымающимися в небо небоскребами скрывается штат, суровый, привыкший к насилию. Его климат и культура не очень изменились с тех пор, как 130 лет назад первые поселенцы отвоевали эту дикую пустыню у Мексики или скорее у индейского племени команчей, которым она фактически принадлежала. Историческое развитие и суровая борьба наложили свой отпечаток на характер штата и его населения. Один здешний климат в состоянии за год сломить людей, не обладающих выносливостью. Установки для кондиционирования воздуха и центральное отопление помогли сделать его терпимым, но не более. Сто лет назад первые поселенцы писали родственникам, что Техас — это ад. Он по-прежнему остается адом.

Споры, которые в Миннесоте разрешаются при помощи кулаков, в Техасе разрешаются убийством противника. Хьюстон и Даллас прославились тем, что из всех американских городов в них совершается наибольшее число убийств. Рост убийств в Техасе

в основном является результатом индивидуальных усилий рядовых граждан. Частное имущество в Техасе должен защищать прежде всего сам владелец этого имущества, и, если вам приказано убираться подобру-поздорову, а вы не подчиняетесь этому приказу, вы рискуете поплатиться жизнью за свою медлительность».

Не правда ли, уютное местечко этот Техас! А Даллас, пожалуй, самый уютный город этого уютного штата. Впрочем, внешний облик города вполне привлекателен. А его центр, как мне кажется, даже красив. Огромные современные здания из стекла, алюминия и пластика поражают и восхищают.

* * *

Да будет позволено автору сделать здесь небольшое отступление. Я никак не могу согласиться с теми, кто мечет риторические громы и молнии по адресу новейшего архитектурного стиля, накладывающего сейчас свой облик на многие европейские города, но особенно заметного в крупнейших городах Америки.

Критики говорят о каком-то его однообразии, порождаемом прямыми линиями и ровными плоскостями. Тоскуя по колоннам и капителям, тяжеловесной массивности с дробностью массы деталей, они склонны предавать анафеме современный архитектурный стиль, не чураясь ударов ниже пояса, запугивая проникновением буржуазного влияния посредством еретических архитектурных форм.

Невероятно, но факт: во время одного из моих посещений Америки мне довелось присутствовать при яростном споре нескольких американских архитекторов. Противники современного стиля, наскакивая на своих оппонентов, прибегнули к показавшемуся мне до странности знакомым аргументу: этот стиль, кричал один из спорящих, чужд американизму, его завезли сюда из вырождающейся Европы. И в числе еретиков, посягнувших на архитектурный «американизм», он назвал имена француза Ле Корбюзье и русского Мельникова (автора многих московских зданий, в том числе и знаменитого и вызывавшего два-три десятилетия назад яростные споры здания клуба имени Русакова в Москве). Воистину неисповедимы пути господни! Я ожидал чего угодно, но только не такого поворота разговора.

Но споры спорами, а новый архитектурный стиль берет свое. Его строгие линии соответствуют не только современным эстетическим представлениям, но, что еще более важно, являются порождением современных строительных материалов, строительной техники, индустриального способа сооружения зданий. Небоскребы, воздвигнутые в 20-х и 30-х годах, рядом с современными здания-

ми выглядят архаичными. Так, огромное каменное здание нью-йоркского небоскреба «Крайслер» на фоне изысканно легкого алюминиево-стеклянного здания «Пан-Американ» выглядит как готический храм времен средневековья, только увеличенный в размерах.

Что же касается обвинения в монотонности, то достаточно пройтись по нью-йоркской Парк-авеню, по центру Чикаго или Далласа, мимо многих зданий Хельсинки и Парижа, Бухареста и Вены, приглядеться к строгим очертаниям великолепного московского проспекта Калинина, как для непредубежденного человека станет ясной надуманность подобных обвинений. С таким же успехом можно утверждать, что буквы алфавита — недостаточный материал для выражения мыслей и страстей человеческих. Несколько десятков элементов, которыми оперирует современный архитектор, дают возможности для бесчисленного количества комбинаций. А современные материалы: разноцветный пластик, алюминий, сталь, медь, стекло — открывают перед архитектурой возможности, невиданные за всю ее историю.

Я позволю себе еще немного задержать внимание читателя на этом авторском отступлении. Конечно, когда мы, советские люди, попадаем в Соединенные Штаты Америки, мы не можем принять и не приемлем в этой стране очень многого. Не приемлем главного — самого строя жизни этого наиболее капиталистического из всех капиталистических обществ. В наш век, о котором один умник с горькой меткостью сказал, что ему свойственна инфляция слов и эрозия понятий, кое-кому это может показаться общим местом, дежурной фразой. Сколько раз, находясь в этих самых, как говорил Маяковский, «Р-р-разъюнайтед стэйтс оф Америка», я думал об этих самых скептиках: «Вот бы вас сейчас, братцы, сюда, посмотрел бы я на ваш скепсис». Думал так на залитых кровью улицах Ньюарка, где полиция и солдаты громили дома негритянских кварталов, думал, видя беснующихся бэрчистов, нечеловеческий темп фордовских конвейеров, думал, глядя на ревущую толпу, потные лица и пустые глаза молодых людей, неистовствующих при виде своих кумиров, кривляющихся на эстраде в конвульсиях, бесталанных и вульгарных.

Нормальный наш соотечественник очень скоро начинает задыхаться в этом сугубо приземленном мире, где все измеряется, все направленно, все замкнуто только на одно — на доллар, на профит, на выгоду. О чем бы вы ни говорили, в каком бы обществе ни оказались, пусть даже самом изысканном, рафинированном, интеллигентном, в конце концов все сведется к проблеме «что почем», сколько получают Джонсы, как устроились Смиты, сколько заработал автор лучшей книги сезона, как объегорил продюсер постановщика лучшего фильма года.

Словом, когда советский человек попадает в Америку, он не отвертит шею в поисках для нас неприемлемого — этого навалом, прямо под ногами. Тем более, скажу откровенно, мне непонятно, когда некоторые вояжеры в усердии неизвестно для чего, метеором пронесясь по американским городам и весям, по возвращении крушат все направо и налево. Им, видите ли, не понравилось ничего, за исключением избито традиционного «нам понравились люди, простые труженики». Не понравились и замечательные дороги, не понравился сервис — доведенная до совершенства система обслуживания повседневных нужд человека (в случае, если у него есть деньги), удобные магазины — «супермаркеты», современные кинотеатры, красивые здания и многое другое.

Патриотизм? Но какой же патриотизм утверждать, что твои штаны самые лучшие только по одному тому, что они твои. Не более ли высокой пробы патриотизм инженера-строителя, набрасывающего в своем путевом блокноте понравившуюся ему схему производственных операций, увиденную на строительной площадке рядом с гостиницей, где мы жили. Не более ли плодотворен патриотизм торгового работника из Киева, облазившего на моих глазах буквально все закоулки огромного «супермаркета» и приговаривавшего: «Здорово! А почему бы и у нас такое не организовать?» Не полезнее ли советским людям патриотизм дорожника, встреченного мною в Америке, который, увидев перегороженный участок автострады, на котором шли строительные работы, вылез из комфортабельного автобуса и, махнув рукой спутникам: дескать, езжайте, я вас догоню, — целый день под палящим солнцем проторчал возле дорожно-строительных механизмов у куч песка, щебня и бетона?

Подлинный советский патриотизм — чувство творческое, связанное с ощущением рачительного хозяина, знающего цену тому, что достигнуто нелегким трудом нашего народа, гордящегося тем, чем мы законно можем гордиться, думающего о том, как получше устроить жизнь у себя дома, в том числе как использовать найденное и достигнутое соседом на пользу и благо собственного народа.

И еще несколько слов, но уже о легкомыслии. Сложная страна Америка, большая и противоречивая. Рядом, соседствуя, переплетаясь, там существуют вещи, восхищающие и вызывающие дрожь омерзения, удивляющие и смешащие своим примитивизмом, достойные всяческого уважения и, наоборот, уважения недостойные. Чем больше занимаешься ею, посещаешь города и изучаешь экономику, беседуешь с людьми и читаешь исторические фолианты — а автор этих строк потратил на изучение современной Америки уже добрых два десятка лет, — тем более сложной она предстает.

Нелегко писать о ней, о ее людях, о ее проблемах, о ее политике. Тем более удивительно, что находятся люди, иногда вполне уважаемые и авторитетные, действующие по принципу «пришел, увидел, написал».

Большой и по заслугам любимый нами писатель побывал в свое время в Техасе. Многое из того, что он увидел, поражает своей меткостью. Заметки, вышедшие из-под его пера, сделаны мастерски и... тем хуже для них. Огонь своей критики, гражданский пыл, свое незаурядное мастерство он использует для того, чтобы разоблачить первое подвернувшееся под руку.

...Впрочем, судите сами: литератор обосновался в большой гостинице «Шератон Линкольн» в техасском городе Хьюстоне (в Далласе есть точно такая же). «В изголовье моей механической койки, — повествует он, — помещался пульт дистанционного управления так, что я мог, не вставая с ложа, закодировать жизненный процесс своего отдельного номера. Простым нажатием кнопки я (о ужас! — **В. З.**) мог заказать любую комнатную температуру и влажность, мог узнать прогноз погоды, давление атмосферы, биржевой курс, таблицу спортивных соревнований, рысистых бегов, последние известия, наконец, я мог приказать разбудить себя в определенное время...»

Но это еще не самое страшное, что вызвало писательские громы и молнии. Послушайте описание последовавших событий: «Я нажимал с вечера кнопку, устанавливал минуту пробуждения, и это пробуждение наступало довольно точно...

Первой начала пробуждаться комната, постепенно восстанавливая внешние, чисто функциональные связи системы и среды, весьма важные для процессов управления. Сначала сама собой в маленьком холле зажигалась неяркая лампочка. Потом в дистанционном аппарате что-то тихо щелкало, возникал ворчливый шум как бы с трудом начавшегося кровообращения. Я открывал глаза и вскакивал: кто зажег свет, если дверь номера еще с вечера была собственноручно мною намертво заперта патентованным замком, о чем свидетельствовала крошечная изумрудная лампочка — таинственный глазок, вделанный в ручку двери со стороны коридора? Кто посмел? И тут вспыхивала вторая лампочка, более сильная, в ванной комнате. Затем зажигался торшер в моем изголовье, яркий, сияющий, золотой, как шестикрылый серафим с марлевой маской на лице. И вдруг весь апартамент озарился светом плафона. Приборы дистанционного аппарата показывали все, что я у них требовал накануне. Шум в аппарате зловеще нарастал. Наконец, раздался пронзительный электрический звонок, который я никак не мог остановить, хотя и нажимал подряд все кнопки. Непрерывный пронзительный звон сводил меня с ума, и тут же в кобальто-

во-синюю ванну стала низвергаться вода заданной температуры, наполняя номер бешеным гулом горячего водопада».

И как заключительный вывод — нижеследующая сентенция литератора, нашедшего таки подходящий объект для своей канонады: «Все это было довольно-таки страшно... Из личности свободной я стал личностью управляемой».

Свидетельствуя, что все описанное правда, мне приходилось останавливаться в таких номерах, хотя я не сумел бы так мастерски все описать, — я беру на себя смелость высказать предположение, что если бы в сообществе «снежного человека» существовали талантливые писатели, то, оказавшись в современном ватерклозете, они подарили бы сородичам описание вроде вышеприведенного.

Нет, конечно, никакой необходимости падать ниц и возводить очи горе в связи с разумным и удобным использованием электронной техники в быту. Думается, что дети наши будут считать все описанное вещью вполне обыкновенной и даже малолетние будут знать, какую кнопку следует нажать, чтобы электроника не вышла из повиновения. Кстати, описанный номер гостиницы — это далеко не обычное в Америке явление, а принадлежность пока лишь наиболее богатых и фешенебельных отелей. Но, спрашивается, почему именно это сделано объектом разоблачения? Не потому ли, что у автора была, как говорят юристы, «презумпция виновности» и он кинулся на первое, что попалось на глаза?

Я вовсе не хочу сказать всем этим, что право писать об Америке имеют только ученые мужи, десятилетиями копающиеся в своих досье, изучая кривые роста, прямые падения и зигзаги политики, что к Америке и американцам можно подходить лишь с логарифмической линейкой знаний, а ощущения и чувство художника здесь ни при чем. Ей-право-же, я далек от столь узкого практицизма. Больше того, я убежден, что поэтическая строка подчас может дать и дает больше, нежели тома наукообразных рассуждений. И не только Горький, Маяковский, Ильф и Петров свидетельство тому.

Наш современник, молодой человек и поэт Андрей Вознесенский окунулся в крутой водоворот американской жизни, наверняка не ознакомившись предварительно с нашими монографиями. Но, чуткий художник, он при помощи каких-то никому не ведомых антенн и приемных устройств человеческой души уловил нечто такое, к чему добросовестный исследователь если и придет, то далеко не сразу. Настоящий поэт, он вогнал это в строчки емкие и точные, напряженные и достоверные.

Поэт не отрицает Америку. Он многим восхищен и не скрывает этого. Ему нравится архитектура:

Сто поколений
не смели такого коснуться —
Преодоленья несущих конструкций.
Вместо каменных истуканов
Стынет стакан синевы —
без стакана.

Он восхищен Нью-Йорком:

Обожаю
Твой пожар этажей, взвитых к звездам, в окрестности рая!

Чего-то он не понимает и не стесняется в том признаться, многого не приемлет, отвергает, негодует:

Я спускался в Бродвей, как идут под водой с аквалангом.
Синей лампой в подвале
плясала твоя негритянка!
Я был рядом почти, но ты зябко ушла от погони.
Ты прочти и прости,
если что в суматохе не понял...
Я на крыше, как гном, над нью-йоркской стою
планировкой.
На мизинце моем
твое солнце — как божья коровка.

Удивительно точно — для меня непостижимо, как это удалось, — схвачено и выражено одно из главных противоречий современной Америки: величественные, дух захватывающие плоды человеческого труда — «нью-йоркская планировка», когда гному-человеку не верится подчас, что все это дело его рук, и копеечный идеал общества, солнце которого, подобно букашке, умещается на мизинце поэта.

* * *

...Однако вернемся в Даллас — город, необычный для стандартизованной Америки, город, где особенно ярко выступают контрасты, город, где богатые богаты очень, а бедные бедны особенно, роскошный город, контрастирующий с суровой природой, город, без которого Хант не стал бы Хантом.

Сверкающие огнями небоскребы, шикарные бурлески, ночные клубы со стриптизом, где конвейерная система применяется для демонстрирования обожравшимся сотен обнаженных женских тел, и даже миллион с небольшим жителей его населяющих — это еще не главное в Далласе. Главное — это банки: «Рипаблик нэшнл бэнк оф Даллас», «Ферст нэшнл бэнк ин Даллас», «Меркантейл нэшнл бэнк оф Даллас», «Тексас бэнк энд траст компани».

Именно вокруг них и ради них, собственно, и возник город. Даллас в некотором роде город-уникум — это, пожалуй, единственный американский крупный город, не расположенный на судоходной реке. Сто лет назад в пустынных прериях, без всякой видимой причины — ни пограничный город, ни морской, ни речной порт, ни железнодорожный узел — начался Даллас. Он обязан своим возникновением и ростом нескольким оборотистым ростовщикам, в конторы которых повезли свои доллары поначалу владельцы хлопковых плантаций, затем нефтяные нувориши со своими сумасшедшими миллионами, а в самые последние годы люди, разбогатевшие на электронике и ракетостроении. «Белые воротнички» — клерки — хранители банковских сейфов заполняют днем улицы.

Предметом тщеславной гордости далласского обывателя является то, что город находится на одном из первых в Америке мест по числу обитающих в нем миллионеров. Как только вы приезжаете в Даллас, вам сразу же сообщают, что в течение сезона (между октябрем и мартом) в Далласе происходит самое большое, по сравнению с другими американскими городами, число балов — 150, что на организацию этих балов уходит самое большое число долларов, что на них присутствует самое большое число самых красивых женщин, на которых надето самое большое количество самых дорогих драгоценностей, съедается самое большое количество яств, выпивается самое большое количество бутылок самого лучшего французского вина и что слух веселящихся услаждает самое большое количество оркестров, в которых играет самое большое число музыкантов, являющихся наилучшими в Америке.

Если вы не сумеете вовремя остановить далласца, а сделать это неимоверно трудно, то он сообщит вам дальше, что в Далласе находится самый изысканный в Соединенных Штатах и, конечно же, самый большой в мире магазин «Нейманн-Маркус», в котором вы, заглянув туда от нечего делать, можете купить самую элегантную в мире безделушку. Безделица сия представляет собой модель необитаемого острова размером в 50 квадратных сантиметров, сделанную из чистого золота, с платиновыми скалами, изумрудной пальмовой рощей и бриллиантовым Робинзоном Крузо. Цена игрушки всего сто тысяч долларов. Завернуть?

Впрочем, это еще не все «самое». Вам расскажут, что в Далласе находится самый удивительный в мире банк, потолок главного операционного зала которого сделан из чистого золота, и закончат этот «самовый» панегирик произнесенной восторженным полушепотом фразой о том, что самый богатый человек самой богатой Америки живет в Далласе и зовут его Гарольдсон Лафайет Хант.

Тертые французские журналисты, которых, казалось бы, трудно удивить, видевшие Ниццу и Монте-Карло, Марсель и Лион, попав в Даллас, были ошарашены и так выразили это в парижском журнале «Экспресс»: «Ни в одном городе мира страшная сила денег не выступает столь явно, как в этом городе, насчитывающем миллион жителей. Подобный общественный порядок, наверное, можно было наблюдать разве только в Венеции времен дожей. Этот порядок определяется просто: группа граждан, объединившихся в клуб, на первый взгляд весьма безобидный, именуемый «Советом белых граждан», за последние 25 лет безраздельно и бесконтрольно вершит судьбами Далласа. Сейчас такой клуб объединяет 238 человек. У них есть одна общая черта — они миллиардеры и каждый в своей области является хозяином крупного предприятия».

Один из членов этого совета, Стэнли Маркус, тот самый, который «Нейманн-Маркус» — «самый изысканный и самый большой в мире магазин», — обходительный мужчина с мягким голосом и непрерывно бегающими глазками, весьма словоохотлив.

— Наш совет, — говорит он, — возник в 1937 году. Тогда мы намеревались организовать большую международную выставку и, поскольку это было выгодно и городу, и его наиболее состоятельным гражданам, мы решили объединиться для того, чтобы финансировать эту выставку.

— Каков принцип формирования совета? О-о, он очень прост. В совет вошли все, кто может немедленно сказать «да», не отчитываясь ни перед кем, когда у него попросят сто тысяч долларов.

Давно уже все позабыли о далласской международной выставке 1937 года, не осталось следа от ее экспонатов, а совет не только сохранился, но превратился сейчас в полновластного хозяина жизни миллионного города. Его влияние распространилось не только на Техас, не только на весь юг США, но ощущается и в Вашингтоне. Долгое время председателем «Совета белых граждан» Далласа был некто Сорнтон — закадычнейший приятель Ханта, сподвижник его по многим похождениям. Сам Хант, как нетрудно догадаться, — один из влиятельнейших членов совета.

Не следует думать, что деятельность этого совета протекает в заседательской суете. Дело обходится без зеленой скатерти, без депутатов и выборов. Все проще и в то же время сложнее. Это вообще очень интересная штука: механизм различных организаций монополий и корпораций и их воздействие на муниципальную и государственную политику. Кое-кто склонен несколько упрощать дело. Дескать, монополии предписывают министрам и президентам то-то и то-то, а то-то и то-то запрещают. В действительности дело

обстоит не столь примитивно. Нет никакого сомнения в том, что линия поведения властей городов и штатов, политика правящих кругов страны определяются интересами кучки самых богатых, а потому и самых могущественных. Но механизм воздействия этих людей на органы власти гибок и многообразен.

На первый взгляд происходит нечто ничего общего не имеющее ни с политикой, ни с бизнесом. Просто очень богатые джентльмены съезжаются в клуб, чтобы отдохнуть, повеселиться, пообщаться с себе подобными. Клубы, где проводят время деловые люди Америки, — явление, по понятным соображениям, мало описанное и неизученное: толстосумы предпочитают не выставлять напоказ свою интимную жизнь. А между тем не будет преувеличением сказать, что в аристократических клубах Нью-Йорка и Вашингтона, Чикаго и Сан-Франциско, Далласа и Бостона воротилы большого бизнеса не только кейфуют, но и занимаются политикой, высказывают мнения, которые потом эхом отдаются в министерских и сенаторских кабинетах Закрытые клубы — вещь, без которой, пожалуй, не понять экономической и политической жизни современной Америки, не постигнуть ее тайный механизм, не разглядеть шестерни и приводные ремни власти.

Как правило, в эти клубы джентльмены с тугими кошельками являются одни, без жен, супружеская идиллия там не принята. В клубах есть все: бассейны, турецкие и финские бани, девицы (они, правда, обретаются в частных комнатах клуба, а в общих помещениях появляются редко) и, конечно же, ресторан с наилучшими поварами. У членов клуба имеются свои личные апартаменты, обычно шикарные, где они могут пребывать в собственном халате и шлепанцах, в одиночестве или нет.

Но главное — это возможность общаться с себе подобными вдали от шума городского, от посторонних и нескромных глаз, от назойливого любопытства прессы. Вступление в один из таких клубов — само по себе признак процветания и имеет в современной Америке характер, идентичный, пожалуй, средневековому посвящению в рыцари. Во всяком случае, последствия этого не меньшие: вступив в один из таких клубов, человек становится своим в узком кругу могущественных воротил, приобщается к их тайнам. Гостями таких клубов бывают министры и сенаторы, генералы и редакторы, маститые профессора и крупные издатели.

Здесь не ведутся протоколы, не подсчитываются голоса. Здесь голосуют доллары. И чем их больше, тем увереннее и властнее звучит голос их обладателя. Внешне все очень респектабельно. Джентльмены разговаривают между собой, обмениваются мнениями в перерыве между двумя изысканными блюдами, высказывают

точки зрения, сдавая карты, изрекают истины, запивая их «драй «Мартини». Но мнения и точки зрения, выработанные во время застольной беседы, на яхте или с бильярдным кием в руках, отнюдь не повисают в воздухе. Переданные непосредственно собеседнику — приглашенному отведать творения клубного повара сенатору, мэру, судье, издателю, либо доведенные до сведения законодателей и иных представителей властей предержащих каким-нибудь другим способом, они обычно и становятся тем ориентиром, на который держат курс эти последние.

Крутятся колесики государственного механизма, крутятся легко, бесшумно, обильно смазанные золотой смазкой, незаметно, за плотно закрытыми дверями фешенебельных клубов.

И в Далласе есть, конечно, такие клубы. Одним из излюбленных мест сборищ воротил и магнатов является, к примеру, поражающий своей роскошью даже видавших виды Драммер-клуб. Стоит побродить по великолепным холлам клуба (попасть туда можно только в качестве гостя одного из его членов), прислушаться к разговорам, плавно, как бы невзначай, ненароком текущих за партией на бильярде или в крикет, во время гольфа или за карточным столом, за рюмкой коньяку или за чашкой кофе, как понимаешь, что здесь ведется не просто светская болтовня.

Вот лысый, с астматической одышкой человек объясняет двум пожилым джентльменам свои радикально кровожадные планы, связанные с ростом безработицы. В соседнем помещении долговязый детина с бриллиантовым перстнем и булавкой для галстука, камень которой изъят либо из английской короны, либо из подвалов какого-нибудь магараджи, развивает свои в достаточной степени крайние идеи по поводу борьбы с детской преступностью, а в почтительно внимающем ему мужчине узнаешь виденного накануне по телевидению мэра города. Выходишь подышать свежим воздухом и слышишь, как играющие партию в гольф успевают договориться о программе симфонического концерта, имеющего быть в будущем месяце, и приглашении с этой целью в город заграничных знаменитостей с мировыми именами.

Вообще далласский «большой свет» очень озабочен меценатством. Денежным тузам Далласа уже не хватает славы провинциальных толстосумов. Они становятся на цыпочки, им страсть как хочется прослыть людьми просвещенными. И они покупают Матисса и Ренуара, одеваются у Шанель и Диора, слушают Марио дель Монако и Леопольда Стоковского. Они основывают музей, театр — для Америки редкость, и даже оперу, надменно пропуская мимо ушей жалобный вопрос мэра города: «И куда так много скрипок, джентльмены? Разве нужно столько?»

О, далласская аристократия очень любит искусство, не жалеет

на него денег. Правда, увы, не всегда достает времени им пользоваться. В отделе светской хроники одной из далласских газет я прочитал такую подслушанную репортером на одном из знаменитых балов тираду дамы из высшего городского света — жены видного промышленника.

— Ах, дорогая, — говорила она, принимая бокал вина у метрдотеля, мексиканца в белоснежном костюме, обращаясь к своей приятельнице, — у меня совсем нет времени слушать музыку. Представь, душечка, три вечера в неделю я борюсь против коммунизма.

Что требовать от слабого пола? Великосветская пташка, жена далласского промышленника борется против коммунизма три вечера в неделю. Гарольд Хант тратит на это времени значительно больше.

Две встречи

Собственно говоря, сейчас даже трудно сказать, что для Ханта главное — бизнес или политика. Сколотив длиннорукую, оборотистую и опытную команду, поставив в упряжку сыновей и зятьев, он лишь надзирает за делом, строго проверяет доходность своих компаний. Основное же время он делит между политическими интригами и азартной игрой.

Пользуясь техасской терминологией, политический облик его можно нарисовать несколькими словами — «самый реакционный человек в Америке». Печать добавляет к этому еще иногда — «самый опасный человек в Америке». Зоологический мракобес, патологический антикоммунист, воинствующий негрофоб и антисемит, это субъект, для которого определение «первый» еще ни о чем не говорит. Критерий его прост: все, кто не разделяет его убеждений, опасные, как он выражается, «заблуждающиеся», по отношению к которым все методы хороши. Для Ханта нет существенного различия между либералами и коммунистами, активными борцами за мир и просто добропорядочными буржуа, не одобряющими фашистские крайности. Для него, что негритянский лидер Мартин Лютер Кинг, что кумир либеральствующих буржуа Эрл Уоррен, много лет занимавший пост председателя Верховного суда США, — все равно.

Но и это еще не все. По его мнению, Нельсон Рокфеллер — один из пяти братьев-миллиардеров, восседающий в губернаторском кресле штата Нью-Йорк, и Генри Форд II — опасные *либералы*. Вместо того чтобы использовать миллиарды, накопленные дедами, на то, чтобы давить смутьянов, они виляют. Эти парни, вещает Хант,

еще более опасны, чем крайне левые. У Ханта есть и объяснение столь прискорбного «сдвига влево», который, по его словам, наблюдается среди американских богачей везде, кроме Техаса. «Коммунисты подсылают им красных нянь в младенчестве и проводящих коммунистическую линию любовниц, когда промышленники стареют». Это не шутка. В кавычки взяты слова, собственноручно и вполне серьезно написанные техасским миллиардером.

Говорят о скупости Ханта. Это, пожалуй, не вполне точно. Правда, он прижимист до крайности, когда речь идет о бизнесе. Он сам рекламирует свою экономность, рассказывая о ней репортерам и демонстративно отказываясь пользоваться платными автомобильными стоянками. Но он более чем щедр, когда речь идет о финансировании погромных фашистских и полуфашистских организаций и банд.

Прихрамывавший, дергавшийся, как в эпилепсии, доводивший себя на трибуне до исступления и нечистый на руку, Джозеф Маккарти, зловонной кометой мелькнувший в 50-е годы на американском политическом небосклоне, так бы и остался лихоимцем-взяточником и мелким политиканом из штата Висконсин, если бы не дружба, а главное, деньги, которыми одарили его без счета некоторые толстосумы, на первом месте среди которых был Хант. Разглядев в беспринципном крикуне демагога крупного масштаба, Хант сделал тогда ставку на Маккарти. Он произвел с ним операцию, известную многим мальчишкам-сорванцам, которые при помощи незамысловатых манипуляций с соломинкой надувают лягушек. Из их опыта, однако, известно, что отсутствие чувства меры во время этой жестокой операции приводит к тому, что маленькая лягушка, из которой пытаются сделать крупного зверя, лопается самым жалким образом. Именно так и произошло с Джозефом Маккарти.

Позорный конец бесноватого сенатора, ставшего сначала политическим трупом, а затем умершего от алкоголизма, мало чему научил Ханта, и он по сей день, пользуясь чековой книжкой вместо соломинки, раздувает одну фашиствующую лягушку за другой. Руководитель «Общества Джона Бэрча» прогоревший кондитер Уэлч, далласский земляк Ханта фашиствующий генерал Уокер, шизофренический проповедник, главарь «Христианского крестового похода» Шварц, циклопы и драконы ку-клукс-клана и прочая сволочь, грязной накипью покрывающая американскую политическую арену, в немалой степени обязана поддержке, а главное, деньгам Гарольда Ханта. Погромный лозунг бэрчистов «Лучше быть мертвым, чем красным» вполне отражает его политическое кредо.

Сам он как-то признался, что ежегодно тратит свыше миллиона долларов в качестве субсидий крайне правым организациям. Миллион долларов в год — большие деньги, сумма, ощутимая даже для

Ханта. Но он, не задумываясь, подписывает чеки, в которых стоят четырех- и пятизначные цифры, одаряя ими фашиствующие банды. Нужно ли удивляться тому, что техасский воротила причислен к лику фашистских святых, а имя его с почтением и восторгом произносится в коричневом подполье Америки.

— Какое там подполье, батенька мой, — говорил мне как-то благодушный, склонный пофилософствовать нью-йоркский адвокат, в прошлом активный деятель знаменитой «Тамани-холл» — всемогущей партийной машины демократов в Нью-Йорке, а сейчас вернувшийся к юридическому бизнесу в собственной адвокатской конторе. — Вы, русские, всегда склонны преувеличивать. Для вас, по-моему, не существует оттенков — либо белое, либо черное.

Разговор происходил в небольшом аргентинском ресторанчике, расположенном в центре Нью-Йорка.

...Когда коренной ньюйоркец хочет как следует попотчевать гостя, он ведет его в ресторан китайский или немецкий, шведский или русский, аргентинский или итальянский, словом, какой угодно — а их в городе великое множество, — но только не в американский. При всем своем патриотизме житель Нью-Йорка отлично понимает, что то, что называется типично американской пищей, быть может, и способно насытить отвлеченную едоко-единицу, но уж ни при каких обстоятельствах не удовлетворит не только гурмана, но просто нормального человека.

Когда меня спрашивают о самом характерном для американской кухни, я отвечаю не задумываясь — умение придать сверхаппетитный вид всему съедобному, полусъедобному и несъедобному, помноженное на талант превратить съедобное в полу- и совсем несъедобное. Русскому человеку, который, как известно, может сварить отменный суп из топора, вовсе непонятно, как ухитряются американские кулинары перегонять такое количество первосортных продуктов в красивую, но, я бы сказал, почти абстрактную по своим вкусовым качествам пищу. Ее торопливо поглощают в обширной сети отлично оборудованных кафетериев и других имеющихся в изобилии забегаловок, заправляя себя необходимым числом калорий. Мне представляется, что для гарантии полного разгрома абстракционизма борьбу с ним в Америке следует начать в сфере искусства кулинарного. Успех будет обеспечен.

Словом, знаменитый американский «стэйк» — здоровенный кусок говядины фунта этак на полтора-два — нам подавали темноглазые и стремительные парни, плохо говорившие по-английски, в широкополых шляпах и национальной аргентинской одежде. Помимо адвоката, за столом сидели приведший меня сюда коллега, известный нью-йоркский журналист, завоевавший себе возможность быть на газетной полосе несколько больше самим собой, нежели это

принято среди американской пишущей братии, и два преподавателя Нью-Йоркского университета.

— Фашистская угроза — очередная выдумка газетчиков, — продолжал адвокат. — Америка — страна с устоявшимися демократическими традициями, и у нас германский 1933 год просто-напросто невозможен. Американец за фашистами не пойдет.

— А как насчет 27 миллионов голосов, полученных в 64-м на президентских выборах Голдуотером? — ринулся в спор газетчик. — У Гитлера в 1933 году столько не было. Не кажется ли вам, что мы тогда проглядели эту страшную цифру — 27 миллионов американцев, проголосовавших за голдуотеровскую программу, весьма смахивающую на фашизм? С тех пор столь наглядных и внушительных демонстраций фашистских сил не было, они тоже стали опытными и применяются к обстановке, но мы не можем глядеть сквозь пальцы на то, что есть, — слишком страшна расплата за благодушие.

Разгорелся ожесточенный спор, в ходе которого адвокат доказывал, что цифра в 27 миллионов ни о чем не говорит, что средний американец, особенно в провинции, весьма далек от политики и вряд ли может сколько-нибудь внятно объяснить разницу между правыми республиканцами и либеральными демократами, что он голосует просто по традиции — Смиты вот уже 100 лет от деда к сыну и внуку — за демократов, и Джонсы так же давно — за республиканцев.

Мой коллега — американский журналист — желчно возражал. Так и не договорившись, они перевели разговор на бейсбол и тут быстро обрели согласие, сойдясь на том, что команда Нью-Йоркского университета, безусловно, превосходит «этих выскочек» из Джорджтауна.

Много раз с того вечера я возвращался мысленно к этому спору. Благодушие адвоката, пожалуй, типично для значительной части американской интеллигенции в настоящее время. «У нас это невозможно», — за этой страусиной формулой прячут свое беспокойство. Между тем вопрос о том, возможно или невозможно, уже перестал быть вопросом. Жизнь дала на него ответ недвусмысленный и горький: возможно!

* * *

Два года спустя после описанного разговора фашиствующий мракобес Джордж Уоллес получил на президентских выборах 10 миллионов голосов. Применительно к этому довод о голосовании по традиции от бабушек и дедушек уже не срабатывает полностью — Уоллес выступал как независимый кандидат, вне респуб-

ликанской и демократической партий. 10 миллионов взрослых американцев сознательно отдали свои голоса этому демагогу из Алабамы, начинавшему свою карьеру в профессиональном боксе, где он подвизался в «весе петуха» — есть такой в американском профессиональном боксе, — сменившего затем боксерский ринг на политическую арену и процветшего на ниве разнузданного расизма. Думается, что, происходи наш разговор с любителями аргентинского стэйка после дебюта Уоллеса на общеамериканской арене, благодушный мой собеседник, напиравший на то, что «в Америке это невозможно», не был бы столь оптимистичен.

Мракобесие и ухватки Уоллеса привлекли к нему симпатии Ханта и еще нескольких толстосумов-южан, которые принялись делать из него фигуру общеамериканского масштаба. Пост губернатора Алабамы стал для него ступенью, с которой он вознамерился шагнуть в Белый дом.

Я сказал об ухватках Уоллеса. Мне довелось довольно близко их наблюдать во время избирательной кампании 1968 года, бывать на собраниях и митингах, где он выступал, посещать его пресс-конференции и даже беседовать, что называется, накоротке. Не знаю, каков был Уоллес на ринге, но в роли политического «петуха» он действует в достаточной степени ловко. Он хорошо знает свою аудиторию, ее уровень, запросы, интересы хотя бы потому, что он сам один из них.

Уоллес — это маленький человечишка для мелких людишек. Маленький и в прямом и в переносном смысле. Ниже среднего роста, щуплый, юркий, с мелкими чертами лица и беспрестанно бегающими глазками, то и дело появляющейся на его физиономии фальшивой, будто бы приклеенной улыбкой и зычным голосом площадного оратора. Самой, пожалуй, примечательной чертой внешнего облика Джорджа Уоллеса является его непримечательность, заурядность. Мимо такого в толпе пройдешь не заметив.

На трибуне в большой аудитории он производит впечатление человека, уверенного в себе. В небольшом обществе его апломб пропадает, и он все время испытующе взглядывает на собеседника: дескать, так ли сказал, не сморозил ли чего-нибудь — неуверенность провинциала выскочки, знающего, что оказался в чужом седле не по росту, беспрестанно улыбается только ртом — в глазах ни тени улыбки — и все время неуловимым, каким-то мышиным движением остренького языка облизывает губы.

Чтобы закончить внешний портрет, добавлю, что этот суетливый человечек большой щеголь. По нескольку раз в день он меняет костюмы, преимущественно шелковые, при первой же возможности глядится в зеркальце, которое всегда носит при себе, неравнодушен к ярким цветам, его галстуки невообразимой окраски, от него на

версту шибает крепкими духами, башмаки он носит на высоченных каблуках — хоть на несколько сантиметров, а длиннее. «Петуху» очень хочется, чтобы его принимали за орла.

И вот подобное ничтожество стало в конце 60-х — начале 70-х годов фигурой общеамериканского масштаба. Конечно же, немалую роль в этом играют щедроты Ханта и иже с ним. Недаром в Америке говорят, что «деньги и кобылу заставляют идти». Однако свести все дело лишь к деньгам — значит упустить проблему. Была, к примеру, в проповеди бесноватого ефрейтора какая-то притягательная для немецких бюргеров, мелких буржуа и взбесившихся мещан сила, которая на полтора десятка лет сделала истерическое кликушествовавшее ничтожество «фюрером» Германии. Видимо, отвечает и уоллесовская демагогия — антинегритянская проповедь, вопли о «забытом простом человеке», о необходимости твердой руки, чтобы «навести порядок в этой стране», — сокровенным чаяниям перепуганного американского буржуа, озлобленного трудностями жизни, не умеющего понять подлинные причины этих трудностей, мечтающего о сильной руке и готового увидеть эту «сильную руку» в горлопане из Алабамы. А тот и думает так же, как он, говорит на том же языке, без всяких там интеллигентских штучек, рассуждений — «с одной стороны», «с другой стороны», и обещает закон и порядок на следующий же день после своего появления в Белом доме.

В чем состоит сила Уоллеса, я особенно ясно увидел на одном из митингов, где он выступал. Дело происходило в крупнейшем зале Нью-Йорка, «Мэдисон-Сквер-Гарден». Огромное, напоминающее ангар помещение было до краев набито сторонниками фашиствующего демагога. Клерки, приказчики магазинов, владельцы маленьких магазинчиков, гостиниц, бензоколонок, золотушные девицы восторженным ревом встретили появление на трибуне своего кумира. Мне показалось, что собравшиеся даже не вслушивались в то, что он говорит. Узрев перед собой одного из таких же, как они сами, говорящего на том же жаргоне, с теми же ухватками, участники сборища все больше входили в раж. Короткий, энергичный уоллесовский жест, движение ладони от виска вперед — нечто среднее между ефрейторским жестом отдания чести и гитлеровским «хайль» — наэлектризовывало зал. Последние слова Уоллеса о необходимости сокрушения коммунизма, очищения Америки от негров, евреев и предателей потонули в каком-то невообразимом грохоте. Вокруг бесновались, вопили, рычали с искаженными от натуги лицами сотни человекоподобных. Вдруг рядом с собой я услышал собачий лай. Оглянувшись, увидел уже вовсе потерявших человеческий облик извивающихся девиц. Гавкали по-собачьи они. Не найдя другой формы выражения своего экстаза, они залаяли. Это было по-

истине страшно. Страшно до омерзения и омерзительно до ужаса. Собравшиеся здесь не хотели, не могли ощущать себя людьми. Им хотелось скорее стать на четвереньки, и от переполнявших их чувств они залаяли.

В тот вечер, мне кажется, я понял секрет успеха Уоллеса. Он в соответствии его идей, его демагогии, его облика, вкусам и чаяниям того слоя американского общества, которое поставляет рекрутов сотням фашистских организаций Америки, растущих там в последние годы повсеместно, как ядовитые грибы.

Фашизм — болезнь не национальная, а социальная. Несмотря на все различия, в капиталистической Америке она так же возможна, как и в капиталистической Германии. Конечно, нельзя фетишизировать цифру в 27 миллионов голосов, полученных Голдуотером в 1964-м, или 10 миллионов, голосовавших осенью 1968 года за Уоллеса. В доводах, приведенных за обедом в аргентинском ресторане адвокатом, несомненно, есть доля истины.

Но как быть с фашистскими и полуфашистскими организациями, число которых в Америке, по данным властей, приближается сейчас к тысяче и объединяет в своих рядах от четырех до шести миллионов членов? Как быть с массовыми истериками мракобесов, вроде той, которую мне довелось наблюдать в «Мэдисон-Сквер-Гарден»? Это тоже от дедушки к бабушке, а от бабушки к внучку? Однако бабушки и дедушки не маршировали под знаменем со свастикой американской нацистской партии; не готовились к вооруженному захвату власти, как отряды «минитменов», не разрабатывали планов массового уничтожения «расово неполноценных».

Опасным самообманом занимаются закрывающие глаза на то, что современное американское фашистское движение располагает массовой базой и опирается на нее. Массовой базой фашизма в Германии, так же как и всякого фашизма, была мелкая буржуазия. Лавочники и деклассированные элементы, мелкие буржуа города и деревни, ограниченные, озлобленные, фанатичные, легко становятся добычей ловких демагогов, за спиной которых стоят силы могущественные, как огня боящиеся, что прозревшие массы придут в движение и лишат их этого могущества.

В послевоенной Америке число людей, которых американский социолог Райт Милс остроумно и метко назвал «люмпен-буржуазией», исчисляется миллионами. Фермеры, в массе своей разоряющиеся и вынужденные продавать с молотка свои хозяйства, не выдерживающие конкуренции с могущественными компаниями мелкие предприниматели города — все они лишаются места в жизни, озлобляются, отчаиваются и, не видя подлинных виновников своих бед, нередко становятся добычей фашиствующих демагогов, твер-

дящих, что во всех их бедах виноваты коммунисты, негры, евреи и «эти проклятые интеллигенты».

«Ну а Хант?» — скажет вдумчивый читатель. Ведь он не мелкий буржуа и тем более не разорившийся. Что привело людей, подобных ему, в ряды фашистского движения? Что заставило действовать не только из-за кулис, как большинство могущественных воротил, а вылезти на передний план?

Я пытался выяснить это у самого Ханта, понять, что заставляет его действовать таким образом, во время долгого разговора, состоявшегося у нас душным августовским днем в вестибюле фешенебельной гостиницы «Фонтенбло» на одном из самых дорогих курортов мира — в Майами-Бич во Флориде. Надо сказать, что охотился я за Хантом давно, перечитал об этом субъекте все, что можно было достать, встречался и беседовал со множеством людей, имеющих к нему какое-либо отношение, но увидеться с ним, что называется, лицом к лицу мне никак не удавалось, хотя я пускался на всевозможные, а также и вовсе невозможные ухищрения и хитрости. Уже вышло из печати первое издание этой книги, а в моем активе было лишь посещение Ханта в большой группе американских журналистов, которое происходило в такой обстановке, что мне, слава богу, хоть удалось разглядеть объект моего исследования с довольно близкого расстояния.

И вот в дни съезда республиканской партии, предшествовавшего президентским выборам 1968 года, встреча все-таки состоялась. Мой давний друг и коллега Мэлор Стуруа, корреспондент «Известий» в Америке, знал о моей длительной «охоте» за Хантом. Как-то ранним утром он ворвался в мой номер гостиницы.

— Дружище, я засек Ханта. Он инкогнито приехал на съезд и живет в соседнем отеле. Если поспешим, то мы его накроем.

Зная страсть моего друга ко всевозможным розыгрышам — я сам не раз был их жертвой, особенно в студенческие времена, — я воспринял преподнесенную мне сенсацию с достаточной долей скепсиса.

— Знаю я твои штучки, пойдем-ка лучше позавтракаем.

— Какой, к бесам, завтрак! Я угощаю тебя Хантом. — И без дальнейших слов Стуруа поволок меня через дорогу.

Бывают же на свете такие совпадения. Не успели мы вломиться в подъезд, отодвинув плечом оторопевшего швейцара дорогого отеля, видом скорее напоминавшего спикера английской палаты лордов, как буквально нос к носу столкнулись с Хантом. Он ковылял по вестибюлю навстречу нам по направлению к выходу.

— Мистер Хант, мы хотели бы с вами поговорить.

— А кто вы такие?

— Журналисты.

— Я не даю никаких интервью. И вообще я занят.

Преисполненные решимости не упускать представившийся случай, мы попросту преградили Ханту путь к выходу и, постепенно тесня его, погнали, как бильярдный шар, в угол обширного вестибюля.

— Видите ли, мистер Хант, — тараторил на ходу скороговоркой Стуруа, никогда не нуждавшийся в том, чтобы лазить за словом в карман и не испытывающий недостатка в журналистской находчивости. — Мы хотели бы поговорить с вами о вашей книге «Альпака». Она нас крайне интересует. Кстати, не могли бы вы расписаться вот на этом экземпляре?

С ловкостью фокусника Мэлор извлек из кармана бог весть где разысканную им хантовскую книжонку и протянул явно польщенному автору. Видно, миллиардеры тоже не чужды авторского тщеславия. Во всяком случае, этот трюк моего друга сыграл решающую роль, и беседа состоялась. (О книге этой — предмете особой хантовской гордости — мы еще поговорим особо.)

Позже я спросил у Мэлора, по какому счастливому совпадению у него в кармане так кстати оказалась «Альпака».

— Черт тебя побери с таким совпадением. Узнав случайно от одного из американских коллег, что сюда должен приехать Хант, я полдня бегал по жаре в поисках этой пакости.

Что ни говорите, а друг — это всегда друг!

Но так или иначе, а с Хантом мы поговорили, что называется, по душам. Не спеша. Без помех. Вволю.

Беседуя, мы слушали, смотрели и... поражались. Поражались тому, что он говорил, как говорил, как себя вел, как выглядел. Начну с последнего. Внешний облик Ханта как-то удивительно диссонировал с обстановкой дорогого отеля, в которой шла необычная эта пресс-конференция. Утопая в роскошном кресле, перед нами сидел долговязый старик в стоптанных башмаках и нитяных — из самых дешевых — носках, свисавших на ботинки, в засаленном, обильно посыпанном перхотью пиджаке, несвежей рубашке, украшенной галстуком-бабочкой в горошек из тех, в которых щеголяют официанты дешевых ресторанчиков. Выцветшие, когда-то, очевидно, голубые, а сейчас медузьего цвета глаза, мокрые губы, неожиданный для его высокого роста тоненький голосок, то и дело срывающийся на пронзительный фальцет.

Но самое выразительное в хантовском облике, пожалуй, *руки*. Думается, что руки могут подчас сказать о человеке, о его характере, ощущениях, восприятии сиюминутной ситуации даже больше, нежели лицо и признанное зеркало души — глаза. Опытный человек привыкает следить за выражением своего лица, его мимикой, научается управлять его мускулами. Можно потушить и гла-

за, сделать их непроницаемыми и невыразительными, прикрыть их, в конце концов, темными очками.

Но вот руки... Ох уж эти руки! Они живут своей жизнью, выдавая то, что спрятали, скрыли лицо и глаза. Мне, к примеру, первое рукопожатие говорит обычно о человеке больше, нежели многие фразы первого знакомства. Прикосновение хантовской длани, вялой, будто бы без костей, влажно-холодной и липкой, вызвало мгновенную дрожь омерзения, желание поскорее найти рукомойник.

Во все время разговора его руки жили своей обособленной жизнью. Большие, усеянные веснушками, покрытые густым рыжевато-седым пухом, со сморщенной, будто бы пергаментной кожей, с большими неподстриженными грязно-желтыми ногтями, они беспрестанно находились в движении — сжимались, разжимались, сплетались пальцами, тискали друг друга, непрерывно и непроизвольно, как паучьи лапки, десять, двадцать, сорок минут, на протяжении всего разговора. Вот они засучили быстрее. Хант весь подобрался и, повернув голову, проводил кого-то глазами. Проследив направление его взгляда, я увидел пересекающих вестибюль двух девиц в совсем уж немыслимых сверхмини. Хантова морда подернулась салом, губы растянулись в улыбку, обнажая коричневые пеньки зубов.

Девицы продефилировали, Хант кончил вибрировать, и разговор продолжался. О чем? Обо всем. Об «Альпаке», о Хантовом бизнесе, о том, с какой целью он приехал в Майами-Бич и обретается в кулуарах съезда республиканской партии, об убийстве братьев Кеннеди. Расшифровывая сейчас пленку маленького карманного магнитофона, который я во время беседы включил, чтобы не упустить ничего из этого разговора, я поражаюсь примитивности и бессодержательности того, что говорил Хант. Его сентенции и рассуждения выдавали дремучее невежество, примитивность, патологическую злобность.

Но вот, отвечая на вопрос о том, что он делает в Майами-Бич, Хант вдруг надулся, заважничал и самодовольно заявил:

— Вы лучше спросите, что делают на съезде эти парни, которые вопят там, в зале заседаний, и я вам отвечу: они делают то, что скажу им я, во всяком случае многие из них. Нам не все равно, кто находится в Белом доме, и это уже не первый съезд, к которому я имею отношение. — А затем, словно бы спохватившись, добавил: — Впрочем, я не политик, я частный гражданин. И если кому-то угодно выслушать мое мнение, что ж — я готов его высказать.

Кому-то, безусловно, угодно! В этом еще и еще раз убедились мы в те же самые дни, близко наблюдая механизм работы съезда республиканской партии. Я позволю себе здесь на минуту

отвлечься от беседы с Хантом и рассказать об одном внешне забавном, но, в конце концов, поучительном эпизоде, участниками которого, опять же нам со Стуруа, довелось быть в те дни.

Дело происходило на одном из заседаний съезда республиканцев. Впрочем, заседанием это можно назвать лишь очень условно. Скорее действо это напоминает цирковой парад-алле. Предстояло выдвижение кандидатур на пост президента от республиканской партии. Перед тем как с трибуны называлось то или иное имя — Ричарда Никсона и Рональда Ригана, Нельсона Рокфеллера и Джорджа Ромни, — в зал заседаний вламывались 200, 300, 400 молодчиков — в зависимости от толщины кошелька и щедрости претендента — и устраивали шумную демонстрацию. Опять же в соответствии с мздой, ими полученной, они вопили от пяти до двадцати минут. Вопеж этот состоял преимущественно из скандирования одной фразы: «Ви вонт Никсон!» или «Ви вонт Риган!» («Мы хотим Никсона!», «Мы хотим Ригана!»). Оторав положенное, демонстранты успокаивались и покидали зал, освобождая место для следующих. Вот тут-то мы и решили созорничать, впрочем, не без задней политической мысли.

Перед тем как с трибуны съезда было названо имя очередного претендента на пост президента, в зал хлынули сотни крикунов. Они заполнили все проходы и стали что есть мочи отрабатывать полученные доллары. Покинув ложу прессы и смешавшись с этой толпой, мы оказались в зале перед самой трибуной. Решив, что демократия так демократия, мы завопили тоже. Я орал благим матом: «Ви вонт Мэлор!», «Ви вонт Мэлор!» Он, стоя в нескольких шагах от меня, ревел что есть мочи: «Ви вонт Зорин!»

Надрывались так мы довольно долго. Скажите, ну чем не демократия? Да вот беда, съезд почему-то наши кандидатуры не выдвинул, и мы президентом США так и не стали.

Мораль сей демократии такова: в крайнем случае тебе дадут поорать — тем и утешайся. Что же касается решений, то на них этот ор никак не влияет и никакого отношения к ним не имеет. Он лишь для отвода глаз и обмана легковерных, чему, в частности, свидетельство и наш шуточный эксперимент.

Именно это и имел, очевидно, в виду Хант, с нескрываемым пренебрежением говоривший об «этих парнях, которые вопят на съезде». Он-то хорошо знал, где находятся настоящие пружины, движущие американский политический механизм, поскольку сам он со своими сотнями миллионов одна из таких пружин...

В конце разговора, когда нам, что называется, терять уже было нечего, мы решили затронуть больной для Ханта вопрос. Надо сказать, что на протяжении всей беседы он не знал, кто мы такие, — то ли растерявшись от нашего напора, то ли расчувствовав-

шись от внимания к его рукоблудию в виде «Альпаки», он так и не задал вопроса, какой орган прессы мы представляем.

— Мистер Хант, как вы думаете, что стоит за покушением на президента Кеннеди? Кто его убил?

— Коммунисты.

— Ну, а Роберта Кеннеди?

— Тоже коммунисты. И Мартина Лютера Кинга.

— Мистер Хант, но разве вы коммунист? — делая наивные глаза, спросил я.

— Что-о-о?!

— Но ведь существуют серьезные основания считать, что именно вы имеете непосредственное отношение к убийству президента.

Лицо Ханта начало медленно багроветь. К такому обороту разговора он не подготовлен, к подобному тону не привык. Давно уже в Америке к Ханту обращаются с льстивой угодливостью и всемерной почтительностью.

— А кто вы такие, собственно говоря? — вместо ответа вопрошает он.

— Мы журналисты из Советского Союза. Коммунисты, кстати сказать.

Надо было видеть лицо Ханта в этот момент. Из багрово-красного оно стало пепельно-серым. Раскрыв рот, он судорожно хватал воздух. В глазах его был нескрываемый страх. Да, да, Хант испугался. Очевидно, он решил, что сейчас мы начнем его убивать. Затем, обнаружив, что кровожадных намерений мы не выказываем, он несколько успокоился и, вытащив из кармана засаленный платок, отер им мгновенно вспотевший лоб.

— Надеюсь, джентльмены, что это шутка, — после долгой паузы прошамкал пришедший наконец в себя миллиардер. — Должен вам сказать, что вы плохо шутите. У старика Ханта хороший нюх на коммунистов. — И, уколов нас неприязненным взглядом, он тяжело поднялся с кресла и медленно, не попрощавшись, заковылял прочь. Мы откровенно хохотали. Уж очень жалок и смешон оказался при ближайшем рассмотрении этот «самый страшный человек в Америке».

* * *

Трагикомическая встреча и беседа эта, мало что дав с точки зрения фактических сведений, помогла лучше ощутить, понять даже не человека, а почти патологическое явление, каковое он собой представлял. И все-таки чего-то не хватало. Ну злобный, ну ограниченный, но откуда это идет, чем движимо? Я много размышлял

об этом, и тут, как это часто бывает, на помощь пришел случай, незадолго до того происшедший, о котором я вспомнил, и, сопоставив его со встречей с Хантом, вдруг увидел для себя четкую картину.

В одно из солнечных осенних воскресений советские журналисты, постоянно живущие и работающие в американской столице, решили организовать пикник, чтобы отдохнуть самим и дать возможность отдохнуть своим коллегам, приехавшим из Москвы. Запихавши в машины нехитрый туристский скарб вперемежку с детишками, жаровню, расфасованный в бумажные мешочки древесный уголь и мясо для шашлыка, мы отправились за город.

Милях в тридцати от Вашингтона машины свернули с шоссе и, проскочив между холмами, вскоре выехали к небольшому, но очень живописному озеру Тимберлейк. На берегу стоял уютный мотель, водную гладь бороздило несколько лодочек. Идиллической пасторали контрастировал вполне прозаический шлагбаум, преградивший нам путь и поднявшийся лишь после того, как каждый из нас отдал по доллару парню в джинсах и линялой майке, меланхолично жевавшему резинку.

За свои деньги мы получили завидное право расположиться на берегу озера. Очень скоро картина напоминала такую, какую вы можете видеть в солнечный день на берегу любой из наших речек или озер под Москвой и Ленинградом, Киевом и Новосибирском. Женщины разворачивали свертки, а мужчины, сбросив пиджаки, а вместе с ними излишки степенности, разбившись на две партии, и учинив футбольные ворота из шляп и рубашек, упоенно гоняли мяч.

За перипетиями жаркой схватки мы не заметили, как недалеко от нашего стойбища, у самой воды, остановилась небольшая машина, из которой вышли двое. Специальный корреспондент «Известий» Викентий Матвеев, меланхолично наблюдавший за нашей игрой со стороны, — свойственные ему солидность и рассудительность не позволяли принять в ней участие, — вдруг стал проявлять явные признаки оживления, а затем решительно двинулся к вновь прибывшим. Взглянув на машину повнимательнее, мы поняли, что сдуло с нашего друга налет флегмы, обнаружив подлинно журналистский темперамент: рядом с номером, на прикрепленном к бамперу большом куске жести, выкрашенном в желтый цвет, черными буквами было четко выведено: «Голдуотер в президенты».

Даже на расстоянии было видно весьма мрачное выражение на лицах пассажиров автомобиля. Позже Матвеев рассказывал нам, что начало разговора было весьма многообещающим.

— *Кто вы?* — спросил высокий худощавый поклонник Голдуотера.

— Русские. Советские журналисты, — последовал ответ.

— Черт вас побери! Если бы у меня в руках был автомат, я бы с удовольствием разрядил его в вас.

— Это очень интересно! — ответил невозмутимо Матвеев. Изысканно вежливый разговор начался.

Вскоре, не желая испытывать наше терпение, Викентий Александрович решил великодушно поделиться журналистской добычей и подвел к нам своих воинственно настроенных собеседников.

Один из них, невзрачный, сутулый человек в кургузом пиджачке и темном галстуке, промолчал почти все время. Зато другой говорил беспрерывно. Он являл собой фигуру весьма колоритную — долговязый, в измятых парусиновых штанах, стоптанных башмаках и тельняшке с закатанными рукавами, огненно-рыжий, густо усеянный веснушками, даже глаза его с белесыми ресницами казались рыжими и в веснушках, он говорил возбужденно и быстро, проглатывая окончания слов, брызгая слюной и размахивая руками.

«Расправившись» для начала с полутора миллиардами людей, заявив, что он, не колеблясь, сбросил бы ядерные бомбы на все города социалистических стран и что единственное стабильное правительство в мире — это правительство Южной Африки, он принялся громить коммунистов внутри Соединенных Штатов. Из громко выкрикивавшихся фраз, уснащенных эпитетами, которые не принято воспроизводить на бумаге и в дамском обществе, в несколько минут нам удалось установить, что к числу коммунистов и их попутчиков он относит, в частности, бывших президентов Соединенных Штатов Джона Кеннеди, Линдона Джонсона, тогдашних вице-президента Губерта Хэмфри, председателя Верховного суда Эрла Уоррена, губернатора штата Нью-Йорк Нельсона Рокфеллера, губернатора штата Мичиган Джорджа Ромни и еще полтора десятка таких же «красных». Затем последовали злобные антинегритянские высказывания, заявление о «15 веках еврейского заговора» и все прочее в том же духе.

Согласитесь, что экспонат был диковинный. Не каждый день у нашего брата есть возможность осуществить свободный, неофициальный разговор и пространный обмен мнениями с фашиствующим фанатиком, и мы, подавляя в себе вполне естественное отвращение, оттерев плечами в один из моментов молодого коллегу, когда он, не выдержав очередной гнусности, вдруг поднес к самому носу опешившего оратора, прогавкавшего что-то о необходимости сбросить на Москву водородную бомбу, здоровенный свой кулачище и по-русски спросил при этом: «А вот этого не видел?», продолжали исследования.

То, что выяснилось, было очень поучительным. Рыжий детина — зовут его Джо Янг — собственник этого озера и территории, к

нему прилегающей. С гордостью заявил о себе, что он «сэлфмэйдмен» — «человек, который сделал себя сам». Кончил четыре класса. Работал фотографом. Затем выбился в фоторепортеры широко распространенного журнала «Лайф». Бродя как-то в окрестностях Вашингтона, наткнулся на большой овраг, поросший лесом, с отлогими песчаными скатами, с теплыми ключами на дне. Решил, что на этом можно хорошо заработать. Пустил в ход все сбережения, по уши влез в долги — купил овраг, соорудил запруду.

Теплое озеро, песчаный берег, лесок, реклама сделали свое дело. Тысячи жителей американской столицы, спасаясь от влажной городской духоты, стали проводить здесь субботние и воскресные дни. С каждого по доллару — рыжему капиталец. Построил мотель, лодочную станцию, ресторан, прикупил соседние овраги. Дело растет быстро, принося большой доход. Сейчас на его текущем счету уже около полутора миллионов долларов.

...Само по себе все это — и овраг, превращенный в озеро, и воскресный отдых горожан, — конечно же, неплохо и разумно. Но баланс большого света не сходится — чистоган, помогая создать в данном случае пляж, убивает в человеке человеческое. Оборотистый фотограф становится не только и даже не столько хозяином, сколько жертвой бизнеса, воплощая собой те моральные издержки, которыми в обществе, где все меряется на деньги и только на них, сопровождается эта сама «частная инициатива». Волею случая, хотя и не без собственной изворотливости, выбившись из низов и обогатившись, он, что называется, сошел с резьбы. Будучи одним из очень немногих, такой выскочка уверовал в свои сверхчеловеческие данные и убежден, что не он должен обществу, но общество ему.

Янг и представители его разновидности не способны увидеть и не видят ничего, кроме своих долларов, и приходят в неописуемую ярость от всего, что, по их мнению, может помешать самовозрастанию оных. Они еще не обрели уверенности в прочности свалившегося на них богатства, трепещут от мысли, что могут его потерять. Странная смесь высокомерия, граничащего с манией величия, и комплекса неполноценности, самоуверенности и страха, удачливости и невежества, безграничной агрессивности и плохо скрытой трусости, толстой чековой книжки крупного предпринимателя и въевшейся в плоть и кровь психологии мелкого лавочника — таков его портрет. И еще озлобленность в отношении могущественных родов финансовой аристократии, не дающей ему ходу, и мучительная зависть по их адресу, презрение к той среде, которая волею случая покинута, и опасения быть вновь низринутым вниз — вот этот социальный тип, хотя и не столь уже много-

численный, но играющий в сегодняшней Америке роль немалую и опасную...

— Кто мне помог? — уже не вопит, а философствует рыжий детина, расположившись на траве. — Президент мне помог? Правительство? Сенат? Черта лысого! Я сам себе помог, я сам себя сделал. Так какого дьявола, — голос его опять поднимается до визга, — эти гниды из Вашингтона, это сучье племя лезет в мои дела! Почему я должен им платить налоги, которые растут, с какой стати меня обязывают заключать эти вонючие коллективные договоры с моими рабочими? Это вы во всем виноваты! Это все коммунистические идеи, Карл Маркс и прочее!

— А что вы знаете про коммунизм и Карла Маркса?

— Я не читаю всего того, что понаписала вшивая интеллигенция. Но я хорошо знаю, кто и почему засовывает руку в мой карман. И вы меня не собьете. От вас идет вся зараза, налоги, пенсии и прочий социализм. А эти хлюпики из Вашингтона, вместо того чтобы дать в морду, поджимают хвост. Нужен такой парень, как Барри. Он всем покажет.

И дальше без всякого перехода:

— Кстати, джентльмены, вы не знаете, почему русские дипломаты в воскресные дни стали меньше ездить на мое озеро? Скажите им, что самая лучшая вода в окрестностях Вашингтона здесь. И недорого, всего доллар с человека. Не забудьте, джентльмены, пожалуйста.

Бизнес есть бизнес, и, отложив в сторону свою политическую платформу, позабыв о сетованиях по поводу отсутствия автомата в руках, рыжий голдуотеровец приглашает нас всех к себе в гости.

— Не обращайте внимания на мой вид, — он показывает на пропотевшую тельняшку и разбитые парусиновые башмаки. — Это рабочий костюм. А дом у меня о'кэй, здесь недалеко, там продолжим беседу.

Не очень заботясь о дипломатичности формы, мы отвели внезапное приглашение. Но под вечер, когда собрались уезжать, мы вновь увидели рыжего. В элегантном костюме он восседал за рулем шикарной и очень дорогой спортивной машины. Ему явно хотелось покрасоваться...

Сидя на траве напротив яростно жестикулировавшего и разглагольствовавшего о коммунизме Янга, я поймал себя на том, что все время пытался мучительно сообразить, кого он мне напоминает. Но так и не вспомнил. И лишь позже — а вопрос этот гвоздем засел в голове — меня вдруг осенило: да конечно же, Ханта. И все встало на свои места.

То было не внешнее сходство. 80-летний техасец, степенный и преисполненный сознания собственной значимости, не походит на

суетливого, взвинченного, лет 45, хозяина озера. И тем не менее и в том и в другом было что-то неуловимо сходное. В манере поведения, дремучем невежестве, в фанатичной исступленности, злобной ограниченности, неимоверном самомнении. Словом, это был один род, один вид, один и тот же социальный тип.

Попав в большие забияки со своей кучей долларов, они не только по рождению, но и по нынешней психологии мелкие буржуа, злобствующие от сознания непрочности своего положения, неуверенности в будущем.

«Все мы разбогатели довольно быстро. И, признаться, кроме денег, нас ничто не интересовало и не интересует. Но вот рост сил коммунизма ощущается во всем мире. Почему мы должны терять то, чего достигли?» Кому принадлежат эти слова: Джо Янгу или Гарольду Ханту? Их мог произнести и тот и другой, они одинаково точно отражают ход мыслей обоих, объясняют их поведение, их позицию.

Высказывание это принадлежит одному из близких друзей Ханта, крупному техасскому миллионеру, и было воспроизведено на страницах журнала «Форчун». Как видите, речь идет не об индивидууме-феномене, а о чем-то типическом, характерном.

Джо Янг — хозяин озера в окрестностях Вашингтона, и Гарольд Хант — владелец огромного нефтяного бизнеса; несмотря на разницу между янговским миллионом и хантовским миллиардом, это явления одного и того же порядка, порождение одних и тех же условий. У них общие страхи, общая ненависть, общие кумиры, общая судьба.

Альпака — горный козел

Впрочем, есть и различие. Рыжий хозяин озера уповает на Голдуотера. Хант глубоко убежден, что господь бог возложил особую миссию на него самого. «Хант одержим убеждением, — рассказывал на страницах «Нью-Йорк таймс» Дэвид Джонс, по поручению этой газеты неоднократно встречавшийся и беседовавший с нефтяным воротилой, — что он должен спасти Америку». Всего-навсего! Претендуя на роль нового мессии, он считает необходимым довести свою проповедь до каждого американца.

Альпака — это один из видов горного козла. Почему именно козел покорил воображение Ханта, трудно сказать, но покорил. Во всяком случае, вымышленную, с его точки зрения идеальную страну он назвал «Альпака».

О рае на земле, картины которого возникают в его старческом склеротическом мозгу, Хант поведал в романе, который так

и именуется — «Альпака» — тот самый, на который как на наживку мы поймали Ханта в холле гостиницы «Фонтенбло». Видно, писание книг в наш просвещенный век стало модой среди миллиардеров. Раньше они выхвалялись друг перед другом своими рысаками, любовницами, драгоценностями на мясистом тулове своих жен. Сейчас к этому прибавились графоманские увлечения. Гетти пишет, Рокфеллер пишет, Хант тоже пишет.

Но если книги Гетти содержат и знание и стиль, то хантовская «Альпака» — рукоблудие графомана. Я листал это творение, продирался сквозь чудовищную абракадабру, стараясь вникнуть в суть. Делал я это, что называется, по обязанности и думал при этом: ну какой же нормальный человек станет мучиться надо всем этим просто так, без особой надобности? И еще думал: как могли издать в цивилизованной стране подобную макулатуру и почему автор со своей тугой мошной не нанял хотя бы литературных правщиков для того, чтобы как-то причесать все им нагороженное.

И не только думал. Я расспросил об этом людей сведущих. Оказалось, несмотря на то, что автором книги был один из богатейших людей Америки, в стране не нашлось ни одного издателя, который рискнул бы ввязаться в авантюру по изданию бреда. Получив отказ нескольких издательств, Хант напечатал и распространил свою «Альпаку» на собственные деньги. Что же касается литературной правки, то здесь дело обстоит еще комичнее. Хант, оказывается, убежден в том, что он неповторимый мастер прозы и большой стилист; он так и заявил: «Я, правда, пишу медленно, но пишу лучше всех». Вот так! О каких уж тут правщиках может идти речь.

Это говорит о себе субъект, не знающий как следует ни одного языка, изъясняющийся на вульгарнейшем жаргоне, с путаницей в понятиях необыкновенной, едва окончивший четыре класса. Весьма красноречиво в порыве не то откровенности, не то раздражения описал интеллектуалов типа Ханта недавно умерший американский миллионер Генри Люс, человек их же круга, издатель «Лайфа», «Тайма» и «Форчуна». «Всегда и везде, — откровенничал он, — деловые люди производят отталкивающее впечатление. Что собой представляют почти все те, кого я знаю из людей нашего круга? Все мы лишь буржуа, увлеченные материальной стороной жизни, полные предрассудков, вульгарные, неотесанные грубияны, нелепые и тупые». Сказано зло, видно, накипело, и перед смертью захотелось бросить в лицо себе подобным эту ядовитую правду. Берусь свидетельствовать, что, будучи приложенным к Ханту, это описание приобретает характер документальной фотографии.

Вот такой-то персонаж и ударился в романисты. А мне пришлось,

очевидно, в наказание за прегрешения и, в частности, интерес к Ханту покорпеть над «Альпакой», процесс чтения которой вполне сравним с жеванием вара — удовольствия никакого, а зубы вязнут, челюсти не разомкнешь.

Авторская идиллия, рисуемая романистом-миллиардером, вполне фашистского толка. По страницам книжонки победно разгуливает некий Хуан Ачалу, писаный красавец, помесь породистого жеребца с традиционным голливудским ковбоем, и на ужасающем воляпюке возвещает истины на тему спасения Америки от язв демократии. Правда, Хант предназначал свой роман для читателей-американцев. Поэтому порядки в государстве «Альпака» внешне подмалеваны под демократию. Но какова эта хантовская демократия, можно видеть из того, что избиратели «Альпаки» голосуют сообразно своему кошельку. Люди с капиталом имеют 7 голосов, если денег поменьше — 6, если еще меньше — 5 и т. д.

Что же касается тех, у кого капитала нет совсем, то Хант их в книгу не пустил, легко и просто таким образом разрешив все проблемы. Большие доходы, по Ханту, обложению не подлежат, ибо они и есть пружина развития общества. Мракобесие идеалов, изложенных в романе, настолько густопсово, что даже буржуазная критика, фыркнув по поводу «литературных недостатков» романа, вынуждена была констатировать, что хантовская демократия — «это своего рода фашистская демократия».

Вы думаете, Хант обиделся? Ничуть не бывало. Он удостоил автора этой рецензии письмом, написанным самолично: «Только вы поняли меня правильно».

Впрочем, ему плевать на литературных критиков. Отцы города Далласа оценили «Альпаку» по-своему. В знак восторженного одобрения они назвали одну из далласских улиц «Альпака-Пасс». Таблички, установленные на этой длинной, прямой, как дубина полицейского, единообразной, как солдатский строй, улице, должны, по мысли далласских управителей, споспешествовать установлению альпаковых идеалов. Они мечтают о превращении в фашистскую Альпаку всего Далласа, всего Техаса, всей Америки и по возможности всего мира. Мечтают, а пока заставляют граждан хантовской вотчины города Далласа шествовать по улице «Альпака-Пасс».

Вообще, надо сказать, в Далласе всячески лелеется своеобразный культ Ханта, вокруг воротилы создается ореол легенды, имеющий мало общего со своим прототипом, рассчитанный на потребу американского мещанина.

На окраине города вдали от шума городского и проникающей везде пыли — там живут столпы местного общества — стоит

большой и безвкусный дом, украшенный претенциозным шестиколонным портиком. Щедрая зелень и обширный, выложенный голубой плиткой, а по вечерам красиво подсвечиваемый бассейн за домом предназначены для того, чтобы помогать хозяевам переносить техасский летний зной. Однако в конце концов, несмотря на безвкусные претензии своих хозяев, это обиталище ничем особенным не выделяется среди окружающих строений, на каждом из которых лежит печать провинциального самодовольства и мещанской ограниченности. Ни внешний облик этого дома, ни распорядок жизни его обитателей не могут навести постороннего наблюдателя на мысль, что именно здесь обосновалась одна из наиболее зловещих фигур современной Америки, обладатель крупнейшего состояния Гарольд Хант. Размеренный, обывательский повседневный образ жизни хантовского семейства мало чем отличается от жизни многих сытых американских мещан.

В десять часов вечера гаснет свет в окнах этого дома, и за его стенами воцаряется сонная тишина. А на закате солнца нередко можно видеть Ханта и членов его семьи, расположившихся в белых плетеных креслах-качалках на зеленой лужайке перед домом и о чем-то беседующих. Идиллическая картина нередко дополняется благочестивыми песнопениями, разносящимися далеко окрест. Чаще других прохожие и соседи слышат религиозный гимн.

Городская бульварная печать с умилением, разумеется тщательно взвешенным и хорошо оплаченным, расписывает строгие порядки, царящие в этом доме. Постоянными посетителями, гостями престарелой четы Хантов в последние годы являются люди пожилые и респектабельные. Молодежь там появляться не любит. Известно, что на стол там не подают спиртного. При каждом случае, удобном и неудобном, хозяин подчеркивает свое воздержание, запивая свои проповеди фруктовым соком и потчуя гостей вареными овощами. Что же касается картишек и иных суетных вещей — то ни-ни.

Столь строгие нравы хантовского дома — для нефтяного барышника нечто новое и непривычное — молва приписывает его второй жене. Раньше, до того как в 1957 году она связала себя узами Гименея с престарелым миллиардером, — разница в их возрасте превышает три десятка лет, — дама сия именовалась миссис Руффи Райт и была секретаршей босса. Первая жена Ханта умерла в 1955 году, прожив с мужем сорок лет и родив ему шестерых детей. Дочь богатого фермера, она была существом тихим и забитым, панически боявшимся своего мужа — гуляки и игрока.

Ее похороны Хант обставил с великой помпой и не подобающей случаю рекламой, стремясь при помощи подталкиваемых особым гонораром газетных репортеров, фотографов и операторов

телевидения на всю Америку продемонстрировать свое безутешное горе нежного мужа и добропорядочного семьянина. Но не успели отзвучать похоронные мелодии, как в хантовском доме появилась миссис Райт, а вскоре эта предприимчивая миссис стала и его хозяйкой.

Вряд ли есть необходимость доказывать умысел тех, кто распространяется о том, что благочестивый строй и распорядок жизни хантовского семейства — результат религиозного благочестия самого Ханта и его жены, сумевшей, дескать, обратить своего некогда беспутного мужа на путь истинный. Против этого говорит хотя бы та нарочитость и назойливость, с которой американцам вдалбливают мысль о нынешней добропорядочности обладателя миллиарда. Нарочитость эта, а также слишком уж внезапный поворот от разгула и азарта многих десятилетий на «стезю добродетели» наводят на мысль о том, что речь скорее идет о тщательно продуманной в рекламных конторах Далласа системе мероприятий по наведению благопристойного лоска на человека, чья скандальная слава и слишком вызывающее поведение ставили под угрозу образ благочестивого радетеля о нуждах страны и соотечественников, легенде, которую американская пропаганда упорно создает вокруг всех носителей громких имен и обладателей крупнейших состояний.

Да и сам Хант, судя по всему, вынырнув из безвестности, в которой обретался долгие годы и вынужденный ныне действовать под пристальным оком общественного внимания, счел, очевидно, за благо расстаться со своей слишком уж скандальной известностью и предстать перед соотечественниками в образе этакого патриархального мудрого старца.

Нарочитая благопристойность образа жизни хантовского семейства — это своего рода рекламный трюк, как рекламным трюком является показное благочестие самого Ханта. Один из его соседей говорит: «Мы с удивлением видим, что мистер Хант регулярно теперь ходит в церковь. Раньше мы никогда за ним этого не замечали, хотя его покойная жена миссис Лида Банкер Хант была набожная женщина и не пропускала ни одной службы. Не менее благочестива и новая жена господина Ханта. Может быть, это ее влияние...» Говорящий с сомнением пожимает плечами и добавляет: «Хотя каждый, кто знает мистера Ханта, может усомниться в том, что на него можно оказывать влияние».

Сосед прав. Ну конечно же, дело не во влияниях, а в расчете. Впрочем, сам Хант не скрывает пробудившегося у него бурного интереса к рекламе и саморекламе. «Раньше я боялся говорить, — с ухмылкой сообщает он журналистам. — А теперь уж я боюсь промолчать». И дело здесь не только в том, что престарелый

нефтяной воротила обеспокоен, что потомки не узнают о плодах его досужих размышлений, образчики которых я читателю уже представил, но и о том еще, что для него остался позади период, когда он предпочитал действовать в подполье, опасаясь конкурентов, которые, обнаружив, могли прихлопнуть его как муху.

Сейчас Ханта не прихлопнешь. Он сам кого хочешь прихлопнет. А посему он предпочитает действовать с наибольшим шумом и рекламным эффектом. Хитрец постиг, что, располагая пускай скандальной, но славой «самого опасного человека в Америке», он может эту славу, нездоровый интерес к его особе обернуть себе на пользу. Давать интервью значительно дешевле и эффективнее, чем помещать платные объявления и рекламу своей фирмы. За коммерческую рекламу, во-первых, приходится платить, и по американским порядкам немало. А во-вторых, что ни говорите, реклама она и есть реклама, и уже в силу этого читающие рекламные объявления относятся к ним с некоторым предубеждением, не без оснований на собственном горьком опыте подозревая, что их хотят провести и всучить нечто значительно менее привлекательное и необходимое, чем это утверждает реклама.

Когда же реклама замаскирована, она более действенна. При чем здесь коммерция, как бы хочет сказать Гарольд Хант, фиглярничая на экранах телевизоров, распространяясь в различных интервью на самые разнообразные темы, от рецептов сохранения фигуры до рецептов уничтожения коммунизма. С точки зрения коммерческой, по его мнению, не так уж важно, о чем он говорит. Важно, что он мозолит глаза соотечественникам, не дает им забыть собственное имя, то самое имя, которое красуется на вывесках и бланках его фирмы, на разнообразных видах продукции, ею выпускаемых.

Агитация вокруг его персоны весьма искусно используется Хантом в чисто коммерческих целях. Это как бы наживка, приманка, которую бросают падким до сенсаций американским обывателям. А уж коль скоро они эту наживу схватили, их можно поддевать и на политическую уду хантовского мракобесия, и на коммерческую удочку рекламы его компаний.

Стремление продемонстрировать свое благочестие, свою добропорядочность у Ханта очень велико. Оно оказалось сильнее и привычной развязности, и любви к скандалу. Хант пожертвовал ради него многими милыми для себя привычками. Единственно, от чего он не может отказаться даже благочестия ради, это хотя бы и от микроскопической толики своих долларов.

Не так давно жители Рэмси — захудалого местечка неподалеку от Вандалии, где родился миллиардер, — вознамерились восстановить местную церковь, в ограде которой, кстати сказать, распо-

ложено то, что у людей нормальных именуется родными могилами, место последнего успокоения отца и матери Ханта. Для ремонта потребна не столь уж большая сумма — несколько сот долларов. Единственная из оставшихся в живых сестра Ханта попросила брата от имени жителей Рэмси прислать немного денег на восстановление пришедшей в ветхость церкви. Ну конечно же, Хант не отказал землякам. Обладатель сотен миллионов долларов раскошелился незамедлительно. Церковный староста получил от него чек на... 5 долларов.

Благочестивый Хант — вещь столь же неправдоподобная и парадоксальная, как сапоги всмятку, как трезвый алкоголик, как добродетельный убийца. Добропорядочность игрока не более чем поза, тщательно продуманный рекламный трюк. Одной из отличительных черт американского обывателя является его бесподобное ханжество. Такого, пожалуй, не встретишь ни в одной другой стране. Общество осуждает не за мошенничество, осуждает того, кто не умеет это скрывать.

Пока Хант обретался на заднем дворе американского бизнеса, скрываясь во мраке неизвестности, пользуясь покровом этого мрака для обделывания своих делишек, ему было наплевать на респект, на то, как он выглядит в глазах соседей, что думают о нем в обществе. Но теперь он вознесен на вершину бизнеса и увенчан званием одного из богатейших людей Америки. Изменилась ли его мораль?

Ну конечно же, нет. Изменилась ситуация. Изменилась обстановка, в которой ему приходится действовать. А коль скоро это так, в интересах своего бизнеса он и напяливает на себя идущее ему, как кавалерийское седло захудалой буренке, обличье образцового семьянина, богобоязненного прихожанина, трезвенника и любителя церковных песнопений. Миссис Хант-вторая, в прошлом секретарша и любовница своего патрона, а ныне играющая роль матроны — дамы-благотворительницы, столпа далласского высшего света, — здесь ни при чем. При чем здесь лишь холодный расчет. А расчет для Ханта всегда был превыше всего.

Не без расчета, в том числе и коммерческого, ведет он и свою погромно-пропагандистскую деятельность. Пример тому — уже упоминавшаяся радиопрограмма «Линия жизни», отвечающая как позывам его души, так и велениям кармана. Еще в начале 50-х годов Хант сколотил пропагандистскую организацию «Фэкст форум», которая была главным рупором Джозефа Маккарти. Сейчас излюбленное детище Ханта — «Лайф лайн» («Линия жизни») — радиопрограмма, передающаяся из Вашингтона, которую ежедневно слушает около пяти миллионов американцев в 45 штатах.

Кстати говоря, наиболее прилежным слушателем этой радио-

программы, по рассказам завсегдатаев его дома, является он сам. Не большой любитель кино и театра, сам о себе говорящий, что он давно уже бросил читать книги, ибо это кажется ему нестоящим занятием, — это-то автор «Альпаки», без ложной скромности заявивший, что он является лучшим писателем Америки, — он готов часами слушать злобный полуфашистский бред, распространяемый его радиопрограммой.

Стоимость всего этого предприятия весьма солидна — 2 миллиона долларов ежегодно. В сегодняшней Америке за 2 миллиона долларов можно наговорить чего угодно. И говорят. Ежедневно, ежечасно 331 радиостанция, работающая на программу «Лайф лайн», посылает в эфир отравленные стрелы клеветы, подстрекательства, разнузданной антикоммунистической, антинегритянской, антирабочей пропаганды.

Но Хант не альтруист. В чем, в чем, а в бескорыстии его упрекнуть нельзя. Сотрясая эфир погромно политическими тирадами, он ни на минуту не забывает и о своей лавке. Надо признать, делец он изворотливый и фантастически пронырливый обладающий какой-то особой «сверхтекучестью», способностью просочиться куда угодно. По существующим в Америке порядкам различного рода благотворительные организации не облагаются налогами. Хант ухитрился подвести «Лайф лайн» под разряд благотворительных и использует время, захваченное им в эфире, не только для поношения всего, что ему не по душе, но и для рекламного превозношения таблеток, улучшающих пищеварение, и ряда других лекарств, а также пищевых продуктов, производимых его фирмами и компаниями.

«Для Ханта, — пишет американский журнал «Нейшн», — не существует различия между патриотизмом и выгодой». Сказано точно. «Все, что я делаю, — заявил как-то репортерам он сам, — я делаю ради выгоды».

На сей раз Хант не лукавит. И горе тем, кто становится ему поперек пути, кто угрожает его выгоде. Тут он не знает удержу. За ним огромная сила денег. Он сознает их силу, пребывая в уверенности, что все в Америке, включая ее президентов, должны работать на его, Хантову, выгоду.

Джон Кеннеди был не первый хозяин Белого дома, вызвавший неудовольствие Ханта. В течение нескольких лет техасский нефтепромышленник вел тайную и упорную войну против генерала Эйзенхауэра, войну, по мнению Ханта, завершившуюся его победой.

Дело это началось еще в конце 40-х годов. В результате геологической разведки было установлено, что техасские песчаные отмели на побережье Мексиканского залива таят под собой богатейшие запасы нефти. Но по американским законам береговая

линия является собственностью государства. И поэтому частные предприниматели и компании не могли наложить руку на эти богатства.

Тогда воротила задумывает ни больше ни меньше как посадить в Белый дом своего человека, который в благодарность за поддержку возьмет на себя обязательство подарить эти земли ему, Ханту. Выбор техасца падает на генерала Дугласа Макартура, с которым его связывала личная дружба. Хант принимается за дело. Самолично направляется он к генералу Эйзенхауэру и просит его использовать свой авторитет для избрания Макартура. Как выяснилось позже, у Эйзенхауэра была своя собственная точка зрения по поводу наилучшей кандидатуры для выборов 1952 года. А посему Ханту он отказал.

Техасец продолжает стоять на своем, желая купить себе подходящего президента. Он создает специальную избирательную машину, вербует сторонников, грозит, улещивает, обещает, подмазывает. В течение трех-четырех месяцев толстосум потратил на кампанию в пользу Макартура несколько сот тысяч долларов. В «Уолдорф-Астория», шикарнейшем отеле Нью-Йорка, собирает руководителей республиканской партии и требует, чтобы они поддержали его фаворита. Но силы, стоящие за Эйзенхауэром, были превосходящими. Потерпев неудачу, Хант продолжал ершиться. «Мне не хватило двух часов, чтобы добиться на съезде выдвижения Макартура», — заявил он тогда на пресс-конференции.

Проигрыш ему дорого обошелся. Богатые нефтеносные отмели в годы пребывания у власти правительства Эйзенхауэра перешли-таки в руки частных компаний. Но злопамятный генерал постарался, чтобы подставлявший ему ногу Хант не получил ничего. Невозможно оскорбить Ханта больше, нежели помешать ему прикарманить то, на что он позарился. Между ним и генералом-президентом была уже теперь не политическая, а кровная вражда. Его душила злоба. Люди, знающие техасца, говорили, что у него темнело лицо при одном упоминании имени Эйзенхауэра.

Следующий ход был за Хантом. И он его сделал. До середины 50-х годов в американской политической жизни существовала неписаная традиция, по которой президент не должен был находиться в Белом доме больше двух сроков, то есть восьми лет. Но традиция не закон, и она не раз нарушалась. Последний раз это сделал Ф. Рузвельт, избиравшийся четырежды. Хант решил поставить на пути Эйзенхауэра к продлению власти препятствие неодолимое. Он имел прямое отношение к принятию 22-й поправки к конституции, законодательным путем запретившей пребывание на президентском посту больше двух сроков. Сам Хант в припадке мстительного восторга разболтал эту историю.

— Я добился всего этого лишь за семь недель. Я считаю это моей важнейшей победой в области внутренней политики. Если бы не она, Эйзенхауэр оставался бы на президентском посту еще не один год.

Эйзенхауэр удалился от дел на свою ферму в Геттисберге. Трудно сказать, в какой степени, но то, что руку к этому Хант приложил, не вызывает сомнений. В Белый дом въехала чета Кеннеди, и молодая хозяйка, «ферст леди» Жаклин Кеннеди приступила к переоборудованию резиденции американских президентов на свой вкус, насаждая в его холодных, официальных залах стиль французских королевских апартаментов с шелковыми тиснеными обоями и изящной мебелью.

Но замена мещанских пуфиков мадам Эйзенхауэр аристократическими жакобовскими креслами Жаклин Кеннеди оказалась мероприятием, недостаточным для прекращения «холодной войны», которую объявил нефтяной император президенту американской республики.

Джон Кеннеди ходил еще в кандидатах, когда хантовские батареи дали по нему первый залп. На собственные деньги летом 1960 года Хант отпечатал сотни тысяч листовок, направленных против Кеннеди, поминая всевозможные его грехи, вплоть до католического вероисповедания, что в протестантской в основном Америке отнюдь не плюс, и разослал их по всей стране. Причина: сенатор в одной из своих речей недобрым словом помянул лихоимство нефтяных компаний. В тот предвыборный год все хантовские симпатии были на стороне техасского сенатора Линдона Джонсона, с которым, по словам газеты «Нью-Йорк таймс», его связывали «многолетние дружеские отношения».

Дружеские отношения эти в своей основе имели то обстоятельство, что Хант всеми своими потрохами — экономическими, политическими, психологическими даже — связан с Техасом. Этот перекати-поле, первую половину жизни скитавшийся по стране, в последние десятилетия не просто поселился в Техасе, осел там. Он пустил корни, сросся с ним, с его нравами, представляя собой ныне одно из наиболее техасских явлений Техаса.

То же самое в значительной степени можно сказать и о Линдоне Джонсоне. С той лишь разницей, что Хант, возникнув вне Техаса, превратился в техасца уже в зрелую пору, а Джонсон вышел из Техаса, хотя большую часть своей жизни обретался в Вашингтоне. Но как личность, как политик он сформировался именно здесь. И неистребимый отпечаток Техаса, его ухваток, традиций, образа мышления, манера выражать свои мысли, даже певучий, с растягиванием слов техасский говор — все это он сохранил на всю жизнь.

* * *

Нечего удивляться, что проявляющий немалый интерес к рычагам государственной власти Хант много лет назад, в бытность Джонсона в сенате, обратил свое внимание на этого честолюбивого цепкого политика, стал ему помогать, поддерживая его в борьбе за власть.

Это обстоятельство по вполне понятным причинам привлекло к себе особое внимание после того, как президент Кеннеди был убит, и не где-нибудь, а именно в Техасе. Когда поползли первые слухи о возможной причастности Ханта к заговору, во многих головах стала выстраиваться логическая цепочка: Хант, поддерживавший Джонсона в борьбе против Кеннеди на съезде демократической партии в 1959 году, тот же самый Хант, по его собственным словам, уговоривший колебавшегося Джонсона принять предложение Кеннеди о вице-президентстве. Наконец, опять же Хант, причастный к заговору против президента, знающий, что в случае смерти главы государства его пост по конституции автоматически занимается вице-президентом.

Целый ряд американских исследователей квалифицировал убийство в Далласе как государственный переворот.

Политический писатель Иохим Йостен в своей книге, названной им «Темная сторона Линдона Б. Джонсона», прямо заявляет, что убийство в Далласе являло собой государственный переворот.

«Цель этого государственного переворота, — утверждает Йостен, — этого расстрела президента специально созданным отрядом стрелков, этого чудовищного убийства беззащитного человека, которого заманили в западню, преданного на смертном одре его ближайшими друзьями и официальными телохранителями, состояла в том, чтобы посадить в Белый дом вице-президента Линдона Б. Джонсона. Такова вкратце «далласская загадка».

Подробный разговор о далласском убийстве у нас впереди. Но надо сказать, что дело это отнюдь не так просто, как это представляется, к примеру, авторами имевшего в Америке большое хождение анекдота: «Скажите, вы не знаете, почему Линдон не занимается сейчас своим любимым делом — стрельбой куропаток в Техасе? Очень просто. Освальд не вернул ему его ружье». Повторяю, дело обстоит отнюдь не столь примитивно и вряд ли обоснована попытка представлять Джонсона непосредственным участником заговора.

Однако сам по себе факт хождения по Америке такого рода анекдотов, появление книги вроде написанной Йостеном — а она не единственная — трудно считать случайным, равно как объяснить

случайным совпадением убийство президента Кеннеди именно в Техасе, где, после того как Кеннеди скончался в далласском госпитале, Линдон Джонсон получил президентскую власть. У нас еще будет случай поговорить о многих необъясненных по сию пору обстоятельствах, связанных с гибелью президента, с событиями, последовавшими за этим, о том, что назначенная президентом Джонсоном специальная комиссия, расследовавшая далласское убийство, в ходе следствия игнорировала многие из весьма существенных фактов. Здесь мне хотелось бы только рассказать, что по этому поводу думает сам Линдон Джонсон.

Я имел случай спросить его об этом, побывав на техасском ранчо президента уже после того, как он перебрался туда из Белого дома на постоянное жительство. Удалившись от дел, бывший президент, по словам всеведущей «Нью-Йорк таймс», больше всего интересуется тем, что напишут о нем историки, как будет оценено его президентство.

Автор этих строк уже некоторое время работает над книгой, немалое место в которой занимает деятельность 36-го президента Соединенных Штатов.

Одним словом, когда, приехав в Соединенные Штаты, я обратился к бывшему президенту с вопросом, не мог ли бы он принять меня для беседы, пришло письмо с приглашением посетить его на техасском ранчо.

Стояли ясные, но прохладные дни поздней осени 1969 года. Наша машина шла по необычно для Америки пустынной автостраде.

Вокруг расстилались бескрайние прерии, кое-где всхолмленные, с уже пожухлой травой, гряды камней, низкорослый колючий кустарник.

И хотя мы находились на самом юге страны, суровый ландшафт этот нимало не напоминал ни солнечную Флориду с ее вечнозеленой растительностью и раскидистыми пальмами, ни синенебую Калифорнию с бесконечной перспективой апельсиновых и лимонных рощ.

Вокруг была неуютная безводная земля, покореженные беспрестанно дующими ветрами кривобокие деревья, удивительное для плотно заселенной Америки малолюдство. Далеко не каждый может выдержать здешнюю жизнь — трудный, с резкими перепадами температур климат, безводье, нелегко достающийся хлеб насущный. Время от времени за окном машины возникал кадр, будто бы взятый с одной из бесчисленных лент знаменитых голливудских вестернов — боевиков из ковбойской жизни: стада, погоняемые лихими парнями в широкополых шляпах на лошадях, размахивающими лассо.

Вскоре я увидал техасских ковбоев вблизи. Остановившись подле небольшой закусочной — время было обеденное, — я решил отведать знаменитое техасское барбакью — еду столь же экзотичную, сколь и вкусную.

На деревянной тарелке, поставленной передо мною коренастым пареньком в ковбойской широкополой шляпе и пристегнутой к широкому поясу, по-моему, неуместной в данном случае кобурой пистолета, лежали куски недожаренного говяжьего мяса, приправленные невообразимой остроты соусом, с коричневой фасолью и маринованными стручками перца, взяв в рот который испытываешь ощущения грешника в аду, заставленного чертями лизать раскаленную сковороду.

Оглянувшись, я увидел сидевших за некрашеными столами и стоявших у стойки бара вполне всамделишных ковбоев, героев моего, увы, уже не очень близкого детства. Не стану описывать их одеяние — оно точно такое, какое мы с вами, дорогой читатель, видели не раз на киноэкранах. Но, пожалуй, на этом сходство и кончается. Усталые лица, руки натруженные, с мозолями и ссадинами, невеселые глаза, ссутулившиеся то ли от тяжкого труда, то ли под бременем жизни плечи.

Именно здесь особенно явственно ощущаешь, что романтичные киноковбои, по поводу и без повода палящие из своих кольтов, спасающие чудесным образом юных леди, выделывающие неимоверные антраша на несущихся вскачь лошадях, — это в жизни просто-напросто пастухи, гоняющие по бескрайним прериям Техаса чужие стада, получающие поденную скудную оплату. И если есть что-либо в этих людях общего с голливудским обликом, то это твердые характеры, выработанные нелегкой жизнью, которую они ведут, искусство джигитовки да одежда — широкополые шляпы, сапожки, кольт у бедра.

В полдень мы подъехали к белого камня воротам, на столбе которых значилось: «Ранчо президента Соединенных Штатов Америки Линдона Б. Джонсона». (Титул этот по американской традиции сохраняется за Джонсоном на всю жизнь.) Нас встретил высокий, грузный, с загорелым, обветренным лицом и шеей боксера тяжелого веса хозяин ранчо. На нем была техасская шляпа, светлая, видавшая виды замшевая куртка и в тон ей песочного цвета рубашка с расстегнутым воротом. В глаза сразу же бросилась разительная перемена. Последний раз мне довелось видеть Линдона Джонсона во время знаменитой встречи глав советского и американского правительств в Гласборо. Этот крошечный городок, находящийся ровно на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном, был избран тогда местом встречи по соображениям высокой политики.

В течение двух дней, присутствуя в небольшом домике мистера Томаса Робинсона — президента местного колледжа, — наспех переоборудованном для этой встречи, я имел возможность близко наблюдать президента Джонсона.

Глядя на стоявшего сейчас передо мной человека, трудно было поверить, что с тех пор прошло всего лишь два с половиной года. Его прежде могучая фигура казалась поникшей — опустились плечи, округлилась спина, резче стали глубокие морщины и горькие складки вокруг рта. Тогда седина в президентской прическе едва пробивалась, сейчас сильно поредевшая шевелюра была совершенно седой.

Видно, нелегко далось это время Линдону Джонсону, мечтавшему войти в историю Америки в качестве одного из ее великих президентов, но вынужденному под давлением обстоятельств и грузом собственных ошибок отказаться от попыток переизбрания на следующий срок и удалиться на свое ранчо.

Подробнее о деятельности 36-го президента Соединенных Штатов, о его прихотливой судьбе и политической трагедии я расскажу позже. Тем более что пока не имею возможности изложить пространно беседу нашу, продолжавшуюся с перерывами много часов и в двухэтажном, сложенном из крупного камня, с размахом отделанном доме, где ныне проживает чета Джонсонов, и во время долгих прогулок пешком и в автомобиле по огромной территории ранчо.

Дело в том, что условием, поставленным перед встречей, было обязательство — меня даже заставили дать его в письменном виде — не публиковать в течение определенного времени изложения этой беседы. Думаю, что странное условие это — в самом деле, к чему встречаться с журналистом и историком, если он не может рассказать об этой встрече? — связано с тем, что, удалившись на ранчо, Джонсон сам пишет книгу о своем президентстве, заключив на нее договор с одним из издательств. Если материалы этой книги появились бы где-либо до ее выхода, Джонсон рисковал бы лишиться части крупного гонорара, оговоренного в договоре.

Однако история вещь несуетная, и, надеюсь, запись той беседы дождется своего часа. Здесь же, описав свою поездку на техасское ранчо, я хотел бы упомянуть только об одном. О реакции Джонсона, когда я спросил его, почему, по его мнению, доклад комиссии Уоррена, расследовавшего далласское убийство, вызвал такое недоверие как в Америке, так и во всем мире. Разговор происходил в автомобиле, за рулем которого находился экс-президент.

Свернув с асфальтовой дороги, пересекающей все ранчо, он

на большой скорости гнал машину прямо по целине, преследуя большое оленье стадо — предмет его особой гордости. После продолжительной паузы Джонсон заговорил. Суть ответа сводилась к тому, что опыт политика убедил его в том, что «никогда невозможно угодить всем». Дальнейшие вопросы на эту тему задавать, очевидно, было бесполезно. Позиция Джонсона на сей счет была ясна, и вряд ли он смог бы что-либо добавить к сказанному. Не для того комиссия Уоррена в бытность Джонсона в Белом доме нагромоздила гору слов, чтобы он теперь ставил под сомнение ее деятельность.

Политик до мозга костей, Линдон Джонсон полагает себя реалистом.

«Прогресс, — говорит он, — подобен виски. Виски хорошо, но когда пьешь слишком много, оно оборачивается против тебя...»

Свернув с луга на дорогу, мы подъехали к хозяйственным строениям, расположенным сзади жилого дома. Внезапно экс-президент негромко выругался и резким движением взял трубку радиотелефона, находившегося в машине.

— Какой болван поставил здесь этот трактор? — резко бросил он в трубку. — Немедленно убрать!

Всего год назад, подумалось мне, этот же радиотелефон, находящийся в этой же президентской машине, использовался, наверное, для отдачи приказаний совсем иного рода. Телефонная трубка эта слыхала и приказы о бомбежке городов Вьетнама, и указания о расправах с негритянскими демонстрантами. А сейчас так же властно через нее передаются указания... отодвинуть в сторону садовый трактор. «Sic transit gloria mundi» — «так проходит слава мира».

* * *

А теперь вернемся к Ханту и его вражде к Джону Кеннеди. Сыграв немалую роль в появлении Линдона Джонсона на посту вице-президента, Хант повел планомерную кампанию против Кеннеди. И вскоре вражда между нефтяным королем и новым президентом приняла масштабы, по сравнению с которыми хантовские интриги против Эйзенхауэра выглядели детскими игрушками.

Почему? Причин здесь несколько — и общих, и частных, и психологических, и экономических, и политических, и личных.

Если говорить о личном, то неприязнь хантовского семейства к семейству Кеннеди можно объяснить своеобразным «комплексом неполноценности» внезапно разбогатевших выскочек по отношению к высокомерным аристократам.

Надо сказать, что, хотя Америка никогда не знала дворянской

элиты — там не было ни графов, ни князей, — аристократического снобизма, чванства и спеси за океаном едва ли не больше, чем в старушке Европе. Было время, когда Морганов, Рокфеллеров и Вандербильтов не принимали в аристократических домах Бостона и Филадельфии, несмотря на их миллионы, — они были парвеню — выскочки, купчишки.

Избранными, аристократами считали себя потомки первых переселенцев из Старого Света, кичившиеся этим не меньше, чем бояре Рюриковичи древностию своего рода.

Время постепенно стерло разницу, и первонакопители вошли в круг избранных. Но теперь уже они воротили нос от всяких там Фордов и Меллонов. Затем и те при помощи династических браков, а главное, тугой мошны проложили себе путь в высшее общество.

В недавние, уже послевоенные годы в американском бизнесе появилась новая плеяда богачей. По своим деньгам они сравнялись, а иногда и превосходят представителей старой промышленно-финансовой аристократии. На бирже и в директорских кабинетах корпораций и фирм Гетти и Ханты чувствуют себя равными Дюпонам и Гарриманам. Но не всегда еще они допущены в круг избранных. Они не доказали еще своей прочности и долговечности — на Уолл-стрите знают, как быстро подчас лопаются мыльные пузыри спекуляциями сколоченных состояний, и потому перед ними не спешат распахивать двери аристократических салонов и клубов.

Аристократы взирают свысока и ждут. Выскочки завидуют и негодуют. Вот вам психологическая основа неприязни Ханта и его сыновей к аристократическому бостонскому роду Кеннеди.

Если говорить не о психологии, а об экономике и политике, то следует отметить, что Ханты и Кеннеди представляют различные, враждующие монополистические группы и объединения, интересы которых все чаще сталкиваются, приходят в резкое противоречие.

Мы вернемся к этому подробнее дальше, когда речь пойдет о семействе Кеннеди. Так же, как в случае с Эйзенхауэром, вражда хантовского семейства с Кеннеди является прежде всего отражением той внутренней острейшей борьбы вокруг жирных кусков пирога, которая раздирает различные группировки американских монополий.

Кеннеди, как и Эйзенхауэр, представлял у кормила власти прежде всего богатейшие старые промышленно-финансовые династии американского Северо-Востока, плотью от плоти которых был он сам. Хант — один из лидеров новых монополистических групп, вставших на ноги в ожесточенной борьбе со своими могуществен-

ными конкурентами. Нахапав огромные деньги, они рвутся теперь к власти.

Семейство Кеннеди — фавориты старых и наиболее влиятельных династий американского капитала, хотя само это семейство как богатейшее фигурирует сравнительно недавно. Но связи и некоторые иные обстоятельства, о которых речь впереди, расположили к ним Морганов и Дюпонов, Фордов и иных представителей старых родов финансовой аристократии, наложили респектабельный налет на чрезмерный блеск их «новых денег», вызвали к нему доверие настолько прочное, что отпрыска этого семейства помазали на президентство именно эти старые финансово-промышленные кланы.

Ханты — типичные представители новых групп миллиардеров, исступленно прущих к деньгам, к силе, к власти.

Их пути не могли не скреститься.

Глава III

„КЛАН КЕННЕДИ“

«Старики, кип райт»

«Клан Кеннеди» — так называют в Америке семью, которая фигурирует вот уже полтора десятка лет на первых страницах американских газет и лица представителей которой прочно обосновались на телеэкранах и обложках журналов. Пожалуй, трудно назвать в американской истории, говоря словами неувядающего Швейка, аналогичный случай, когда такое постоянное внимание привлекала бы семейная группа, будь то фамилия мультимиллионеров или политическая династия, — а такие тоже значатся в анналах истории Соединенных Штатов Америки.

Достаточно вспомнить кузенов Рузвельтов, один из которых, Теодор, хозяйничал в Белом доме в начале 900-х годов, а другой — Франклин Делано — с 1933 по 1945 год. Теодора Рузвельта в 1909 году в Белом доме сменил Уильям Говард Тафт. Его сын Тафт Роберт не дошел до верхней ступени, но в 40-х — начале 50-х годов он был бесспорным лидером республиканцев, одним из их главных кандидатов на президентский пост. Летом 1952 года Роберт Тафт находился почти у цели, и лишь сложная интрига дала возможность Дуайту Эйзенхауэру оттеснить его в последний момент, уже в ходе предвыборного съезда, от президентского кресла. Одним словом, династический принцип не новость в американской политической жизни.

Но тем не менее с семейством Кеннеди, с тем вниманием, которое они к себе привлекают, вряд ли может сравниться что-либо. Причин тому немало — и политических, и психологических, и даже сентиментальных. На первом месте, конечно, политические.

Столь очевидное постоянство в интересе для американской политической жизни вещь вообще-то невиданная, почти феноменальная. В обилии информации, водопадом обрушиваемой ежедневно и ежечасно на головы американцев огромной машиной американской пропаганды — десятками газет, сотнями телевизионных и тысячами радиостанций, — есть некая сверхзадача, по хитрости и коварству не знающая себе равных во всей истории формирования и обработки общественного мнения. На первый взгляд речь идет о похвальном и вполне демократичном стремлении сообщить всем всё; постоянно доводить до каждого о любом маломальски заметном событии, а коль скоро таковых в данную минуту под рукой не находится, делать слона из мухи, а затем не без успеха торговать слоновой костью, не давая покупателю заметить, что под видом ценности ему подсовывают сушеную мушиную лапку.

В действительности же организаторы нескончаемого потока новостей, новостишек и совсем уже микроскопических новостеночек

преследуют вполне определенную цель — оглушить читателя и слушателя, заморочить его беспрерывным мельканием нескончаемого калейдоскопа: безостановочной сменой важного и неважного, существенного и несущественного, достойного внимания разумного человека и духовной пищи кретина — не допустить размышлений, обобщений, не дать пищу уму, заменить размышления эрзац-мыслью, стереотипом.

Подобно волнам извечного морского прибоя, набегает на американцев нескончаемая череда новостей, и каждая следующая волна смывает следы, оставленные предыдущей. Потому-то общественное мнение Соединенных Штатов выработало некий общий эталон легкой возбудимости на остро приправленные блюда мастеров политической пропаганды, подменяя такой поверхностной возбудимостью глубину и постоянство реакции. То, что сегодня представляется существенным, завтра выглядит уже малосущественным, а послезавтра забывается напрочь. И лишь очень немногие события оказываются в состоянии устоять против этой хитро закрученной системы массового оболванивания.

История семейства Кеннеди, ее драма, ее амбиции, все, что с ними связано, и оказалось среди немногого, к чему вот уже десятилетие интерес не убывает.

Видный исследователь американской парламентской системы Гор Видал как-то пустил в оборот получившую затем немалое хождение фразу о том, что в Америке теперь система не двух-, а трехпартийная — демократы, республиканцы и... Кеннеди. Как и в каждом парадоксе, в этой шутке некая толика истины, несомненно, наличествует. Конечно, Кеннеди не партия, и двухпартийной системе семейство это не думает угрожать, но реальной политической силой, силой, притом не слишком-то зависимой от официального руководства демократической партии, семейство, безусловно, является и, несомненно, останется таковой и в предстоящий период. Недаром, так же как после гибели Джона Кеннеди, взоры Америки обратились на его брата Роберта, после лос-анджелесской драмы в центре политического внимания оказывается младший из братьев — сенатор от штата Массачусетс Эдвард Кеннеди. Друзья смотрят на него с надеждой, недруги — с опаской, но смотрят все. Смотрят и ждут: как будут разворачиваться события дальше.

Что же это за семейство, вокруг которого в Америке последних лет не утихает кипение страстей, кто они, «эти примечательные Кеннеди», как назвал их автор книжки, большим тиражом разошедшейся за океаном? Откуда взялись, к чему стремятся, чем живут, почему вызывают столько разговоров, являются объектом неумеренных восторгов у одних, озлобления и хулы у других?

Для того чтобы яснее себе это представить, мы и направлялись в Вашингтон. «Мы» — это специальный корреспондент «Правды» Вадим Некрасов и автор этих строк. Нам предстояла встреча с Робертом Кеннеди, который назначил свидание в своей официальной резиденции — сенате Соединенных Штатов. Он согласился увидеться, узнав, что один из нас собирает материалы о семействе Кеннеди... Было пасмурное осеннее утро. Но и в этот ранний час машина с трудом пробиралась по нью-йоркским улицам, чтобы попасть на автостраду, ведущую в столицу Соединенных Штатов. Надо сказать, что предприятие, которое мы затеяли, было довольно рискованным и потому повергавшим в некоторое смущение и явно обеспокоившим наших друзей.

Дело в том, что мы вознамерились добираться из Нью-Йорка в Вашингтон вдвоем в автомобиле, по очереди сменяя друг друга за баранкой. Взяв автомобиль одного из наших коллег, не ведая страха и сомнений, мы пустились в путь.

— Старики, — проникновенно убеждал нас накануне по телефону из Вашингтона бывший тогда тамошним правдинским корреспондентом Сережа Вишневский, — ведь вы же не знаете ни порядков, ни дороги, ни вообще движения на американских автострадах. Ей-богу, это же не так просто, как вам кажется. — И, поскольку Вишневский человек солидный и основательный, он обрушил на наши головы весьма увесистые аргументы.

— Знаете ли вы, — зловеще говорил он, — что по неопровержимым статистическим данным каждую неделю в результате автомобильных катастроф умирают тысячи американцев, а число раненых за неделю составляет 70 тысяч человек?

— Допустим, но ведь речь же идет об американцах.

— Известно ли вам, старики, — настаивал Вишневский, — что только за последний год на шоссейных дорогах Америки было убито 49 тысяч человек, а число раненых превысило три с половиной миллиона?

— Едем на машине, — упорствовали мы. — Готовь встречу.

Почувствовав, что доводы разума и даже сама ее величество статистика до нас не доходят, Вишневский упавшим голосом преподал нам последний совет.

— Старички, — прокричал он в телефонную трубку, — я вас очень прошу, пожалуйста, «кип райт» — «держитесь справа»!

Пользу и разумность этого указания мы оценили сразу же, как только очутились на прямой как стрела и ровной как стол автостраде, входящей в систему дорог, соединяющих крупнейший город Америки со столицей Соединенных Штатов. Собственно говоря, американская автострада — это не одна, а две дороги: одна туда, а другая обратно. Должен признаться, что в первые же ми-

нуты, когда мы очутились на дороге «туда», я понял, что «обратно» для нас вещь весьма проблематичная. Но делать было уже нечего, и даже если бы мы, смалодушничав, вздумали повернуть вспять, то выбраться из потока машин, мчащихся, несущихся, летящих, было делом непростым.

Дорожные ленты разделены не хилым газончиком, но довольно широким пространством, иногда расходятся на сотни метров — это особенно удобно ночью, не слепит свет фар встречных машин. Каждая лента, в свою очередь, разграничена сплошной линией, нанесенной светящейся краской на ее полотно, на несколько полос — иногда четыре, иногда пять, иногда больше. Каждый ряд для соответствующей скорости — от более или менее разумной в крайнем правом («кип райт») до более или менее сумасшедшей в крайнем левом.

Надо признаться, что нашего благоразумия, находившегося в непосредственной связи со статистическими выкладками Вишневского, хватило не очень надолго — на каких-нибудь 45—50 миль. Потом один из нас задал вопрос: «Собственно говоря, а почему мы должны все время тянуться за этим грузовиком? Не кажется ли тебе, что он закрывает нам весь вид и вообще вредно дышать отработанным бензином?» (Кстати говоря, многие «траки» — специализированные грузовые машины и междугородные автобусы, курсирующие по американским автострадам, — оборудованы нехитрым и остроумным приспособлением: выхлопная труба идет не под кузовом, а выведена вдоль кабины вверх, что существенно уменьшает загрязненность воздуха на уровне, на котором идут легковые автомашины.)

Одним словом, мы нажали педаль акселератора, стрелка спидометра резко отклонилась вправо, а машина наша — влево, и уже больше никто из несшихся рядом автомобилей не окидывал нас взглядом, являвшим собой красноречивую и обидную смесь жалости, удивления и презрения.

Надо сказать, что езда по американской автостраде доставляет большое удовольствие. Дорога содержится в идеальном порядке — нет ни выбоин, ни ухабов, по ее краям только самые необходимые надписи и указатели. Их вполне достаточно, чтобы не заблудиться, и в то же время ровно столько, сколько нужно, чтобы не отвлекать внимания водителя. Мне не раз доводилось читать в различных путевых заметках, что обочины американских дорог забиты рекламой: бесконечные щиты с категорическими призывами пить кока-колу и жевать что-нибудь несъедобное. Сейчас эта традиционная деталь путевых заметок отходит в прошлое. Во всяком случае, могу свидетельствовать, что на всем пути из Нью-Йорка в Вашингтон я не видал ни одного рекламного щита.

Очевидно, это делается в порядке борьбы с несчастными случаями. В самом деле, разве можно требовать от водителя полного внимания и сосредоточенности, если ему чья-то услужливая рука то и дело подсовывает занимательное чтение. Хорошо, если на обочине только лаконичные надписи, а если обширные цифровые выкладки, обязательства и диаграммы, тогда как?

Впрочем, высокое качество дорог не избавило Америку от непрерывно растущего числа несчастных случаев, принявших такие масштабы, что это превратилось сейчас в одну из острых общенациональных проблем. Цифры, которыми оперировал наш обстоятельный друг, нисколько не сгущают краски. Американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» бьет тревогу: «Если число жертв будет увеличиваться нынешними темпами, то не в столь отдаленном будущем окажется, что половина всех американцев либо убиты, либо ранены в результате автомобильных катастроф».

Специальные комиссии, изучавшие положение, пришли к выводу, что наряду с недисциплинированностью водителей, принявшей огромные размеры, ухарской привычкой американской молодежи усаживаться за руль в состоянии подпития одной из главных причин бедствия является безудержная погоня за прибылью автопромышленников и производителей шин. На первое место ими ставятся внешний вид, элегантность, броскость, идущие нередко в ущерб элементарной безопасности. Резко выросла мощность двигателей. (Машина, в которой мы вояжировали, имела мотор в 250 лошадиных сил.) Это требует соответствующей работы по увеличению надежности автомобиля, но, не суля предпринимателям особой выгоды, отодвигается ими на задний план.

В Америке вышла любопытная книжка под красноречивым названием «Небезопасно при любой скорости». Написавший ее Рульф Нейдер убедительно доказывает, что «Дженерал моторс» и другие компании стремятся увеличить скорость выпускаемых машин за счет их безопасности. Примечателен для американских нравов ответ компании на эту критику. О, они отнюдь не стали тратить деньги на устранение технических погрешностей конструкций. Было ассигновано 7 тысяч долларов для найма частных детективов, которым вменили в обязанность установить слежку за автором книги и добыть компрометирующие данные по линии его знакомства с женщинами или чего-нибудь в таком роде. Что же касается безопасности автомобиля, то она остается на том же уровне. Дело приняло настолько опасный оборот, что создали специальную сенатскую подкомиссию во главе с влиятельным сенатором Рибиковым, которой было поручено обсудить вопрос об улучшении конструкции легковых автомашин и повышении их надежности. Проблему обсудили, комиссия родила пространный доклад, и он пы-

лится на полках библиотеки конгресса. Что касается катастроф, то они возрастают в прежнем угрожающем темпе.

...Но в тот день почему-то не хотелось думать обо всем этом. Мы ехали в Вашингтон. Однообразие скорости время от времени прерывалось контрольно-пропускными пунктами. В нескольких местах по дороге в Вашингтон машина упиралась в гребешок турникетов, около каждого из которых в будке восседает страж в фуражке с кокардой. Это означает: «Раскошеливайтесь». Опускайте стекло машины и отдавайте монету — иногда полтинник, иногда и доллар. После этого можете ехать дальше.

Поначалу во время таких вот «вынужденных посадок» мы ворчали, досадуя по поводу «этих чертовых порядков». Однако потом задумались — так ли уж это плохо? И вообще, что лучше — платить и ездить по хорошим дорогам или не платить, но трястись на ухабах, губить технику, ставить под сомнение целесообразность и экономичность автомобильного транспорта в хозяйстве, наконец, просто вытрясать к чертям душу.

Когда бизнес делается на переломанных костях жертв автомобильного движения и корыстной жадности автопромышленников — это отвратительно и подлежит разоблачению. Противно, когда на естественной человеческой потребности передвигаться, «охоте к перемене мест» наживается какой-нибудь толстосум — хозяин частной автострады. А таких в Америке немало. На наш привычный взгляд, это противоестественно. Но когда трезвый расчет и практическая сметка превращают автомобильную дорогу в рентабельное предприятие, то здесь стоит подумать и подсчитать.

В самом деле, плата за проезд существует не только на частных, но и на федеральных автострадах, дорогах, принадлежащих властям штатов. В этих случаях деньги, взимаемые с автомашин, в значительной части идут на поддержание в хорошем состоянии существующих дорог и на строительство новых. Здесь доходы обращаются на пользу дела. Следовательно, плата за пользование автострадой не является предосудительной сама по себе. Дело лишь в том, куда идут деньги: в карман частного предпринимателя — в таком случае он обворовывает общество — или властям, которые тратят их на поддержание транспортной системы в хорошем состоянии. Тогда это обществу на пользу.

Если очистить опыт американцев от капиталистического духа наживы и эксплуатации, то, быть может, наши экономисты и хозяйственники найдут в нем рациональное зерно, тот самый материальный стимул, который поможет нам быстрее решить проблему нехватки хороших дорог, столь необходимых отечественному народному хозяйству. Во всяком случае, это не стоит отвергать с порога.

«Милашка Фитц» танцует джигу

Ровно в назначенный час мы подошли к массивному, светлого камня новому зданию американского сената, в котором была расположена официальная резиденция сенатора от штата Нью-Йорк. Именно этот штат с 1964 года представлял на Капитолии ушедший ради этого с поста министра юстиции брат покойного президента. Минуем массивные двери — о нашем приходе предупреждены, — проходим мимо привратника, цепким взглядом провожающего нас. Несколько шагов по длинному коридору первого этажа, по обе стороны которого двери с сенаторскими фамилиями. Слева на двери табличка с надписью: «Р. Кеннеди». Входим. Небольшая комната, тесно заставленная столами. На столах бумаги, за столами девицы секретарского вида. За перегородкой матового стекла несколько человек. Чувствуем на себе их очень внимательные взгляды. Следующая комната — снова секретари. О нас докладывают, и мы входим в кабинет сенатора.

Навстречу из-за стола выходит Роберт Кеннеди, среднего роста, в белой рубашке, рукава которой закатаны выше локтя, и темном галстуке. Он предлагает нам стулья, сняв со спинки одного из них висевший на нем пиджак и небрежным движением швырнув его куда-то позади себя. Пока шел обмен первыми вежливыми фразами, я незаметно рассматривал собеседника, оглядывал кабинет. Нередко какая-нибудь деталь обстановки, манера держаться могут сказать о человеке много больше длинной беседы. Помню, первое впечатление тогда было: сенатор выглядит удивительно молодо. Как-то не вязалась известность одной из ведущих фигур Вашингтона с почти мальчишеским видом человека, усевшегося напротив нас за письменный стол, задрав ноги.

Позже я понял, что это не столько молодость, сколько моложавость. Есть такие лица, которые до седых волос выглядят помальчишьи. Кстати, о седине — ее немало было в пышной шевелюре нашего собеседника. Просто на фоне золотистых с рыжинкой волос ее не сразу можно было заметить, как не сразу удалось обнаружить, что вроде бы простая с пробором его прическа была плодом искусных парикмахерских ухищрений.

Пожалуй, две внешние детали обратили в тот раз на себя особое внимание. Во-первых, выражение глаз, очень холодных, голубых, внимательно, показалось, даже настороженно, следивших за собеседником. Глаза были как-то мало связаны с выражением лица. Оно могло меняться, улыбаться, хмуриться, выражать какие-то эмоции, но глаза оставались одни и те же — холодные, *внимательные*. И второе — руки. Во время разговора, когда сенатор задумчиво скрестил их на груди, бросилось в глаза странное несоответствие в

общем некрупного торса и нормальных размеров головы с огромными, покрытыми рыжеватым пушком ручищами.

За креслом сенатора во вделанных в пол гнездах стояли два больших флага: один — звездно-полосатое знамя Соединенных Штатов, другой — голубое полотнище, кажется, штата Нью-Йорк. Вообще для европейского глаза приверженность американцев к знаменам выглядит непривычно и немножко смешно. Вы можете столкнуться с флагом в самых, казалось бы, неподходящих местах. Я не говорю о сенаторском кабинете, хотя и здесь, в деловом помещении, развернутые знамена вроде бы и ни к чему, но флаги по поводу и не очень вывешиваются везде — в овощных лавках и над пожарным депо, в булочных, мастерских химчистки и аптеках.

Сбоку над столом сенатора был укреплен большущий картон, на который наклеены очень милые и трогательные детские рисунки. И портреты. Множество портретов покойного президента: в штатском и в морской форме, один и с семьей, с братом, с детьми, на трибуне. Судя по всему, это не только дань братской любви. Это политика. Не случайно почти каждое выступление сенатор начинал со слов: «Как говорил президент Кеннеди».

Во время разговора, длившегося довольно долго, дольше, чем было запланировано, мы затрагивали многие темы. Роберт Кеннеди, которого при жизни в Америке все величали «Бобби», произвел, помню, впечатление человека незаурядного, несомненно, умного, хорошо подготовленного, обладающего быстрой, почти мгновенной реакцией, волевого, временами жесткого. Жесткость, правда, относилась не к нам. Сенатор, как и надлежит хозяину, был с гостями корректен, даже любезен. Но во время нашей беседы его соединили по телефону с Женевой, откуда ему позвонил кто-то из его сотрудников. Мы оказались невольными свидетелями этого короткого разговора. Речь шла о «раунде Кеннеди». Сенатор был чем-то очень недоволен, на скулах его заходили желваки, брови насупились, голос стал резким, он властно бросал отрывистые, злые фразы.

Разговаривая с сенатором, мы все время ощущали его, если можно так выразиться, напружиненность, даже тогда, когда шутил, улыбаясь лицом, но не глазами, он был как бы готов к прыжку. Много знал, был хорошо информирован в самых различных вопросах внутренней и мировой политики, отвечал быстро, формулировал четко, точно, я бы сказал, отточенно. Впрочем, это относится к политике. Стоило нашей беседе выйти за круг обычных для него тем, стоило разговору принять несколько отвлеченный, просто человеческий характер, как куда что девалось. Исчезли и стремительная реакция, и четкость мысли. Сразу почувствовалось, что наш со-

беседник, оказавшись в сфере для него непривычной, почувствовал себя как-то, пожалуй, неуютно.

Конечно, трудно, основываясь на одном, хотя бы и продолжительном, разговоре, пускаться в обобщения. Но если говорить о первом (для меня обычно очень важном) впечатлении, то мне представилось тогда, что Роберт Кеннеди — человек одного интереса, в какой-то степени плоский, целиком и полностью замкнутый на политику, чувствующий себя привычно и свободно лишь в ее сфере. Впрочем, к Роберту Кеннеди, его личности, деятельности, сильным и слабым сторонам мы еще вернемся.

...Разговор касается семейства Кеннеди, его истории богатств, нынешнего его положения и планов на будущее. В ответ на наши вопросы Роберт рассказывает о своем отце, дедах, о семействе Кеннеди. Семейство это ирландское. Прадед братьев покинул родину и в поисках счастья отправился за океан. Нельзя сказать, чтобы ирландцам очень уж повезло в Америке. Миллионерами стали единицы, зато полицейских-ирландцев очень много — такова традиция. Покойный Джон Кеннеди острил как-то: «Ирландцы поставляют Соединенным Штатам полицейских и президентов». Впрочем, насчет президентов — преувеличение: Кеннеди первый.

Но дед президента выбился в люди. И дело здесь не только в его хватке бизнесмена, но и в том поле, на котором он решил собирать свою жатву. Поселившись в Бостоне, Патрик Дж. Кеннеди начал свою карьеру как содержатель трактира. Строгие убеждения верующего католика нисколько не мешали ему спаивать сограждан. Одним словом, к концу жизни он уже более или менее процветающий буржуа, член муниципального совета Бостона, а незадолго до смерти был избран в сенат штата Массачусетс.

Во всяком случае, своему сыну Джозефу старик оставил налаженное дело и счет в банке, а также вполне солидные пакеты акций баров, угольной компании, фирмы по оптовой продаже спиртных напитков и банка средних размеров.

Высокий, рыжеволосый и голубоглазый Джозеф Кеннеди, гроза юных леди Бостона, был человеком властным и честолюбивым. Его бесило то, что спесивая бостонская знать и близко не подпускала к себе сына трактирщика. Тогда-то и встретил он красавицу Розу Фитцджеральд — украшение великосветских балов города, дочь Джона Фитцджеральда по кличке Хани Фитц — «милашка Фитц», человека, которому доверяли пост мэра города. Кстати, дедушка Фитц дожил до того дня, когда его внук стал сенатором Соединенных Штатов. Рассказывают, что, узнав о столь радостном событии, старикан, презрев возраст, на радостях забрался на стол и начал отплясывать огнен-

ную джигу, напевая при этом сентиментальный боевик прошлого века «Моя милая Аделаида».

Роза Кеннеди в течение многих лет находилась как бы на заднем плане. Внимание было привлечено сначала к ее мужу, затем к сыновьям, а о дочери «милашки Фитца» известно было немного. Между тем есть основания полагать, что она не только дала сыну кабатчика аристократический респект, но сыграла и продолжает поныне играть немалую роль в клане Кеннеди, оказывая на семейные дела влияние едва ли не большее, нежели ее порывистый и взбалмошный муж. Безусловно незаурядная женщина, отметившая осенью 1970 года свое 80-летие, оставляет впечатление сильного, волевого и умного человека. Разговаривая с Розой Кеннеди, понимаешь, откуда у сыновей вспыльчивого, несдержанного на язык и нередко говорившего прежде, чем думавшего, Джозефа Кеннеди сыновья, столь преуспевшие в политике — занятии, требующим выдержки, умения скрывать свои мысли и чувства, улыбаться когда требуется, находить общий язык с теми, кто неприятен, — качества, в полной мере присущие и Джону, и Роберту, и Эдварду Кеннеди.

Все еще следящая за своей фигурой — строгая диета, плавание летом, коньки зимой, — после смерти осенью 1969 года своего мужа мать семейства взяла на себя многие функции по руководству жизнью детей, в том числе и в области политики, выполнявшиеся прежде старым Джозефом. Одна из ее дочерей, Юнис Шрайвер, говорит:

«Она оказывает на всех нас очень большое интеллектуальное влияние. Мать умна и любопытна гораздо больше, чем был отец. В политике она разбирается отлично и знает факты не хуже Тэда».

— Если бы мне потребовался личный девиз, — говорит миссис Кеннеди, — возможно, стоило бы взять такую поэтическую строку: «Я не знаю возраста для усталости и поражения».

То, что это не просто слова, а проявление характера, видно из того, как повела себя эта женщина в одну из самых трагических минут своей жизни. Только что было опущено в землю Арлингтонского кладбища тело ее сына Роберта. Взоры всей Америки были обращены к богатому дому в Хианнис-Порт, где собралась в те дни семья Кеннеди. Близкий к семейству католический архиепископ Филипп Ханнан, отслуживший во время похорон панихиду на могиле убитого сенатора, сказал на следующий день:

— Вполне естественно стремление семьи Кеннеди и ее ближайших друзей убедить Тэдди отказаться от карьеры, ставшей роковой для двух его старших братьев.

Роза Кеннеди рассудила в те дни иначе.

«У нас, — заявила она корреспондентам, явившимся к ней в дом, — есть мужество для будущего, и мы продолжим борьбу за то, за что боролся Роберт. Да, меня беспокоит безопасность Тэда, но я уверена, что он должен продолжать».

Быть может, здесь истоки и безмерного фамильного кеннедиевского честолюбия и характера, которые в разное время и в разных обстоятельствах проявляли дети Розы Фитцджеральд-Кеннеди.

Но вернемся к тем дням, когда юная Роза была еще молодой и беззаботной женщиной, не ведавшей ни о дарах, ни об ударах, уготованных ей судьбой. Женитьба поначалу не раскрыла перед новобрачными двери великосветских гостиных. Наоборот, спесивая знать Бостона сочла этот брак мезальянсом, отказала в расположении и своей недавней любимице — красивой и обаятельной Розе Фитцджеральд.

Джозеф Кеннеди стремительно вознесся на небосклоне деловой Америки. Его богатства росли. И по размерам состояния он значительно опередил многие аристократические семьи родного города. Но его по-прежнему считали чужаком. Это страшно уязвляло самолюбивого Кеннеди. Один из его друзей рассказывает, что как-то в начале 30-х годов они вместе сидели за стаканами виски в гостиной кеннедиевского дома. Джозеф держал в руках газету. Вдруг его взгляд упал на заметку, в которой без излишнего почтения говорилось о напористом ирландце, ворочающем делами.

— Кеннеди буквально взбесился, — рассказывает очевидец. — Вскочив со стула, он швырнул газету и, топча ее ногами, зарычал: «Будь они проклятыI Я родился в Америке. Дети мои тоже родились здесь. Что же, черт возьми, должен я сделать для того, чтобы меня, наконец, стали называть американцем!»

Впрочем, он хорошо знал, что он должен сделать. И занимался этим не покладая рук. В первую мировую войну Джозеф Кеннеди, используя связи, добился поста директора судоверфи, а затем стал разворачивать деловую активность везде, где она сулила обернуться хорошей прибылью.

Прежде всего он значительно увеличил, поставив на широкую ногу, питейное дело своего отца. Не ограничившись пределами Америки, он придал этому предприятию международный размах, взяв в свои руки импорт из Шотландии и других стран виски, джина, рома и прочих горячительных напитков. Затем ему подвернулась кинокомпания. И хотя непосредственной связи между виски и кинофильмами в тот момент еще не существовало, папаша Кеннеди, раньше других американских дельцов почувствовав запах больших денег, ринулся в кинодело.

Внезапный переход Джозефа Кеннеди от виски и джина к гол-

ливудским кинофильмам озадачил в те дни многих. В самом деле, казалось бы, уж очень разные вещи — духота оптовых винных складов, лихорадочный ажиотаж и вульгарность барышников и внешне изящная, с претензией даже на утонченность, напоминающая игру вольготная жизнь под вечно голубым калифорнийским небом, где среди пышной южной растительности стоят голливудские съемочные павильоны, похожие на экзотические дворцы восточных раджей, и шикарные, хотя и безвкусные, жилые виллы, смахивающие на кинопавильоны, несущие в себе что-то от дешевой киношной показухи.

Злые языки объясняли в те дни внезапный вольт миллионера весьма просто — дескать, в рыжую голову Кеннеди ударила ирландская кровь. Короче, как говорят французы, «шерше ля фам» — «ищите женщину»! И действительно, без амурных похождений воротилы, судя по всему, тогда не обошлось. Героиней его романа была одна из самых модных и известных кинозвезд тех дней, Глория Свенсен, покорявшая американского обывателя не столько талантливостью своей игры, сколько безупречным экстерьером.

Роман был столь же бурным, сколь и скандальным. Почтенный отец семейства, презрев молву и пересуды, пустился во все тяжкие, в течение двух лет публично появляясь в обществе кинозвезды, нимало не скрывая своей приязни. Мадам Свенсен тоже не проявляла излишней стыдливости — своего сына она вызывающе и демонстративно нарекла Джозефом Патриком.

И все-таки дело было не в амурах, или, точнее, не прежде всего в амурах. Джозеф Кеннеди изменил бы самому себе, если бы чего бы то ни было ради хотя бы на одну минуту забыл о своем бизнесе. На амуре тоже можно заработать, рассуждал, судя по всему, расчетливый ирландец. И одну за другой выстреливал картины, главные роли в которых играла Свенсен. Трезво оценивая, очевидно, степень ее дарования, не теряя головы и оставаясь прежде всего дельцом, он выбирал такие сюжеты, где требовалась не столько душа, сколько тело.

О том, какого рода кинопродукция выпускалась под руководством торговца виски, можно судить по нашумевшей в то время картине «Королева Келли». Даже видавшие виды критики ахнули, увидев ударную сцену фильма — исповедь, которую священник принимает в публичном доме у умирающего сумасшедшего, окруженного голыми нимфами этого заведения. Со страниц газет понеслись вопли о невиданном кощунстве. Что же касается правоверного предпринимателя, то он, ухмыляясь, нисколько не шокированный, положил в карман миллион долларов чистого барыша.

Впрочем, на ниве кинобизнеса Кеннеди-старший предпочел осо-

бенно долго не задерживаться. То ли Глория Свенсен ему наскучила, то ли манили деловые операции большего размаха, но, небезвыгодно реализовав несколько фильмов, он направил свои стопы в Нью-Йорк.

Мужчины заурядные за любовь расплачиваются. Незаурядный Кеннеди на любви заработал. Заработал неплохо. Его текущий счет в результате голливудской вполне романтической истории вполне невозвышенно увеличился на пять миллионов долларов.

Но особую удачу и соответственно миллионы принесла ему биржа. Азартный и в то же время чрезвычайно расчетливый, напористый, но гибкий, он очень скоро превратился в одного из наиболее ловких и удачливых биржевых игроков. Для того чтобы быть поближе к уолл-стритской бирже, Кеннеди с семьей окончательно переселяется в окрестности Нью-Йорка. О «творческой манере» Джозефа Кеннеди-биржевика весьма красноречиво повествует биограф семейства Джо Маккарти, которого если и можно упрекнуть в пристрастности, так это не в анти-, а в прокеннедиевской. Вот что он пишет:

«На Уолл-стрите Кеннеди стал мастером в искусстве составлять пулы. Обычно вкупе с несколькими другими биржевиками он закупал, скажем, 50 тысяч дешевых акций, на которые никто до той поры не обращал внимания. Затем он возбуждал к ним интерес способом, который известен на Уолл-стрите как «украшение витрины», то есть покупал и продавал самому себя эти акции мелкими партиями по всей стране, с тем чтобы их название постоянно мелькало в биржевых сводках и в прессе. Видя это, простаки полагали, что кто-то неспроста скупает эти акции, и сами в панике бросались их покупать, повышая курс на несколько пунктов. Тогда организаторы пула спокойно сбрасывали свои акции, клали в карман прибыль и, весело насвистывая, принимались за другие дела».

Интересно, а что делали в это время обобранные столь изящным образом мелкие владельцы акций? Тоже насвистывали?

Я спрашивал у нескольких завсегдатаев уолл-стритской биржи, проведших на ней не один десяток лет, в чем, по их мнению, секрет успеха Джозефа Кеннеди, почему его не постигла судьба подавляющего большинства аутсайдеров-одиночек, обычно кончающих крахом, как удалось ему сколотить крупный капитал при помощи биржевой игры? Как будто сговорившись, все отвечали одно и то же: «у него необычайный нюх игрока, чертовская интуиция». В качестве примера приводился такой: незадолго до знаменитого биржевого краха 1929 года Джозеф Кеннеди внезапно для коллег принял решение прекратить биржевую деятельность, выгодно продал все принадлежащие ему ценные бумаги и переключился на другую область.

Согласно другой версии, которую я слыхал, Кеннеди расстался с биржей не до катастрофы 1929 года, а после нее. Что же касается «великой паники», то он от нее не пострадал, а, наоборот, заработал, и притом неплохо. Почуяв, куда дует ветер, он в отличие от большинства своих сподвижников стал заблаговременно играть на понижение, и, когда разразилась паника, пустившая ко дну не только десятки тысяч утлых лодочек, но и биржевых великанов, Джозеф Кеннеди положил себе в карман ни много ни мало 15 миллионов долларов и опять же, посвистывая, удалился. При всей разнице обеих версий сходно в них признание особой интуиции биржевика.

Новая область, в которой стал разворачивать свою активность разбогатевший на биржевой игре делец, оказалась тоже весьма перспективной и прибыльной: операции с недвижимостью и жилищное строительство.

Каковы капиталы семейства Кеннеди в настоящее время?

«А вам какое до этого дело?» — рявкнул незадолго до смерти глава семейства в ответ на нескромные расспросы назойливых репортеров. Он терпеть не мог распространяться на эту тему. Тем не менее крупный капитал — это не та штука, которую в Америке можно долго утаивать. В списке крупнейших состояний Америки, приобретенных в последние десятилетия, фамилия Кеннеди стоит на четвертом месте, непосредственно вслед за Гетти, Хантом и Хьюзом и оценивается в пределах от 400 до 600 миллионов долларов.

Весы судьбы

Но необычайные успехи на поприще бизнеса не до конца удовлетворяли неуемного честолюбца. Его манила к себе власть. Не только та, реальная, но подчас незаметная, которую дают в мире чистогана деньги, но и ее внешние атрибуты — суета политических салонов, шумная известность, съезды, пресс-конференции, внимание прессы. Опьянение властью, неотступная жажда возвыситься надо всеми и повелевать — быть может, самая сильная и засасывающая из всех страстей человеческих.

Случайно ли, нет ли, но ни Джозеф Кеннеди, ни его сыновья — никто из этого семейства, зарабатывающего миллионы на торговле спиртным, не употребляет алкоголя, не жалует курения. Тот самый случай, когда «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть» владеет мужчинами из рода Кеннеди. Кто знает, может быть, источником этой жажды был минувших дней холод аристократических гостиных Бостона.

Во всяком случае, с начала 30-х годов Джозеф Кеннеди все больше времени отдает политике. Здесь для него, как и во многом другом, большую роль сыграл случай. Еще давно, вскоре после первой мировой войны, он свел его с молодым помощником морского министра. Звали восходящую вашингтонскую звезду Франклин Д. Рузвельт. Удачливый молодой предприниматель и блестящий молодой политик приглянулись друг другу, и связи их продолжались долгие годы.

И когда в 1932 году набравший силу Франклин Рузвельт вступил в бой за высший государственный пост в стране, Джозеф Кеннеди, отложив в сторону все дела, ринулся в политику, напором и деньгами помогая Рузвельту. Нужно ли удивляться тому, что вскоре после прихода в Белый дом нового президента Джозеф Кеннеди оказывается на государственной службе. Первый его пост в правительстве — председатель вновь учрежденной Комиссии по ценным бумагам и векселям, — мягко выражаясь, не мешал его бизнесу. Затем Кеннеди становится председателем очень важной морской комиссии, а после президентских выборов 1936 года, в которых он вновь играл очень большую роль, Джозеф Кеннеди назначается на особенно в ту пору ответственный пост посла Соединенных Штатов Америки в Лондоне.

То были предгрозовые годы. На Европу уже легла тень Гитлера. Истекала кровью Испания, сапог солдат вермахта растоптал независимость Австрии. У власти в Англии находилось правительство Чемберлена, всячески заискивавшее перед бесноватым фюрером. Считанные месяцы оставались до позорного Мюнхена — этой прелюдии второй мировой войны.

Академик Иван Михайлович Майский, бывший в то время послом СССР в Англии, рассказывал автору этих строк:

— Как только новый американский посол очутился в Лондоне, он сразу же стал «гвоздем великосветского сезона». Прежде всего как отец девятерых детей! Такие вещи среди членов дипломатического корпуса случаются не часто. В течение нескольких месяцев улыбающаяся физиономия американского посла неизменно украшала страницы газет и журналов — то во главе всей семьи, то вместе с сыновьями, которых было четверо, то вместе с дочерьми, которых было пятеро.

Жена Ивана Михайловича — Агния Александровна Майская — добавляет, что, по ее мнению, успеху посольской семьи в большом лондонском свете в немалой степени содействовала супруга посла госпожа Роза Кеннеди. Обычно американки резко выделяются на фоне чопорных и строгих англичанок — посетительниц великосветских гостиных и дипломатических раутов — своими развязными манерами, кричащими туалетами. Госпожа Кеннеди выгодно отлича-

лась от них, говорит Агния Александровна. Спокойная, хорошо воспитанная, безукоризненно одетая, еще красивая и обаятельная, она держалась скромно и просто. Правда, по большей части она избегала великосветской суеты, занятая многочисленным семейством.

Вскоре после прибытия Джозеф Кеннеди нанес визит советскому послу.

— Представляете, ворвался здоровенный, рыжий, с громким голосом, жестикулирует резко, хохочет громко. Оригинальная фигура.

На очень корректного, европейски воспитанного Майского его американский коллега произвел впечатление чрезмерно разговорчивого и несколько несдержанного человека.

— Правда, мне показалось, — говорит Иван Михайлович, — что он как-то нарочито играл этакого рубаху-парня и добродушного простака. Его холодные ярко-голубые глаза контрастировали манерам, говорили о том, что он не так прост, как пытался казаться.

Во время первого посещения советского посла Кеннеди говорил, что хотел бы поддерживать с ним постоянный контакт, что, как только разделается с необходимыми визитами и формальностями, приедет для разговора, что называется, по душам. «Я ведь не дипломат, я люблю говорить по-настоящему, а с вами это, кажется, можно».

— Но следующий визит, — рассказывает Майский, — состоялся не скоро. И произошло это отнюдь не случайно...

Накануне выборов 1960 года в американской печати появились статьи, в которых освещалась деятельность Джозефа Кеннеди в бытность его на посту посла в Англии. В этих статьях утверждалось, что он был одним из виднейших участников так называемой «кливденской клики», сыгравшей роковую роль в умиротворении Гитлера. Членом ее был, в частности, Невиль Чемберлен. Корреспондент влиятельной в Америке газеты «Сент-Луис Пост-Диспетч» за две недели до выборов посетил Джозефа Кеннеди в его конторе, расположенной в нью-йоркском небоскребе на Парк-авеню, для того чтобы получить ответ на вопрос, в какой мере эти статьи соответствуют действительности.

Престарелый глава семейства принял корреспондента в своем кабинете, на стене которого висел большой портрет английского короля Георга VI, восседавшего на троне в бытность Кеннеди послом в Лондоне. «Джозеф Кеннеди, — рассказывал впоследствии корреспондент, — произвел впечатление человека, который может мурлыкать, как кот, и почти в то же время наброситься, как тигр. Из-за очков в роговой оправе смотрят глаза, то вспыхивающие от гнева, то ярко блестящие от удовольствия».

На вопрос журналиста Кеннеди, сразу помрачнев, заявил, что все это делается для того, чтобы помешать его сыну в ходе избирательной кампании. «Я собираюсь дать ответ на всю эту чепуху после выборов», — говорил он, и глаза его сверкали. «Я отвечу на это в подходящее время — позже». Поскольку это «подходящее время» так и не наступило, до истины приходится докапываться самостоятельно.

Где же она, эта истина? Я спросил об этом у И. М. Майского.

— Через несколько дней после капитуляции Франции в июне 1940 года, — рассказывает Иван Михайлович, — Джозеф Кеннеди приехал ко мне в посольство. Он был в состоянии, близком к панике. Сказал, что, по его мнению, Англия бессильна перед Германией, что она безнадежно проиграла войну и что чем скорее она заключит мир с Гитлером, тем будет лучше.

И, как бы желая документально подтвердить свой рассказ о событиях уже более чем четвертьвековой давности, академик Майский достает свой «Дневник посла» того периода и открывает страницу со следующей записью:

«25 июня (1940 г.)

На завтраке у меня был американский посол Кеннеди. На британские перспективы он смотрит очень мрачно. Сомневается, чтобы Англия в одиночку была в состоянии долго продолжать войну, допускает возможность германского вторжения на остров. Считает совершенно неизбежным почти полное разрушение Англии воздушными бомбардировками. США, по мнению Кеннеди, в течение ближайших месяцев будут оказывать всемерную поддержку Англии вооружением, но сами в войну едва ли вступят... Кеннеди ругал британское правительство за то, что в прошлом году оно не захотело прийти к соглашению с СССР»

Впрочем, последние сетования американского посла на британское правительство были вряд ли искренними. И. М. Майский рассказывает, что уже вскоре по прибытии в Англию Кеннеди стал своим человеком в поместье лордов Асторов, которое служило штаб-квартирой английским мюнхеновцам. Роскошное это имение в Кливдене, недалеко от Лондона, было местом, куда в конце каждой недели на уикэнды съезжались самые твердолобые деятели английской буржуазии, сторонники сближения с Гитлером. Здесь регулярно бывали Невиль Чемберлен, лорд Галифакс, Самуэль Хор, редактор «Таймс» Джефри Доусон — мизантроп и ипохондрик, игравший при Чемберлене роль «серого кардинала», и другие вдохновители мюнхенской политики. Душой общества была хозяйка поместья экстравагантная, властная, знавшая, чего она хочет, почитательница фюрера леди Ненси Астор. Этой более чем предприимчивой леди, американке по происхождению, и был обязан посол

Вашингтона доступом в узкий кружок руководителей британской политики того времени. Именно она проявила инициативу и повышенную любезность по отношению к соотечественнику, *конечно* же, не сентиментальную, продиктованную тоской по заокеанской родине, а своекорыстную, на вполне определенной политической подкладке.

— Все эти печальной памяти «герои» недавнего прошлого, — рассказывает Майский, — регулярно встречались в салоне леди Астор, пили, ели, развлекались, обменивались мнениями и намечали планы ближайших действий. Нередко между двумя партиями гольфа решались важнейшие государственные вопросы. Чем ближе надвигалась война, тем активнее становился Кливден. Отсюда шла наиболее энергичная пропаганда концепции «западной безопасности»; здесь смаковались картины советско-германского взаимоистребления, на осуществление которого делали ставку завсегдатаи Кливдена. Не удивительно, что американский посол запамятовал свое намерение поддерживать постоянный контакт со своим советским коллегой. Куда уж там, леди Астор была дама строгая, не ровен час и разгневаться могла.

Салон вышеозначенной леди имел сильнейшее влияние на назначение министров, на формирование правительств, на определение политической их линии. Так что сетования одного из участников узкого кружка, внутри которого определялась английская политика тех дней, на эту самую политику, высказанные задним числом, вряд ли были искренними и основательными.

Документы, хранящиеся в архивах американского внешнеполитического ведомства, подтверждают, что для недоверия советского посла по поводу запоздалых сетований его американского коллеги имелись все основания. Многочисленные дипломатические депеши тех дней, ложившиеся на стол президента Рузвельта и подписанные «Д. Кеннеди — посол», были направлены на то, чтобы доказать правительству, что наилучшим для Америки выходом из положения является сделка с Гитлером. В одной из таких телеграмм посол убеждал Вашингтон в том, что американские солдаты ни в коем случае и ни под каким соусом не должны помогать британской армии, ибо — обратите внимание на аргументацию, — когда Гитлер оккупирует Лондон, он в отместку расстреляет всех американских граждан, которые попадут в его руки.

В этом рассуждении показательно все: и размах мышления — пусть пропадает весь мир, лишь бы сохранились драгоценные жизни нескольких десятков американцев, обретавшихся тогда в Лондоне, и непоколебимая уверенность в том, что Гитлер продефилирует по Трафальгарской площади так же, как он продефилировал по Елисейским полям.

Все мировые проблемы, любил говорить в те дни американский посол в Лондоне, можно решить при помощи умной торговли лошадьми. Под «торговлей лошадьми» этот дипломат, с легкостью усвоивший словарь конного барышника, подразумевал сделки, имевшие в виду только и исключительно выгоду, но не имевшие в виду столь устарелые, немодные, несовместимые с бизнесом понятия, как мораль и совесть.

В октябре 1940 года Джозеф Кеннеди был отозван с поста посла в Англии и вернулся в Соединенные Штаты. В связи с этим в американской литературе имеют хождение объяснения разные: одни утверждают, что Рузвельт-де был недоволен деятельностью своего посла, сделавшего ставку на Чемберлена и его окружение и не нашедшего общего языка со сменившим «джентльмена с зонтиком» на посту британского премьера Уинстоном Черчиллем.

Другие высказывают иную, и, кажется, более достоверную, версию. Осенью 1940 года предстояли очередные выборы. Истекал второй срок президентства Рузвельта, а тогда запрещение пребывания в Белом доме более двух сроков не было еще оформлено конституционно, но было лишь традицией. Рузвельт решил опрокинуть эту традицию и выдвинуть свою кандидатуру на третий срок. Джозеф Кеннеди вознамерился этому воспрепятствовать и начал внутри демократической партии активную кампанию за выдвижение на пост президента... самого себя.

Вот она, наследственность-то! Надо думать, что когда-нибудь пережившим тяжелые времена, а ныне находящимся в фаворе генетикам удастся обнаружить какой-нибудь там особый ген честолюбия или хромосому жажды власти, передающие эти качества от отца к сыну. И подумать только, мировая история и какие-то там нуклеиновые кислоты ахти нашему брату историку!

«В 1940 году, — сообщает все тот же биограф семейства Кеннеди Маккарти, — Джо Кеннеди выступил соперником Рузвельта, претендуя на выдвижение своей кандидатуры на пост президента от демократической партии. В результате отношения между Кеннеди и Рузвельтом резко обострились, и отцу будущего президента пришлось отойти от активной политической деятельности».

Косвенным подтверждением всего этого являются отношения ледяного холода между семействами Рузвельтов и Кеннеди, пришедшие после 1940 года на смену некогда дружеским. Для этого должны были быть серьезные основания, ибо спустя 20 лет вдова покойного президента Элеонора Рузвельт, игравшая видную роль в демократической партии, не смогла отрешиться от этой враждебности и делала все от нее зависящее для того, чтобы воспрепятствовать выдвижению кандидатуры Джона Кеннеди на пост президента.

Рука у Рузвельта была тяжелая, и с политической карьерой человека, попытавшегося перейти ему дорогу, было покончено. Он вновь стал отдавать все свое время предпринимательской деятельности, которую не прекращал, лишь немного отодвинув, все эти годы. Но не такой человек был Джозеф Кеннеди, чтобы так просто признать себя побитым, отказаться от задуманного. Упрямство, цепкость, умение выждать своего часа — отличительные уже в нескольких поколениях свойства кеннедиевского рода.

«Клан Кеннеди» — так зовут в Америке это семейство, отдавая дань то ли его ирландскому происхождению, то ли многочисленности и сплоченности, — решил, что президентом Соединенных Штатов станет старший из сыновей Джозефа Кеннеди — тоже Джозеф. С юных лет его начали готовить к этой карьере. Все в семье знали — Джо будет президентом. С этой мыслью он пришел в Гарвардский университет, тот же самый, который закончил его отец, с этой мыслью усиленно штудировал политические трактаты, с этой мыслью еще до войны, совсем молодым, включился в активную деятельность в демократической партии. И даже ухитрился привлечь к себе внимание Рузвельта, снискав его особую неприязнь.

Именно 25-летний Джозеф Кеннеди, пока папаша обретался в Лондоне, взял на себя роль организатора выдвижения на съезде демократической партии летом 1940 года кандидатуры Кеннеди-старшего в противовес Рузвельту. Сплотив вокруг себя небольшую весьма крикливую группу делегатов съезда, старший из братьев ухитрился изрядно попортить кровь Рузвельту. Но дело было не только в борьбе за власть. Сшиблись не только амбиции, не только самолюбия, столкнулись политические концепции. Рузвельт стоял за отпор державам оси. Оба Джозефа из «клана Кеннеди» были за сговор с Германией. О политической платформе, с которой младший Джозеф в полном согласии с Джозефом-старшим действовал в те дни, можно судить по его нашумевшему заявлению в январе 1941 года о том, что Соединенным Штатам Америки значительно выгоднее и целесообразнее вести широкую торговлю с завоеванной Германией Европой, нежели быть союзником Англии. Словом, политические надежды семьи были теперь связаны с Джозефом Кеннеди, старшим из четырех братьев. Судьба, однако, судила иначе.

Но еще до трагической развязки отец и сын убедились если не в своих заблуждениях, то хотя бы в том, что столь одиозные высказывания могут вслед за политической карьерой отца торпедировать карьеру сына, навсегда похоронив его мечты о Белом доме. И быть может, не так уж далеки от истины те американские политические писатели, которые считают, что внезапная перемена фрон-

та, вступление Джозефа Кеннеди-младшего в состав американских военно-воздушных сил и участие в борьбе с гитлеровской авиацией были не столько проявлением его патриотизма, сколько результатом холодного политического расчета. Мыслилось, что форма военного летчика прикроет политические грехи молодости. Дескать, кто после войны осмелится бросить камень, напомнив молодому политику о призывах к сотрудничеству с Гитлером, когда за его спиной будет участие в войне.

Кстати, не вполне соответствует действительности принятая в американской пропаганде версия об обстоятельствах гибели летчика Кеннеди в продолжительном героическом и упорном бою. Дело обстояло несколько прозаичнее. 12 августа 1944 года Джозеф Кеннеди поднял с одного из английских аэродромов тяжелый бомбардировщик, на котором находилось одиннадцать тонн фугасных бомб. Было запланировано, что, набрав высоту и положив самолет на заданный курс, летчик выбросится с парашютом и опустится недалеко от аэродрома, а самолет, управляемый по радио, подобно самодвижущейся торпеде, обрушится на базу немецких подводных лодок на побережье Бельгии. Что произошло на борту самолета, в точности неизвестно, но при наборе высоты, едва взлетев с аэродрома, самолет со всем своим смертоносным грузом взорвался в воздухе.

Похоронены были лишь надежды, которые связывались со старшим из сыновей Джозефа Кеннеди.

Словно бы расплачиваясь за близорукость и просчеты, за преступный эгоизм тех, кто заигрывал с гитлеризмом и германской военщиной, надеясь толкнуть ее на Восток, погрев при этом руки, кто уподоблял политику торговле лошадьми, обременив весы судьбы собственными ошибками и заблуждениями, Джозеф Кеннеди-младший сам стал жертвой молоха войны.

Первые шаги

Теперь старый Джозеф, уже дважды споткнувшийся на тернистом пути к вершинам государственной власти, но отнюдь не думавший отказываться от того, чтобы некогда третировавшаяся спесивой бостонской знатью фамилия Кеннеди воцарилась в резиденции американских президентов, возложил свои надежды на второго сына. Сам он как-то в беседе с журналистами, разоткровенничавшись, сказал: «Я ввел Джона в политику. Только я один. Я сказал ему, что Джо умер и теперь на нем лежит ответственность быть избранным в конгресс. Он не хотел. Он считал, что не способен к политике, а я сказал: ты должен». Не сочтите это за

хвастливую болтовню старца, впавшего в маразм. Джон Кеннеди поведал как-то приятелю о начале своей политической карьеры: «Все это выглядело так, как будто меня призвали. Мой отец хотел, чтобы старший сын был президентом. «Призвали», пожалуй, даже не то слово. Он потребовал. Ты же знаешь моего отца».

Но Кеннеди-старший не ограничился «призывом». Первую политическую кампанию сына он провел так, как будто избираться в конгресс предстояло ему самому. Джону была отведена роль сугубо пассивная. От него требовалось улыбаться, пожимать руки, говорить милые банальности.

Дело происходило осенью 1946 года. Трамплином, с которого Джон Кеннеди в соответствии с решением своего отца должен был прыгнуть в Вашингтон, стал Бостон. К тому времени семейство Кеннеди давно уже не имело ничего общего с этим городом. После того как Кеннеди-старший перебрался в Нью-Йорк, поближе к фондовой бирже, члены кеннедиевского семейства бывали в Бостоне лишь короткими наездами. Почему именно Бостон был избран Кеннеди-старшим, сказать трудно. Возможно, потому, что восьмидесятидевятилетний Фитцджеральд — «милашка Фитц» — был еще жив и пользовался влиянием у бостонской знати.

Так или иначе, летом 1946 года в лучшем отеле города «Ритц-Карлтон» главой семейства был снят дорогой многокомнатный номер, в котором обосновался штаб первой из предвыборных кампаний Джона Кеннеди. На себя папаша взял все дела с городскими политиканами, боссами машины демократической партии. Не доверяя способностям и опыту сына, старик приставил к нему в качестве ментора-наставника своего старинного приятеля и дальнего родственника, большого мастака по части обделывания политических делишек некоего Кейна. Впоследствии Джон Кеннеди так вспоминал о первом политическом уроке, преподанном ему этим махинатором. «В политике, — витийствовал Кейн, — нет друзей, есть только сообщники... Политика подобна войне. Чтобы победить, нужны только три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги».

Впрочем, чего-чего, а этих трех вещей у Джона Кеннеди с первых шагов его на политическом поприще было предостаточно. Старик не скупился. В порыве откровенности он даже брякнул фразу, о которой не раз потом пожалел. «С теми деньгами, — сказал он, — которые я потратил в 1946 году, я мог избрать в конгресс не только Джона Кеннеди, но даже и собственного дворника». По самым скромным подсчетам, в тот раз Кеннеди-старший выложил четверть миллиона. Это по самым скромным.

Уже тогда определилась и еще одна характерная для всех последующих предвыборных кампаний Кеннеди черта. В них самое

активное участие принимали не только отец, но и все остальные члены «клана Кеннеди»: братья, сестры, мужья сестер и даже мать. Хотя, пожалуй, «принимать участие» — это не вполне точно. Мадам Роза Кеннеди играла ключевые роли во всех важнейших политических кампаниях сына. Когда впервые политиканы из штаба Кеннеди предложили, чтобы мадам Кеннеди приняла участие в кампании, засомневался было сам старик. «Помилуйте, — сказал он, — да ведь она уже бабушка, какой из нее политик!» Но когда ему объяснили, что появление на предвыборных собраниях пожилой женщины с золотой звездой на платье (золотая звезда — отличительный знак, который носят в Америке матери, потерявшие сыновей на войне) будет играть важную роль, Джозеф Кеннеди поддержал идею.

Именно с тех пор пошли в ход знаменитые «чаепития» Розы Кеннеди — нечто новое в деле обработки американских избирателей и прежде всего избирательниц. Десятки, а затем и сотни удивленных и немало польщенных жительниц Бостона (исключительно жительниц), мужья которых играли в городе определенную роль или пользовались влиянием в тех или иных кругах, получали по почте отпечатанные на бристольском картоне приглашения, в которых значилось, что госпожа Роза Кеннеди и ее сын Джон Кеннеди будут чрезвычайно рады видеть у себя имярек.

Имярек, естественно, являлась на чаепитие. Во время чая гостьям представляли Джона Кеннеди, но не как политического деятеля, а просто как человека с изысканными манерами и обаятельной улыбкой. Разговоры о политике были сведены до минимума, и все носило очаровательно неофициальный характер. Правда, иногда предвыборная речь все-таки произносилась, но в светски непринужденной, вполне чайной манере.

Вот один из образчиков, дошедших до нас в подлинном виде со времен кампании 1952 года, когда семейство Кеннеди бросило вызов могущественному Генри Кэботу Лоджу.

«Во-первых, — говорил Кеннеди разомлевшим дамочкам, — по странной причине в штате Массачусетс больше женщин, нежели мужчин. Во-вторых, мой дед, Джон Фитцджеральд, боролся за место в сенате США 36 лет тому назад с дедом моего нынешнего противника Генри Кэботом Лоджем-старшим. Тогда мой дед проиграл, его противник получил на 30 тысяч голосов больше. Это случилось в то время, когда женщины на выборах не имели права голоса. Теперь надеюсь, что, апеллируя к вам, милые женщины-избирательницы, я сумею с лихвой наверстать упущенное в тот раз». Женщины были в восторге — «ах, как он мил, как очарователен»; а Джон с мамашей торопились на следующее чаепитие.

Надо сказать, что мать семейства проявляла во время избира-

тельных чаепитий незаурядную политическую ловкость. Когда в гостях у нее оказывались женщины попроще — аптекарши, жены мелких торговцев, домашние хозяйки, — она выходила к ним в самом скромном платье, изображая из себя «простую ирландку, выбившуюся из низов». Затем она ехала на чаепитие в общество дам из высшего света. Прямо в машине, дабы не терять время, она переодевалась и перед избранной аудиторией появлялась в норковой накидке и платье, усеянном драгоценностями. Расписав достоинства своего сына и неназойливо попросив дам оказать ему поддержку, она со светской ловкостью и изяществом переходила к щебетанию о «последних модах, которые видела в Париже месяц назад».

Дальше высказанной с улыбкой просьбы поддержать сына на рауте дело не шло. Однако имя каждой женщины, посетившей чаепитие — а таких за предвыборные недели набралось несколько десятков тысяч, — заносилось в специальный «вахтенный журнал».

Через несколько дней особа, удостоенная чаепития, получала от матери, а также от сестер Кеннеди письмо, в котором в самых изысканных выражениях и вежливой форме излагалась просьба: во-первых, самой проголосовать за Джона Кеннеди, а во-вторых, завербовать для него среди своих знакомых не менее десяти сторонников.

Результатом этой «чайной кампании» было то, что молодой претендент выбил из седла одного из зубров республиканской партии, Генри Кэбота Лоджа, отняв у него место сенатора с сенсационным для Бостона большинством в 70 тысяч голосов. Как писала не без ехидства американская печать, «в пересчете на чай, поглощенный сторонниками молодого Кеннеди женского пола, это составляет один галлон чая на каждого избирателя».

Так закладывалась тактика и метода предвыборной семейной машины, исправно действующей и по сей день. Избирательные кампании Джона, Роберта и Эдварда Кеннеди в последующие годы с теми или иными вариациями развивались по канонам, заложенным кеннедиевским кланом вскоре после войны.

Поначалу тактика эта вызвала насмешки и была излюбленной мишенью записных острословов и карикатуристов. Но с течением времени желание острить на сей счет, особенно у тех политиков, которым судьба выбрасывала нелегкий жребий соперничества с кем-либо из Кеннеди, иссякало.

Само появление в 1947 году долговязого, вихрастого, непривычного для Капитолия молодого Джона Кеннеди в здании американского конгресса на первых порах было встречено как забавная несуразица. В баре палаты представителей конгрессмены с

ухмылкой рассказывали друг другу о различных чудачествах своего нового коллеги. То он сбежал с важного голосования, и кто-то видел его на зеленой лужайке недалеко от Капитолия гоняющим с мальчишками футбольный мяч, то молодой конгрессмен заснул во время важного выступления лидера своей партии, то еще что-нибудь в этом роде.

Сам Кеннеди в один из первых месяцев своего пребывания в палате представителей со смехом рассказывал, как только что, войдя в лифт, старый сенатор обратился к нему повелительно: «Ну-ка, мальчик, подними меня на шестой этаж». И действительно, моложавого Кеннеди в те дни легче было принять за юношу лифтера, нежели за парламентария.

Но за всей этой, как впоследствии стало очевидным, тщательно продуманной буффонадой крылись трезвый и холодный расчет, железная воля и тщательная организация «клана Кеннеди».

Уже очень скоро вашингтонские остряки поняли, что они попали впросак. Первой жертвой оказался, как уже сказано, Генри Кэбот Лодж — отпрыск богатейшей и знатнейшей фамилии Бостона, одна из ведущих фигур республиканской партии, самоуверенный и могущественный, воображавший, что пост сенатора от Массачусетса так же неотделим от него, как его собственное, известное всей Америке имя. Подобно грому среди ясного неба летом 1952 года прозвучала для него весть, что старший из братьев Кеннеди бросает ему вызов, выставив свою кандидатуру на то сенаторское место, которое Лодж привык считать своей личной собственностью.

Предвыборная схватка развертывалась по уже опробованным канонам. Все дома, телеграфные столбы и автобусы штата были оклеены лозунгами, призывавшими голосовать за «надежду Массачусетса Джона Кеннеди». Его лозунгами в те дни были: «Улучшим рыболовство Массачусетса!» — это для тех, кто зарабатывает хлеб насущный рыбной ловлей; «Улучшим обувную промышленность Массачусетса!» — для рабочих-обувщиков; «Улучшим текстильные фабрики Массачусетса!» — это для многочисленного отряда текстильщиков штата и т. д. Кандидат щедро обещал всем всё и каждому то, что тот пожелает.

Он не чурался ничего, колесил по штату, произносил речи на каждом углу, пожимал руки, целовал детишек и как-то даже, встретив на улице маршировавший оркестр, подскочил к дирижеру, вырвал у него палочку и под восторженное улюлюканье мальчишек, под треск кинокамер и щелчки фотоаппаратов продефилировал по Бостону во главе оркестра, по-тамбурмажорски размахивая жезлом.

И вновь за кулисами упорно, с каким-то даже ожесточением

действовал Кеннеди-отец. О том, какие методы он применял, можно судить по такому случайно ставшему известным факту. Одна из ведущих газет Бостона — «Пост» — переживала в те дни серьезные финансовые трудности. Тогда-то в кабинете главного редактора этой газеты Фокса и раздался телефонный звонок. «Послушайте, старина, — услышал редактор, — с вами говорит Джозеф Кеннеди. Как вы посмотрите на то, что я предложу вам встретиться со мной в клубе сегодня вечером?» Встреча состоялась, и ее результатом был чек в 500 тысяч долларов, который заимообразно тут же, во время ужина, получила газета от сердобольного миллионера, крайне обеспокоенного трудностями редактора и сгоравшего от нетерпения помочь ближнему.

То обстоятельство, что уже через несколько дней газета, на протяжении многих лет до этого поддерживавшая и превозносившая сенатора Лоджа, внезапно обнаружила у своего недавнего кумира массу недостатков и изъянов, найдя, что достоинства молодого Кеннеди не идут ни в какое сравнение с качествами господина Лоджа, конечно же, можно объяснить только и исключительно «случайным совпадением».

Кеннеди-старший, будучи спрошен о причинах своей щедрости и полумиллионном займе газете в разгар предвыборной кампании, исчерпывающе объяснил свой шаг, заявив: «А что в этом особенного? Обычная коммерческая сделка!» Что ж, пожалуй, так оно и есть — безусловно, сделка, вне всякого сомнения, для американских нравов обычная и, уж конечно, коммерческая, ибо в Америке вся политика — это коммерция, а значительная часть коммерции неотделима от нечистой политики.

Генри Кэбота Лоджа в 1952 году подвела самоуверенность. Считая сенаторское место у себя в кармане, он истратил на предвыборную кампанию, как сам впоследствии признал, 58 тысяч 266 долларов. Семейство Кеннеди на ту же самую кампанию, по самым скромным подсчетам, израсходовало в десять раз больше. Результат был впечатляющий. Молодой конгрессмен, которого до той поры не очень-то принимали всерьез, стал сенатором Соединенных Штатов, а вновь избранному президенту Дуайту Эйзенхауэру пришлось утешать своего политического друга и ярого приверженца, теперь уже бывшего сенатора Лоджа, потерявшего свое теплое местечко под сводами Капитолия, постом постоянного представителя США в Организации Объединенных Наций.

По адресу Джона Кеннеди в Вашингтоне уже больше никто не шутил. Не до шуток было самым серьезным фигурам на шахматной доске большой американской политики. Каждый из тех, кто примеривал на себя и примеривался сам к президентскому креслу стал внимательно следить за каждым шагом молодого сенатора.

Уже четыре года спустя он вошел в узкую группу политиков, среди которых те, кто правит Америкой, вербует хозяев Белого дома. В ходе президентской кампании 1956 года тогдашний официальный лидер демократической партии Эдлай Стивенсон всерьез рассматривал вопрос о Джоне Кеннеди как о своем напарнике по избирательному бюллетеню в качестве претендента на пост вице-президента страны. В последний момент по ряду тактических соображений он отказался от этой идеи, но Джон Кеннеди с той поры стал рассматриваться как звезда первой величины на американском политическом небосклоне.

Семейство

На протяжении многих лет восхождения семейства Кеннеди на вершины экономического и политического могущества, в том числе и тогда, когда Джон был президентом, бесспорным главой клана, человеком, за которым всегда оставалось последнее слово, причем в делах не только семейных, был Джозеф Кеннеди-старший. Оказавшись в роли хозяина Белого дома, Джон неоднократно в трудных случаях прибегал к советам своего отца. Знающие люди утверждают, что ни один человек не оказывал на него такого влияния, хотя и тщательно скрывавшегося от посторонних глаз, как Кеннеди-старший. Не раз бывало, что в разгар напряженного обсуждения какого-либо вопроса, особенно сложного и запутанного, где-нибудь далеко за полночь президент покидал совещание и, выйдя из задних дверей Белого дома, садился в вертолет, дежуривший здесь же, чтобы лететь к отцу.

У Джозефа Кеннеди была своя метода воспитания детей. Важное место в этой методе уделялось спорту. Бесконечные спортивные игры, атлетика. За немалые деньги отец нанимал наилучших тренеров, которые обязаны были следить за спортивной формой своих питомцев. При этом папаша настаивал на том, чтобы развивались не столько навыки — он не собирался готовить своих детей к карьере профессиональных спортсменов, — сколько то, что он сам называл бойцовскими качествами. Роберт Кеннеди вспоминал как-то, что одна из любимых воспитательных проповедей его отца была сентенция, звучавшая так: «Мне совершенно безразлично, кем ты будешь в жизни. Главное, чтобы ты был первым. Быть вторым — плохо. Самое главное — победить, не прийти вторым или третьим, а победить, победить, победить!»

Между старшим из сыновей — Джозефом и вторым — Джоном была двухлетняя разница. Джозеф ревниво оберегал свое первенство, рассчитывая прежде всего на кулаки. Он нещадно бил

младшего брата, и тот почти всегда ходил в синяках. Однако папаша никогда не вмешивался, взирая на побоища, учиняемые его сыновьями, с философским спокойствием. «До тех пор пока они дерутся между собой, но, когда приходится, дружно мнут шею посторонним, я не вижу причин для вмешательства».

Люди, близкие в те дни к семейству, рассказывают, что всяческое разжигание такого соперничества между сыновьями было едва ли не главным методом воспитания Джозефа Кеннеди. Два семейных тандема, разделенных возрастом, — старшие — Джозеф и Джон и младшие — Роберт и Эдвард, вечно подзуживаемые отцом, провели все свое детство в непрестанном стремлении обойти один другого во всем: в играх, в занятиях, в спорте, в выносливости, в красноречии.

Исследователь семейных хроник «клана Кеннеди» Мэри Макгрори говорит об этом так: «Мальчиком Джон Кеннеди, как и всякий другой член семьи, вечно был подстрекаем отцом на соревнование во всех областях жизни. Дети соперничали со всеми посетителями отцовского дома, поощряя соперничество и в своей собственной среде, с тем чтобы поддерживать в себе боевой дух. Ежедневно и по каждому поводу отец требовал от детей противоборства, поощряя победителя, не щадя самолюбия побежденного. Дети росли в весьма необычной, но уравновешенной обстановке: воинственно настроенный отец, стремившийся держать их все время в состоянии боевой готовности, и в достаточной мере добрая и уравновешенная мать, способная уберечь от всевозможных потрясений, культивировавшая преданность друг другу».

Впрочем, насчет уравновешивающего влияния матери имеются и другие свидетельства. По воспоминаниям родственников, наиболее действенным средством воспитания она считала палку, которой часто прохаживалась по спинам своих отпрысков. Уже после того как Джон Кеннеди обосновался в Белом доме, журналисты спросили его мать, как ей удалось воспитать такого сына. Ответ был кратким, но красноречивым: «Я довольно старомодная женщина и верю в телесные наказания. В детстве я нещадно лупила Джона». Вот вам и секрет того, как стать президентом Соединенных Штатов — все оказывается весьма просто.

Но шутки в сторону. Рассказы о том, как воспитывались дети в кеннедиевском семействе, не детали из идиллического фамильного альбома. Как-то невольно приходит на ум сравнение с волчьим выводком, в котором старый и заматерелый зверь готовит волчат к жизни, законом которой является право сильного: если ты не перервешь глотку, так ее перервут тебе. Волчья стая действует дружно, нападает сплоченно, огрызается плечом к плечу, беспрекословно повинуясь вожаку. Природный инстинкт, условия жизни

в дремучем лесу среди хищников подсказывают, что это самый надежный путь для того, чтобы выжить, быть сытым и возвыситься над себе подобными.

Начав гонку за президентский пост, еще за несколько месяцев до того дня, когда чета Кеннеди перебралась на третий этаж Белого дома — личные апартаменты президентов, — Джон по совету отца продал (небезвыгодно) все принадлежавшие ему биржевые акции. Вырученные деньги он вложил в государственные ценные бумаги, а также в облигации отдельных штатов. Но все эти операции не могли, да и не должны были изменить того непреложного факта, что с его избранием в Белом доме водворился самый богатый президент за всю историю Соединенных Штатов.

Не говоря уже об огромном капитале, который должен был достаться наследникам Джозефа Кеннеди после его смерти, личное состояние Джона Кеннеди в 1960 году оценивалось в сумму от двенадцати до пятнадцати миллионов долларов. Ему принадлежал большой дом в Вашингтоне, еще более шикарный дом в Хианнис-Порте, штат Массачусетс, роскошный трехэтажный, отделанный под старину особняк в Джорджтауне, портал которого украшен антикварными фонарями старинных карет, а также летний дом, расположенный рядом с резиденцией его отца в Кейп-Коде. Это не считая шикарной квартиры в Нью-Йорке и семейной резиденции в Палм-Бич.

Не поклонник спиртного — коктейль перед ужином, почти не куривший — сигара после обеда, Джон Кеннеди со дня своего появления в Вашингтоне, сначала в роли конгрессмена, а затем сенатора, стал завсегдатаем великосветских приемов и раутов, где проводило свое время самое избранное общество американской столицы. На одном из таких раутов в 1951 году Кеннеди встретился с 20-летней высокой, хрупкой, темноволосой девушкой, которую ему представили как фотокорреспондента газеты «Вашингтон таймс геральд» (ныне прекратившей уже свое существование). Ее звали Жаклин Ли Бувье.

Журналистская деятельность девушки не была связана со стремлением заработать на хлеб насущный. И на великосветский прием она пришла вовсе не для выполнения служебных обязанностей. Ее отец — Жан В. Бувье — человек, чье имя известно лишь в очень узком кругу особо посвященных, но чье могущество до его недавней смерти было весьма велико. Прадед Жана, Мишель Бувье, эмигрировал из Франции и поселился в Филадельфии в начале прошлого века, и в семействе до сих пор с гордостью говорят, что он был ближайшим другом Жозефа Бонапарта.

Сыграла близость предка к Бонапартам свою роль или не сыграла, сказать трудно, но стремление к власти несомненно, и

потомок Бонапартова друга стал одним из видных деятелей в финансовой империи Морганов. А о том, что такое Морганы, особенно распространяться не надо. Достаточно сказать, что эта группировка монополистов контролирует капиталы астрономические — 91 миллиард долларов (!!!).

Вместе со своей сестрой — в замужестве княгиней Ли Радзивилл — Жаклин выросла в фешенебельном доме отца в Ньюпорте, училась в частных школах, куда имеют доступ лишь дети очень богатых родителей. Для получения высшего образования папаша Бувье отправил ее на родину предков, в парижскую Сорбонну, где она занималась рисованием, литературой, совершенствовалась во французском, итальянском, испанском. Семейные предания, обстановка отчего дома — вот почва почитания старофранцузского стиля, любви к ампиру, бронзе, шелковым обоям и прочей старине, вызвавших так много толков, когда молодая хозяйка Белого дома приступила к его решительной переделке в стиле старинных французских замков.

В сентябре 1953 года состоялась свадьба. Газеты сообщали: «Обряд бракосочетания был совершен кардиналом Кашингом в католической церкви Сент-Мери. На церемонии присутствовало свыше двух тысяч человек. По общему признанию, свадьба обошлась в сумму, на которую можно было бы открыть приличных размеров провинциальный банк. Жаклин была тут же введена в члены «клана Кеннеди».

Накануне выборов 1960 года одной из излюбленных тем, обсуждавшихся в политических салонах американской столицы, был вопрос, является ли красавица жена активом или пассивом для Кеннеди в его борьбе за президентское кресло. Вот что говорилось на сей счет в книге «Кандидаты 1960 года», вышедшей в Америке незадолго до выборов:

«Неясно, какую роль сыграет в борьбе жена Кеннеди Жаклин. Некоторые утверждают, что она является «активом», свидетельствующим о его благополучии. Однако согласно старым политическим канонам Америки жена кандидата в президенты не должна быть ни слишком молода, ни слишком привлекательна. Женщины имеют обыкновение завидовать и тому и другому. Избирательницы предпочитают иметь дело с особой средних лет, внешность которой не имеет в себе ничего примечательного. В случае избрания Кеннеди президентом его жене исполнится 30 лет, когда она станет хозяйкой Белого дома в расцвете своей красоты и изящества. Учитывая, что женщины составляют большинство среди избирателей, — это одно из неизвестных в предстоящей кампании».

В предвыборной перепалке имя Жаклин Кеннеди *склонялось* всячески. Так, газеты, поддерживавшие Никсона, сообщили, что

свои туалеты она заказывает исключительно в парижском «Доме Диора» и тратит на это не менее 30 тысяч долларов ежегодно. Оценив эти сообщения как «ужасно несправедливые», она сама заявила, что тратит на свои туалеты значительно меньше, чем Патриция Никсон, жена республиканского кандидата.

Прошло совсем немного времени, и ни у кого уже не возникал вопрос: пассив или актив Жаклин Кеннеди для своего мужа. Неглупая, умеющая применяться к обстановке, она немало содействовала политическим успехам Джона. А после далласской трагедии и до того момента, когда она пожелала сменить титул «первой леди Америки», официально полагающийся президентской жене, на титул «первой леди острова Скорпион», как со злой иронией окрестила ее американская печать после брака с греческим миллиардером Аристотелем Онассисом, по имени острова, принадлежащего Онассису, — она была не только наиболее популярной в Америке женщиной, но и, безусловно, законодательницей мод в стране. Скорые на руку бизнесмены не без успеха для себя делали бизнес на пристрастиях и вкусах президентской вдовы — в ход пошли прически «а-ля Жаклин», моды «а-ля Жаклин», духи, манеры и даже кулинарные рецепты.

В течение пяти лет подряд в традиционном опросе, производимом известным институтом Гэллапа, в ответ на вопрос: какой женщиной больше всего восхищаются американцы, подавляющее большинство опрашиваемых неизменно отвечало: Жаклин Кеннеди. Но вот наступил год 1968-й. Жаклин Кеннеди стала мадам Онассис, и имя ее исчезло из списка почитаемых американок. Правда, фамилия Кеннеди продолжала возглавлять этот список. Место нарушившей обет безбрачия президентской вдовы заняла ее невестка, мать одиннадцати детей, вдова Роберта Кеннеди Этель.

25 ноября 1963 года, то есть через три дня после убийства президента, когда гроб с телом не был еще предан земле, американские газеты на видных местах опубликовали сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс:

«Сегодня по тревоге полицейские быстро поднялись на крышу семиэтажного здания финансового управления в Вашингтоне. Причиной тревоги было сообщение о том, что на крыше здания замечен человек с оружием в руках. Особенно тщательно был осмотрен угол крыши, обращенный к пересечению 10-й улицы и Конститьюшн-авеню. На другой стороне 10-й улицы находится дверь, через которую входит в министерство юстиции и выходит из него Роберт Кеннеди. В последние дни министр, находящийся в трауре в связи с гибелью брата, в министерство не приезжал. Поиски не дали результатов. Очевидно, злоумышленник скрылся до приезда полиции».

В свете последовавших событий деталь эта приобретает особенно важный и зловещий смысл: охота началась уже тогда.

Семь месяцев спустя, 19 июня 1964 года, дикторы американских радио- и телевизионных станций прервали передачи для того, чтобы передать в эфир экстренное сообщение: «В результате авиационной катастрофы, причины которой остаются невыясненными, разбился небольшой одномоторный самолет. На его борту находился сенатор Эдвард Кеннеди, самый младший из братьев Кеннеди. Сенатор в бессознательном состоянии доставлен в госпиталь. У него повреждены три позвонка, сломаны два ребра, не работает легкое. Врачи отказываются отвечать на вопросы, выживет ли молодой сенатор, и если выживет, то не останется ли парализованным на всю жизнь».

Случайность ли все это? Просто фатальное совпадение или злой умысел? Ответов на эти вопросы нет и по сей день. Очевидным является лишь одно — младшие братья Дж. Кеннеди оказались в центре политического водоворота той борьбы, в которой несколько лет назад они были ближайшими помощниками погибшего президента.

...Когда Роберт Кеннеди через несколько часов после авиационной катастрофы примчался в госпиталь, караулившие его репортеры кинулись к нему: «Наступит ли конец вашим несчастьям?»

«Я как раз думаю об этом, — ответил он. — Представьте, что у нашей матери было бы только четверо старших. Сейчас она осталась бы без детей. Джо, Джон и Кэтлин умерли, Роз-Мари в психиатрической больнице. Да, будь у моей бедной матери лишь четверо детей, она сейчас была бы бездетной». Помолчав, он добавил: «Пожалуй, наш род только потому и сохранился, что нас много. Нас больше, чем несчастий».

Действительно, как бы мстя за свое благоволение, судьба обрушила на семейство Кеннеди одно за другим несколько тяжелых ударов. Через четыре года после гибели в 1944 году старшего из братьев в авиационной катастрофе погибла их сестра Кэтлин. В годы пребывания старшего Кеннеди на посту посла в Лондоне она познакомилась, а затем вышла замуж за представителя одной из знатнейших фамилий английской аристократии герцога Кавендиша. Семья Кавендишей в течение столетий поставляет руководящих деятелей Британской империи. Последним в ряду ее посланцев на лондонский Олимп был премьер-министр Англии Гарольд Макмиллан. (Таким образом, в начале 60-х годов два крупнейших государства современного капиталистического мира возглавляли люди, находившиеся в родственных отношениях. Чем не династические связи!)

Гибель Джона Кеннеди, безнадежная болезнь еще одной из

сестер, авиационная катастрофа, в которую попал младший из братьев, едва не стоившая ему жизни, и, наконец, убийство Роберта — вот уж воистину и милости и немилости рок уготовил этому семейству полной мерой.

Но действительно их «больше, чем несчастий» — жив ставший теперь главной надеждой клана младший из братьев, занимающий уже сейчас, несмотря на молодость — он родился в 1932 году, — видное место и на Капитолии, где он восседает в сенаторском кресле, и в демократической партии, живы три сестры, мужья двух из которых — Серджент Шрайвер и Стивен Смит — активно и небезуспешно действуют на почве политики и бизнеса, а там, глядишь, подрастет и третье поколение. Оно уже довольно многочисленно: Роберт Кеннеди, утверждавший, что членов их клана должно быть больше, чем несчастий, обогнал Кеннеди-старшего — он оставил одиннадцать детей; дочь и сын остались после смерти Джона; трое детей у Эдварда, много детей и у сестер.

Воюют они не только числом, действуют сплоченно, а главное, до предела активно. Хорошо известна в вашингтонском свете Юнис Кеннеди-Шрайвер. Весьма активная особа, она принимает непосредственное участие в политических кампаниях своих братьев и мужа — крупного дельца, которого в американской столице считают восходящей политической звездой.

Муж еще одной из сестер — Джейн, 49-летний Стивен Смит, как уже говорилось, руководит семейным бизнесом. Смит подтверждает правило, гласящее, что богатые женятся на богатых. Он свой в кругу миллионеров, наследник крупнейшего состояния и происходит из семьи известных судовладельцев. Во всяком случае, брак Джейн Кеннеди и Стивена Смита большой свет не счел мезальянсом. Причастен Смит и к политике, но об этом дальше.

И лишь младшая — Патрика Кеннеди попыталась нарушить семейную традицию, выйдя замуж не за бизнесмена и не за сенатора, а за актера Питера Лоуфорда. Но и этот маленький бунт можно считать удавшимся лишь наполовину. Очень скоро и она, и ее супруг оказались втянутыми в политический водоворот, и во время предвыборной кампании 1960 года Лоуфорд сменил театральные подмостки на политическую трибуну, выступая коммивояжером своего маститого шурина. Правда, своим в клане он так и не стал. Патрика, одумавшись, разошлась с чужаком.

Таков закон клана. Всякий попадающий в его орбиту уже не принадлежит только себе — он частичка единого целого, связанного родовыми преданиями и традициями, чисто национально-ирландского почитания старшего и старших в роду, готовности до конца поддерживать один другого, настороженной недоверчивости

к посторонним. «Когда кто-нибудь со стороны, — пишет исследователь, посвятивший этому семейству специальную книгу, — грозит помешать намерениям любого из клана Кеннеди, все семейство смыкается в тесный круг, опустив рога, как стадо бизонов, осажденное волками».

Культ старейшины до его тяжкой болезни делал средоточием мудрости и внутрисемейной власти отца — Джозефа Кеннеди. Паралич, приковавший его к постели, а отнюдь не избрание на президентский пост передали верховную семейную власть в руки Джона. После его смерти решающее слово было за Робертом. Мы еще вернемся подробнее к нему, к тому месту, которое занимал он на американской политической сцене, к его гибели в специальном разделе.

Ныне главой семейства стал младший из братьев, Эдвард, или, как фамильярно именует его американская печать и коллеги-сенаторы, Тэдди. Мне приходилось видеть рядом Роберта и Эдварда Кеннеди, и невольно возникал у меня тогда вопрос: да полно, братья ли они? — так на первый взгляд не были похожи они друг на друга и на своего покойного старшего брата. Рядом с массивным Джоном Роберт казался хрупким и невидным. Светлая шевелюра его выглядела еще светлее рядом с темными волосами высокого, еще не успевшего отяжелеть Эдварда. Разнились они и характерами — суховатый, несколько высокомерный, лишенный человеческой теплоты, не очень разговорчивый Роберт, как считали специалисты по постановке «политических шоу», проигрывал рядом с общительным, любящим казаться добродушным и веселым Эдвардом. Во всяком случае, никто не видел Роберта поющим или разыгрывающим сценку. Что же касается младшего брата, то в вашингтонских гостиных он слывет хорошим рассказчиком и мастером петь старинные ирландские баллады.

Правда, за Робертом не водилось различных «историй». Что касается младшего брата, то кое-кто из завсегдатаев столичных гостиных склонен считать его легкомысленным, вспоминая при этом, в частности, историю студенческих лет. В свое время Эдварда исключили из Гарвардского университета за то, что он был пойман с поличным, попросив приятеля сдать за него экзамен. Отцу пришлось немало похлопотать тогда, прежде чем Эдварда приняли обратно.

Но, несмотря на внешнюю несхожесть, разную манеру держаться, темпераменты, привычки, в братьях было много общего. Оно проскальзывало и во внешнем облике, в фамильной улыбке, но, главное, в характерах. Бросающееся в глаза стремление выделяться, невероятное упрямство, жажда власти, решимость добиться своего во что бы то ни стало любым путем. Это — фамильное.

Цепкость и напор дельца, расчетливость и беспощадность, свойственные папаше Кеннеди, полностью присущи сыновьям.

...Через несколько недель после авиационной катастрофы Эдвард Кеннеди настоял на том, чтобы его перевезли в госпиталь, находящийся в Бостоне, — вскоре предстояли выборы в сенат. Находясь в гипсе, из больничной палаты он несколько раз выступал по телевидению, призывая избирателей Массачусетса голосовать только за него как наилучшего кандидата. «За каждый голос я буду отчаянно бороться даже лежа пластом». Выборы он тогда выиграл.

Сила характера? Безусловно. Но еще в большей степени неуемное честолюбие, гипертрофированное до степени крайней. Сенат — ступень к власти, к могуществу, к возможности повелевать. И на очереди уже новые планы. Большинство из тех политических обозревателей, сенаторов, посетителей различного рода политических сборищ в американской столице, с которыми мне довелось встречаться, убеждены в том, что Эдвард, так же как его отец и все три покойных брата, преисполнен решимости побывать в роли хозяина Белого дома.

Противников и конкурентов у Эдварда Кеннеди предостаточно. Предрекая схватки, в которых «не будут запрещены никакие приемы» — а каковы они, эти приемы американского политического кетча (борьбы без правил), мы знаем, — вашингтонские завсегдатаи нимало не обманываются показухой. А в ней тоже нет недостатка. Когда только разворачивалась подготовка к предвыборной кампании 1968 года, главными соперниками в демократической партии считались еще не предпринявший внезапного шага с выходом из игры Л. Джонсон и пребывавший в полном здравии Р. Кеннеди. Они вели скрытую, но ожесточенную борьбу между собой. Ко дню 40-летия Роберта Кеннеди, желая, очевидно, продемонстрировать сердечность личных отношений и потому не ограничившись официальными президентскими поздравлениями, чета Джонсонов направила имениннику личное письмо, составленное в подчеркнуто сердечных тонах и начинавшееся интимным «Дорогой Боб!». Людей, хорошо знающих политические нравы Вашингтона, эта елейная ласковость уже тогда заставила насторожиться — неспроста, ох неспроста это «Дорогой Боб!».

Об уровне методов, которые применялись в схватке, можно было судить по попыткам — в основном, конечно, тайным или по крайней мере закулисным, — отзвуки которых улавливались на страницах американской печати весь период от гибели Джона до смерти Роберта. Речь идет о делавшихся попытках столкнуть лбами Роберта и Эдварда, заставив их соперничать за президентский скипетр. Мастера плетения интриг рассчитывали при этом, что фа-

мильная жажда власти и честолюбие, традиции внутрисемейного соперничества могли перевесить братские чувства, а кроме того, исходили из существовавшего с их точки зрения некоторого различия оттенков в выступлениях братьев в сенате — более жесткая по отношению к политике Вашингтона и партийного руководства позиция Роберта и более осторожная, завуалированная Эдварда.

Соперничество между братьями действительно имело место. Когда внезапно незадолго до того ушедший с поста министра юстиции, уже бравший под прицел Белый дом Роберт решил в качестве подготовки к президентской кампании баллотироваться на пост сенатора от штата Нью-Йорк, Эдвард, который в это время вел борьбу за переизбрание в Массачусетсе, недовольно фыркнул. Важным козырем в избирательной кампании братьев была их мать — Роза Кеннеди. Появление одетой в траур матери убитого президента на предвыборных митингах производило немалый эффект, и избирательная тактика Эдварда отводила Розе Кеннеди значительное место. Узнав о решении брата баллотироваться в Нью-Йорке, Эдвард проворчал: «Бобби придется бороться самому. Наша мать уже занята в моей кампании. Я первым просил ее».

Однако дальше таких распрей дело не шло. Не случайно наиболее серьезные специалисты уже тогда считали расчеты на политическую борьбу между братьями совершенно нереальными.

Журнал «Ньюсуик», резюмируя общее мнение вашингтонских завсегдатаев в те дни, констатировал: «Можно сказать наверняка: они никогда не будут соперничать ради поста, на который Бобби претендует первым, в соответствии с законом клана. Однако старший брат уступил бы Тэдди, если бы пришел к выводу, что у того больше шансов».

Уступать не пришлось. И ныне Эдвард Кеннеди оказался лицом к лицу с судьбой. Но мы забежали вперед. Еще был жив Джон, еще вызывал яростные дискуссии вопрос о том, будет ли наследовать старшему из братьев, когда тот закончит разрешенное конституцией восьмилетие в Белом доме, Роберт, а Эдвард только-только появился в Вашингтоне, возмущая чопорных сенаторов своей непозволительной с их точки зрения молодостью, делавшей его пребывание в сенате вызовом установившимся порядкам.

Правда, и младший из братьев, так же как Роберт, получил от президента ко дню рождения в подарок табакерку с многозначительной надписью: «Эдварду Муру Кеннеди». «И последние станут первыми», — было выгравировано на ней. Что хотел сказать этой библейской строчкой Джон Кеннеди, сейчас гадать трудно, однако вряд ли в те дни он предполагал, что это пророчество сбудется так скоро и последний из братьев окажется первым и пока единственным хранителем огня «клана Кеннеди».

Пять миллионов на зубок мудрости

Став президентом, Джон Кеннеди сказал как-то: «Я занялся политикой потому, что погиб Джо. Точно так же если завтра что-либо случится со мной, то мой брат Бобби будет баллотироваться на мое место. А если умрет Бобби, его заменит Тэдди».

Это известное, ставшее почти каноническим, приводимое всеми биографами Джона Кеннеди его заявление чаще всего трактуется как сказанное полушутливо.

Но таких шуточек и полушуточек немало в этом семействе. Они, видать, большие шутники.

В кабинете Роберта на письменном столе в серебряной рамке была водружена фотография его старшего сына Дэвида, стоящего у входа в Белый дом. Мальчик внимательно из-под бровей глядит на здание. На снимке надпись, сделанная рукой Джона Кеннеди: «Будущий президент Соединенных Штатов осматривает свои будущие владения».

На табакерке, подаренной Роберту в связи с какой-то семейной датой, Джон выгравировал: «Бобу. Почему бы тебе не начать с того, чем кончил я?« В свете последовавших событий эта шутка выглядит, я бы сказал, крайне неудачной и мрачно неуместной — ничего себе пожеланьице родному брату! Впрочем, президентская «шутка» имела в виду Белый дом. О такого же типа надписи на табакерке, подаренной Эдварду, уже говорилось. Словом, семейное чувство юмора налицо, хотя по странности, очевидно, случайно остроты идут в одном направлении.

Шутки шутками, но факты сегодняшнего дня вновь подтверждают справедливость того, что в каждой шутке есть немалая доля истины. На вопрос о том, собирается ли он занять место убитого брата, Роберт вскоре после далласского убийства ответил:

— Я начал думать об этом много, практически постоянно, после того, как он умер: как о возможности продолжить то, что начал он, что он и я начинали вместе. Видите ли, не только президент, но и все мы начали выполнять определенные задачи, у нас были определенные мечты. Он хотел довести их до конца, претворить их в жизнь. И вдруг его не стало, его больше не было, и он не мог сделать этого. И я внезапно понял, что именно я должен продолжить их выполнение, и я решил сделать это. Поэтому я выдвинул свою кандидатуру на пост сенатора от штата Нью-Йорк.

Дотошный корреспондент (точнее, корреспондентка) в интервью с Робертом Кеннеди, опубликованном в американском журнале «Лук», поставила перед ним вопрос, что называется, ребром, попросив высказаться в связи с циркулирующими иногда в Америке разговорами о том, что братья замыслили ни больше ни меньше как

создание монархической династии Кеннеди. Роберт ответил, что у всех говорящих просто отсутствует чувство юмора.

— Мы, Кеннеди, в избытке наделены чувством юмора и любим посмеяться. У нас также есть вкус к политической деятельности. Если вы спросите меня, хотел бы я, чтобы один или все мои сыновья занялись когда-нибудь политической деятельностью, я ответил бы утвердительно. Я ничего не сделаю, чтобы уговорить или подтолкнуть их к политической деятельности, но я был бы рад, если бы это произошло. Политика может причинить большую боль, но в жизни есть много других возможностей испытать боль, так что каждый может испытать ее и в своей области деятельности.

Сенатор не знал тогда, что для него лично речь идет не о боли, о смерти.

Разговоры о далеко идущих планах братьев Кеннеди усиливались, по мере того как сыновья неудачливого соперника Рузвельта занимали на американской политической арене все более активные и важные позиции. Сразу же после своего появления в роли президента Джон Кеннеди сделал шаг, даже с точки зрения американских, весьма растяжимых политических приличий, граничивший со скандалом. Он посадил на важнейший пост министра юстиции своего 35-летнего брата. «Господин Роберт Кеннеди, — писала шокированная такой бесцеремонностью «Нью-Йорк таймс», — не был бы назначен министром юстиции, если бы он не был братом президента... Он слишком неопытен для такого важного поста».

Воркотня и гримасы в политических передних и салонах американской столицы, однако, нимало не смутили напористых братьев. И на место в сенате, освобожденное старшим из них, перебравшимся в Белый дом, свою кандидатуру выдвигает самый младший — Эдвард. Начинающему свое политическое поприще Тэдди не было еще и 30 лет, когда он появился в Капитолии в качестве сенатора от штата Массачусетс.

Уже после гибели Джона Кеннеди, когда Роберт, разочарованный отказом Джонсона согласиться с выдвижением его кандидатуры на пост вице-президента во время выборов 1964 года, решил уйти из правительства и стать сенатором от Нью-Йорка (пост, который в Америке считается ступенью в Белый дом), в газетах вновь был поднят шум по поводу «нарушения традиций». Дескать, еще ни разу в истории сената на его скамьях не находилось двух представителей одной семьи. Но и на сей раз Кеннеди не обращают внимания на пересуды. Не было, так будет.

— Я в восторге от того, что мой брат Тэдди будет вместе со мной в сенате, — вызывающе заявил Роберт. — Когда я узнал, что он тоже добился этого (Эдвард Кеннеди переизбирался в 1964 году), я был чуть ли не больше счастлив, чем за самого себя.

Я очень люблю Тэдди... Мы все, братья Кеннеди, очень дружны. Наша семья очень сплоченная семья, в которой все любят друг друга. Я бы даже сказал, что такая привязанность составляет основу нашей силы, по крайней мере частично это так, и я без всякого опасения смотрю на то, что два брата будут находиться в сенате вместе.

Во всяком случае, одно не вызывает сомнений — в предстоящие годы семейство Кеннеди, его представители будут еще играть чрезвычайно большую роль не только в американском деловом мире, но и на политической арене. Пожалуй, нет в Америке сейчас ни одного политического наблюдателя, который решился бы утверждать, что в списке хозяев Белого дома никогда больше не повторится фамилия Кеннеди, что прежде всего и предопределяет особый интерес к членам этой богатейшей семьи.

Я не собираюсь на этих страницах подробно исследовать деятельность президента Джона Кеннеди или обсуждать политический гороскоп его родственников. Здесь ведется рассказ о богатейших семьях Америки, вершащих дела в этой стране. В число таких семей входят и Кеннеди. Но когда речь идет о Соединенных Штатах, подчас бывает просто невозможно отделить биржевую игру от дипломатических комбинаций, политиканские ходы от экономической конъюнктуры, бизнес от политики.

Правда, Роберт Кеннеди в разговоре с нами категорически и очень настойчиво это отрицал. Он стремился всячески подчеркнуть, что ни его деятельность, ни деятельность его старшего и младшего братьев ни в какой степени не связаны с предпринимательством. Было видно, что его тревожит этот вопрос, и он настойчиво к нему возвращался, стараясь быть доказательным и убедительным.

— Ни покойный президент, ни мы с Тэдди, — медленно говорил он своим глуховатым голосом, внимательно глядя на нас и словно бы проверяя, правильно ли мы понимаем его изысканно гарвардскую речь, — не имели и не имеем никакого отношения к деловым операциям нашего отца. Он никогда не предназначал нас для деловой карьеры, не посвящал в свои операции.

— А кто же сейчас руководит вашим огромным семейным бизнесом? Ведь полумиллиардный капитал — дело нешуточное, требующее внимания, руководства?

— Наш отец. Он полный хозяин.

— Но ведь ему уже скоро восемьдесят. И мы слышали, что в последнее время, особенно после гибели вашего брата, он много болеет.

— Он опытный человек.

Захожу с другого бока.

— Простите, сенатор, но мне приходилось читать, что несколько

лет назад большую роль в управлении делами вашей семьи и, в частности, в принадлежащем ей крупнейшем торговом центре Чикаго играл Серджент Шрайвер, который затем стал членом семьи Кеннеди, женившись на вашей сестре Юнис.

— Это правильно. Но с тех пор как Джон пригласил Серджента в Вашингтон (в правительстве Кеннеди С. Шрайвер занимал важный пост директора «Корпуса мира»), он действует на поприще политики.

Затем, почувствовав, быть может, по возникшей паузе некоторую неудовлетворенность собеседников, сенатор несколько приоткрывает завесу.

— Сейчас отцу помогает муж другой сестры нашей — Стивен Смит. Он бизнесмен.

У меня нет оснований усомниться в правдивости того, на что напирал Р. Кеннеди в разговоре с нами. Насколько известно, действительно, ни Джон Кеннеди, ни его братья прямого участия в деловых операциях, во всяком случае в зрелом возрасте, не принимали и не принимают. И тем не менее, несмотря на внешнюю весомость своих аргументов, Роберт Кеннеди не убедил нас в том, что бизнес, деловые интересы, в том числе и семейные, не имеют какого-либо отношения к политической деятельности братьев Кеннеди.

Наивно было бы воспринимать связь между такими интересами и этой деятельностью как нечто прямолинейное и непосредственное. Дескать, кто-либо из Кеннеди пришел в Белый дом или на Капитолий и, пользуясь властью, начал обделывать личные делишки, предоставляя, скажем, папаше выгодные правительственные заказы или еще что-либо в этом роде. Так ситуация выглядит лишь в вульгарных псевдомарксистских исследованиях (они появлялись, к сожалению, иногда в минувшие годы), а в реальной жизни все обстоит значительно сложнее.

Ну, прежде всего, как бы ни открещивался Роберт Кеннеди от причастности к папиным сотням миллионов, он не мог уйти от того, что и он, и его братья всю свою жизнь жили как сыновья не чистильщика сапог и не мелкого клерка, а миллионера. Они росли и воспитывались в обстановке богатства и роскоши. Они учились в самых аристократических колледжах, у самых лучших учителей. По окончании частных, заметьте — частных, школ и колледжей родители отдали их в Гарвардский университет — самый аристократический в Америке, предназначенный для публики избранной.

Помилуйте, скажут нам, никаких ограничительных цензов в правилах приема в Гарвардский университет не имеется. Почему же для избранных? Бостонская газета «Глоб» писала недавно, что

минимальная сумма, в которую семье обходится ежегодное пребывание студента в Гарвардском университете, составляет 3280 долларов. Это минимальная. А можно и больше, если платить за лучшую комнату, за бассейн, питаться не в столовой и т. д. Вот вам и ценз. Ведь 3280 долларов — это сумма, равная примерно тому прожиточному минимуму, который, по подсчетам американских экономистов, необходим средней семье из четырех человек для того, чтобы просуществовать в течение года. Спрашивается, может ли эта самая «средняя семья» выложить такие деньги на обучение своего отпрыска в Гарвардском университете?

Сызмальства сыновья и дочери Джозефа Кеннеди-старшего приучались к мысли, что они не такие, как все, что они избранные. Это не обязательно шло при помощи назиданий и поучений. Просто они жили в роскошных домах, уезжали на лето на фешенебельные курорты, путешествовали на шикарных яхтах, ездили в автомобилях только самых дорогих марок, одевались у самых модных портных, обедали в наилучших ресторанах, лечились у врачей, одноразовый гонорар которых превосходит месячный заработок рабочего. К их услугам было все самое лучшее, самое дорогое, самое изысканное. Они заводили друзей и недругов, приятелей и соратников, выходили замуж и женились внутри узкого круга, куда вход посторонним заказан.

Мелкая, но характерная деталь: рассказывают, что в университетские годы Джон Кеннеди мог пригласить приятелей-однокурсников в дорогой ресторан и явиться туда самому без гроша в кармане. Причем делал он это вполне без задней мысли, не шутки ради и тем менее для того, чтобы поужинать на даровщинку. Просто сыну миллионера как-то не приходило в голову, что у его сотрапезников может не оказаться при себе такой мелочишки, как сотня-другая долларов. Ему-то ничего не стоило истратить за вечер и много больше. Наивность богача сродни той, которая продиктовала королеве Марии-Антуанетте ее трагикомический афоризм.

«Почему они бунтуют?

У них нет хлеба, ваше величество?

Так почему же они не едят пирожных?»

Круг, в котором отпрыски кеннедиевского семейства, как принято это говорить, вращались, — это вполне определенный круг. Колледж и университет, родительский дом и места, где они развлекались, отдыхали, сделали их людьми этого самого, вполне определенного и в достаточной степени узкого круга. И если они по соображениям политики, которая стала их профессией, выходили и выходят из этого круга, то делают они это не по любви, а по расчету, в силу необходимости.

Психология и привычки, предрассудки и фетиши, нравы и мифы своего класса, своего круга с самых ранних лет вошли в плоть и кровь нынешнего поколения Кеннеди. Это их жизнь, их натура, они сами. И разве может измениться что-либо оттого, что обосновались они не в деловых конторах, а выступают с политической трибуны или заседают в сенате!

Но не только воспитание и окружение определяют позицию каждого из Кеннеди в современном американском обществе. Пусть они не принимают непосредственного участия в деловых операциях. Но каждому из братьев было доподлинно известно, какое количество миллионов долларов является его собственностью, на какую долю наследства он мог претендовать в будущем...

29 мая 1962 года Джону Кеннеди исполнилось 45 лет. В день тезоименитства положено дарить подарки, и Джозеф Кеннеди не собирался нарушать традиции. Его скромный подарок сыну-президенту не был ни романтичным, ни символичным. Он преподнес ему вполне реальный, абсолютно прозаичный и очень весомый пакет акций различных семейных фирм стоимостью в пять миллионов долларов. Так сказать, на зубок мудрости.

Еще в те дни, когда папаша Кеннеди вел азартную и рискованную игру на бирже, он отделил неприкосновенную часть своего капитала — 9 миллионов долларов и, вложив их в государственные ценные бумаги, спрятал в банковский сейф на имя своих детей — по миллиону на каждого.

Злые языки говорят, что старым Кеннеди, помимо отцовского чувства, руководила свойственная роду Кеннеди трезвая осторожность. Он стремился оградить себя от весьма обычного для биржевых игроков разорения, отложив кое-что про черный день, — деньги, положенные на имя детей, даже в случае банкротства судом изъяты не будут.

По мере того как дети Джозефа Кеннеди достигали совершеннолетия, они получали от отца на обзаведение еще по миллиону долларов. Это не считая домов и машин, загородных вилл и всевозможной утвари.

Количество денег, составляющих капитал каждого из членов семейства Кеннеди в отдельности, сохраняется в секрете. Но два обстоятельства сомнению не подлежат. Во-первых, все они миллионеры, и, во-вторых, значительная часть их средств вложена в акции многочисленных доходных корпораций и банков, давая сотни тысяч долларов ежегодного дохода и в то же время связывая их тысячами незримых, но вполне прочных нитей профита и интересов. Спрашивается, могут ли Кеннеди-политики действовать таким образом, чтобы нанести ущерб кеннедиевскому бизнесу, интересам этих

корпораций и банков и, следовательно, своим собственным финансовым интересам?

Вовсе не обязательно проводить свой день на бирже или непосредственно заниматься предпринимательской деятельностью для того, чтобы быть связанными этими интересами: своими собственными, своей семьи, своего окружения, своего класса. Да, братья Кеннеди не бывали на бирже, разве что в качестве экскурсантов. Но что от этого меняется? Вся деятельность политиков Кеннеди — во имя бизнеса, в защиту бизнеса, во исполнение целей бизнеса крупнейших американских монополий.

И в старинных родах европейской земельной аристократии издавна существовало разделение, когда старший в роду наследовал поместья как лендлорд, другой становился воином, а третий принимал духовный сан. Но и в стальных латах под рыцарским шлемом, и в кардинальской мантии, и красной шапке они были представителями одного и того же класса, служили одному и тому же делу.

И президент Кеннеди, и министр Кеннеди, и сенаторы Кеннеди прежде всего сыновья миллиардера Кеннеди, его наследники, люди, всей своей жизнью, нитями, образом мыслей, фетишами связанные и действовавшие в интересах американского большого бизнеса.

Мы не стали тогда говорить всего этого Роберту Кеннеди. Вряд ли нам удалось бы его убедить. Но и его рассуждения о том, что братья Кеннеди не имеют никакой причастности к бизнесу, нас не убедили ни в чем, хотя я допускаю, что говорил он все это вполне искренне.

Бизнес и политика

То и другое тесно переплелось в деятельности и в судьбе этого необычного семейства. Без одного немыслимо другое. Не будь за спиной 35-го президента огромных капиталов его отца, денег и влияния тестя, он не стал бы деятелем, вызвавшим и по сей день вызывающим в Америке острое борение политических страстей, с его именем не был бы связан важный политический поворот, который он пытался осуществить и который стоил ему жизни.

Да, президент Кеннеди был человеком острого ума, отточенного блестящим образованием, полученным в Гарвардском университете и Лондонской школе экономических наук, где он учился у крупного специалиста, виднейшего теоретика современного лейборизма профессора Гарольда Ласки. (Это мало известное обстоятельство очень важно для понимания многого в его последующей деятель-

ности: миллионер и аристократ ищет и находит поддержку правых лидеров американских профсоюзов.)

Да, он был человек сильного характера, закаленного в огне войны, которую он провел в действующем флоте, в беспокойной и опасной должности командира торпедного катера.

И все-таки ни ум, позволивший ему трезво оценить соотношение сил, сложившееся в мире к моменту его прихода к власти, ни характер, необходимый для того, чтобы сворачивать с проторенных путей, не перевели бы его благих пожеланий из сферы желаемого в область действительного, если бы в его руках не находилась сила, единственно реальная в буржуазной Америке сегодняшнего дня, — сила денег.

Пойти вразрез с тем, что пока еще не разглядевшие новой ситуации в мире тупоголовые и близорукие представители правящей элиты считали истинным, мог в условиях современной Америки только человек из их среды, опирающийся на эту силу.

Нет, Джон Кеннеди не был рыцарем, бесстрашно выступавшим за справедливость, думавшим о благе человечества. Он был холодным и расчетливым буржуазным политиком, верным интересам своего класса так, как он их понимал, и руководствовавшимся в своей деятельности исключительно этими интересами. Он был только умнее большинства своих коллег, видел дальше, судил реалистичнее, делал необходимые выводы смелее, нежели они.

Генералу де Голлю принадлежит нижеследующее эссе об американских президентах последних десятилетий: «Рузвельт и Кеннеди были масками на настоящем лице Америки. Джонсон — подлинный портрет Америки. Он открывает нам страну такой, какова она на самом деле: грубой и сырой. Если бы его не было, нам надо было бы его придумать».

«Джонсон — ковбой, — продолжал генерал, — и этим все объясняется. Родись он в Европе, он не остался бы там, а поехал бы в Африку охотиться на бегемотов или в Америку искать золото. Но, родившись в стране ранчо и кольтов, он стал типичным шерифом, унтер-офицером, последовательно получающим повышения. Джонсон мне, если хотите, нравится. Он даже не делает вида, что думает».

Сказано с присущей генералу ядовитостью и достаточно хлестко. Думается, что здесь не без меткости схвачено характерное не только для Джонсона лично, но и прежде всего для господствующего американского политического стиля. Манера стрелять с бедра в Америке не только техасская привилегия. Это общепринятый и в какой-то степени культивируемый политический стиль, не раз дорого обходившийся стране. Де Голль говорил о Джонсоне. Список деятелей такого рода нетрудно продолжить. При всем внешнем раз-

личии между Трумэном и Эйзенхауэром, Гардингом и Гувером, Кулиджем и другими побывавшими в роли хозяина Белого дома в каждом из них есть что-то неуловимо общее, типичное для американского политического деятеля.

Об этих деятелях, нередко ограниченных и всегда самоуверенных, прямолинейных до примитивности и предельно самодовольных, во всех случаях ставящих кулак выше разума, а толстую мошну превыше всего, можно сказать, что они «настоящий портрет Америки» в том смысле, в каком имел это в виду де Голль. Спорить в этом с ним трудно, но одно обстоятельство деголлевского эссе нуждается в уточнении. Говоря о Рузвельте и Кеннеди как о масках на лице Америки, он хотел как бы подчеркнуть случайный характер появления этих деятелей в роли американского президента.

Между тем думается, что дело далеко не в случайности, а в глубокой закономерности, продиктованной насущнейшими нуждами той же самой Америки, типичными представителями которой являются, безусловно, и Джонсон, и Трумэн, и их предшественники. Да, действительно, на первый взгляд утонченный аристократ, склонный к самоуглублению и сложным теоретическим построениям Франклин Рузвельт и подчеркнуто интеллектуальный, англизированный Кеннеди, расположенный к кабинетным беседам на отвлеченные темы в кругу изысканных профессоров Гарварда, могут показаться белыми воронами в ряду обитателей Белого дома, капризом случая вознесенных на президентский пост, явлением нетипичным.

Попробуем, однако, вглядеться в это повнимательнее. Те же Трумэн и Гардинг, Эйзенхауэр и Кулидж восседали в президентском кресле во времена, для американской буржуазии относительно спокойные. Разрушительный кризис 30-х годов развенчал «великого инженера», как льстиво называла Гувера американская печать, и большой бизнес поспешил сдать его в архив, выдвинув на авансцену Рузвельта. В бурные и опасные времена именно этого деятеля, непривычного и нетипичного, предпочли держать во главе государства те, кто заправляет современной Америкой.

При таинственных, отнюдь не выясненных и по сей день обстоятельствах Рузвельт был внезапно убран с капитанского мостика американского государственного корабля и заменен воплощенной посредственностью, «галантерейщиком из Миссури», как называют в Америке Трумэна. Но это произошло лишь тогда, когда опасные бури и рифы великого кризиса и войны остались позади.

Теперь посмотрим, в какой обстановке появилась в Белом доме еще одна «белая ворона». Полтора десятка лет господства самодовольных иллюзий военного и политического превосходства, убеж-

ение в том, что наступила эпоха, которая войдет в историю человечества как «век Америки», завершились внезапным и горьким для промышленно-финансовых воротил пробуждением. Советский прыжок в космос был не только выдающимся научно-техническим достижением, которому суждено стать вехой в новейшей истории человечества. Он символизировал собой утраченные иллюзии тех, кто в усердии не по разуму вознамерился повелевать миром, уповая не незыблемость американского превосходства во всех областях.

Злобный интеллектуальный карлик Трумэн, самодовольно ограниченный филистер Эйзенхауэр на поверку оказались политическими банкротами. С беспокойством, граничащим с паникой, властвующая американская элита обнаружила, что жизнь обогнала их, а XX век никак не хочет превращаться в век Америки. Раздались вопли о национальной катастрофе, о безнадежном отставании страны, об угрозе национальному существованию Америки.

Национальному существованию Соединенных Штатов, конечно, никто не грозил. Но тот факт, что к концу 50-х годов соотношение сил на мировой арене сложилось отнюдь не так, как того хотели и на то рассчитывали те, кто заправляет сегодняшней Америкой, стал бесспорным для всех. В вашингтонских политических салонах заговорили о необходимости «мучительной переоценки» прежних доктрин, концепций, идей, о необходимости новых людей, которые изыщут «новые стимулы». Так в овальном кабинете Белого дома — официальной резиденции американского президента — появился Джон Кеннеди.

Иными словами, речь идет не о политическом феномене, не о случайном и прихотливом изгибе линии политических судеб, не о невесть откуда взявшейся «маске на лице Америки», а о событии, явившемся результатом определенных процессов, отражением нужд, иногда осознанных, а чаще неосознанных, правящего класса. В трудных для него ситуациях второй половины XX века ему понадобился в роли рулевого не провинциал-самоучка, главным достоинством которого является луженая глотка и железные локти, а человек, способный и подготовленный к изощренному политическому маневрированию. Таким человеком и был Джон Фитцджеральд Кеннеди — 35-й президент Соединенных Штатов Америки. Из того же теста был и его брат Роберт. А силы, двигавшие его в Белый дом, руководствовались теми же соображениями, что и при выборе его старшего брата.

Альберт Эйнштейн незадолго до смерти дал интервью, которое не может не поразить глубиной и тонкостью высказанных суждений. Вопрос, заданный Эйнштейну в ходе этого последнего в его жизни интервью, был своеобразен и интересен.

— Скажите, метр, — обратился к нему журналист, — чем об яснить столь явное несоответствие: человеческий ум на нынешнем этапе своего развития оказался в состоянии проникнуть в святая святых природы — тайну атомного ядра. Но тот же самый ум человеческий на том же этапе своего развития оказывается не в состоянии оградить людей от ужасных, поистине апокалипсических последствий этого. Чем вы можете объяснить такое несоответствие?

— Мне б не хотелось, — ответил ученый, — чтобы то, что я сейчас скажу, было воспринято как парадокс. Я Альберт Эйнштейн, а не Бернард Шоу, и никогда не был так серьезен, как сию минуту. Для меня ответ на ваш вопрос ясен. Он заключается в том, что наука политика — вещь гораздо более сложная, нежели наука физика.

Слова эти произнес ученый, сложнейшие теоретические построения которого в области физики, по словам специалистов, по зубам не каждому из них. Какой же сложной, по мнению автора теории относительности, является политическая наука — в том случае, разумеется, если это наука, — коли она сложностью своей, по мнению Эйнштейна, превосходит даже физику!

Правда, не каждому эта мысль может показаться очевидной. Не случайно Эйнштейн боялся, что его ответ будет сочтен парадоксом. Иные обыватели, которым и в голову не придет, за чайным столом сидючи, манипулировать физическими формулами, осуждать ученых за то, что они вывели их так, а не этак, или, еще того хуже, высказывать свои пожелания, а то и требования, как сия формула должна, по их мнению, выглядеть, зато с легкостью в мыслях необыкновенной, непререкаемой безапелляционностью и претензией на обладание истиной в последней инстанции готовы сформулировать любой политический рецепт, начертать любую политическую схему, выдать на-гора простое решение любой из сложнейших политических проблем.

Прости их, господи, ибо не ведают они, что творят! Впрочем, что касается господа, то он-то, может, их и простит. Простят ли народы, которые по милости таких политических кустарей не раз обрекались на огромные страдания и лишения?

Тем более опасны в политике кустари-одиночки, этакие политические Журдены, не подозревающие подчас всей сложности стоящих перед ними задач, пытающиеся подменять ползучим эмпиризмом, апелляцией к тому, что с их точки зрения является «здравым смыслом», научный подход к решению многоплановых и нелегких политических проблем современности.

Сложен механизм современной политики, многотрудны ее проблемы, вынуждающие подчас просчитывать десятки, а то и сотни вариантов. С каждым годом усложняются задачи, встающие перед

государственными мужами. Их решение требует огромного искусства, знаний, научно точной и обоснованной методологии. На одних способностях и талантах, даже если они и наличествуют, ныне уже не выскочишь. Если не доскональное знание каждой из проблем, то хотя бы понимание сложности их, умение к ним подойти — этого ожидали от молодого, получившего неплохую подготовку нового президента Соединенных Штатов Америки.

Надо думать, что выбор тех, кто имеет в Америке право такого выбора, который пал на сенатора Джона Кеннеди, и был результатом репутации интеллектуала, прочно закрепившейся за этим выпускником Гарвардского университета. Уже в ранней юности проявил он склонность к углубленным занятиям. На университетской скамье обратил на себя внимание большим интересом к исторической и политической литературе. Беллетристика не пользовалась особой любовью молодого Кеннеди. Репутация «книжного пьяницы», как называла своего второго сына мамаша Кеннеди, прочно закрепилась за ним и в последующие годы.

Кстати, это обстоятельство заметно отличало Д. Кеннеди как от его предшественника на президентском посту, так и от преемника. Бравый генерал Айк сам как-то признался, что не читает больше двух-трех книг в год, да и то исключительно детективного жанра. Джонсон, по рассказам близких к нему людей, всегда предпочитал просмотр деловых бумаг чтению книг.

Еще будучи сенатором, Кеннеди пользовался каждым случаем, чтобы подчеркнуть, как он выражался, важность «интеллектуального подхода к политическим проблемам», всячески напирая на то, что в своей деятельности он стремится достичь «синтеза политики и науки». Вот характерное высказывание на сей счет, содержавшееся в одном из кеннедиевских выступлений незадолго до того, как его кандидатура стала официально котироваться на высший государственный пост в стране. «Среди первых великих политических деятелей Америки, — говорил сенатор Кеннеди, — тех, кто дал ей рождение в 1776 году, а в 1787 году дал ей крещение, находилось большинство крупнейших писателей и ученых нации. Ныне дело обстоит не так. Разрыв между умственным работником и политиком, по-видимому, растет, связь между ними утрачена. Где они, ученые государственные мужи?» — патетически восклицал честолюбивый сенатор, предлагая себя именно в таком качестве.

«Политиков, — разрабатывал ту же идею претендент на президентский пост, выступая перед профессорами и преподавателями Гарвардского университета, — следует для отрезвления окунать в студеные воды научных учреждений, чтобы они не стали пленниками собственных лозунгов и узких точек зрения».

Однако патетическими восклицаниями Кеннеди не ограничился.

Оказавшись в Белом доме, он осуществил в верхушке государственного аппарата достаточно ощутительную хирургическую операцию. Один за другим были уволены в отставку многие высокопоставленные чиновники. Им на смену пришла значительная группа сравнительно молодой профессуры. Новый президент почтительно именовал их своим «мозговым трестом». Озлобленные вашингтонские чиновники отводили душу глухим ворчанием и презрительной кличкой «яйцеголовые», которую они присвоили наводнившим в то время Вашингтон пришельцам с университетских кафедр.

Вряд ли нужно доказывать, что появление в Белом доме деятеля, еще в юные годы обратившего на себя внимание книгой «Почему Англия спала?», в которой он рассматривал последствия мюнхенского предательства, а после войны получившего одну из высших журналистских наград, Пулитцеровскую премию, за книгу очерков «Биографии мужественных людей», было не случайным, как не случайным стало и появление вместе с ним в вашингтонских департаментах и ведомствах группы квалифицированных специалистов!

В 50-е годы в Вашингтоне всячески подчеркивалась некая «антиинтеллектуальная обстановка»; с легкой руки бесноватого Джозефа Маккарти слово «интеллигент» в американской столице стало чуть ли не бранным. Президентства Трумэна и Эйзенхауэра пришлись на период, когда в Вашингтоне безраздельно царил культ грубой силы. Пресловутая политика «с позиции силы» породила и определенный тип деятелей, ее осуществлявших. Не нужно много ума, чтобы размахивать атомной бомбой.

Но вот положение изменилось. Потрясание кулаком перестало быть действенным методом политики, маневрирование на международной арене и внутри страны в условиях слабеющих позиций, борьбы за умы людей требует изощренности, ловкости, хитрости, изворотливости. И как результат — интеллект на американской политической бирже начинает котироваться наряду с кулаком, а количество мозговых извилин ценится не меньше, чем крепость бицепсов и голосовых связок.

...Мне довелось впервые близко увидеть молодого президента летом 1961 года в Вене во время известной встречи руководителей СССР и США. Крупный мужчина с внимательными серо-зелеными глазами, белозубой улыбкой, которая появлялась на его лице, пожалуй, несколько чаще необходимого, наталкивая на мысль о, что называется, «работе на публику», небрежность движений, некоторая даже мешковатость и вместе с тем элегантность аристократа, с юных лет привыкшего быть центром внимания, уверенного в себе, но в то же время подобранного, напружиненного. По тому, как временами загорались его глаза, начинал звенеть голос, а затем,

несколько мгновений спустя, снова полуприкрытые веки, ровно текущая речь, чувствовался большой темперамент, взятый в железные колодки годами выработанной выдержки опытного политика, умения управлять собой.

Фамильно кеннедиевской была пышная шевелюра — бронзового отлива с рыжинкой — предмет его особых забот. Рассказывали, что повсюду с собой он возил большой набор головных щеток с ручками слоновой кости — подарок жены, — тщательно следя за прической. Наряду с его привычкой для обретения душевного равновесия по нескольку раз в день принимать ванну или душ, тем чаще, чем больше выпадало треволнений, — это давало постоянную пищу сопровождавшим его журналистам...

У наблюдавших тогда за Д. Кеннеди возникало ощущение какой-то его скованности, некоторой, быть может, повышенной осторожности. Чувствовалось, что ему не хватает опыта ведения международных дел, да и то сказать — это была одна из первых официальных международных встреч, на которой он выступал как президент США. И тем не менее уже тогда, несмотря на всяческие его оглядки и оговорки, робко и в достаточной степени непоследовательно новый американский руководитель сделал попытку взглянуть на ситуацию в мире несколько иначе, чем его предшественники.

Помню состоявшийся в те дни в баре роскошного отеля «Империал» разговор с одним из видных американских политических обозревателей, Д. Рестоном, который сопровождал президента в Вену. Россия и Америка, говорил Рестон, должны в своих отношениях исходить из того, что сложившееся между ними соотношение силы — «фифти-фифти» — «пятьдесят на пятьдесят», или, что называется, так на так. И дома и в Вене Рестон, как мы знали, был вхож к президенту, и, конечно же, развивавшиеся им тогда идеи вполне отражали оценки Д. Кеннеди. Нетрудно было невооруженным глазом разглядеть разницу между этим самым «фифти-фифти» и пресловутой политикой «с позиции силы», от которой в течение послевоенных лет пытались танцевать предшественники Кеннеди.

Другой ведущий американский комментатор, многоопытный Уолтер Липпман, человек, начавший свою карьеру еще в качестве сотрудника возглавлявшейся президентом Вильсоном американской делегации на Версальской конференции, наблюдающий и обсуждающий политику вот уже девятого президента США, следующим образом обрисовал ситуацию, с которой столкнулся Кеннеди, попав в Белый дом: «Ему приходится иметь дело с противником, равным по военной мощи, и с партнерами, равными по экономической силе. Это нечто совершенно для Америки новое. В течение 100 лет мы были изолированы от войн, происходивших в остальной части света.

Затем в течение примерно 40 лет мы занимались созданием такой мощи, которая позволяла одерживать полные победы и требовать безоговорочной капитуляции от наших противников. Как сперва в условиях изоляции, так и потом, в условиях победы, нам не приходилось сталкиваться со старой человеческой проблемой, заключающейся в том, чтобы научиться жить в таком свете, в котором наша воля — это не единственный закон».

Джон Кеннеди признавался как-то, что не просто просматривает комментарии Липпмана, но читает их с карандашом в руке. Престарелый обозреватель точно сформулировал то, над чем размышлял Кеннеди с того часа, как он вошел в продолговатую, с видом на зеленую лужайку комнату на первом этаже Белого дома, служащую кабинетом американским президентам. Трезвый человек, умевший смотреть в лицо фактам и тогда, когда они неприятны, Кеннеди отдавал себе отчет в том, что реальное соотношение сил в современном мире отнюдь не таково, как хотелось бы ему и тем, чьи интересы он выражал и намеревался защищать всеми доступными ему способами. Стремительный рост силы и влияния социалистических стран был для него неприятным, но, увы, непреложным фактом.

Первые месяцы президентства — колебания между выводами, на которые наталкивал трезвый анализ, и огромная сила инерции взявшей разгон бюрократической государственной машины. Оглушительный провал авантюры в заливе Кочинос. «У победы сто отцов, поражение — всегда сирота», — сказал тогда Кеннеди. Он сделал выводы из этого сиротского поражения.

Нет, Д. Кеннеди вовсе не собирался отказываться от амбициозных целей американского империализма, он лишь хотел привести амбиции хотя бы в какое-то соответствие с амуницией, отдавая себе отчет в том, что у Америки нет иного выхода, как научиться жить в мире, в котором ее воля отнюдь и далеко не единственный закон.

«Стратегия, чтобы выжить» — так однажды назвал Кеннеди свою политику. Выжить прежде всего его, кеннедиевской, Америке, Америке банкиров и промышленников, Америке финансовых аристократов, людей, которым ко дню рождения на зубок дарят миллионы долларов.

Крылышки и перышки

Он сам, выступая в мае 1963 года в университете, носящем имя одного из «баронов-разбойников», первонакопителя огромного состояния Корнелиуса Вандербильта, весьма откровенно говорил об

этой его Америке, представителем которой он себя сознавал. «Все американцы должны быть гражданами. Но некоторые должны быть более ответственными, чем другие, в силу их общественного или частного положения, их роли в обществе, их перспектив на будущее или наследия (вы слышите, даже не своих заслуг, а наследия! — **В. З.**), доставшегося им от прошлого... Коммодор Вандербильт сознавал эту ответственность, благодаря чему память о нем сохранится надолго». Речь идет о том самом Вандербильте, который прославил себя фразой: «Закон? Зачем мне закон? Разве я не обладаю силой?»

Высказывание об особой ответственности обладателей наследств и частного положения — не обмолвка, а кредо. Деятельность Кеннеди внутри страны, иногда и задевавшая интересы отдельных групп монополистов, всегда и полностью была направлена на защиту всего класса крупных буржуа Америки в целом.

Шаги, предпринятые Д. Кеннеди по «выравниванию» линии фронта» американского империализма в современном мире, «сокращению его растянутых коммуникаций» для того, чтобы за рубежом США сделать его более способным противостоять нарастающему наступлению освободительного движения народов, а внутри страны процессу коррозии, разъедающему капиталистическую систему, близорукие представители империалистических кругов Америки, особенно из числа тех, кто все свое благополучие строит на «торговле смертью», объявили чуть ли не капитуляцией. Точно так же в свое время попрекали Рузвельта, когда он мерами государственного регулирования тянул американский капитализм за уши из болота кризиса и депрессии.

Люди, близко знавшие Кеннеди, утверждают, что это был человек чрезвычайно честолюбивый и властный, сочетавший стремление подчинить всех окружающих своей воле с хитростью, скрытностью, расчетливостью и большой осторожностью. Деятельность его, небольшая по срокам, но, безусловно, примечательная, свидетельствует о незаурядных качествах этого политика, широком политическом кругозоре, дальновидности, реализме.

В наш век, когда буржуазия, теряя под ногами почву, склонна к авантюристическим метаниям и политическим безумствам, такие качества у буржуазного политика — вещь в достаточной степени исключительная. И как следствие этого, в отличие от прошлых времен «золотого века» буржуазии, редко-редко на сером фоне политических посредственностей, тупиц и филистеров, оппортунистов и ловчил, дешевых демагогов и самодовольных фанфаронов в лоне буржуазной политики появляются фигуры, сколько-нибудь примечательные. Джон Кеннеди был одним из таких немногих исключений. Это и привело к тому, что в течение короткого времени (немно-

гим более десяти лет) он из малоизвестного начинающего политика-любителя превратился в государственного деятеля мирового масштаба.

Но как далек его реальный облик от того ангелочка, которому сейчас буржуазные историки и публицисты старательно пририсовывают крылышки за спиной и нимб над головой.

Джон Кеннеди был не только политиком, но и политиканом — без этого ни один буржуазной деятель в сегодняшней Америке карьеры не сделает, — не чуравшимся методов, которые даже видавшая виды американская печать называет сомнительными. «В начале своей карьеры, — пишет его биограф, — Джон Кеннеди большое место отводил оказанию услуг влиятельным лицам в его избирательных округах. Молодой сенатор хорошо знал, что американских законодателей оценивают, в большой мере исходя из их усердия в оказании бесчисленных мелких одолжений влиятельным лицам, нежели в связи с их ролью в законодательной деятельности». Пусть вдумается читатель в это: «мелких одолжений влиятельным людям», — представит, что кроется за этими словами, какое реальное содержание вкладывает в них автор в общем-то панегирика во славу Кеннеди, и мы увидим, как рассеивается нимб, как почти что вознесенный на небо образ опускается на землю, причем не обязательно чистую.

Но, быть может, так было действительно только «в начале карьеры» — уж очень хотелось выйти в люди, — а потом все стало стерильно и без «мелких одолжений»? Вот как описывала его деятельность, стремясь подчеркнуть энергичность кандидата, одна из американских газет, поддерживавшая Кеннеди накануне выборов 1960 года: «В течение трех последних лет он объездил всю страну. Не было ни одного штата, где бы он не произнес речи, не поулыбался бы избирательницам, не поцеловал сотни-другой младенцев. Нет ни одного человека, имеющего хотя бы самый незначительный политический вес в организациях демократической партии штатов, с которым Кеннеди не завел бы близкого знакомства, не пригласил бы пообедать».

Нет, положительно политический херувим, целуя младенцев сотнями и досконально зная, с кем следует поручкаться, а кого и за стол усадить, одно-другое пообещать-посулить, продемонстрировал, что ему досконально известно, где в Америке что лежит и что такое политическое пройдошество.

Или возьмем то, каким образом в политических кампаниях Джона Кеннеди использовался, всячески раздувался и безмерно превозносился факт участия его в войне. При этом делалось сие отнюдь не за спиной самого Кеннеди.

...На письменном столе его кабинета в Белом доме я обратил

внимание на не вполне обычный предмет, контрастировавший строгому порядку, царившему здесь. То был кокосовый орех средних размеров, изящно оправленный в серебро. Заметив внимательный взгляд посетителя, Джон Кеннеди с видимым удовольствием поднимался с кресла-качалки и показывал собеседнику этот сувенир. На нем можно было разглядеть потемневшую от времени нацарапанную ножом надпись: «Туземцы знают место. Одиннадцать в живых. Кеннеди». Встретив недоуменный взгляд, президент с готовностью рассказывал, очевидно, далеко не в первый раз историю сувенира.

— Дело происходило в начале августа 1943 года. Я командовал торпедным катером PT-109, входившим в отряд, действовавший в юго-восточной части Тихого океана и базировавшийся на острове Гуадалканал. — Дальше следовала история того, как катер, протараненный японским эсминцем, пошел ко дну. Оставшиеся в живых члены команды стали вплавь добираться до видневшегося вдали островка. После многочасового пребывания в воде обессилевшие и измученные моряки выползли на берег крохотного островка. Лейтенант Кеннеди помог выкарабкаться на берег сильно обожженному при гибели катера судовому механику. В течение нескольких дней одиннадцать моряков тщетно вглядывались в океанский простор, надеясь на помощь товарищей. Питались они кокосовыми орехами с нескольких пальм, росших на острове. Однако коллеги попавших в беду моряков не торопились прийти на помощь, полагая, очевидно, что их товарищей нет в живых. Через несколько дней на остров случайно высадилось несколько местных жителей, приплывших на пироге. Вот тогда-то лейтенант Кеннеди и воспользовался кокосовым орехом, на котором выцарапал свое послание командованию отряда морских охотников. Туземцы доставили орех по назначению, и вскоре потерпевшие были подобраны на борт присланного за ними катера.

Вот эта-то история и обросла огромной литературой безмерно рекламного свойства. На американской политической бирже котируются товары и куда менее ценные, чем боевые эпизоды из жизни политических деятелей. Так что нетрудно представить себе, до каких размеров была раздута реальная история с гибелью PT-109 в годы, когда Джон Кеннеди поднимался по лестнице своей политической карьеры. Читателя американских газет и журналов усиленно потчевали россказнями вполне в стиле небезызвестного Кузьмы Крючкова, насаживавшего на свою пику целые полки вражеских солдат.

В действительности дело обстояло значительно прозаичнее, не столь геройски и романтически, как это преподносится американскому читателю, хотя, безусловно, оказавшись в трудной ситуации,

24-летний Кеннеди проявил достаточное присутствие духа и вполне определенную стойкость характера.

Однако особых подвигов в боях с японскими кораблями Кеннеди и его катер не совершали. Да и боев-то, собственно говоря, почти не было. В течение нескольких месяцев — с апреля по август 1943 года — торпедный катер — 25-метровое деревянное суденышко, вооруженное четырьмя торпедными аппаратами и несколькими зенитными пулеметами, — нес патрульную службу на тихоокеанском театре военных действий.

Столкновений с боевыми кораблями японского флота до того памятного дня 1 августа, когда протараненный японским эсминцем катер пошел ко дну, не было. О рутине патрульной службы катера можно судить по собственноручным записям его командира, занесенным в судовой журнал рукой Кеннеди. Вот взятые на выборку строки из этого журнала за май 1943 года:

«8 мая, 18.20. Вышли в море из Сесапи вместе с PT-59 для патрулирования района от острова Саво до мыса Эсперанс. Видимость равна нулю.

13 мая, 0.45. Далекие вспышки, вероятно, в районе островов Рассел.

17 мая, 0.40. Видели белый свет в центре острова Саво.

21 мая. Выпустили 10 очередей из пулемета по плавающим бочкам из-под горючего.

23 мая, 5.30. Вышли из района патрулирования, направляясь в Сесапи. 5.40. Видны вспышки от стрельбы зениток; по-видимому, наши. 21.30. Увидели красный огонь на поверхности воды, 30° по курсу, расстояние 4 мили. Обследовали место. Ничего не обнаружили».

Точно такие же записи и в другие месяцы. Ни одного боя, ничего общего с голливудскими россказнями американской пропаганды. Первому бою с японскими кораблями суждено было быть и последним. Видный советский исследователь профессор Н. Н. Яковлев на основе тщательного изучения американских источников рисует следующую картину этого боя. 15 торпедных катеров американского флота, включая PT-109, получили в тот день задание перехватить группу японских кораблей. Поздно вечером катера заняли боевые позиции и на приглушенных моторах попарно патрулировали пролив. Вскоре один из катеров, имевший радар, обнаружил противника. Полагая, что это были самоходные баржи, катер кинулся в атаку и оказался под огнем четырех японских эсминцев. Выпустив весь запас торпед, каждая из которых прошла мимо цели, командир катера, не сообщив ничего остальным кораблям, удалился с поля боя.

Лейтенант Кеннеди, видевший вдалеке вспышки разрывов, но не

получив по радио никаких сообщений, продолжал патрулирование. Внезапно прямо перед носом своего суденышка он увидел приближающийся темный силуэт большого корабля. Это был эсминец японского императорского флота «Амагири». Расстояние между кораблями сокращалось так быстро, что, пока команда торпедного катера сообразила, что происходит, открывать огонь было уже поздно. Корабль попал в мертвую зону.

Дальнейшее произошло мгновенно. Кеннеди скомандовал полный ход и приказал дать боевую тревогу. «Она давно уже объявлена», — последовал ответ торпедиста с правого борта. Пока лейтенант вращал штурвал, пытаясь развернуть катер для торпедирования, тень эсминца, шедшего на таран, надвинулась вплотную. Раздался страшный удар, вырвавший штурвал из рук Кеннеди. Он отлетел на несколько метров, ударившись спиной о металлический поручень. Очнулся уже в воде. Разрезанное пополам судно пошло ко дну. Вдали виднелись силуэты уходящих с поля боя остальных катеров. Впоследствии их командиры объясняли это тем, что решили, будто вся команда PT-109 погибла. Остальное уже известно.

Все это в общем-то не выходит за пределы во время войны обычного. Если и есть здесь что-либо необычное, то это тот дух захватывающий миф, который был сооружен искусной пропагандистской рукой.

Столкновение с японским эсминцем оставило по себе не только физическую память — серьезную травму позвоночника, сделавшую необходимыми в последующие годы две серьезные операции. Прошедшая рядом смерть, гибель не сумевших выбраться из-под обломков тонувшего катера, равнодушие и трусость удравших с поля боя и бросивших на произвол судьбы экипаж тонущего катера оставили глубокий и неизгладимый след в душе у Кеннеди.

Жаклин Кеннеди рассказывала, что на протяжении многих лет ее мужа преследовала мысль о смерти. Любимыми его строками, которые он часто просил жену прочитать ему, было полное безысходной тоски стихотворение Алана Сигора. «У меня — встреча со смертью, — говорится в нем, — в полночный час в горящем городке, когда весна пойдет на север; а я клятве смерти верен буду, и я приду на встречу с ней».

Конечно, это в достаточной степени утонченно и вызывает сочувствие. Горький, трагичный, иссушающий душу след оставила война в душе морского офицера, которому суждено было стать 35-м президентом Соединенных Штатов. И все-таки невозможно при всем этом отделаться от ощущения некой фальши — большие чувства не обязательно демонстрировать публично, глубокие переживания многое теряют, будучи сделаны объектом политической

рекламы, самые сокровенные вещи, выставляемые на всеобщее обозрение, ставящиеся на службу вполне определенным и достаточно суетным целям, приобретают неистребимый налет вульгарности.

Вульгарность! Утонченный выпускник Гарварда в своей политической деятельности не чурался базарной вульгарности. «Реклама кандидата, — поучал он своих подручных, — должна быть похожа на ту, которая изо дня в день громогласно вопит о широко известном напитке кока-кола и сигаретах «Лаки-страйк». Расписывание подвигов «морского волка» в данном случае должно играть ту же роль, что в случае с кока-колой и сигаретами играют разглагольствования об их необычайных свойствах.

Бескорыстие, отсутствие честолюбия? Как бы не так. «Политик должен быть честолюбив, ибо честолюбие — пружина, ведущая его к вершинам политической власти». Не блага народа ради, не пользы государства для, но исключительно во славу собственную, для насыщения фамильного червя честолюбия действовал он и публично в том признавался.

Откровенность, прямота, правдивость?

«Его речи обильно сдобрены правдой». Эта ядовитая констатация принадлежит умному и многоопытному американскому журналисту. «Сдобрены правдой». Немного правды в качестве острой приправы, и блюдо имеет пикантный привкус.

Так вот, глядишь, вслед за нимбом и от ангельских крылышек остаются только перышки!

Да, собственно, в джунглях американской политической жизни белые одежды да эти самые крылышки могут только помешать. Во всяком случае, преуспеть в сфере буржуазной политики может только человек, не очень-то разборчивый в средствах. Продираясь к вершинам власти, Кеннеди получал и наносил удары нередко и ниже пояса.

1960 год. Последняя избирательная кампания. Приз — президентское кресло. Противник — Ричард Никсон.

Каким образом Никсону удалось узнать, что во время поездки в Европу несколько лет назад Кеннеди заворачивал в Монте-Карло и побывал в знаменитом игорном доме, трудно сказать. Однако узнал он не только о самом факте, но установил даже точные даты, когда Кеннеди появлялся в казино, — 11 июня 1953 года и 27 июля 1954 года. Так или иначе в июле 1960 года доверенный человек Никсона, бывший сотрудник ФБР, появился в Монте-Карло с сугубо секретной миссией. Позже стало известно, что он предложил 10 тысяч долларов за документ, фиксирующий факт игры Кеннеди в рулетку. Надо думать, что этот дорогостоящий тайный розыск был учинен не просто любопытства ради: проиграл ли, вы-

играл ли опрометчивый противник, а политический выигрыш будет у Никсона, стоит ему объявить во всеуслышание, что на президентский пост претендует азартный игрок. Известно, что штаб-квартирой республиканцев уже подготавливались огромные плакаты, на которых значилось: «Как можно вверять страну в руки человека, вверяющего свою судьбу рулетке?»

Но плакаты эти так и не увидели света. Своевременно проведав о готовящейся ловушке, Кеннеди предпринял свои меры. Владельцем казино в Монте-Карло является греческий судовладелец Онассис, человек фантастически богатый, входящий по размерам личного капитала в первую десятку богачей мира. Известно, что семейство Кеннеди уже много лет поддерживает тесные отношения с семьей Онассиса. За несколько лет до этого Жаклин Кеннеди с детьми провела месяц, путешествуя на яхте греческого Креза. Ее отношения с этим Крезом пошли на пользу карьере Кеннеди. Агенты республиканской партии убрались из Монте-Карло ни с чем...

Конкуренты были и внутри собственной партии. Одним из главных в том же 1960 году был Линдон Джонсон, тогдашний лидер демократической партии в сенате, еще один сенатор-миллионер Стюарт Саймингтон и сенатор Губерт Хэмфри, впоследствии вице-президент в правительстве Джонсона, соперник Роберта Кеннеди в 1968 году. Столкновения и взаимное прощупывание партийных фаворитов начались задолго до выборов. Летом 1958 года Джон Кеннеди появился на одном из политических банкетов. Эскапада, предпринятая им, многими в те дни была расценена как первый залп по соперникам. Воспользовавшись присутствием в зале видных партийных политиков, сенаторов, губернаторов, а также многочисленных представителей печати, радио и телевидения, Кеннеди вместо ожидавшегося от него политического заявления и критики в адрес правительства Эйзенхауэра внезапно одарил собравшихся такой притчей.

— Позавчера, — пряча усмешку, рассказывал находившимся в зале Джон Кеннеди, — мне приснился сон о президентских выборах 1960 года. Утром, придя в сенат, я рассказал о своем сне моим лучшим друзьям — Линдону Джонсону и Стюарту Саймингтону. Я поведал им, что минувшей ночью в мою спальню явился сам господь бог, помазал мне голову и сказал: «Джон Кеннеди, настоящим назначаю тебя президентом Соединенных Штатов». Услышав это от меня, Стюарт удивленно пожал плечами и сказал: «Странно, Джон, прошлой ночью и у меня был точно такой же сон, только господь помазал не тебя, а меня». Линдон, выслушав нас обоих, засмеялся и сказал: «Все это очень интересно, ребята, но я что-то не припоминаю, чтобы прошлой ночью я назначил кого-либо из вас».

Кеннедиевская притча была встречена громким хохотом присутствующих. Метко схваченная сенатором ситуация, непомерное самомнение Джонсона, убежденного, что его пост лидера демократической партии в сенате дает ему власть почти божественную, немало позабавили слушателей. Шутка пошла гулять по вашингтонским гостиным. Но, как и в каждой шутке, в ней была немалая доля правды. Именно между этими тремя деятелями демократической партии два года спустя и развернулась основная борьба за выдвижение в качестве кандидата демократов на пост президента.

Злой и острый язык Кеннеди не раз помогал ему в тех ожесточенных политических схватках с конкурентами, происходящих на американской политической арене, которые часто напоминают столь модное на Западе, весьма непривлекательное и кровавое зрелище, именуемое борьбой без правил — «кетч эз кен», что буквально переводится «хватай как можешь». Удары ниже пояса Кеннеди часто парировал ядовитой шуткой.

Губерт Хэмфри, пытавшийся весной и летом 1960 года конкурировать с Кеннеди, разъезжая по стране на митингах, как-то публично посетовал, что вести ему кампанию против Джона — все равно что «мелкому торговцу сражаться с универсальным магазином». Он развивал тезис: у меня нет папочки, платящего по моим счетам. Кеннеди это не смущало. Он парировал выпады, отшучиваясь от них. Выступая на одном из митингов, он вытащил из кармана листок бумаги и прочел текст телеграммы, будто бы полученной им от отца: «Дорогой Джон! Не покупай ни одним голосом больше, чем необходимо. Я разорюсь, если придется оплатить стопроцентную победу». Слушатели смеялись, Кеннеди тоже. Хэмфри предпочел тогда очистить поле боя. Остался за флагом и Саймингтон. Главным противником оставался Джонсон, и летом 1960 года схватка шла уже, что называется, врукопашную.

Появляясь перед избирателями в качестве лидера демократической партии в сенате, Джонсон стал рассказывать слушателям о нерадивости своего конкурента. Выступая по телевидению Джонсон поведал о многих случаях, когда во время важных голосований Кеннеди отсутствовал в сенате, являя тем самым недостаточную серьезность, столь необходимую деятелю, претендующему на высший государственный пост в стране. В то же время, с гордостью сообщил он телезрителям, не было ни одного случая, когда б на заседании сената отсутствовал сенатор Джонсон.

Кеннеди ответил незамедлительно. Выступая на следующий же день, он заявил: «Сенатор Джонсон и на самом деле вел себя чудесно, присутствуя на каждом из заседаний. Я подтверждаю это. Я же действительно иногда не присутствовал, я ведь не лидер партии в сенате. Поэтому сегодня я полон восхищения сенатором

Джонсоном, преисполнен любви к нему, всецело поддерживаю его как лидера демократов в сенате и убежден, что, став президентом, отлично с ним сработаюсь как с лидером демократов в сенате».

В последующие недели схватка продолжалась в том же духе. Джонсон опрокидывал на противника одно за другим тяжеловесные обвинения, не останавливаясь и перед ударами ниже пояса. Кеннеди с высокомерием аристократа и отточенной изощренностью выпускника Гарварда парировал выпады, стремясь поставить противника в смешное положение. Впрочем, ударов ниже пояса он тоже не чурался. Неловкие манеры Джонсона, его провинциальный техасский говор — все это наряду с серьезными политическими обвинениями служило мишенью для выпадов со стороны Кеннеди.

Кульминация наступила на съезде партии, который должен был выдвинуть кандидата в Белый дом. Убедившись, что все предпринятое до сих пор не ослабило позиций соперника и делегаты вот-вот проголосуют за кандидатуру Кеннеди, Джонсон прибегнул к последнему средству. Взяв слово, он сделал заявление о том, что сенатор Кеннеди страдает неизлечимой адиссоновой болезнью и держится только за счет кортизона, лекарства поддерживающего, но не излечивающего, и, следовательно, не сможет должным образом выполнять президентские функции. Сторонники молодого сенатора выступили с опровержением и, в свою очередь, обрушились на Джонсона.

Тем большее удивление обуяло делегатов съезда демократической партии, когда на следующий же день, после того как кандидатура Джона Кеннеди была выдвинута съездом, не кто иной, как сам новоиспеченный кандидат, обратился к делегатам с предложением выдвинуть на пост вице-президента кандидатуру Линдона Джонсона, и оба деятеля трогательно облобызали друг друга.

Цинизм — скажете вы? «Политическая игра, — отвечал Кеннеди. — Президент должен вести политическую игру, должен быть подготовлен для этой игры, должен любить ее».

Но все-таки почему же Кеннеди предпочел видеть Джонсона, своего ожесточенного, чтобы не сказать больше, конкурента и противника, не в той роли, которую он сам ему отводил поначалу, — роли партийного лидера в сенате, а на посту вице-президента?

Некоторые объясняли это стремлением заручиться голосами избирателей-южан, кумиром которых был сенатор от Техаса Линдон Джонсон. Есть и иные версии. Но доподлинно, что кроется за этим внезапным, для многих неожиданным поворотом, не знают даже близкие к покойному президенту люди. Один из друзей и политических сподвижников Кеннеди, Пьер Сэлинджер, впоследствии рассказывал, что через несколько дней после окончания съезда в

узком кружке друзей Кеннеди зашел разговор о том, почему он остановил свой выбор не на ком-нибудь, а на Линдоне Джонсоне. Кеннеди замолчал, рассказывает Сэлинджер, лицо его помрачнело, и он сказал: «Все обстоятельства этого никогда не будут известны. И очень хорошо, что это так». — «Я, — добавляет Сэлинджер, — не в состоянии объяснить эту загадочную реплику. Единственное, что я могу, — это рассказать о ней».

Надо сказать, что в связи с выдвижением кандидатуры Линдона Джонсона на пост вице-президента разногласия были не только среди сторонников Кеннеди в демократической партии, не только в кругу его личных друзей, помощников, но даже внутри семейства Кеннеди. Случай для этого семейства в достаточной степени редкий, чтобы зафиксировать на нем особое внимание. Среди тех, кто высказался в пользу Линдона Джонсона, был Кеннеди-старший, в дни съезда демократической партии 1960 года тайком приехавший в Лос-Анджелес, где происходил съезд, снявший под чужим именем виллу и осуществлявший оттуда в обстановке строгой секретности деятельность организации выдвижения кандидатуры сына.

В те дни среди делегатов съезда кем-то из приверженцев Джонсона в связи с этой таинственной деятельностью Кеннеди-старшего по рукам был пущен хотя и незамысловатый, но злой стишок:

Джон и Боб руководят,
Оба без конца в дороге,
Где же Эдвард? Очень занят:
Прячет папочку в берлоге.

Из этой самой берлоги и последовал совет относительно выдвижения Джонсона на пост вице-президента. В то же время Роберт Кеннеди, игравший в предвыборной кампании брата роль ее главного организатора, до последнего момента делал все для того, чтобы пустить кандидатуру Джонсона под откос. Нижеследующий эпизод дает представление об обстановке тех дней. Дело происходило 14 июля 1960 года. Джон Кеннеди уже сделал свое предложение Джонсону баллотироваться с ним по одному списку. До открытия заседания съезда, на котором должно было состояться выдвижение на пост вице-президента, оставались считанные минуты. Джонсон находился в номере отеля, где совещался со своими помощниками перед тем, как предстать перед делегатами съезда. Внезапно дверь с треском распахнулась, и, как свидетельствуют очевидцы, в комнату даже не вошел, а ворвался Роберт Кеннеди с растрепанной шевелюрой и горящими глазами. Прямо с порога, отбросив условности церемонии, он принялся убеждать Джонсона в том, что тот ни при каких обстоятельствах не должен давать согласия баллотироваться на пост вице-президента. Младший Кеннеди

заявил, что этот противоестественный альянс может расколоть партию и дорого обойтись на ноябрьских выборах.

В комнате воцарилась неловкая и напряженная тишина. Глаза Джонсона пылали бешенством. Голосом, пресекающимся от ярости, он спросил, как совместить эти слова Роберта с незадолго до того сделанным ему предложением его старшего брата. Кто-то из помощников Джонсона кинулся к телефону. С трудом разыскав Джона Кеннеди, он спросил, что значит все происходящее. Кеннеди попросил к телефону брата. Что говорил он ему, неизвестно, но, выслушав старшего брата, Роберт Кеннеди с треском швырнул трубку на аппарат и, крепко выругавшись, выскочил из комнаты. Тут же раздался звонок телефона, и Джон Кеннеди, попросив к аппарату Линдона Джонсона, подтвердил тому свое желание баллотироваться с ним по одному списку.

Рассказанный эпизод любопытен, с одной стороны, тем, что показывает, до какой степени узок круг людей, знавших истинные причины того, что выбор был остановлен на Джонсоне. Даже ближайший к старшему брату человек — Роберт Кеннеди — был не в курсе дела, продолжая упрямо гнуть свою линию. А с другой стороны, эпизод этот представляет интерес не только исторический, до некоторой степени проливая свет на ту очевидную вражду между Линдоном Джонсоном и Робертом Кеннеди, вражду, носившую не только политический характер, но имеющую явно личный и эмоциональный оттенок.

Итак, «политическая игра», о которой говорил Джон Кеннеди. Он был привержен такой весьма неприглядной и нешуточной в американских условиях игре все годы своего пребывания на вашингтонских подмостках, буквально с первых шагов, еще задолго до того, как ставкой в этой игре стал Белый дом. Взять хотя бы весьма двусмысленное поведение будущего президента в связи с так называемым «делом Джозефа Маккарти».

Когда художества этого погромщика приобрели настолько скандальный характер, что даже лидеры демократической партии оказались перед необходимостью его осадить и в сенат была внесена резолюция, осуждающая его действия, среди тех, кто не явился на голосование этой резолюции, был Д. Кеннеди. Он предпочел оказаться в нетях, дабы, с одной стороны, не быть среди тех, кто публично осудил бесноватого сенатора из Висконсина, и не вызвать, таким образом, негодования правых, и в то же время, с другой стороны, не уронить себя в глазах либералов. Именно этот эпизод дал впоследствии Элеоноре Рузвельт основание обвинить Кеннеди в трусости, а поддержавшему ее Линдону Джонсону бросить ставшую крылатой фразу о том, что у сенатора Кеннеди «больше профиля, чем мужества».

Одним словом, Джон Кеннеди отнюдь не был таким «невинным политическим агнцем,», каким его ныне пытаются рисовать иные служители культа. Этому изощренному буржуазному деятелю были отлично известны все правила, мягко выражаясь, не стерильно чистой игры, которую ведут американские политиканы, чем он далеко не в последнюю очередь обязан появлением в роли хозяина Белого дома.

Роберт Кеннеди

Деятельность Джона Кеннеди, его личность породили в Америке целую литературу по большей части свойства апологетического, иногда злобного и очень редко возвышающегося над уровнем чтива для обывателя. Между тем трезвая оценка деятельности этого президента имеет интерес не только исторический, но и с точки зрения политики для сегодняшнего и завтрашнего.

Но время есть время. Поток литературы о покойном президенте несколько уменьшился, зато возросло количество страниц, посвященных его братьям Роберту и Эдварду. Гибель Роберта Кеннеди подхлестнула этот поток, людей волнует двойная трагедия, возрос интерес к жизни и судьбе младшего из братьев. С обложек журналов чаще теперь можно увидеть не глаза Жаклин Кеннеди, а пристальный, исподлобья взгляд Эдварда Кеннеди, в витринах книжных магазинов на видных местах книги, посвященные далласскому убийству, соседствуют с броско изданными книгами о трагедии в Лос-Анджелесе, книгами самого РФК — так сокращенно в Америке принято было именовать Роберта Френсиса Кеннеди, либо, наконец, книги и брошюры, посвященные Эдварду. Этих книг великое множество.

Надо сказать, что писания, посвященные братьям Кеннеди, отличаются, как говорят физики, значительной амплитудой колебаний — от приторно-сладких и восторженных панегириков до жгучеядовитых поношений — в зависимости от симпатий, а главное, целей, которые ставят перед собой авторы этих писаний, и источников финансирования их вдохновения. Особенно кипели страсти вокруг Роберта. Но надо думать, что ни херувим во плоти, ни образ этакого коварного злодея, наделенного всеми пороками голливудского набора, не соответствовал тому живому человеку, несколько лет занимавшему одно из ключевых положений на американской политической арене.

Каков же был Роберт Кеннеди в действительности? Ответить на этот вопрос — значит яснее понять причины и мотивы, которыми руководствовались заговорщики, убедиться в том, что вопреки рос-

сказням реакционной печати убийцы были движимы вовсе не стремлением избавить Америку от «красного президента», «опасного либерала», но мотивами совсем иными.

Сопоставив многочисленные данные, постаравшись отделить факты от вымысла, были от небылиц, проверяя все это на оселке личных впечатлений, почерпнутых во время встреч и бесед с Робертом Кеннеди, я попытаюсь дополнить тот политический портрет этого деятеля, штрихи которого выше уже бегло набросаны.

Один из противников сенатора от Нью-Йорка как-то пытался подставить ему ножку хлесткой репликой о том, что весь секрет карьеры Роберта Кеннеди — это деньги его отца и имя его брата. Нет сомнения в том, что деньги Джозефа Кеннеди и имя Джона Кеннеди были важнейшей составной частью политического капитала третьего из братьев, важными пружинами его быстрой государственной карьеры. Однако было бы близорукостью не видеть, что и сам Роберт Кеннеди являл собой определенную величину, обрел собственный вес и влияние.

Такая уж была у него судьба, что все, кто с ним сталкивался, пытались сравнивать его с погибшим братом-президентом. Среди публицистов, работавших на Роберта, распространенным являлся прием подчеркивания внешней похожести, близости братьев. Мне доводилось встречаться и беседовать как с президентом, так и с его братом.

Не надо было обладать слишком уж большой наблюдательностью, чтобы сразу же обратить внимание на явную их несхожесть — несхожесть внешнюю, несхожесть поведения, манеры говорить и даже, если хотите, мыслить. И лишь когда Роберт внезапно улыбался, а делал он это в отличие от брата чрезвычайно редко и как бы нехотя, пересиливая себя, видно было, что нет, фамильное сходство все-таки имелось.

Дабы не навязывать читателю своего субъективного впечатления, обращусь к свидетельству такого для данного случая авторитетного эксперта, как родная сестра Джона и Роберта Юнис Кеннеди-Шрайвер.

— Все эти разговоры о том, что Джек и Бобби кровные братья-двойники, — явное преувеличение. Прежде всего сказывалась весьма ощутимая разница в возрасте: они принадлежат к разным поколениям, они были привязаны к разным людям, им нравились совершенно разные, несхожие друг с другом женщины. До 1952 года они вообще не были близки. И свела их только политика. В политике распространено предательство, а Джеку нужен был человек, которому он мог бы вполне довериться, человек, верный ему до конца.

Джек понимал, что таким человеком мог быть Бобби, и именно поэтому Бобби стал ближайшим сподвижником Джона Кеннеди.

Кстати, и в области политики братья отнюдь не были двойниками.

Будучи едиными в борьбе за власть, за влияние, они нередко расходились по многим, в том числе и существенным, политическим вопросам. Но об этом дальше. А сейчас немного о личности третьего из братьев Кеннеди, о его детстве, привычках, характере, ибо все это обстоятельства отнюдь не только личные. Когда речь идет о деятелях такого масштаба, трудно, подчас невозможно отделять личное от общественного, домашние привычки от привычек и ухваток политика.

Роберт Кеннеди был третьим из сыновей старого Джозефа. Причем от двух братьев его отделяла солидная разница в возрасте: он родился спустя девять лет после Джона. В детстве такая разница весьма существенна. Общение со старшими братьями, по его собственным рассказам, носило вполне определенный и сугубо односторонний характер: «Бобби, не мешай», «Отстань, парень, не видишь, мы заняты». И в лучшем случае: «А ну-ка, Бобби, сбегай за мороженым». Попытки выказывать строптивость и проявлять характер кончались обычно плачевно — пинком или затрещиной. Именно поэтому, став отцом десятерых детей, Роберт тщательно и самолично следил за тем, чтобы старшие не угнетали младших.

«Бобби был у меня седьмым из девяти детей, — рассказывает Роза Кеннеди. — Он рос в тени Джо и Джека с сестрами и младенцем Тэдом. Он был меньше всех ростом, худенький, и мы боялись, что он может вырасти слабым и изнеженным. Однако, когда он немножко подрос, мы поняли, что бояться нечего». Действительно, спортивные игры, бесконечные отцовские подзуживания на тему «Кеннеди не могут быть вторыми» формировали характер во вполне определенном плане.

Любопытна история, связанная с попыткой юного Роберта вступить на стезю бизнеса. Частые разговоры за семейным столом о деловых операциях отца, очевидно, заронили в душу двенадцатилетнего мальчика мысль заняться бизнесом. Он решил увеличить количество выдаваемых папашей карманных денег за счет собственного делового предприятия. Вдохновленный перспективой экономической независимости и возможностями личного дохода, способного конкурировать с отцовским, а также желая досадить высокомерным братьям, Роберт взялся за торговлю журналами. Покупая по оптовой цене пачку свежих иллюстрированных журналов, он садился на велосипед, а чтобы было не скучно, взгромождал рядом с собой своего верного друга, шумливого поросенка

по кличке Порки и колесил по округе, убеждая соседей приобретать журналы из его сумки с небольшой наценкой за доставку.

Так продолжалось целую неделю. Отец с удовольствием взирал на проснувшуюся в его отпрыске коммерческую жилку. Но, как говорится, недолго музыка играла. То ли занятие показалось тоскливым, то ли доход не шел ни в какое сравнение с тем, что безо всякого труда доставалось из папашиных рук, но материала для очередной сказочки о «бедном газетчике, вышедшем в люди», Роберт Кеннеди американским сказочникам не дал.

Уже через неделю после начала делового предприятия он решил отбросить в сторону велосипед — утомительно и пыльно — и стал ездить по округе в шикарном отцовском лимузине, за баранкой которого сидел холеный шофер. Еще через несколько дней и это показалось юному бизнесмену чрезмерно обременительным, и он со своим поросенком, покинув машину, поручил розничную торговлю отцовскому шоферу. А вскоре и этот бизнес увял сам собой. Впрочем, нельзя сказать, что история с иллюстрированными журналами прошла бесследно. Именно к тому периоду, по его собственным словам, относится вывод Роберта о том, что деловые операции не его стихия и что «у папы это получается лучше».

Не добившись успеха в сфере материальной, юный Кеннеди вознамерился сделать карьеру духовную. В юности он всерьез мечтал о духовном сане, собираясь стать священником. Прилежно изучал все обряды сложной католической службы и преуспел в этом, судя по всему, немало. Во всяком случае, уже будучи министром юстиции в кабинете своего брата, а затем сенатором США, он иногда участвовал в церковной службе в качестве добровольного помощника священника при алтаре, не делая при этом ни одной ошибки в религиозных церемониях.

Но и из духовной карьеры Роберта ничего не вышло. Надо думать, что обстановка мирской суеты, царившая в доме старого Кеннеди, явилась тому помехой. Джон Кеннеди в юности мечтал стать бизнесменом, Роберт — священником. Но политический водоворот, для которого поначалу предназначался лишь старший из братьев, затянул не только всех остальных братьев Кеннеди, но и их сестер, мужей сестер, и вообще всякий приближающийся в последние два с половиной десятилетия к «клану Кеннеди» независимо от своего желания оказывался втянутым в политический омут.

Во всяком случае, вместо духовной академии Роберт Кеннеди оказался сначала в Гарвардском университете, а затем закончил юридический факультет Вирджинского университета. Юридическое образование определило и начало его деятельности на государственном поприще. В начале 50-х годов он стал сотрудником печально знаменитой Комиссии по расследованию антиамериканской дея-

тельности, возглавлявшейся в те годы обер-погромщиком сенатором Джозефом Маккарти. В окружении сенатора от штата Нью-Йорк очень не любили упоминаний об этой странице биографии Роберта Кеннеди. Докучливого вопрошателя окидывали ледяным взором и либо вообще оставляли без ответа его вопросы, либо в лучшем случае давали понять, что это не более чем случайный и мимолетный эпизод. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

Когда речь идет о политических портретах деятелей, играющих заметную роль, людей, с которыми советской внешней политике приходилось или приходится иметь дело, я не сторонник шаржей и карикатур, не почитатель и двухцветной черно-белой живописи. Между черным и белым цветом на политической палитре много цветов и оттенков, и, думается, ни одним из них не следует пренебрегать для того, чтобы отчетливо представлять истинный облик тех, кто вершит дела в Америке. Впрочем, и крайние цвета палитры игнорировать не следует, избегая белое называть белым, а черное черным.

Одним словом, в 1953 году Роберт Кеннеди, который отнюдь уже не был младенцем в сфере политики, за спиной которого была активная роль в предвыборных кампаниях старшего брата, в качестве старта для карьеры избрал Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, возглавлявшуюся, пожалуй, самой мрачной фигурой американской послевоенной истории, истеричным и жуликоватым сенатором от штата Висконсин Джозефом Маккарти, стяжавшим себе незавидную славу «охотника за ведьмами».

Осторожный и предусмотрительный Джон возражал против намерений брата связать свое имя с этой комиссией, однако отец семейства держался иного мнения — он принимал висконсинского демагога у себя дома, давал ему деньги для ведения предвыборных кампаний и даже глядел сквозь пальцы на волокитство колченогого сенатора, увивавшегося некоторое время вокруг одной из дочерей — Патриции Кеннеди. Дело здесь, судя по всему, было не в личных симпатиях — все знавшие Джозефа Маккарти утверждают, что более отталкивающего типа трудно вообразить. С одной стороны, Джозеф Кеннеди сочувствовал многим взглядам своего мрачно знаменитого тезки, а с другой стороны, опытный волк всегда был склонен завязывать тесные отношения с людьми влиятельными, а в начале 50-х годов немного в Вашингтоне было людей, влияние которых могло сравниться с тем, которым обладал наводивший страх на всю столицу Маккарти.

Короче говоря, Роберт Кеннеди с благословения родителя в течение многих месяцев был одним из активных сотрудников ко-

миссии. Его уход из этого вертепа реакционеров, изображаемый сейчас либеральными сочинителями как результат политических разногласий, в действительности не имел с этим ничего общего. Дело было в личной обиде. Когда сенатор назначил главным адвокатом своей комиссии не юного честолюбца, а своего приятеля Роя Кона, Роберт Кеннеди счел себя ущемленным и хлопнул дверью. Он так и не простил Кону, что тот его обскакал на старте карьеры. Несколько раз у них дело едва не доходило до рукоприкладства, и, уже будучи министром юстиции в правительстве брата, Роберт Кеннеди возбудил против Кона дело о мошенничестве, обвиняя того в незаконных спекуляциях лошадьми.

После того как художества Джозефа Маккарти вывели из терпения даже американских сенаторов и мыльный пузырь его всесильности лопнул, висконсинский погромщик ударился в беспробудное пьянство и вскоре, всеми покинутый, умер от алкогольного отравления. Среди небольшой кучки людей, которые сочли необходимым проводить на кладбище проспиртованное тело «выскочки Джо», как именовали его на Капитолийском холме, был Роберт Кеннеди, захотевший продемонстрировать свою верность человеку, отвергнутому и презираемому большинством американцев.

Нсколько лет спустя, стремясь как-то объяснить свое сотрудничество с Маккарти, сенатор сказал: «Я чувствовал, что эта работа нужна была в то время». «В то время» — здесь намек на то, что в нынешнее время она, дескать, была уже не нужна, либералы, мол, могут не беспокоиться. Но кое-кто из них задавался вопросом: а не настанет ли еще раз «то время» и что тогда стал бы делать Роберт Кеннеди, останься он живым и сядь в президентское кресло?

Многое из дальнейшей деятельности Роберта Кеннеди дает основание считать, что речь в данном случае не идет лишь о случайном эпизоде. На первых страницах американских газет имя Роберта Кеннеди замелькало еще до того, как Джон стал президентом Соединенных Штатов, а он сам занял пост министра юстиции в правительстве брата. Эта известность связана с ролью, которую он играл в преследовании американских профсоюзов и, в частности, одного из крупнейших объединений — профсоюза водителей грузовых машин. Эти слушания, происходившие в Вашингтоне и нередко транслировавшиеся по телевидению в середине 50-х годов, привлекли внимание к начинающему политику. Надо сказать, что такая его деятельность стала определенным политическим балластом для Джона Кеннеди в ходе предвыборной кампании 1960 года, не помогла она впоследствии и Роберту, предопределив известную враждебность по отношению к нему со стороны профсоюзной верхушки.

Да и в последующие годы Роберт Кеннеди нередко ставил своего брата в положение нелегкое. Так, в частности, известно, что в тревожные часы кризиса в Карибском море министр юстиции находился в числе тех советников президента, которые настаивали на курсе, чреватом весьма опасными последствиями. Джон Кеннеди в те дни оказался куда осмотрительнее, осторожнее, а главное, дальновиднее иных горячих голов из своего окружения, что и было одним из немаловажных обстоятельств, снискавших ему популярность среди американского народа.

Нет, братья ни внешне, ни по темпераментам, ни по привычкам, ухваткам, вкусам, да и взглядам тоже не были близнецами. Взять хотя бы такую, как мне кажется, немаловажную, а в иных случаях для понимания человека и ключевую деталь, как любимые книги, — скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты. Как свидетельствуют очевидцы, старший брат годами не расставался с «Войной и миром» Толстого. Он перечитывал ее многожды, восхищаясь блеском мысли, философской глубиной, духовной необъятностью великого романа.

Роберт тоже имел любимые книги. Среди наиболее любимых, с которыми он не расставался и которые повсюду возил с собой, — «Талейран» Даффа Купера. Жизнеописание, безусловно, яркого и одаренного, хитроумного и беспринципного, беспредельно ловкого и удачливого политика князя Талейрана Перигора, любившего повторять, что «язык дан политику для того, чтобы лучше скрывать свои мысли», доставлял богатую пищу для размышлений этому представителю «клана Кеннеди».

Кстати, о носороге

Вообще Роберт Кеннеди не очень-то даже и прятал тот факт, что подчеркнутый, несколько нарочитый интеллектуализм старшего брата был не вполне по нему. Это сказывалось во многом, в том числе в жизненном укладе, интересах семей двух братьев. Известно, что частыми гостями Джона и Жаклин Кеннеди были писатели, музыканты, ученые. В доме Роберта все обостояло иначе. Роберт Кеннеди и его жена Этель с бóльшим удовольствием слушали песенки Фрэнка Синатры, нежели симфонии Шуберта или бетховенские сонаты. Этель Кеннеди как-то откровенно сказала: «Мы чувствуем себя неловко в обществе высоколобых, мы ничего не понимаем в музыке». Она предпочитает повесить на стену семейную фотографию, а не картину Пикассо.

Пустяки? Ну, не вполне. Говорят, что стиль — это человек. Стиль поведения, строй и стиль домашнего уклада при всей своей иногда

истинно, а иногда и кажущейся малозначительности могут сказать и рассказывают о человеке, о политике, о государственном деятеле подчас не меньше, чем заявления, интервью и иные виды деятельности официальной. Человек, в том числе и политик, не некая механическая конструкция, собранная из отдельных составных частей, а единое целое, в котором не всегда возможно определить главное и второстепенное. Домашний кружок нередко неотделим от политического окружения, стиль общения с людьми от стиля политической деятельности, личные пристрастия и манера мышления от мировоззрения и общественных взглядов.

Одним словом, для меня, когда я пытаюсь набрасывать политический профиль того или иного деятеля, нередко какая-то, быть может, бытовая, частная и на первый взгляд второстепенная деталь дает ключ к пониманию того, что сама модель этого портрета не проявляет публично, а нередко и просто стремится упрятать от посторонних глаз, проявляясь на людях в виде напомаженном, подгримированном и вполне обтекаемом.

Но вернемся к третьему из братьев Кеннеди. Сказанное о нем отнюдь еще не означает, что Роберт был этаким рубахой-парнем, простым и доступным. Как от старшего Джона, так и от младшего Эдварда он отличался, в частности, какой-то мрачной сосредоточенностью, холодностью, стремлением держать собеседника на почтительном расстоянии. Один из его коллег-сенаторов как-то заметил: «Бобби — холодная рыба. Когда он пожимает вам руку, кажется, что стоишь в конце шеренги в тысячу человек». Другой сенатор, в общем-то симпатизирующий братьям Кеннеди, объясняет ситуацию так: «Эдвард говорит с вами, всем видом показывая, что он хочет для вас что-нибудь сделать. Роберт, даже не имея ничего против вас, глядит так, как будто хочет перегрызть кому-нибудь горло. Ему недостает человеческой теплоты. Тэдди — улыбающийся ирландец, Бобби — унылый ирландец, угрюмый и мрачный». Опираясь на собственные впечатления, могу, пожалуй, констатировать, что описание это, во всяком случае, недалеко от истины.

Такую чрезмерную сухость, отнюдь не помогающую политику, стремившемуся в Белый дом, несколько смягчала его жена. Надо сказать, что в условиях грандиозной показухи, какую являет собой любая политическая кампания в Соединенных Штатах, жена кандидата на тот или иной высокий пост — это его важный либо актив, либо пассив, о чем речь у нас уже шла применительно к Жаклин Кеннеди. Стремясь увести избирателя в сторону от обсуждения острых политических вопросов, американские политиканы пускаются во все тяжкие. В ход идут жены и дети, бабушки, тещи, друзья и недруги, личная жизнь и привычки, кличка любимой собачки и факт предпочтения подтяжек брючному ремню. Вы можете не найти

на газетной странице почти ничего о политических позициях претендента на высокий государственный пост в Америке, но зато вы узнаете все о его вкусах, о марке его автомашины и количестве ванн в его доме.

Этель Кеннеди являлась, безусловно, активом для своего мужа. Если избирателям импонировало, что она мать десятерых детей, то существенным для семейства Кеннеди обстоятельством является то, что она происходит из семьи крупных промышленников, владельцев многомиллионного состояния Скакелей. Ее отец возглавляет хорошо известную в мире большого бизнеса «Грот Лейке карбон корпорейшн».

Папины миллионы открывали перед его юной наследницей двери самых фешенебельных курортов, самых аристократических салонов. Скакели и Кеннеди — люди одного круга, притом весьма узкого, поэтому не удивительно, что молодые люди сначала встретились, а затем обратили внимание именно друг на друга. Это произошло в 1944 году во время лыжного сезона, когда на дорогой канадский курорт Монт Тремлант съезжаются отпрыски богатейших семей. Поначалу Роберт отдавал очевидное предпочтение старшей из сестер — Пэт, но затем энергичная Этель взяла в полон своего будущего мужа. В 1950 году 19-летняя Этель стала миссис Кеннеди.

Вообще, как уже сказано, когда речь идет о людях, занимающих в жизни Соединенных Штатов на политической арене место такое, как Роберт Кеннеди, очень часто бывает просто-таки невозможно отделить личную жизнь от политической деятельности, частное от публичного. Ну, скажем, досуг, манера проводить свободное время — казалось бы, дело сугубо частное и вполне личное. Кому какое дело, где сенатор Кеннеди и его жена бывали по вечерам или каким образом проводили свой отпуск.

Ан нет. И вечернее времяпрепровождение, и личные приемы в узком домашнем кружке, и развлекательные вояжи — все это человек, замахнувшийся на Белый дом, если он хочет добиться успеха, должен соизмерять со своей главной целью, подчиняя ей не только свои речи и официальные появления перед публикой, но буквально каждый свой шаг. Человек, подобный Роберту Кеннеди, по воле собственного честолюбия вынуждает себя жить как бы под стеклянным колпаком, под неослабным и вездесущим оком газетных репортеров, фотокорреспондентов и операторов телевидения. Жизнь, конечно, малоуютная, требующая железной выдержки и кожи потолще, чем у носорога.

Кстати, о носороге. Огромное личное состояние давало возможность чете Кеннеди вести жизнь, обычную для миллиардеров. Они катались на лыжах в Швейцарии, спешили на бархатный сезон фе-

шенебельных и баснословно дорогих курортов мира, развлекали себя охотой на диких зверей в африканских заповедниках.

Один из таких охотничьих вояжей Роберт и Этель Кеннеди совершили весной 1966 года. Трудно сказать, каковы были охотничьи трофеи четы. Зато политические трофеи были несомненны. В течение нескольких месяцев американские иллюстрированные журналы публиковали красочные фото, на которых сенатор от Нью-Йорка изображался мужчиной весьма героическим. Сопровождаемый в этой поездке целой оравой репортеров, сенатор снабдил их щедрым материалом для репортажей, исходя, очевидно, при этом отнюдь не из альтруистической заботы о гонораре пишущей и снимающей братии.

Именно та охотничья поездка в Кению породила целую серию вполне охотничьих рассказов, не последнее место среди которых занимает история с носорогом. Авторы этой байки повествуют о том, что однажды, разгуливая по саванне, Роберт Кеннеди нос к носу столкнулся с носорогом. Кеннеди был без оружия. Носорог — при роге. Несколько минут они смотрели друг на друга тяжелым взглядом. Потом сенатор сделал шаг вперед, и тогда огромное животное, неуклюже повернувшись, засеменило прочь. Вот так. Дескать, даже носороги и те боятся...

Еще более широкую рекламу в американской печати получил случай, когда Роберт Кеннеди решил выступить в роли альпиниста. Весной 1965 года канадское правительство присвоило одной из горных вершин в Юконе имя президента Кеннеди. Брат покойного президента, невзирая на то, что ему никогда не доводилось заниматься скалолазанием, незамедлительно решил совершить восхождение на пик Кеннеди. При этом он подчеркнуто заявил окружающим, что хотел бы оставить этот подвиг в тайне. Правда, тут же таинственным образом план во всех подробностях стал известен прессе. Один из друзей сенатора, не без основания взяв под сомнение искренность намерения проделать все в тиши, ворчливо заметил: «Если Бобби так ненавидит гласность, как он хочет показать, зачем же он ни с того ни с сего лезет на эту гору».

В марте 1965 года в сопровождении двух известнейших американских альпинистов, Джеймса Уиттейкера и Барри Празера, Роберт Кеннеди совершил восхождение.

«Последние десятки метров Кеннеди карабкался в одиночестве», — писала в пространном репортаже об этом событии одна из американских газет. Однако он не был вполне одинок: над его головой, подобно мухам, жужжали вертолеты, битком набитые фоторепортерами и операторами телевидения. Несмотря на резкий ветер, дувший на вершине, сенатор старательно поворачивался таким образом, чтобы снимающим было удобнее его запечатлеть.

Трогательность братского порыва, правда, несколько ослаблялась заботой о рекламе.

Впрочем, кто осмелится утверждать, что столь суетная забота не лежала в основе всего предприятия?

И еще одна деталь, связанная с этим случаем. Быть может, мелкая, недостаточная для политических обобщений, но психологически ценная, добавляющая, как мне думается, новый штришок к портрету третьего из братьев Кеннеди. Неимоверно самолюбивый, воспитанный сам и воспитавший своих детей в мысли, что «Кеннеди не могут быть вторыми», он чувствовал себя оцарапанным мыслью, что кто-то видел его, изнемогающего от усталости, страшащегося непривычной крутизны, неловко скользящего в непривычном альпинистском одеянии, что специально нанятые мастера альпинизма тащили его к цели на веревке.

Через неделю после нашумевшего, обыгранного всей печатью так и этак восхождения чета Кеннеди пригласила Уиттейкера и Празера к себе домой. После легкого завтрака Роберт с невинным видом предложил спортсменам сыграть с ним и его женой партию в гандбол, а надо сказать, что в этой игре супруги большие мастера. Сражение длилось довольно долго, команда, возглавлявшаяся Робертом и Этель, наголову разгромила противника. Покидая гостеприимный дом, Уиттейкер мрачно заметил присутствующим на заранее подготовленном представлении репортерам: «Он сделал это, чтобы подчеркнуть свое превосходство. Для восстановления равновесия мне не остается ничего иного, как вновь пригласить его в горы».

Иной политический сноб может счесть все эти детали несущественными, не стоящими упоминания. Дескать, при чем здесь скалолазание или история с носорогом, когда речь идет о большой политике? Следует говорить о позициях и взглядах, а не о мелочах бытового свойства.

Но да позволит мне читатель не согласиться с такого рода снобизмом и, как уже сказано выше, исходить из того, что иная деталь дает о политическом деятеле представление подчас не меньшее, нежели его публичные выступления и официальная позиция. Впрочем, о такого рода позициях Роберта Кеннеди уже говорилось и кое-что еще будет здесь сказано.

При жизни Джона Кеннеди в Вашингтоне считалось, что братья как политики хорошо дополняют друг друга. Джон, с его аналитическим складом ума — любитель раскладывания политического пасьянса, подсчета вариантов, рассматривавший политику как сложную шахматную партию, и Роберт, склонный усматривать в ней нечто иное, больше напоминающее бокс, ценящий энергию, напор, динамизм политических схваток.

В короткий срок Роберт из неловкого политического птенца превратился в одного из самых искушенных деятелей на американской политической арене. Первые шаги на ней он делал в качестве участника избирательных кампаний старшего брата. До сих пор в Бостоне не могут без смеха вспомнить дебют, предвыборную речь, произнесенную Робертом Кеннеди в 1952 году. На одном из митингов должны были выступать оба соперника, боровшихся за пост сенатора, — Генри Кэбот Лодж и Джон Кеннеди. По каким-то причинам Кеннеди не сумел приехать и прислал вместо себя младшего брата.

После пространной и гладкой речи искушенного парламентария, респектабельного и солидного Лоджа на трибуну вышел 26-летний Роберт, растрепанный и явно растерянный. После долгой паузы он, наконец, выдавил из себя: «Мой брат Джек не смог приехать». Помолчав и мучительно покраснев, он продолжал: «Моя мать не смогла приехать». В зале послышались смешки. «Моя сестра Юнис не смогла приехать. Моя сестра Пэт не смогла приехать». Смех нарастал. «Моя сестра Джин тоже не смогла приехать». Снова продолжительная пауза. В зале смеялись уже все. И тогда Роберт, махнув на все рукой и не обращая внимания на окружающих, патетически заключил: «Но если бы мой брат Джек и мои родные были здесь, они сказали бы вам всем, что за Лоджа голосовать не надо. Голосовать надо за Джона Кеннеди», — и под гомерический хохот зала слез с трибуны.

К этому же периоду принадлежит и другой вольт начинающего политика, едва не поссоривший семейство Кеннеди с могущественным губернатором Массачусетса Полем Девером. Джозеф Кеннеди, руководивший тогда кампанией сына, поручил Роберту съездить к губернатору и передать ему какую-то бумагу. Однако юный энтузиаст решил не ограничивать себя чисто техническими функциями. Появившись в кабинете губернатора, он стал объяснять, что тот должен делать и чего делать не должен. Разъяренный губернатор выставил нахала за дверь и в бешенстве позвонил отцу семейства. «Послушайте, — проревел он в телефон, — я знаю, что вы здесь большая шишка и сидите на мешке с деньгами. Но губернатор здесь я и совершенно серьезно вас предупреждаю, что, если ваш юнец еще раз попадется мне на глаза, я надаю ему затрещин».

С тех пор много утекло словесной воды на митингах, в которых довелось участвовать Роберту Кеннеди. Много состоялось политических совещаний, которые он организовывал и проводил. Общепризнанным является, что главную роль в организации избирательной кампании, приведшей в 1960 году Джона Кеннеди в Белый дом, сыграл не кто иной, как его младший брат

Роберт. Искусным и изощренным деятелем проявил он себя и в последующие годы.

А теперь вернемся к вопросу о политических позициях Роберта Кеннеди в последний период его деятельности. Вопрос о том, каковы они, эти позиции, всерьез занимал американцев с того момента, когда исчезла тень старшего брата, в которой обретался Роберт, и в этом внешне хрупком, динамичном, быстро взрослевшем и обнаружившем недюжинные качества как политика, так и политикана человеке все увидели деятеля, вознамерившегося стать вторым президентом из рода Кеннеди. Собственно, эта предвыборная конструкция — заменить старшего младшим — обнаружила себя практически сразу же после далласских выстрелов. Некоторое время вынашивалась идея выдвижения министра юстиции кандидатом в Белый дом уже в ходе выборов, во время подготовки к которым был убит президент. Но скоро эту мысль отбросили как нереальную — отодвинуть в сторону Джонсона, получившего президентское кресло, было задачей, практически неосуществимой.

Тогда возник иной вариант: в избирательном бюллетене 1964 года по сравнению с годом 1960-м фамилии Кеннеди и Джонсона просто меняются местами — Роберт становится вице-президентом, а там будет видно. Еще не закончились предписанные обычаем траурные церемонии, а очередная избирательная кампания была в разгаре. Сохранившие пока свои позиции в коридорах вашингтонской власти, люди из окружения покойного президента плели сложную интригу, результатом которой должно было стать выдвижение на вице-президентский пост кандидатуры Роберта.

Уже готовилось эффективное политическое действо на предстоявшем в конце лета съезде демократической партии. Было решено, что на съезде выступит Жаклин Кеннеди, а затем делегатам будет продемонстрирован мастерски сделанный, весьма эмоциональный фильм о Джоне Кеннеди. Это должно было быть увертюрой к выдвижению его брата на вице-президентский пост. Имелось в виду таким образом оказать давление на Джонсона в случае, если он не выразит восторгов по поводу предлагавшегося ему политического гамбита.

Но Джонсон отнюдь не спешил принимать участие в том, что представлялось ему политической ловушкой. Шли недели, возрастал накал избирательной кампании, а новый президент не выказывал никакого намерения взять с собой в упряжку министра юстиции. В минуту откровенности, которые не часто бывали у Роберта, он сказал одному из своих друзей: «Я думаю, что я последний человек в мире, которого он хотел бы иметь около себя, потому что мое имя Кеннеди, потому что он хочет правительство

Джонсона без всяких Кеннеди, потому что наши пути различны». Вскоре Джонсон сделал ход конем. Он объявил, что не считает возможным выдвигать на пост вице-президента ни одного из членов своего правительства — они, дескать, нужны на своих местах (в то время Р. Кеннеди занимал еще пост министра юстиции). Новый глава «клана Кеннеди» понял намек, и ему не оставалось ничего иного, как проглотить горькую пилюлю. Впрочем, сделал он это, сохранив чувство достоинства. Появившись через несколько дней на заседании сената, он подошел к группе законодателей и с саркастической улыбкой громко, так, чтобы слышали все окружающие, сказал: «Я должен признаться, что, видя вас, испытываю благоговейный трепет. Ведь никто из вас не член правительства, и потому любой из вас может получить пост вице-президента».

Но так или иначе, а ему надлежало прокладывать собственный политический фарватер. И Р. Кеннеди приступил к этому незамедлительно. Он покинул правительство и, с большим искусством проведя нелегкую предвыборную кампанию, добился места сенатора от ключевого в политическом отношении центра страны — штата Нью-Йорк. Именно в этом штате, который издавна считается в Америке ступенью к Белому дому, подвизался уже несколько лет в роли его губернатора могущественный соперник Кеннеди, один из пяти братьев-миллиардеров, Нельсон Рокфеллер.

Следующим шагом было обретение самостоятельной политической позиции. При жизни брата сие для министра юстиции было не обязательно. Его дело было энергично проводить в жизнь политику, намечаемую президентом. При этом нередко на его долю приходились мероприятия, не очень популярные. От него требовалась не столько тонкость мысли, сколько твердость руки. Теперь же надлежало думать о приобретении благопристойного политического фасада.

Особенно выбирать в этом деле не приходилось. При жизни Джона между братьями было немало расхождений, различные, подчас противоположные оценки важных проблем и ситуаций не были редкостью. Сейчас же политическая целесообразность и прагматизм подсказывали только один возможный вариант — предстать перед избирателями в роли законного наследника и восприемника государственного курса Джона Кеннеди.

Из недели в неделю, из месяца в месяц Роберт Кеннеди действовал в этом направлении упорно и целеустремленно. Один за другим ближайшие советники покойного президента покидали правительство Джонсона и собирались вокруг сенатора от Нью-Йорка. «Мозговой трест» трудился вовсю. Авторы лозунгов «Новые рубежи», составители знаменитых речей Джона Кеннеди, работали те-

перь на его брата. Осторожно, осмотрительно, с оглядкой на хозяина Белого дома, держащего пока в своих руках власть, но неуклонно шаг за шагом строился политический редут, которому предназначалось стать самостоятельным бастионом внутри демократической партии.

К предвыборной кампании 1968 года Кеннеди пришел с собственной политической платформой, которая во многих пунктах разнилась с политикой, осуществляемой правительством Джонсона. «Назад к Кеннеди», «Вперед с Кеннеди» — вот, пожалуй, два лозунга, к которым можно свести предвыборную деятельность семейного штаба, возглавленного в 1968 году зятем братьев Стивеном Смитом. Для такого случая этот ловкий бизнесмен, главноуправляющий нынешним семейным бизнесом, покинул на время стезю деловых операций и с головой окунулся в политические комбинации избирательной кампании.

И все-таки каковы же были политические позиции Роберта Кеннеди, побывавшего за годы своей бурной политической карьеры за многими политическими заборами, сотрясавшего воздух в комиссии Джозефа Маккарти, но язвительно и умно вскрывавшего бесперспективность авантюры во Вьетнаме; сопутствовавшего ястребам во время карибского кризиса, но развивавшего идеи о необходимости укрепления и развития советско-американских отношений; стяжавшего недовольство профсоюзов участием в гонениях на некоторые отряды организованного рабочего движения, но недвусмысленно выступившего в пользу программы гражданских прав негров?

Об истинных взглядах его знал разве что он сам. Тем не менее было бы, пожалуй, правильным сказать: позиции третьего из братьев Кеннеди, особенно в последний период деятельности, отражали идеи более трезво мыслящей фракции американской буржуазии. Она отнюдь не намеревается отказываться от амбиций и непомерных притязаний. Только, более опытная и осторожная, она нет-нет да и оглядывается вокруг, а оглянувшись, приближается подчас к пониманию необходимости ножки протягивать по одежке. «Политика — искусство возможного» — эту бисмарковскую формулу часто повторяли в кружке Кеннеди.

В этом, и прежде всего в этом, разгадка не столь уж таинственной, как сие пытаются изобразить мастера напустить туману, тайны гибели Роберта Кеннеди. Так же как и покойный брат, нелегким и извилистым путем пришел он в пору своей зрелости к мысли о необходимости политики более реалистической, амбиций, соответствующих амуниции. Ответом тех, кто в Америке упорно не желает с этим согласиться, были пули убийцы. Но к этому мы еще вернемся.

Четвертая попытка!

Неисповедимы пути политические. Еще вчера американцы если и знали последнего из братьев Кеннеди, то только потому, что он носил имя Кеннеди. Было известно, что вскоре после того, как Джон пересел из кресла сенатора от штата Массачусетс в президентское кресло, место брата в сенате занял Эдвард. Всем было ясно, что, не будь он Кеннеди, никогда бы не попасть ему на Капитолий в столь юном возрасте. А каков он, этот Эдвард? Умен или не очень, одарен или не вполне, годится ли для того, чтобы играть самостоятельную политическую роль? Это подавляющему большинству американцев летом 1968 года было неведомо.

Но не успели еще отгреметь залпы траурного салюта на Арлингтонском кладбище, не успела высохнуть земля свежего могильного холма, прикрывшего гроб Роберта Кеннеди, а уже вся Америка обсуждала вопрос о будущем последнего из братьев. Ни у кого не возникало сомнений в том, что молодой сенатор наследует не только гигантское состояние семьи, но и ее политические амбиции и планы. Ведущая газета страны «Нью-Йорк таймс» писала в те дни: «Смерть Роберта Кеннеди возложила на плечи его младшего брата Эдварда две огромные ноши: руководство своим удивительным семейством и следование его удивительной политической судьбе».

Семейство было удивительным и многочисленным. На Эдварда как на старшего в клане ложилась ответственность за шестнадцать детей — не только троих своих, но сыновей и дочерей погибших братьев. Что же касается судьбы, то в те дни журналистский волк, видевший в Белом доме чуть ли не десяток хозяев, говорил мне: «Я не знаю Тэда, но, поверьте мне, ему придется делать то, что от него ждут все — его собственная семья, Вашингтон, мир. Ему придется быть Кеннеди, даже если он того и не хочет. Это его судьба».

Потрясенный горем, не скрывавший слез, Эдвард отказывался в те дни беседовать о своем будущем не только с журналистами и коллегами, но и с членами своего ближайшего окружения, а вашингтонские политические салоны гудели, их завсегдатаи обсуждали вопрос, будет или нет незамедлительно выдвинута кандидатура самого молодого члена американского сената, и если будет, то на какой пост — президента или вице-президента. Большинство сходилось на том, что о посте президента думать пока преждевременно — мешает и психологическая травма сенатора, и неподготовленность партийной машины, и его возраст — еще не было в истории Соединенных Штатов соискателя высшего государственного поста в стране 36 лет от роду. Но что касается вице-президентства, то искушенные вашингтонские зубры находили для того множество резонов.

Стратеги демократической партии не без цинизма рассуждали о том, что имя Эдварда Кеннеди, будучи пристегнутым к кандидату партии на пост президента, в условиях шока избирателей, вызванного гибелью Роберта, окажется важным козырем в избирательной баталии 1968 года. В ход были запущены многие пружины и колесики партийных машин. Пока рыдала у гроба вдова убитого, пока на семейном совете Кеннеди решался нелегкий вопрос, как сообщить трагическое известие 79-летнему полупарализованному отцу семейства, пока честные и далекие от столичной паутины американцы были повергнуты в горестные размышления о чудовищности общества, гражданами которого они состоят, о звериной жестокости в нем царящей, проныры политиканы уже действовали вовсю.

Те, у кого имелись основания бояться появления младшего Кеннеди хотя бы в роли вице-президента, выискивали и подбрасывали общественности аргументы, долженствующие доказать нецелесообразность выдвижения кандидатуры Кеннеди. При этом использовались доводы самые различные, от сентиментального — дескать, надо дать человеку успокоиться и прийти в себя — до коварно-политиканского — нельзя, мол, создавать династии Кеннеди.

Не обошлось в первые же дни и без прямых угроз. Видный американский юрист Марк Лейн, который приобрел известность тем, что уже вскоре после далласского убийства, проведя собственное расследование, открыто выразил недоверие официальной версии гибели президента, сразу же вслед за выстрелами в «Амбассадоре» публично предостерег: «Если Эдвард Кеннеди станет кандидатом на пост президента или вице-президента, его жизнь окажется в опасности, и, я надеюсь, он знает об этом».

Действительно, можно себе представить ощущение тех, кто громоздил гору трупов, запутывая следы далласского преступления, кто пошел на риск повторного убийства главы кеннедиевского клана, когда сквозь не рассеявшийся еще пороховой дым выстрелов в Лос-Анджелесе перед ними встал призрак еще одного Кеннеди, шагающего к Белому дому.

Обретавшийся в тени старших братьев, игравший в семейной команде хотя и не последнюю, но и не главную роль, Эдвард Кеннеди внезапно оказался под перекрестным огнем миллионов глаз, в центре стремительного политического водоворота, козырной картой одних, угрозой и мишенью для других.

Как он поведет себя? Что предпримет? Сломленный ли цепью несчастий отойдет в сторону, уйдет ли в тень или, подобно раненому ирландскому быку, ослепленный яростью, ринется в схватку, а быть может, продемонстрировав кеннедиевскую холодную рассудительность и выдержку уже набравшегося опыта политиче-

ского фехтовальщика, затаится, выжидая своего часа? Эти вопросы задавались в Америке летом 1968 года.

Никто не знает, что творилось в эти черные для семьи дни за плотно закрытыми дверями вашингтонского дома Эдварда Кеннеди. Но всевидящие глаза опытных политических наблюдателей отметили тогда, что вел он себя не только как искренне убитый горем брат, но и как твердой воли и немалого опыта политик, ни на минуту не забывавший о своем месте, своей значимости, о том, что отныне он, и только он, наследник политического капитала «клана Кеннеди».

Едва закончились траурные церемонии, Эдвард направился в Хианнис-Порт в Массачусетсе, где в роскошном поместье доживал последние месяцы Джозеф Кеннеди-старший. Именно тогда Роза Кеннеди от имени семьи заявила, что Эдвард не уйдет с политической арены. Возвратившись в Вашингтон, сенатор подтвердил это. «Такой шаг противоречил бы традициям нашей семьи», — ответил он на настойчивый вопрос журналистов, не собирается ли он отойти от политической деятельности. Позиция, занятая молодым сенатором в те дни в связи со сделанным ему руководством демократической партии предложением баллотироваться в тот год по одному списку с Губертом Хэмфри на пост вице-президента, свидетельствовала о том, что годы, проведенные им в Вашингтоне, не прошли даром, он научился выжидать, рассчитывать, заглядывать вперед, вполне овладел искусством американских политических шахмат.

Так же хитро вел он себя и в дни печально знаменитого съезда демократической партии, ознаменовавшегося жестокими расправами над собравшейся в Чикаго со всей Америки молодежью, протестовавшей против политики Джонсона. Кеннеди сумел не только остаться в стороне от этих неприятных для руководителей демократов событий, но еще больше укрепить свои позиции. Люди искушенные говорили автору этих строк, присутствовавшему в те дни на съезде, что ловкое маневрирование Эдварда Кеннеди сделало его именно в тот момент одним из ведущих лидеров демократов.

Но так или иначе, а Эдвард Кеннеди, последний из сыновей Джозефа-старшего, волею судеб оказался на политической авансцене Америки, где, вне всяких сомнений, будет обретаться в предстоящие годы, играя на ней роли заметные и немаловажные. В силу чего?

И все-таки, пожалуй, прежде всего в силу того, что он Кеннеди, носитель громкого имени, обладатель политического ореола, созданного трагической судьбой его старших братьев, и, наконец, самое главное — владелец одного из крупнейших капиталов современной Америки, единственный после смерти братьев наследник более чем

полумиллиардного состояния, оставленного ему умершим осенью 1969 года Джозефом Кеннеди.

Последний из девяти детей Джозефа и Розы Кеннеди, Эдвард, родился 22 февраля 1932 года. И если его старшие братья и сестры появлялись на свет в семье состоятельной, но принадлежавшей к числу среднебуржуазных, то Эдвард родился уже как сын крупнейшего миллионера. К тому времени папаша Кеннеди сумел сколотить огромное состояние. В возрасте пяти лет маленький Тэдди пересек океан и появился в туманном Лондоне в качестве самого юного отпрыска семьи посла Соединенных Штатов Америки при правительстве его величества короля Великобритании.

С самых ранних лет миллиардерский сынок чувствовал исключительность своего положения. К примеру, первое причастие он получал не где-нибудь, а в Риме, и не от кого-нибудь, а от самого папы римского Пия XII. Джозеф-старший не стоял за деньгами, чтобы потешить свое тщеславие. Вот, дескать, какие мы — сам папа римский у нас в роли придворного священника.

Что бы там ни говорили, а такое воспитание, конечно же, не могло пройти бесследно. Кеннедиевская пропаганда, говоря об Эдварде, подчеркивает его простоту и сердечность, противопоставляя их любезной холодности Джона, отлично умевшего давать окружающим почувствовать дистанцию между собой и остальными, и надменностью Роберта, не очень-то старавшегося ее скрывать.

И действительно, с Эдвардом разговаривать значительно проще, нежели с его братьями, — я убедился в том самолично. Он легок в общении, любит шутку, внешне прост.

Но лишь внешне. Вот два любопытных свидетельства людей, наверно неплохо знающих Эдварда Кеннеди, — его сестры и его матери. После гибели Роберта Джин Смит, говоря о своем младшем брате, сетовала: «Теперь ему не с кем будет поговорить». Ей вторит Роза Кеннеди: «Отныне он совершенно одинок. Трагедия его жизни будет заключаться в этом одиночестве». Вдумайтесь в эти слова. В них не просто боль за брата и сына, потерявшего любимого старшего брата. В них точное определение ситуации. Кеннеди считают себя слишком высоко стоящими, чтобы почитать за ровню кого-либо вне клана. Внешне общительный, демократичный, Эдвард ощущает себя одиноким, потому что смотрит на окружающих сверху вниз, воспитанный в сознании своей исключительности.

Определяя жизненные пути своих сыновей, папаша Кеннеди еще в дни, когда Эдвард был школьником, предопределил ему путь бизнесмена. Возложив на старших сыновей свои надежды и упования в области политики, Джозеф Кеннеди мечтал передать

младшему управление быстро растущим огромным семейным бизнесом.

Однако восхищавшийся старшими братьями и во всем им подражавший Эдвард решил, так же как они, заняться политикой. Старому Джозефу пришлось с этим примириться, а когда его дочь Джин вышла замуж за преуспевающего дельца Стивена Смита, глава семейства счел, что помогать ему в бизнесе с успехом сможет понаторевший в этих делах зять — старик испытывал глубокое недоверие к наемным управляющим и был счастлив, что среди членов его семьи появился рукастый делец. Младший же из братьев с благословения отца начал готовить себя к политической стезе.

После печального эпизода с исключением из Гарвардского университета за жульничество на экзамене Тэдди, что называется, взялся за ум. В 1956 году он с отличием окончил университет, обнаружив особые успехи по истории и государственному праву. Затем в течение года он изучал право в Международном юридическом институте в Гааге, а затем по совету братьев проработал некоторое время репортером агентства «Интернейшнл ньюс сервис» в Северной Африке.

Вернувшись на родину, он продолжал занятия юриспруденцией, окончив специальную юридическую школу университета штата Вирджиния. К этому времени относится его дебют на политической арене. В 1958 году Джону Кеннеди предстояло переизбрание на пост сенатора от штата Массачусетс. Эдвард принял активное участие в избирательной кампании брата. При этом он проявил не только недюжинную работоспособность и напор, но и немалую ловкость. «Тэдди — лучший политик среди всех нас», — подвел итоги избирательной кампании старый Кеннеди в разговоре с Джоном и Робертом.

Незадолго до этого Эдвард познакомился с молодой дочерью процветающего предпринимателя Гарри Беннетта — Джоан Беннет. Джоан была студенткой «Манхеттенвил колледж», где училась вместе с сестрой Эдварда Джин Кеннеди. «Как-то вечером, — вспоминает Джоан, — Джин пришла ко мне в комнату и сказала: «Пойдем, я хочу познакомить тебя с моим маленьким братом». Я вышла из комнаты и, задрав голову, увидела перед собой верзилу ростом шесть футов и два дюйма — это и был «маленький Кеннеди».

Два года спустя Эдвард и Джоан поженились. Все было как и положено для Кеннеди. Венчал новобрачных примас католической церкви Америки кардинал Спеллман — на сей раз решили обойтись без папы римского, ограничившись кардиналом, — шаферами на свадьбе были Джон и Роберт, гостями на свадьбе — весь высший свет.

Справедливости ради надо сказать, что годы, проведенные в кеннедиевском семействе, закалили молодую женщину, выработали у нее твердый характер. Удары, обрушившиеся на семью, она встретила стойко и с достоинством. Убедившись после авиационной катастрофы, что жизни ее мужа уже не грозит опасность, Джоан повела активную избирательную кампанию, выступая на десятках митингов от имени запеленатого в гипс Эдварда Кеннеди, призывая избирателей отдать ему свои голоса. Эдвард острил в те дни: «Боюсь, что граждане Массачусетса выберут в сенат не Эдварда, а Джоан Кеннеди».

Осенью 1970 года Эдвард Кеннеди вел борьбу за свое переизбрание на пост сенатора от штата Массачусетс. Выборы эти имели для него особое значение — после ударов, нанесенных ему политическими противниками — мы еще коснемся этого, — исход выборов в Массачусетсе решал вопрос о всей его дальнейшей политической карьере.

Поздно вечером 3 ноября «клан Кеннеди» почти в полном составе — отсутствовала только мать — собрался на 14-м этаже бостонского отеля «Паркер хауз», ожидая исхода голосования. Здесь были Эдвард с Джоан и тремя детьми, Этель Кеннеди со старшими сыновьями, а также сестры Юнис и Джин с мужьями и детьми. Клан вновь демонстрировал свою сплоченность и решимость добиваться своего.

Отель был оцеплен усиленными нарядами полиции. При выходе из лифта полицейские, переодетые в штатское, тщательно обыскали меня, хотя при мне был соответствующий, подписанный самим Эдвардом Кеннеди пропуск. Детективы в форме и без формы находились и в самом зале у всех дверей, и на черной лестнице. Тень лос-анджелесского отеля «Амбассадор» явно лежала на этом зале бостонской гостиницы «Паркер хауз». Джоан жалась к Этель Кеннеди, все время поглядывая в зал настороженными глазами, словно отыскивая в нем кого-то.

— Честно говоря, я постоянно боюсь, что Тэда убьют, как Джека и Бобби, — признается она. — Хотите услышать нечто ужасное? Несколько месяцев назад мы летели в самолете, и сидевший сзади ребенок проколол воздушный шарик, который лопнул с громким треском. Тэд резко вздрогнул и вобрал голову в плечи. Как это ужасно! Лопается шарик, а мой муж думает, что в него стреляют. Значит, он всегда живет с этой мыслью.

Нет, не только Даллас — «уютное местечко». Таким «уютным местечком» стала ныне вся Америка. Демократическая страна, где политический деятель весьма умеренного буржуазного толка, вызвавший почему-либо неудовольствие правых, все время живет с ощущением зайца на охоте!

Но в дни, когда Эдвард Кеннеди делал первые шаги на политическом поприще, все казалось легким и доступным. Первая по-настоящему крупная кампания, в которой ему довелось принимать участие, были президентские выборы 1960 года. Старший брат поручил ему 11 западных штатов, в которых Тэдди агитировал за Джона Кеннеди, доказывая избирателям его неоспоримые преимущества перед Ричардом Никсоном. Сидя за штурвалом маленького самолета, он метался из штата в штат, из города в город, выступая с десятками речей, призывая, обещая, улещивая.

Вспоминая те дни, Эдвард рассказывает об эпизоде с лыжным трамплином. На первый взгляд эпизод вполне малозначителен, но в нем проглядываются уже тогда начавшие обнаруживать себя качества, сделавшие последнего из братьев заметной политической фигурой Америки. В воскресный день младший Кеннеди приехал посмотреть прыжки с трамплина в одном из городков штата Висконсин.

— Мне никогда не приходилось прыгать с трамплина, — рассказывает Кеннеди, — и я решил подняться на его вершину, просто чтобы посмотреть оттуда на это красивое зрелище. Внезапно я услышал, как диктор объявил по радио: «На трамплине находится младший брат кандидата на пост президента Эдвард Кеннеди. Если мы ему похлопаем, может быть, он совершит свой первый прыжок». У меня похолодела спина. Первым моим движением было поскорее уйти отсюда. Но испугался, что подведу брата. И, махнув рукой на все, я нацепил лыжи, и, зажмурившись — будь что будет, — прыгнул».

В 1962 году, когда Джон находился уже в Белом доме, а второй из братьев занимал пост генерального прокурора, министра юстиции, Джозеф Кеннеди решил, что его младший сын должен получить свою долю политического пирога, и объявил на семейном совете, что Тэд будет бороться за освобожденное Джоном место сенатора от Массачусетса. Надо сказать, что это решение не вызвало тогда особого восторга старших братьев. Уж слишком смахивало оно на доходящую до неприличия семейственность. И без того враги и завистники президента муссировали слухи о том, что Америке-де грозит создание правящей династии. «Претензия Тэдди на место в сенате в возрасте 30 лет, — писала в те дни «Нью-Йорк таймс», — считается многими публичным оскорблением, фанфаронством и самонадеянностью. Похоже, что это в конце концов будет стоить президенту в сенате потери голосов больше, нежели Тэдди сможет когда-либо возместить ему».

Но старик был упрям, да и младший из братьев, не отличаясь политическим смирением, отнюдь не выказывал желания обретаться в тени старших. Одним словом, президенту пришлось уступить.

И вновь клан Кеннеди взялся за политический бизнес. Основным организатором кампании молодого Кеннеди — ни Джон, ни Роберт в силу их официального положения не могли в открытую агитировать за брата — стал Стивен Смит, муж Джин Кеннеди, которому старый Джозеф разрешил на это время отложить в сторону руководство семейными деловыми компаниями.

Бывают в жизни ситуации, которые, придумай их драматург для своей пьесы, были бы названы критиками «нарушением жизненной правды». Политическая история «клана Кеннеди» тем не менее наполнена такими будто бы искусственно сконструированными драматическими ситуациями. Одна из них, правда на сей раз более забавная, нежели драматичная, имела место и в этой кампании. Противником Эдварда Кеннеди на выборах в сенат был политик по фамилии Лодж, — не случайно эта кампания получила наименование «битвы династий», — династии Лоджей и династии Кеннеди.

Богатейшее бостонское семейство Лоджей уже в течение нескольких поколений поставляет руководящих деятелей для Вашингтона, иллюстрируя один из излюбленных тезисов американской пропаганды об отсутствии в Америке потомственной аристократии. Еще в 1916 году дед Эдварда Джон Ф. Фитцджеральд, по кличке «милашка Фитц», потерпел поражение от Генри Кэбота Лоджа-старшего. Как мы уже говорили, в 1954 году Джон Кеннеди взял реванш, отняв сенаторское кресло у сына Лоджа-старшего — Генри Кэбота Лоджа-второго.

И вот теперь представитель третьего поколения Лоджей, 35-летний Джордж Кэбот, сын Лоджа-второго, противостоял младшему из Кеннеди. И снова победа была за Кеннеди, которые повели в этой игре со счетом 2 : 1. Комментируя исход выборов в Массачусетсе, журнал «Тайм» писал в те дни: «Поддерживаемый отцом и его огромными богатствами, имея за спиной брата президента, Эдвард наилучшим образом использовал имя Кеннеди, внешность Кеннеди, манеры Кеннеди. Но только этих качеств было бы недостаточно.

Эдвард победил, потому что он осуществил кампанию, не имеющую себе равных по энергии, напору и целеустремленности». Уроки, полученные в политических кампаниях брата, даром не прошли.

Но хотя молодой соискатель высоких постов продемонстрировал все эти качества, сенат встретил его с неприязнью.

Настороженность и неприязнь сенаторов, в основном разменявших уже пятый, шестой, а то и седьмой десяток и с недоверием взиравших на неприлично, с их точки зрения, молодого коллегу, появившийся на Капитолии Эдвард стремился рассеять подчеркнутой почтительностью к старшим, тем, что злые на язык столич-

ные журналисты окрестили «удивительным для Кеннеди политическим смирением». Неукоснительно соблюдая традицию, по которой начинающих сенаторов видят, но почти не слышат, Кеннеди расчетливо и дальновидно никоим образом не давал почувствовать коллегам своего особого положения президентского брата, в любую минуту вхожего в Белый дом.

За годы пребывания в сенате Эдвард Кеннеди выступал не часто, избегая при этом наиболее острых вопросов, предоставляя то, что на вашингтонском политическом жаргоне именуется «горячими картофелинами», перекатывать в ладонях Роберту. В то же время в редких, тщательно подготовленных выступлениях он проявил себя незаурядным оратором, обладающим изысканным стилем, остроумием и гарвардски-аристократическим изяществом. Законопроекты, разработанные им или при его участии, были сочтены коллегами продуманными и взвешенными.

Одним словом, ледок недоверия в годы пребывания на Капитолии расчетливым поведением, лукавым нефамильным смирением, обнаружившимся у него умением ловко плести интригу, сохраняя при этом наивно-простодушный вид доброго малого, Эдварду Кеннеди удалось сломить, оттенок очевидной семейственности развеять, показав, что он ничуть не хуже других ориентируется в зигзагах вашингтонского политического лабиринта.

«Не хуже других», с точки зрения столичных завсегдатаев, — это и хорошо и плохо. Хорошо потому, что не вызывает зависти у ближних, отнюдь не приходящих в восторг от чьего-либо превосходства. Плохо потому, что это еще недостаточный аргумент для выдвижения рядового и ничем не выдающегося сенатора на высший государственный пост в стране. Но тут-то на помощь и приходит политическая инерция, гипноз имени Кеннеди.

Эдвард Кеннеди не проявил пока особенно ярких качеств, присущих его старшим братьям, напора и бесподобной самоуверенности Джозефа, успевшего, несмотря на свою молодость, мимолетным пребыванием на политической арене привлечь внимание и вызвать неприязнь самого Рузвельта; интеллекта и незаурядности Джона; рукастости и динамизма Роберта. Он более обтекаем, внешне более обыкновенен. Что кроется за этим?

Посредственность или свойственные ему в большей степени, нежели его братьям, выдержка и аристократизм семейства Фитцджеральдов, почерпнутые у отца воля и напористость, помноженные на выдержку и сильный характер, диктующие именно такую линию поведения?

И у той и у другой версии имеются свои сторонники. Одни говорят об Эдварде как о человеке, не располагающем особыми качествами, которые были присущи его братьям, другие же, наобо-

рот, склонны утверждать, что он наиболее сильная личность кеннедиевского клана.

Если опираться на собственные впечатления, то мне представляется, что ближе к истине те, кто придерживается второй версии. Не берусь утверждать, что Эдвард сильнее своих братьев, но, что это опытный, ловкий политик, обладающий большой выдержкой и многими качествами, делающими его безусловно заметной фигурой на вашингтонском политическом небосклоне, не вызывает сомнения.

Ныне это уже не начинающий деятель, полагавший, что достаточно пересилить страх и прыгнуть на лыжах с трамплина, чтобы обеспечить аплодисменты и политический успех, а быстро созревший в трудной борьбе деятель, умеющий прятать свои чувства, наносить удары и, что особенно важно для американского политика, стойко переносить их.

Высокий, атлетического сложения, неестественно прямо держащийся — следствие корсета, который он вынужден носить после авиационной катастрофы, — предпочитающий темно-синие пиджаки, несколько скрадывающие все еще мешающую ему молодость, ранняя седина на висках — таким я увидел Эдварда Кеннеди поздней осенью 1970 года.

Иногда он начинает во время разговора теребить свой пиджак — расстегивает и застегивает пуговицы на нем, точно так же, кстати, как это в минуту волнения делал его покойный брат — президент, но это, пожалуй, единственное, что выдает напряженность и нервозность, нарушая усвоенную сенатором ровную, спокойную, тщательно заученную манеру держаться. Во всяком случае, в последнее время мало кто решается утверждать, что единственным политическим достоинством сенатора от Массачусетса является его громкое имя.

Вопрос об индивидуальных качествах политика по имени Эдвард Кеннеди — это не частный вопрос — не вопрос, который касается только этого деятеля. Речь идет о проблеме, которая в предстоящие годы может представить и общественный интерес. До происшедшей летом 1969 года автомобильной катастрофы, когда машина, за рулем которой находился сенатор, свалилась с моста в реку, в результате чего погибла молодая женщина — бывший секретарь его покойного брата Роберта, — восхождение младшего из братьев Кеннеди на американский политический Олимп было беспрецедентно стремительным.

Случай на мосту спутал многие карты. Думается, в этом деле далеко еще не все ясно. Многое выглядит очень странно. Ну хотя бы то, что все случилось как раз в тот момент, когда в этом так нуждались политические противники Эдварда Кеннеди — люди

могущественные, влиятельные, борющиеся с этим семейством не на жизнь, а на смерть уже многие годы.

Или взять пропагандистскую свистопляску, которая была поднята вокруг случая на мосту! Очевидные усилия всячески раздуть это дело, представить сенатора в крайне невыгодном для него свете, нагнетая атмосферу, не могут, думается, быть отнесены только на счет свойственной американской прессе манеры поспекулировать на сенсации. Во всем этом проглядывают элементы планомерной кампании, рассчитанной на полную дискредитацию в глазах избирателей опасного конкурента.

Я пытался, находясь в Америке, выяснить у людей знающих и опытных, было ли в случае на мосту нечто такое, что действительно могло бы бросить серьезную тень на репутацию Эдварда Кеннеди.

— Что вы! — услышал я в ответ. — Если бы у врагов Кеннеди была хоть какая-нибудь серьезная зацепка, разве выпустили бы они его из угла ринга без нокаута? Ничего серьезного нет. В противном случае на сцене уже не было бы самого Кеннеди.

Но, так или иначе, политический корабль Кеннеди получил пробоину.

Знающие люди утверждают, что это обстоятельство заставило с облегчением вздохнуть политиков, группирующихся вокруг Никсона. В окружении президента до недавнего времени, собственно, и не скрывали, что самым своим опасным соперником 37-й хозяин Белого дома считал Эдварда Кеннеди. Он слишком хорошо помнит поражение, которое нанес ему в 1960 году старший брат, чтобы недооценивать младшего.

Выдвижение Эдварда Кеннеди на пост одного из руководителей демократической партии выходит за пределы личных амбиций и планов младшего из братьев Кеннеди. Эти амбиции и планы — лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что демократическая партия, отброшенная в 1968 году в оппозицию и мечтающая о возвращении к власти в 1972 году и в 1976 году, нуждается в Эдварде Кеннеди не меньше, а может быть, и больше, чем он нуждается в партии.

Журнал «Ньюсуик» писал по этому поводу так: «Молодой Кеннеди катапультировался от самой нижней и самой задней скамьи сената в ряды его руководителей и сделался выразителем идей демократической партии в последней оставшейся у нее цитадели... Подобная смелость полуоперившегося 36-летнего сенатора показалась некоторым чуть ли не дерзостью, однако за отсутствием другого выхода многие демократы восприняли появление Эдварда на авансцене как третье пришествие».

Журнал не раскрывает скобок и не разъясняет, почему «отсут-

ствует другой выход» и почему партийные лидеры говорят о «третьем пришествии». Но сама библейская терминология показывает, что боссы партии ожидали от третьего Кеннеди чуда.

При этом следует иметь в виду, что внутри партии Эдварду противостояли силы весьма влиятельные. Здесь и партийные лидеры, рассматривающие его как невесть откуда взявшегося соперника. Вряд ли Губерту Хэмфри или Эдмунду Макси так уж хочется уступать свои места и отказываться от своих честолюбивых замыслов в пользу еще одного Кеннеди. Но более важным является оппозиция со стороны тех же самых групп, которые испытывали смертельную вражду к двум старшим братьям Эдварда Кеннеди. В частности, со смертью Джона и Роберта Кеннеди не утихла глухая, но яростная вражда между Линдоном Джонсоном и семейством Кеннеди. Свою ненависть Джонсон перенес и на младшего брата. Характерный эпизод в этой связи рассказали информированные американские обозреватели Пирсон и Андерсен. Говоря о взаимоотношениях между Линдоном Джонсоном и Губертом Хэмфри после того, как Джонсон удалился из Белого дома на свое техасское ранчо, они передали содержание беседы, состоявшейся между Джонсоном и Хэмфри вскоре после выборов. «Бывший президент дал конфиденциальное заверение в том, что он признает Хэмфри бесспорным и единственным лидером партии и не станет вмешиваться в его действия. Но лишь в том случае, если тот выполнит одно джонсоновское условие. «Вы босс. Вы можете руководить партией, — заявил Джонсон своему бывшему вице-президенту, — но только если вы не собираетесь отдать ее на откуп этим Кеннеди».

«Случай на мосту» стал не только личной политической драмой последнего из братьев Кеннеди, но и серьезной неприятностью для руководства демократической партии, существенно спутал все карты, затруднил ведение будущих политических сражений, планы которых были уже намечены.

В нынешних затруднениях руководства демократов беды Кеннеди, безусловно, в предстоящий период скажутся на внутриполитической ситуации в США достаточно ощутимо.

Каким образом? Мнения на сей счет в настоящее время расходятся весьма существенно. Иные склонны утверждать, что с политической карьерой Эдварда покончено и максимум, на что он может рассчитывать, — это сохранить сенаторский пост. Главную ставку сторонники такой точки зрения делают на популярного сенатора Эдмунда Маски.

Другие же считают, что речь идет лишь об эпизоде, о хотя и неприятном в трудном политическом восхождении третьего из числа политиков с фамилией Кеннеди временном срыве. Дескать, та-

кие факторы, как громкое имя, огромные деньги и личные данные Эдварда Кеннеди, через некоторое время перевесят издержки, связанные для него с трагическим эпизодом, и он продолжит свое восхождение по лестниЦе, ведущей к Белому дому.

Судя по всему, и политические соперники сенатора не склонны пока сбрасывать его со счетов и полагать, что он из лидеров уже перешел в число аутсайдеров. Какой уж там аутсайдер, когда Эдвард Кеннеди продолжает числиться в списке наиболее популярных людей в стране.

О забавном и весьма показательном, а потому привлекшем к себе внимание эпизоде рассказал журнал «Тайм». К кассам нью-йоркского Пенсильванского вокзала подошла группа людей. Один из них обратился к кассиру с просьбой продать два билета на отходящий поезд. «Билетов нет», — услышал он в ответ. «Но я сенатор Чарльз Перси». — «Это ваше личное дело». Так нелюбезно был встречен один из наиболее многообещающих деятелей сената, которого рассматривают как возможного кандидата в президенты от республиканской партии.

Вслед за ним к окошку кассы подошел лидер демократической партии в сенате — Майк Мэнсфилд. Представившись, он тоже попросил билет. «Я уже сказал, что билетов нет, — отрезал кассир, — а на то, кто вы такой, мистер, мне наплевать». И тогда сенаторы решили пойти с козыря. К окошку кассира приблизился Эдвард Кеннеди. Едва он успел произнести фразу: «Я сенатор Кеннеди, и мне хотелось бы...», как обстановка у кассы изменилась кардинальным образом. Кассир заулыбался и выдал билеты не только сенатору и его жене, но и всей компании. Рассказывая об этом случае, обозреватель М. Чешир констатирует: «Это лишний раз доказывает, что имя Кеннеди помогает вам попасть почти всегда туда, куда вам хочется».

Размышляя об этом эпизоде, я не только с удовлетворением отмечаю, что отменная вежливость кассиров явление, так сказать, международное и мы с вами, дорогой читатель, не являемся в данном случае исключением, но думаю также и о том, что не случайно этот, казалось бы, пустяковый эпизод обошел страницы всей американской прессы.

Вряд ли было бы правильным полагать, что Кеннеди нокаутирован в первых раундах и уйдет с ринга, не будучи в состоянии продолжать бой. Слишком цепки, упрямы в достижении своих целей представители «клана Кеннеди». Их легче застрелить, нежели живыми отправить за канаты. А если к этому прибавить и денежный, и политический капитал, которым располагает младший из братьев Кеннеди, то станет ясно, что он еще своего последнего слова далеко не сказал.

* * *

Таков этот клан, семья, прочно обосновавшаяся в списках богатейших в Америке, группа людей, играющих большую роль не только в экономике, но и в политике главной страны современного капитализма, уже давшая человека, управлявшего рычагами государственной машины, и, несмотря на удары и потери, продолжающая снова на это претендовать.

Соединение обширных и многолетних связей в американском «высшем обществе», образованности, опыта ряда поколений, если хотите, утонченности аристократического рода Фитцджеральдов с бурной энергией, нахрапом, чисто ирландским упорством, неуемным честолюбием и холодным расчетом проложившего себе дорогу локтями кабатчика Кеннеди дало сплав неожиданный, жизнестойкий.

Незаурядность некоторых представителей этого семейства, особенно заметная на унылом, беспросветно бесталанном фоне типичных отпрысков громких фамилий, составляющих американскую элиту, несомненна. Среди идущих по нисходящей династий королей стали и угля, нефти и свиной тушенки, банкиров и торговцев, обреченных на вырождение роскошью тепличных условий, бездельем — за них думают, схватываются с конкурентами, решают нанятые за большие деньги специалисты-управляющие, — кровосмесительными браками, заключаемыми в узком кругу, когда женят не человека на человеке, а состояние на состоянии, редким исключением являются люди одаренные.

Тем больший спрос на них сейчас, когда позиции сил отживающих размываются волнами исторического прилива. Буржуазия лихорадочно ищет лидеров, которые помогли бы ей отсрочить ее двенадцатый час. Быть может, именно в этом секрет стремительного взлета Джона Кеннеди, возникновения «мифа Кеннеди», той роли, которую играли и продолжают играть в американской столице представители этой династии.

Вряд ли, однако, нужно доказывать всю бесперспективность попыток современной буржуазии найти спасение при помощи нового мессии. Никакие, даже одаренные, люди, служа исторически обреченному делу, не могут раскрыть всех своих способностей, а что самое главное — спасти то, что спасено быть не может!

Глава IV

ХАНТЫ ПРОТИВ КЕННЕДИ

Там, где пути скрестились

А теперь нам пора обратиться к той точке, в которой пересеклись жизненные пути Кеннеди и Хантов, схлестнулись в тугой узел орбиты этих семейств.

История гибели в ноябре 1963 года президента Соединенных Штатов пока что еще напоминает айсберг — над поверхностью возвышается лишь небольшая часть, а весь массив скрыт глубиной от людских глаз. Много неясного, мрачно-таинственного и в трагедии, разыгравшейся в лос-анджелесском отеле «Амбассадор». Но не будем забегать вперед.

Официальная версия, гласящая, что убийство президента Кеннеди было делом рук одиночки, сводившего с ним чуть ли не личные счеты, не удовлетворила мировое общественное мнение, и вряд ли надо быть пророком, чтобы предсказать, что версия эта не относится к разряду долговечных. Очевидно, в предстоящие годы постепенно будут становиться известными факты, которые в свое время позволят воссоздать подлинную картину.

Однако уже сейчас вдумчивому, склонному анализировать и сопоставлять человеку очевидно, что Джон Кеннеди пал жертвой затянувшихся в мертвый узел страстей и интересов, интриг и корысти, честолюбия и страхов, воплотившихся в заговор и завершившихся залпами на далласской улице.

Роль далеко не последнюю во всем этом сыграли столкновения интересов различных группировок американских монополий, соперничающих и ожесточенно грызущихся между собой. То, что в политической литературе именуется «американским монополистическим капиталом», — штука, во-первых, не абстрактная и, во-вторых, отнюдь не однородная. Объединенные самыми общими классовыми интересами, монополистические династии сшибаются в жестоких схватках за сферы влияния, за источники сырья, за выгодные заказы, за покупателя, за прибыли.

Грызня происходит не только между династиями монополистов и группировками, в которые они драки ради объединяются, но и внутри группировок, династий, семей. Хорошо известно, к примеру, семейство миллиардеров Рокфеллеров. Менее известно, что это семейство состоит из двух частей, ведущих между собой финансовую войну. Это произошло после того, как в начале нынешнего века родной брат Джона Д. Рокфеллера — отца пяти братьев, стоящих ныне во главе нефтяного бизнеса, — Уильям Рокфеллер, не поделив с братом прибылей, порвал с ним и основал собственное дело.

Семейство Дюпонов также состоит из двух кланов, ожесточенно враждующих друг с другом. Междоусобная борьба внутри се-

мейства Фордов, закончившаяся таинственной смертью единственного сына старого Генри Форда — Эдзела, едва не завершилась крахом всего семейного бизнеса. Брат против брата, сосед на соседа, город на город, предприниматели одного экономического района против магнатов другого!

Но, пожалуй, наиболее острым противоречием, разделившим ныне лагерь крупнейших воротил Америки на два стана, является противоречие между «старыми» и «молодыми» группировками предпринимателей.

В послевоенные годы в Соединенных Штатах в силу различных капризов истории, прихотей научно-технической революции и зигзагов деловой конъюнктуры выросла, как на дрожжах, группа неимоверно богатых и беспардонно напористых дельцов. Вынужденные преодолевать сопротивление тех, кто захватил место под солнцем, уже давно они вступили со старыми группировками в борьбу не на жизнь, а на смерть. Гарольд Хант и по своим деловым интересам, и по формации — один из типичнейших представителей «молодых денег».

Деньги ведь тоже имеют возраст. И так же как со временем меняются характер, привычки, манеры и внешний облик человека, не остаются нечувствительными к возрасту и деньги. Воротилы из так называемых «старых» монополистических групп, тяготеющих к могущественным банкам Уолл-стрита, накопили уже немалый деловой опыт. Осмотрительные и респектабельные, они не просто затянуты в белые жилеты и щеголяют безукоризненными фраками на светских раутах. Они считают признаком дурного тона публично демонстрировать свою алчность и беззастенчивость. Белый жилет для них не только предмет туалета, но и средство маскировки.

Уолл-стритский денежный туз не станет, подобно азартному игроку, ставить на кон все свое состояние, не кинется очертя голову в деловую авантюру. Он считает и пересчитывает, взвешивает и вновь считает. Обширные международные связи с банкирами и предпринимателями Западной Европы, поддерживаемые на протяжении вот уже нескольких поколений, не являются стимулом к действиям наобум, породив целую плеяду «дипломатов международного бизнеса». Опыт, накопленный десятилетиями, привел руководителей старых банков и трестов к мысли, что паутина экономической и политической зависимости, которой они оплетают многие страны, действует эффективнее, а главное, надежнее тактики навала, стремления взять на абордаж конкурента, рабочего, саму жизнь.

Конечно же, это вовсе не означает, что Джон Рокфеллер, Генри Форд или Генри Морган побрезгуют при случае осуществить махи-

нацию в стиле, который принес деду нынешнего главы морганов-ского семейства Джону П. Моргану-старшему малопочтенную и выразительную кличку Корсар. Но все-таки пиратствовать в море под черным флагом, взламывать банковский сейф, орудуя «фомкой», подделывать векселя, вести рискованную биржевую игру, вкладывать деньги в ненадежные предприятия в отчаянном уповании на слепую удачу — это удел начинающих.

Денежная аристократия предпочитает действовать наверняка. Они не торопятся, за их спиной огромные капиталы. Деньги сами делают деньги. Возьмите любую из старых монополистических семейных групп США, и вы увидите, что они стремятся застраховать себя от случайностей. Их капиталы вложены в самые различные сферы бизнеса — захромает производство, выручат денежные операции, ухудшится конъюнктура в Америке, можно маневрировать десятками миллионов зарубежных капиталовложений.

Не то у «молодых». В послевоенные годы в Америке всплыли на поверхность несколько воротил и группировок с крупными капиталами. Разными путями карабкаются они к вершине делового Олимпа, разные обстоятельства выделили их из многих более или менее удачливых. Об одном таком, типичном для новейшей формации воротил, речь пойдет в следующей главе. Но есть ряд характерных особенностей, общих для этих «нуворишей». Подавляющее большинство из них взошло на дрожжах военного бизнеса, будь то ракетные, авиационные заводы и предприятия электронной техники Калифорнии или нефтяной бизнес техасских миллиардеров. Начнись подлинное ослабление международной напряженности, и они, не успевшие пустить еще глубоких корней, не имеющие возможности манипулировать в разных отраслях, маневрировать капиталами за границей, могут вылететь в трубу. Отсюда их оголтелость, с позиций которой даже Джон Фитцджеральд Кеннеди, а также Роберт Кеннеди казались им угрозой.

Представители «молодых» группировок — это наиболее авантюристические, наиболее нахраписты, наиболее грубо-прямолинейные деятели в сегодняшнем мире американского большого бизнеса; голдуотеры, риганы и иже с ними — барабанщики их политических идей; «Общество Джона Бэрча» и ку-клукс-клановские погромщики — возлюбленные чада; крайности агрессивного внешнеполитического курса — их программа.

Борьба между «молодыми» группировками, рвущимися к богатству и власти, и старыми династиями, делающими все для того, чтобы лишить их первого и не дать второго, — конечно, только общий фон, на котором вспыхнула вражда семейств Хантов и Кеннеди — Монтекки и Капулетти XX века в американской модификации. Точно так же психологическим фоном — а для правиль-

ного понимания исторического процесса за экономикой не надо забывать факторов и психологических — была ненависть провинциальных неотесанных выскочек к столичным аристократам, во всем блеске их богатства и власти.

Однако фон фоном, но на нем происходили события вполне реальные. Они-то и послужили толчком. Молодой президент из семейства Кеннеди наступил на любимую — нефтяную — мозоль Хантов. Один из нехитрых секретов того, что большинство крупных состояний возникло не где-нибудь, а в нефтяном бизнесе, и людьми, располагающими наибольшими личными состояниями, являются нефтепромышленники Гетти и Хант, заключен в том, что на языке налогового ведомства Соединенных Штатов носит туманное название «скидка на истощение недр». Штука эта хитрая, а главное, невероятно доходная для тех, к кому имеет отношение.

В середине 20-х годов нынешнего столетия американское правительство решило создать стимул для разработки нефтяных богатств в стране. С этой целью и была изобретена эта самая «скидка». Суть ее состоит в следующем: если владелец нефтяной скважины получает от нее доход в тысячу долларов, то он должен платить подоходный налог не со всей суммы, а лишь с 725 долларов, а остальные 275 долларов, то есть 27,5 процента, он кладет себе в карман без всяких вычетов. Дескать, эксплуатация нефти — дело неверное, скважина может истощиться, и посему даешь скидку за счет рядовых налогоплательщиков.

Такая привилегия оказалась для нефтепромышленников золотым дном. О размерах оного дна читатель может судить лишь по одной цифре: через эту лазейку из казны в карман нефтепромышленников утекает ни много ни мало — миллиард долларов ежегодно. Миллиард!

Уже давно вашингтонские руководители, подстрекаемые представителями иных отраслей, косились на эту дорогостоящую привилегию нефтяных тузов. Четверть века назад в послании конгрессу Трумэн признавался: «Я не знаю никакой другой лазейки в налоговом законодательстве, которая была бы такой же несправедливой, как слишком большой размер скидки на истощение недр, которой сейчас пользуются нефтяные компании». Но этим брюзжанием Трумэн и ограничился. Эйзенхауэр не осмелился даже и побрюзжать.

Что же касается Кеннеди, то общая экономическая ситуация в стране в момент его прихода к власти была такова, что он не мог пройти мимо нефтяной скидки.

На моем письменном столе сейчас, когда я пишу эти строки, лежит номер газеты «Вашингтон коллинг», выходящей в американской столице. Прошу читателя обратить внимание на дату этого но-

мера газеты — 10 октября 1963 года, то есть за полтора месяца до убийства президента. Читаем: «В разговоре с одним из своих друзей президент недавно говорил о двух людях, каждого из которых не раз называли «богатейшим человеком в мире». Один из них — Поль Гетти, нефтяной магнат, живущий сейчас за границей. Второй — нефтяной магнат из Далласа, Г. Л. Хант. («Знакомые все лица!» — **В. З.**) Оба они миллиардеры. И оба, как сказал президент, уплатили за истекший год лишь небольшой федеральный налог. Эти промышленники, подчеркнул Кеннеди, прибегают к различным формам уклонения от уплаты налогов, не скупясь при этом на финансирование ультраправых».

Не правда ли, любопытный факт, особенно в свете того, что произошло затем. Примечательно при этом как недовольство президента обкрадыванием миллиардерами государственной казны, так и упоминание ультраправых.

Пресловутая скидка уже давно была бельмом на глазу у стальных, химических, машиностроительных и иных династий, банковских воротил, торговцев и биржевиков. И вульгарная зависть, и соображения конкуренции побуждали их высказывать священное негодование по поводу ограбления налогоплательщика нефтяными компаниями.

Зависть — чувство сильное, движущее многим в этом мире. Одним словом, Белый дом начал подготовку к отмене скидки на истощение недр. Еще за два месяца до официального вступления в должность, только избранный президентом Кеннеди решил посягнуть на «священных коров» нефтяных компаний. Был создан специальный комитет, которому надлежало разобраться в ситуации и подготовить реформу.

Можно вообразить ярость, охватившую семейство Хантов, так же как и других нефтяных магнатов, — ведь речь шла не об отвлеченных понятиях, а об их долларах, да притом еще о большом количестве долларов. Я очень наглядно представил себе это на берегу озера Тимберлейк, когда рыжий голдуотеровец, брызгая слюной, охрипшим от ярости голосом нецензурной бранью поносил президента, выкрикивая: «Разве он дал мне мои деньги? По какому праву он лезет в мои дела, облагает налогами мои доходы?» Я вдруг увидел перед собой не конопатого детину в тельняшке, а злобного техасского старика, ощерившегося при угрозе своим неправедным барышам.

Могущественные конкуренты из старых промышленных штатов готовились нанести руками президента удар по техасским выскочкам-конкурентам. В газетных статьях и радиопередачах Техаса началась визгливая кампания. Редакции многих американских газет наводняли материалы, присылавшиеся, в частности, из хантовской

штаб-квартиры, в которых предложения президента трактовались как «копия советских пятилеток», «бросок на милю вниз к социализму», «подготовка к национализации». Журнал техасских нефтепромышленников характеризовал планы президента в своей передовой статье, озаглавленной громко и выразительно — «Удар по Техасу».

Стремясь не допустить посягательств на свои прибыли, нефтяные воротилы решили запугать предпринимателей страны, вытащив с этой целью жупел «коммунистической опасности». Органы печати, с ними связанные, истошно завопили об «угрозе советской нефти», которая, дескать, создается для американской экономики, а это, в свою очередь, послужило поводом для развязной антисоветской кампании.

Впрочем, дело было не только в политических спекуляциях, но и в том, что нефтепромышленники, так же как и группа их единомышленников в ракетной, авиационной и некоторых других отраслях промышленности, целиком и полностью связавших свое благополучие с бизнесом смерти, были всерьез напуганы тем наметившимся ослаблением международной напряженности, которое в определенной степени было связано с деятельностью Кеннеди.

Автору этих строк как раз в те дни довелось находиться за океаном. Я видел, с каким удовлетворением большинством американцев было встречено заявление президента, сделанное им с трибуны ООН, о том, что между США и СССР достигнута договоренность о невыводе на орбиту космических объектов с ядерным оружием на борту. Но я видел и другое — развязные выкрики голдуотеровцев, брань реакционных органов печати. В глаза тогда бросилась какая-то печать утомления, озабоченности, легшая тенями, резкими складками на лицо Джона Кеннеди. После Вены прошло всего два года, но видно было, что для него это было нелегкое время.

В тот день президент разговаривал с журналистами, высказывал свое удовлетворение состоявшимися у него беседами с советским министром иностранных дел, выражал надежду на дальнейшее ослабление международной напряженности, смеялся, шутил. Ему оставалось жить меньше месяца.

...О чем говорилось в эти дни осени 1963 года за плотно закрытыми дверями клубов и особняков, где собирались далласские воротилы, какие замыслы вынашивались, какие планы разрабатывались, мы достоверно не знаем. Но зато точно установлено, что за две недели до далласского убийства руководители трех крупнейших организаций американских промышленников потребовали у Кеннеди срочной аудиенции. Разговор, продолжавшийся в течение 25 минут в кабинете президента, очевидно, не удовлетворил визитеров, и

они, взбешенные, громко лязгнув дверцами автомашин, покинули Белый дом. «Представители нефтяных кругов, — меланхолически констатировал орган нефтепромышленников, журнал «Ойл энд гэс», — посетившие Кеннеди — разочарованы».

Незадолго до того этот журнал сделал заявление, которое в свете последовавших событий выглядит весьма красноречивым. «С момента избрания президентом Джона Кеннеди, — говорилось в передовой статье, — нефтяная промышленность, проявляя недовольство и нервозность, живет в ожидании того, как будет проводиться его политика в области нефти». Такая плохо завуалированная угроза была вызвана опубликованием выводов созданного Кеннеди комитета, исследовавшего ряд мер по ликвидации чрезвычайных привилегий нефтяных баронов, а затем внесением соответствующих законопроектов на рассмотрение конгресса.

Кстати, одним из первых шагов, предпринятых новым президентом уже через две недели после гибели Кеннеди, был отказ от сколько-нибудь существенного правительственного вмешательства в дела нефтяного бизнеса. «Этот шаг г-на Джонсона, — писала тогда «Нью-Йорк таймс», — представляет собой разрыв с системой, которой придерживался президент Кеннеди. При правительстве Кеннеди Белый дом был глубоко втянут в вопросы нефтяной политики».

Впрочем, это не единственное изменение к лучшему для техасских толстосумов, имевшее место с того дня, как техасец Джонсон сменил Кеннеди на президентском посту. Есть и более существенные. Если в момент убийства президента техасские предприниматели по количеству выгоднейших военных заказов правительства находились всего лишь на одиннадцатом месте, то в 1968 году они, оттеснив всех других конкурентов, оказались на первом. Произошло ли это само по себе, так сказать, в силу причин естественных, без вмешательства извне? Вряд ли.

Тем более что, оказавшись в Белом доме, Джонсон не только не ослабил узы, связывающие его с родным штатом, но, наоборот, заметно укрепил их. Не случайно личное ранчо Джонсона стало в американской печати именоваться «техасским Белым домом», а около него пришлось сооружать специальный аэродром, ибо президент появлялся здесь не только во время отпуска, но проводил многие уикэнды, выказывая явное предпочтение родному углу по сравнению с так и не ставшим для него вполне привычным и уютным Вашингтоном. Наряду с министрами и иностранными вояжерами, частыми гостями президентского ранчо все эти годы были техасские «господа миллиарды», давние знакомцы и поклонники президента.

В те дни всего этого еще, конечно, не было. Однако уже тогда

надежд на примирение не было, война была объявлена. Война, многие перипетии которой остаются пока под плотным покровом тайны, война, в которой ханты были не одиноки, выступая хотя и наиболее активно, действуя как организаторы, но в ряду целой группы монополистических воротил, недовольных деятельностью президента, схватка, о которой немало уже написано и будет написано еще больше, ибо интересы и судьбы отдельных людей, их страсти и вражда причудливым образом переплелись с событиями, неизмеримо более крупными по своему масштабу и последствиям.

Могущественные компании и банки Северо-Востока обнаруживали решимость руками президента Кеннеди лишить своих молодых, но опасных соперников особых преимуществ в конкурентной борьбе. Те же, в свою очередь, опираясь на свои недавно приобретенные огромные богатства, движимые алчностью, боящиеся и ненавидящие опасных и могущественных конкурентов, готовились дать бой, целью которого была не только защита налоговой нефтяной скидки, но прежде всего место под долларовым солнцем. За неделю, всего за неделю до рокового дня далласского убийства, с трибуны сборища нефтепромышленников, происходившего в Чикаго, прозвучали слова, которые трудно расценить иначе, как уже прямую угрозу по адресу Кеннеди. Один из руководителей ассоциации нефтепромышленников, Леонард Ф. Макколум, обрушился на главу правительства, заявив, что его политика вызывает у нефтепромышленников «смятение и тревогу».

22 ноября 1963 года

Вряд ли хотя бы одно событие последних лет породило такой поток слов, такой водопад статей и книг, как это случилось с убийством президента Кеннеди. Потребовалось бы, наверное, весьма обширное помещение, чтобы собрать в одном месте всю «литературу 22 ноября», как это иногда называют на Западе. Надо сказать, что нравы буржуазной прессы столь циничны, что даже убийство президента Соединенных Штатов многими авторами, паразитирующими на этой теме, превращается из трагедии в фарс.

Казалось бы, национальный позор Соединенных Штатов, — а как иначе можно квалифицировать практически безнаказанное убийство главы американского государства, событие, явившее миру страну, претендующую на образец и вершину человеческой цивилизации, в облике политических джунглей, — малоподходящая почва для спекуляций. Между тем значительная часть написанного являет собой либо картину низкопробного детектива в духе самых скверных традиций, так называемых «уэстернов» — голливудских кино-

боевиков, рассчитанных на потребу самой невзыскательной публики, либо образцы нарочито кабинетного глубокомыслия, при ближайшем рассмотрении оказывающимися попыткой не прояснить истину, а, наоборот, еще более запутать дело. И лишь считанные исследования можно рассматривать как серьезную, добросовестную, хотя пока еще, прямо скажем, далекую от завершения работу, направленную на выяснение истины.

Автор этой книги не ставит сейчас перед собой задачу ответить на многочисленные и все еще остающиеся без ответа вопросы, связанные с убийством президента Кеннеди, с тем, что стояло за этим убийством. Не пришло еще время, не собраны воедино многие важные обстоятельства, либо искусно сокрытые, либо остающиеся пока вне пределов внимания исследователей, пущенных по ложному следу, либо спрятанные по мотивам, выдаваемым за «соображения высокой политики», для того, чтобы можно было предложить читателю убедительную и полную картину того, что произошло на далласской улице 22 ноября 1963 года. В этих заметках делается попытка лишь проследить одну из линий, историю того, как был завязан узел, в котором переплелись многие силы и интересы, амбиции и предрассудки, политические расчеты и личная неприязнь, стоившие жизни 35-му президенту Соединенных Штатов.

Возвращая внимание читателя к пасмурному утру 22 ноября, я хочу напомнить некоторые детали, связанные с нашим рассказом, нимало не претендуя при этом на полноту картины, тем более что многое из событий того утра достаточно широко известно. Приводимые здесь факты почерпнуты из разных источников. Речь идет прежде всего о документах, к которым удалось получить доступ, о собранных по крохам публикациях, особенно относящихся к первым после убийства дням, когда на материалы, связанные с преступлением, не была еще наложена чья-то железная рука, о беседах с очевидцами, специалистами и иными заинтересованными людьми, которые я имел в дни пребывания в Америке, наконец о некоторых книгах, представляющихся мне по тем или иным причинам заслуживающими доверия.

Это, в частности, относится и к известной книжке Уильяма Манчестера «Смерть президента». Надо сказать, что вокруг этой книги было достаточно много споров. Пожалуй, ни одно исследование на эту тему не вызвало столь очевидного недовольства официального Вашингтона, столь яростных атак и попыток взять под сомнение все, что она сообщает, как это случилось с работой профессора Уэслианского университета У. Манчестера. В этой работе действительно имеется немало пробелов, в некоторых случаях автор не сводит концы с концами, особенно когда он пытается многие факты, по-

черпнутые им в результате длительного и тщательного самостоятельного рассмотрения, нарочито привести в соответствие с выводами официального следствия.

Но тем не менее эту работу можно считать серьезной попыткой прояснить многое, связанное с убийством президента. Семья Кеннеди не случайно уже в первые после трагедии дни остановила свой выбор на Манчестере как на историографе, которого просила взяться за эту сложную работу. Это объяснялось двумя обстоятельствами — большим доверием, которое питал к этому историку сам покойный президент, хорошо знавший такие его работы, как «Портрет семейства Рокфеллеров», «Портрет президента» и некоторые другие, а также репутацией Манчестера как добросовестного исследователя...

Еще не было половины восьмого утра, когда много лет выполнявший при Джоне Кеннеди роль камердинера Джордж Томас вошел в большой номер на пятом этаже отеля «Техас», которому суждено было стать последним прибежищем живого Джона Кеннеди. Оказавшись в спальне президента, он по заведенному ритуалу положил около его кровати толстую пачку свежих газет и, отодвинув шторы на окне, произнес: «На улице дождь, сэр». — «Это скверно, — ответил президент. — Хотя Джеки и боится испортить прическу, я предпочел бы ехать по улицам Далласа в открытой машине».

Кеннеди не случайно упомянул о прическе жены. Изменив многолетним привычкам, он на сей раз еще накануне поездки в Техас самолично занимался вопросами туалетов, в которых решившая сопровождать его в этой поездке супруга должна была появляться публично. За несколько дней до отъезда он специально призывал к себе камеристку Жаклин и придирчиво изучал с ней гардероб «первой леди». То была не просто прихоть и даже не педантизм опытного политика, знающего нравы американского обывателя и стремившегося им потрафить. В этом частном, казалось бы, вопросе было нечто большее, показывающее, что Джон Кеннеди отлично отдавал себе отчет во враждебности техасцев, и, хотя сам он пытался подавить в себе собственную враждебность, она прорывалась внезапно и в неожиданных местах. Люди из окружения Кеннеди впоследствии вспоминали, что еще в Вашингтоне накануне поездки президент, обращаясь к жене, сказал: «Там, в Далласе, на завтраке будут местные богачки в мехах и бриллиантах. Ты оденься попроще и покажи этим техасским девкам, что такое хороший вкус».

Просматривая в то утро газеты, президент мрачнел все больше. Через первую полосу одной из них шел крупный заголовок «Визит Кеннеди ведет к углублению раскола в демократической партии

штата». Другая сообщала: «Политическая распря сопутствует Кеннеди в его поездке». На внутренней странице одной из газет в большой траурной рамке было помещено броско поданное объявление, стяжавшее в последующие дни зловещую известность и, как мне представляется, являющееся одной из улик в цепи доказательств того, что убийство Кеннеди было не выходкой полусумасшедшего субъекта, а тщательно спланированным заговором, в котором не последнюю роль играла далласская мафия. Но об этом речь впереди.

«Добро пожаловать в Даллас, господин Кеннеди» — издевательски озаглавлен был этот подстрекательский призыв, в котором президенту Соединенных Штатов приписывались различные деяния — от преследований кубинских «патриотов», бежавших с революционной Кубы, до «тайного соглашения» с Коммунистической партией США.

С раздражением отбросив газеты, Кеннеди думал о неприятностях, которые сопровождают его в этой злополучной поездке. Об этом говорил он с женой за их последним завтраком. Накануне у него было бурное объяснение с вице-президентом, который занимал роскошный, отделанный золотом номер этажом выше.

Полтора года спустя Линдон Джонсон на вопрос о том, что произошло в отеле между ним и Кеннеди вечером 21 ноября, лаконично ответил: «Никаких разногласий определенно не было... Было активное обсуждение, во время которого наши мнения существенно разошлись». О чем шла речь, по поводу чего существенно разошлись мнения и как это совместить с тем, что «разногласий не было», неизвестно. Когда между мужчинами начался политический разговор, находившаяся в комнате Жаклин вышла. По словам одного из агентов секретной службы, дежурившего в тот момент в коридоре, после разговора вице-президент вылетел из комнаты как пуля. Казалось, он был в ярости. «Что случилось? — спросила у мужа Жаклин, войдя в комнату. — Он кричал, как сумасшедший». Президент невесело улыбнулся. «Линдон есть Линдон», — ответил он.

Утром за завтраком Жаклин вновь вернулась к этой теме. «У Линдона неприятности», — последовал ответ. Что имел в виду Кеннеди, его жене было узнать не суждено.

Возможно, что поводом к этому разговору был раскол в организации демократов Техаса, который, собственно, и явился причиной роковой поездки президента. Почти вся партийная машина штата на съезде 1960 года выступала против выдвижения Кеннеди на пост президента, настойчиво продвигая в Белый дом кандидатуру Джонсона. Единственным из видных демократов Техаса, высказавшимся в пользу Кеннеди, был сенатор Ральф Ярборо. Тогда

он был подвергнут наказанию и не включен в состав делегации штата на партийный съезд, будучи вынужденным наблюдать за съездовскими баталиями с галереи для публики.

Победа Кеннеди укрепила позиции Ярборо и его сторонников. Однако основная часть партийного руководства в Техасе во главе с губернатором Коннэли была настроена враждебно к президенту. Свара между Ярборо и Коннэли грозила расколоть партию на приближавшихся новых президентских выборах, и поэтому Кеннеди убедили, что для предотвращения раскола он должен самолично, вместе с Джонсоном посетить Техас, дабы помирить враждующие фракции. Однако вся атмосфера поездки, обстановка неприкрытой враждебности, окружавшая президента напряженность, ощущавшаяся почти физически, свидетельствовали о том, что ни прославленное кеннедиевское красноречие, ни обаяние «первой леди» на сей раз эффекта не давали.

Жаклин выглядела в то утро крайне утомленной. На вопрос президента, что с ней происходит, она грустно ответила: «Один день такой кампании может состарить человека на тридцать лет». Она спросила супруга, как он относится к объявлению, помещенному в далласской газете в обрамлении траурной рамки. Кеннеди покачал головой и сказал, отчеканивая каждое слово: «Ты же знаешь, что мы приехали в сумасшедшую страну». Жаклин снова попросила мужа, ссылаясь на дождь, сесть в закрытую машину. «Дождь кончится, — ответил президент. — Погода специально для Кеннеди».

Последний маршрут Джона Кеннеди описан многократно, и читатели, интересующиеся этим сюжетом, знают его, очевидно, во всех деталях. Уже показалась вдали железнодорожная насыпь, и Жаклин Кеннеди сказала спутникам, что очень приятно будет въехать в прохладную тень туннеля под насыпью. Ее томило беспокойство, и туннель казался прибежищем. В этот момент раздались выстрелы. Сколько? Этот вопрос и по сей день остается нерешенным, а многим из тех, кто попытался выяснить его, это стоило жизни.

«Первая леди» — она в последний раз была «первой леди», — пишет Манчестер, — встревоженно наклонилась над президентом. На его лице было задумчивое выражение. Жаклин так часто видела это выражение, когда он размышлял над трудным вопросом на пресс-конференции. Затем он поднял правую руку как бы для того, чтобы отбросить назад прядь волос, но рука его дрогнула и бессильно упала. Он хотел взяться за затылок. Но затылка уже не было...

В машине президента царил ужас. Последняя пуля попала Джону Кеннеди в голову, поразив мозжечок. Наклонившись над мужем, Жаклин увидела, как от его затылка начал отделяться кусок чере-

па. Сначала крови не было. А в следующее мгновение кровь брызнула фонтаном, заливая людей, обивку машины. Костюм президента промок насквозь. Розы были все в крови. Все лицо полицейского Бобби Харджиса, ехавшего рядом на мотоцикле, тоже было забрызгано кровью. Келлерману показалось, что лицо ему залепили мокрые опилки... Сдавленным голосом Жаклин Кеннеди вскрикнула: «Он умер, они убили его!» На мгновение она замолчала, а затем зарыдала. Она откинулась на забрызганную кровью подушку, прижала мужа к себе, взяла его голову в руки и склонилась над ним. Она хотела защитить его от посторонних взоров; она не могла вынести того, что другие увидят то, что видела она».

В Парклендском госпитале, куда несколько минут спустя было доставлено тело президента, царила растерянность. Паника не обязательно принимает шумные формы, когда люди мечутся, размахивают руками, что-то бессвязно выкрикивают. Для меня, например, показателем не меньшей паники кажется внешне аккуратная, по всем правилам госпитальных бюрократических канонов в те минуты сделанная запись в журнале регистрации больных. «Кеннеди, Джон Ф., — выведено там, — госпитализирован в 12 часов 38 минут; раса — белый, пол — мужской, положен в отделение скорой помощи за № 24740. Главная жалоба — ог. р. (огнестрельное ранение)».

Стоит представить себе, что творилось в тот момент вокруг, в Далласе, в Америке, какую бурю вызвало сообщение о смертельном ранении президента во всем мире, чтобы понять, что тупо выводивший расу, пол и порядковый номер убитого президента был движим не бюрократическим педантизмом, а находился в состоянии шока, действуя чисто механически. Только состоянием полной растерянности и паники, царившим в те дни в Далласе, можно объяснить такие события, сыгравшие впоследствии немалую роль в расследовании, а точнее, в сокрытии следов преступления, как таинственное исчезновение первого протокола вскрытия, сделанного в тот момент врачами Парклендского госпиталя, исчезновение рентгеновских снимков.

Как это ни странно, человеком, сохранившим в тот момент наибольшую выдержку, была Жаклин Кеннеди, ставшая уже вдовой. С ног до головы забрызганная кровью, она неотлучно находилась здесь, и, когда тело убитого президента было переложено в спешно доставленный бронзовый гроб, Жаклин проделала горестную процедуру, сняв со своего пальца обручальное кольцо, полученное в день свадьбы, и надев его на палец убитого мужа, давая тем самым обет безбрачия. Увы, не все женские обеты прочны!

Министр юстиции, занимающий по американской конституции одновременно пост генерального прокурора, является тем должно-

стным лицом, которому надлежит первому получать официальные известия о государственных преступлениях, равно как и решать вопрос о порядке принесения присяги новым президентом. По странной прихоти судьбы человеком, на которого выпала эта доля, был родной брат убитого президента.

Через несколько минут после того, как далласская радиостанция передала сообщение, заставившее Гарольда Ханта покинуть свой кабинет и отправиться в недалекий вояж за флажком, в доме Роберта Кеннеди раздался звонок. На том конце провода был всемогущий директор Федерального бюро расследований, злобный враг убитого президента Эдгар Гувер. «Господин министр, — сказал он ровным и бесстрастным голосом, — у меня для вас известие. В президента стреляли, и он ранен».

Наступила тяжелая пауза. Наконец министр выдавил из себя: «Насколько тяжело?» — «Думаю, что тяжело, — последовал спокойный ответ. — Как только узнаю подробности, позвоню вам». И Гувер положил трубку. Вскоре раздался новый звонок. «Президент скончался», — коротко бросил глава ФБР, и, не сочтя нужным хотя бы для виду высказать сочувствие, обычно словоохотливый Гувер дал отбой.

Кстати, в последующие дни, несмотря на то, что кабинеты министра юстиции и директора Федерального бюро расследований находятся в одном здании, больше того — на одном этаже, — Эдгар Гувер не нашел случая ни разу зайти если не к своему коллеге и шефу, то хотя бы к брату покойного, чтобы выразить свое сочувствие. Трудно считать случайным столь демонстративное пренебрежение, граничащее с вызовом, особенно в свете многочисленных данных, породивших в последние годы версию о связи Ли Харви Освальда и других лиц, подозреваемых в причастности к далласскому убийству, либо с Центральным разведывательным управлением, либо с Федеральным бюро расследований.

Но так или иначе, а президент Джон Кеннеди был мертв, убийцы либо скрылись, либо, как это случилось с игравшим, судя по всему, роль пешки Освальдом, прикончены. Узел затянулся намертво.

Зачем им закон!

Стоит ли сегодня ворошить все детали этого дела? — задается иногда вопрос в американской печати. Ничего, дескать, кроме излишнего будоражения общественного мнения и возбуждения подозрительности, это не дает. Думается, что стóит, и не только с точки зрения установления исторической правды, что важно уже

само по себе, но и с точки зрения политики сегодняшней и даже завтрашней. Не секрет, что многие нынешние политические водоразделы, которые могут оказывать свое влияние в правительственных сферах американской столицы и в предстоящие годы, уходят своими корнями именно в те дни. Как, очевидно, и то, что лос-анджелесское преступление не является изолированным актом, а связано и является продолжением преступления в Далласе.

В результате гибели президента образовались новые центры притяжения, возникли политические вендетты и, наоборот, связи и круговые поруки. Одним словом, многое из сегодняшней вашингтонской расстановки сил, взаимоотношений между группировками и людьми не может быть понято без знания ситуации тех дней.

Выяснить полную и истинную картину того, что произошло в течение считанных секунд, но что, судя по всему, готовилось скрупулезно и тщательно в течение многих дней, недель, а быть может, и месяцев, наконец, то, что и посейчас занимает умы миллионов людей, еще предстоит. Сколько было выстрелов? Где находились снайперы и сколько их было? Это не просто вопрос техники преступления, это существенно важная проблема, в том числе и имеющая непосредственное отношение к нашему повествованию. Официальная версия утверждает, что налицо был некий кустарь-одиночка, который по не вполне ясным для комиссии Уоррена причинам решил свести счеты с президентом Соединенных Штатов и с удивительной, прямо-таки кинематографической легкостью сумел это осуществить.

Впрочем, утверждение о «не вполне ясных мотивах» нуждается в некотором уточнении. Кое-кому из членов высокой комиссии эта проблема кажется проще пареной репы. Дело, видите ли, в том, что жена Ли Харви Освальда Марина накануне рокового дня 22 ноября отвергла своего незадачливого супруга. И тот, дабы восстановить свое попранное мужское достоинство и произвести впечатление на ветреную и коварную супругу, вознамерился убить президента Соединенных Штатов.

Столь анекдотическая версия была бы, конечно, очень смешной, если бы, во-первых, не относилась к столь несмешному сюжету, а во-вторых, не была бы выдвинутой не каким-нибудь бестактным комиком, решившим распотешить публику, но в силу неразумности своей выбравшим малоподходящую для веселья почву, а лицом сугубо официальным. Речь идет о вышедшей в США книге «Портрет убийцы», принадлежащей перу члена комиссии Уоррена, на которую была возложена обязанность всестороннего рассмотрения далласского преступления, лидера республиканской партии в конгрессе США Джеральда Форда.

Различимая невооруженным глазом нелепость такой, с позволе-

ния сказать, «версии» достопочтенного парламентского лидера и правительственного следователя свидетельствует, что кое-кто в Америке готов схватиться за любую нелепицу, не лезущую ни в какие ворота, лишь бы залатать зияющие прорехи в том, что выдается за результат тщательного и объективного расследования. Все это нужно, чтобы убедить американцев, будто происшедшее носило случайный характер и ни о каком заговоре, ни о каком тщательно организованном преступлении, да к которому еще, не дай бог, могли иметь отношение влиятельные круги Далласа, не может быть и речи.

Между тем с течением времени множатся становящиеся известными обстоятельства, которые рушат непрочное строение выводов комиссии Уоррена. Вот один лишь пример:

26 томов приложений к докладу комиссии Уоррена — еще далеко не все, чем эта комиссия располагала. В бронированных подвалах одного из вашингтонских департаментов, тщательно опечатанные и охраняемые, находятся 25 громоздких ящиков. В этих ящиках похоронено огромное количество документов, свидетельских показаний, данных экспертиз и многое другое, что сочтено «нецелесообразным доводить до сведения публики». О характере запрятанных документов можно судить по тому немногому, что так или иначе выплывает наружу.

Весной 1968 года получил огласку один материал, извлеченный из этих ящиков. Он говорит о том, что в ходе расследования комиссия с достоверностью установила, что Ли Харви Освальд, которому официальная версия приписала качества сверхснайпера — ибо только человек, не имеющий себе равных в истории снайперского искусства, мог в считанные секунды сделать все выстрелы по движущейся мишени, поразившие Кеннеди, — был в действительности исключительно плохим стрелком. Его мастерство стрельбы не отвечало даже самым низким стандартам, существующим для любителей, не говоря уже о солдатах, что и зафиксировано со всей возможной юридической точностью, с приложением официальных данных, учебных мишеней периода пребывания Освальда в американской армии, соответствующих документов позднейшего, в том числе и самого последнего, периода.

При всей кажущейся второстепенности этого документа уже один он может поставить под сомнение версию, освященную авторитетом специальной государственной комиссии, расследовавшей убийство.

Любопытно, что официальные выводы об одном стрелявшем опираются на свидетельские показания лишь меньшинства тех, кто был подвергнут допросу членами комиссии Уоррена. Автор этой книги, тщательно изучив показания 121 свидетеля, собранные

в 26 томах приложений к докладу комиссии, произвел любопытный подсчет: 32 свидетеля высказали убеждение о том, что выстрелы прозвучали из здания склада школьных учебников, — гипотеза, ставшая официальной точкой зрения. 51 (!) свидетель категорически с этим не согласился, настаивая на том, что выстрелы были произведены из-за железнодорожной насыпи, со стороны поросшего травой склона на Эльм-стрит, справа от президентской машины.

38 свидетелей не высказали определенного мнения.

Уже сам этот произведенный мной подсчет, основанный исключительно на официальных документах комиссии Уоррена, свидетельствует о том, что большинство очевидцев не подтвердило в ходе следствия то, что было преподнесено миру в качестве абсолютной и окончательно установленной истины. «Главная слабость доклада комиссии Уоррена, — констатировал американский журнал «Майнорити оф уан», — состоит в отказе серьезно рассмотреть возможность какого-либо другого источника выстрела, помимо склада, несмотря на то, что на такой источник указывает большинство прямых свидетелей. Мы считаем, — подчеркивает автор статьи, — что на шестом этаже склада находился человек с винтовкой и что он сделал, по крайней мере, один выстрел, а может, и больше. Но кто может оставлять без внимания слова самых различных свидетелей, что выстрелы были со стороны поросшего травой склона? Таково было впечатление не у перепуганных зевак, а у дававших свидетельские показания обученных полицейских, помощников шерифа, агентов секретной службы и большинства зрителей, находившихся в тот момент на улице».

В ноябре 1966 года «Нью-Йорк таймс», самая солидная из американских газет, чаще всего не клюющая на дешевую сенсацию, поместила снимок, который случайно был обнаружен в архивах агентства Юнайтед пресс Интернейшнл три года спустя после убийства Кеннеди. На этом снимке можно различить с правой стороны впереди по движению автомобиля, в котором ехал президент, на холме за забором силуэт автомашины и стоящего около нее человека, целящегося из винтовки. Газета сообщила, что, как только этот снимок был обнаружен в архивах агентства, специально снаряженные репортеры выехали в Даллас, где встретились с одним из свидетелей убийства президента, железнодорожным служащим Ли Бауэрсом. Бауэрс подтвердил, что он своими глазами видел за забором, как раз там, где это зафиксировано на опубликованном фотоснимке, человека с винтовкой, наведенной на президента. «Меня в те дни не захотели выслушать», — добавил железнодорожник.

Репортеры, взявшие это сенсационное интервью, не успели еще

вернуться в свою редакцию, как Бауэрс... при невыясненных обстоятельствах погиб во время железнодорожной катастрофы.

И здесь мы подошли к весьма существенному обстоятельству, которое само по себе, даже если бы не было многого другого, не может не настораживать, не может не наводить на мысль о том, что весьма влиятельные и практически неограниченно могущественные силы в Техасе делают все возможное, чтобы навеки похоронить все концы далласского преступления. Особая атмосфера этого города превращает кучку людей, хозяйничающих в нем, в бесконтрольных владык. Любой неугодный боссам человек может исчезнуть бесследно, и о нем никогда ничего не услышат. Ежемесячно в Далласе совершается убийств больше, чем во всей Англии. В одном лишь 1963 году, до дня, когда жертвой убийц пал президент Кеннеди, в этом городе было застрелено 110 человек, причем в подавляющем большинстве случаев убийцы не были найдены и остались безнаказанными.

Так было до выстрелов, стоивших жизни главе американского государства. Так случилось с самим этим убийством, так продолжается и после него. При этом в период, последовавший за убийством президента, таинственная гибель постигала людей, которые так или иначе могли рассматриваться как нежелательные свидетели. Список жертв далласской мафии, насчитывающий уже несколько десятков человек, говорит сам за себя.

Состоявшаяся за восемь дней до убийства Кеннеди таинственная встреча в принадлежавшем Джеку Руби кабаре «Карусель», по мнению многих, была важным звеном в подготовке преступления — мы еще к этому вернемся. К участию в этой встрече по разным причинам были привлечены журналисты Уильям Хантер и Джеймс Кёте, а также юрист Том Говард, впоследствии взявший на себя роль адвоката Руби. Говард первый разговаривал с Руби после убийства Освальда. В беседе с глазу на глаз Руби рассказал ему обо всем происшедшем, а Говард давал ему советы, какие признания делать, а чего говорить не следует. Вскоре после этого много знавший адвокат внезапно для всех родных и соседей умер «от инфаркта», хотя никогда прежде на сердце не жаловался. Сама по себе смерть эта особого внимания не привлекла бы, если бы ею не был открыт длинный список внезапных, каждый раз и по странному стечению обстоятельств обязательно касавшихся людей, которые могли бы пролить свет на заговор, таинственных смертей.

Следующей в этом зловещем списке была смерть Хантера. По приглашению полицейских чинов этот участник тайной встречи в «Карусели» зашел в здание далласского полицейского управления. Через несколько минут к зданию подъехала машина «Скорой помощи», куда было перенесено тело Хантера с простреленной го-

ловой. Публично сделанное объяснение утверждало, что журналист пал жертвой несчастного случая. Как свидетельствует официальный доклад по этому поводу, «имел место несчастный инцидент в результате случайного выстрела полицейского агента, который в тот момент играл со своим коллегой в сыщиков и разбойников». Это выглядело бы скверной шуткой, если бы под издевательски шутовской бумагой не стояли подписи высокопоставленных далласских чинов, не в шутку удостоверенные вполне серьезной печатью.

Еще один участник встречи в «Карусели», журналист Кёте, был найден как-то утром в своей спальне с переломанными шейными позвонками. Убийца не найден. На сей раз официальных версий не воспоследовало и имевшего несчастье подойти слишком близко к запретному поспешно закопали на кладбище, вместе с ним похоронив еще одну нить, дабы она никого не вывела из чудовищного далласского лабиринта.

Жена Томаса Киллэма не была принята в высшем свете Далласа, хотя многие представители этого света знали ее достаточно хорошо и видали во всех видах. В кабачке Руби она была звездой стриптиза и ежедневно, или, точнее, еженощно, представала перед посетителями в чем мама родила. Ее супруг не был чрезмерно щепетилен, ибо бизнес жены давал ему возможность существовать безбедно, не затрудняя себя заботами о хлебе насущном. Много часов каждый день на протяжении нескольких лет проводил Киллэм в «Карусели», хорошо знал Руби, Освальда и других посетителей и завсегдатаев кабаре, их делишки, связи, осуществлявшиеся через этот вертеп между любителями греха из высшего далласского света, уголовниками, подонками и прочей сволочью, пользовавшейся отнюдь не бескорыстным благоволением и покровительством местной полиции. Видимо, даже слишком хорошо. Очевидно, поэтому при загадочных обстоятельствах в марте 1964 года он «выпал» из окна и разбился насмерть.

Его легкомысленная супруга, носившая отнюдь не легкомысленное имя Далила, назеки замолчала еще раньше, получив пулю в затылок. И на сей раз убийца найден не был, мотивы преступления не выяснены и под могильный камень был упрятан еще один нежелательный свидетель.

Подружка Далилы Киллэм Нэнси Муни, тоже танцовщица из «Карусели», в качестве ценной свидетельницы была задержана далласской полицией и помещена в тюремную камеру якобы для того, чтобы с ней ничего не случилось. Через несколько дней было сообщено, что танцовщица повесилась в тюремной камере. И снова на все вопросы репортеров следовал ответ — «никаких комментариев».

Злоключения артистов злополучной «Карусели» на этом не кон-

чились. Доверенным лицом Джека Руби был исполнитель шансонеток Карен Карлин. Он был последним человеком, с кем Руби о чем-то разговаривал, запершись в задней комнате кабаре, перед тем как отправиться в полицейский участок и застрелить Освальда. О чем шла речь во время этой беседы и что поведал Руби своему закадычному другу, никто уже не узнает. Карлин был убит несколькими выстрелами из пронесшейся мимо него на бешеной скорости автомашины. Как и во всех предыдущих случаях, убийцы найдены не были.

Эрлин Робертс не имела отношения к вертепу Руби. Она была скромной домовладелицей. На ее беду, комнату именно в ее доме вздумалось снять Ли Харви Освальду. В первые же сумбурные дни миссис Робертс поведала нагрянувшим к ней журналистам: «В то время как Освальд переодевался в своей комнате после смерти президента, к нашему дому подъехала полицейская машина и, просигналив два раза, удалилась. После этого Освальд сразу же вышел из дома...» Опрометчиво сказанные слова о полицейской машине, очевидно, и стоили Эрлин Робертс жизни. Она незамедлительно скончалась от «внезапного сердечного приступа», так больше ничего и не успев поведать журналистам.

Надо сказать, что длинные руки далласской мафии дотянулись и до тех журналистов, которые осмелились проявить неуместное, по чьему-то мнению, профессиональное любопытство. В списке таинственных и до сего дня необъясненных смертей мы находим и несколько журналистских имен, причем каждый раз тех из представителей американской печати, которые пытались докапываться до истины, встречаться и расспрашивать людей, способных пролить какой-либо свет на тайну убийства президента.

Дороти Килгален при жизни была известна своей редкой журналистской удачливостью. Трудно сказать, каким образом, но она ухитрилась, единственная среди всех своих коллег, в первые же дни после ареста Руби проникнуть в тюрьму и побеседовать с ним с глазу на глаз. Вечером того же дня она имела неосторожность сказать коллегам: «Еще пять дней, и я расскажу об этой истории все!» Дороти Килгален не рассказала никому ничего, потому что именно на пятый день, вернее ночь, она умерла в собственной квартире. Причина смерти не установлена.

Уильям Уоли сидел за рулем того самого такси, в которое вскочил Освальд через несколько минут после роковых выстрелов. Что произошло по дороге к его дому, где он, по свидетельству своей квартирной хозяйки, переоделся и вышел, услышав сигналы полицейской машины, достоверно неизвестно. Установлено только, что именно в этот короткий промежуток погиб еще один важный свидетель, полицейский Типпит, также один из участников пресло-

вутого совещания в «Карусели». По имеющему хождение объяснению, он был застрелен Освальдом из такси. Зачем? Водитель этого такси Уоли никогда не прольет свет на этот вопрос. Он тоже вскоре погиб в автомобильной катастрофе, когда в его машину на полной скорости ни с того ни с сего врезался тяжелый грузовик.

Как мы видим, в нескольких случаях, сработанных в достаточной степени грубо, без труда проглядываются уши далласской полиции. Не уголовного подполья, не гангстеров и профессиональных убийц, а именно полиции. На это следует обратить сугубое внимание, ибо оно имеет самое прямое и непосредственное отношение к нашему рассказу. Вряд ли нужно особо доказывать, что самый богатый человек Далласа имеет достаточно возможностей как для того, чтобы держать в городской полиции своих людей, так и для того, чтобы оказывать на ее действия вполне ощутимое и в достаточной степени эффективное влияние.

Было бы неправильно, наверное, утверждать, что все чины далласской полиции употребляют свои усилия для того, чтобы помешать выяснению истины. Фрэнк Мартин служил капитаном полиции города Далласа. Будучи одним из свидетелей происшедшего, участником ареста Освальда, а затем и Руби, он был вызван в комиссию Уоррена для дачи показаний. Когда заслушали его ответы на подготовленные комиссией вопросы, у капитана Мартина осведомились, не желает ли он сообщить еще что-нибудь. «Я бы сказал кое-что, — ответил он не без очевидного колебания после долгой паузы, — но при непременном условии, что вы этого не будете записывать».

Фрэнк Мартин хорошо знал нравы своего города. Совесть побуждала его сообщить членам комиссии нечто, по его мнению, существенное, но, зная, чем он рискует, он просил не протоколировать его ответ. «В таком случае, — неожиданно услышал он, — вам лучше ничего не говорить». Не правда ли, странное отсутствие любознательности, а говоря серьезно, элементарное нарушение профессионального долга со стороны тех, от кого требовалось выяснение истины? Таинственным образом далласские власти оказались осведомленными об этом эпизоде. А дальше все покатилось по уже проторенной дорожке. Через два дня после разговора в комиссии Мартина, несмотря на его возражения, доставили все в тот же Парклендский госпиталь города Далласа. После беглого осмотра ему было заявлено, что у него обнаружен «молниеносно прогрессирующий рак». Через три дня капитан далласской полиции Фрэнк Мартин был мертв.

Хочу обратить внимание читателя на то, что именно таков был диагноз эскулапов о причине смерти самого Джека Руби, пожалуй, главного свидетеля обвинения, человека, который не был просто

винтиком в сложной машине заговора, но скорее всего одним из главных его рычагов, во всяком случае той его части, которая касалась практической организации преступления. Исступленно спасая свою шкуру, Джек Руби использовал все средства — от мольбы до угроз разоблачения своих хозяев. В сентябре 1965 года нескольким журналистам была предоставлена возможность встретиться с пребывавшим в камере смертников убийцей Освальда. Организаторы этого необычного интервью преследовали цель рассеять подозрения общественности, а посему постарались сделать так, чтобы Руби не сказал лишнего. Но тем не менее, обманув бдительность стражи, Руби исхитрился и сделал заявление для печати. Он, в частности, сказал, что факты, связанные с убийством президента, никогда не будут разглашены, «потому что этого не хотят люди могущественные и занимающие высокие посты». Присутствовавший при беседе адвокат Руби Сол Данн пытался не дать Руби говорить, но Руби резко сказал ему: «Оставьте меня в покое, я знаю, что я делаю».

Судя по всему, он действительно знал, что делал. Один из многих участников заговора, исполнитель чьей-то воли, этот далласский кабатчик был превращен в козла отпущения и водворен в камеру смертников. И он воспользовался первой же представившейся ему возможностью, чтобы угрожать сенсационными разоблачениями. Он их не сделал, лишь дав понять, что в борьбе за свою шкуру прибегнет к этому, если его не вызволят. Намек достаточно прозрачный и угрожающий...

Это обстоятельство объясняет, казалось бы, непонятную медлительность с приведением в исполнение смертного приговора, вынесенного Руби. Действительно, дело будто бы проще простого: на глазах охраны, среди бела дня Руби застрелил Освальда, и это на экранах своих телевизоров видели миллионы американцев, ибо в тот момент из Далласа на всю Америку шла прямая трансляция. Улики убийства налицо, и посадить в этих условиях на электрический стул слишком много знающего, а потому нежелательного свидетеля — легче легкого. Ан нет, дело тянулось, и Фемида не спешила вершить правосудие.

Почему? Не потому ли, что кто-то опасался разоблачения Руби, боялся, что в тот момент, когда он поймет, что казнь неотвратима и ему нечего уже терять, он заговорит. В таком случае логично было не отнимать у смертника надежды на спасение до последнего момента и покончить с ним не путем официальной казни, а как-либо иначе.

Руби чувствовал неладное. В течение всех месяцев своего заключения, до суда и после него, главная просьба, истерическая мольба Руби звучала одинаково: «Увезите меня из Далласа. Содер-

жите меня в тюрьме любого другого города. Здесь меня все равно убьют». Во время допросов в комиссии Уоррена, происходивших в том же Далласе, Руби, рыдая, молил членов комиссии: «Здесь я не могу говорить. Увезите меня в Вашингтон, и я расскажу все».

До той поры, пока Джек Руби — один из тех, кто наверняка немало мог бы рассказать о тайных пружинах заговора, находился на попечении далласских властей предержащих, заговорщики могли быть спокойны, — Руби ничего не скажет. А если даже и скажет, его не услышат.

Но скандальные действия далласских властей и тех, кто помогал им в сокрытии истины, вызывали широкие требования заново заслушать дело Руби, причем изъять его для этого из-под опеки далласских властей. Уже было объявлено, что новое судебное разбирательство должно состояться весной 1967 года в городе Уичито-Фоллс, куда Руби будет доставлен из далласской тюрьмы. То была уже серьезная опасность для мастеров по упрятыванию концов в воду. Грозили пропасть впустую все их усилия по устранению нежелательных свидетелей. Навеки замолкли люди, знавшие второстепенные детали, но мог заговорить под страхом электрического стула спасения собственной шкуры ради свидетель, знавший отнюдь не второстепенное.

Но не так-то просто справиться с далласской мафией. Было ясно, что выпустить Руби из своих рук она не пожелает. Так и случилось. В последние дни 1966 года тюремщики объявили ему, что для «медицинского обследования» его переводят в Парклендский (опять же Парклендский) госпиталь. До этого в течение многих месяцев Руби находился под неусыпным медицинским наблюдением, однако чуть ли не ежедневные и систематические обследования его не обнаруживали ничего подозрительного.

Узник почувствовал неладное. Его беспокойство приняло вскоре форму паники, нашедшей выражение в непрерывных истериках, когда сразу же после того, как он был водворен в отдельную, тщательно охраняемую палату госпиталя, еще до всякого «обследования» ему стали делать по многу раз в сутки какие-то инъекции. Через несколько дней последовал диагноз: стремительно прогрессирующий рак легких. Болезнь протекала молниеносно, и утром 3 января 1967 года навсегда замолчал один из важнейших свидетелей. Даллас не выпустил его из своих смертельных объятий, и он навеки остался в этом страшном городе, унеся свои тайны в далласскую землю.

Страшный круг этот замкнулся. Гору трупов — больше 30 — нагромоздили таинственные и всесильные далласские владыки, хозяйничающие в американских каменных джунглях так же свирепо,

как злобные хищники в девственных зарослях. Здесь один закон, закон силы, а силу в сегодняшней Америке дают деньги, чем больше денег, тем больше силы. И что характерно, так называемая «большая печать Америки», иной раз поднимающая истошный вопль по поводу где-то и кем-то «попираемой демократии», в этом случае, впрочем, как и во многих других, проявляет олимпийское спокойствие и полную невозмутимость. Среди бела дня, словно зайца на охоте, пристрелили президента, затем один за другим гибнут люди, которые могли бы помочь выяснению истины, открыто торжествуют беззаконие и культ грубой силы, а «поборники демократии» в лучшем случае ограничиваются соболезнующими воздыханиями, а то и вовсе помалкивают.

Видимо, эта вакханалия произвола вполне подходит под их понимание демократии. Ну как же здесь не вспомнить духовного предтечу Гарольда Лафайета Ханта — одного из первых миллионеров Америки, коммодора Вандербильта с его неподражаемым цинизмом: «Закон? Зачем мне закон, разве я не обладаю силой!»?

Хант на крыше

Говорят, что преступника всегда тянет на место совершенного им преступления. Темна человеческая душа. Трудно сказать, какие непознанные силы, какие психологические флюиды движут им в момент, когда он с замирающим от животного страха сердцем, с патологическим любопытством, пересиливающим этот страх, и с каким-то тайным сладострастием взирает на место, которое было свидетелем его темного деяния...

Кто объяснит, с какой целью в один из светлых осенних дней 1965 года Гарольд Хант пригласил посетивших его деловой кабинет журналистов сесть в лифт и подняться на обзорную площадку, расположенную на крыше 50-этажного здания, где находится его контора?

С крыши открывался внушительный вид большого города. Люди-тсчки, машины не более спичечного коробка деловито сновали по городским улицам. Скрипучим, каким-то ржаво-металлическим голосом обратившись к присутствующим, Хант произнес:

— Посмотрите туда, джентльмены! Видите то кирпичное здание? Нет, не там, глядите левее, в направлении этой серой ленты шоссе. Нашли? Именно здесь два года назад застрелили Джека Кеннеди.

Воцаряется напряженная тишина, какая бывает в цирке, когда под его куполом по тонкой проволоке, балансируя, идет канатоходец. Чтобы разрядить напряжение, уменьшить неловкость, возник-

шую после его слов, Хант, преувеличенно громко вздохнув, процедил что-то по поводу того, что смерть Кеннеди была «ужасной трагедией для страны».

Правда, благочестивого сочувствия хватает ненадолго. Вскоре Ханта прорывает, и он, не очень даже пытаясь скрыть злобу, от которой его тонкий голос звучит совсем уж фальцетом, говорит о том, что Кеннеди, хотел он того или не хотел, оказался предателем Америки. «Он многое проворонил, — бросает миллиардер, и тусклые, выцветшие его серо-голубого цвета глаза полыхают вдруг недобрым огнем. — Он натворил немало».

Искусный лицедей, владеющий каждым мускулом своего лица, как профессиональный игрок в покер (умение превращать собственную физиономию в неподвижную маску — одно из необходимейших качеств для покера), на сей раз Хант не в состоянии скрыть клокочущую в нем ненависть. Трудно сказать, зачем Ханту понадобился фарс с экскурсией на крышу и лицемерным воздыханием по поводу убийства президента. Вряд ли такой дешевый камуфляж в состоянии скрыть факты уже известные и те, которые постепенно выясняются.

Как ни искусно прячутся концы далласского преступления, как ни осторожно, рассчитывая каждый свой шаг, действовали и осенью 1963 года, и все последующее время сам Хант и его выводок, кое-что постепенно всплывает наружу, заставляет задумываться, анализировать, сопоставлять.

Одним из интимных и закадычных друзей Гарольда Ханта уже много лет является некто Тэд Дили, тучный человек с астматической одышкой, вечно лоснящимся от пота лицом и в темных очках, которыми он прикрывает беспрестанно бегающие, заплывшие жиром глазки-буравчики. Он владелец одной из крупнейших в хантовской вотчине газет — «Даллас морнинг ньюс». И вот выясняется, что этот самый Дили за месяц и пять дней до убийства неожиданно снимается с места и вылетает из Далласа в Вашингтон. Там, пустив в ход все свои, и не только свои, связи, он добивается приглашения на завтрак в Белом доме, который Кеннеди давал для нескольких представителей прессы.

Как рассказал потом известный американский журналист Чарльз Бартлет, также присутствовавший на этом завтраке, за столом произошел эпизод, беспрецедентный и скандальный. К удивлению оторопевших участников приема, нарушая этикет и элементарные приличия, Дили принялся в грубой и развязной форме выговаривать президенту по поводу его политики. Свою нарочито наглую тираду хантовский приятель закончил выходкой, которая граничила уже с прямым оскорблением:

— Вы, господин президент, — заявил Дили, — вместо того чтобы быть лидером на коне, тащитесь на грязной телеге.

«После слов Дили, — рассказывает Бартлет, — за столом воцарилось гробовое молчание, продолжавшееся довольно долго. Президент, глубоко возмущенный, явно пытался овладеть собою. Наконец после паузы Кеннеди ответил с достоинством, тихим голосом:

— Разница между вами и мной, господин Дили, заключается в том, что не вы были избраны президентом Соединенных Штатов, а я, и что не вы несете ответственность за жизнь 180 миллионов американцев, а я.

А затем, все-таки не сдержавшись, бывший морской офицер, не скрывая сарказма, заявил, что он на своем веку видел немало людей, которым нравится война до тех пор, пока они ее не попробовали. А когда такие вояки увидят ее вблизи, она им очень скоро надоедает.

— Говорить о войнах, — закончил отчитывать Кеннеди посланца Ханта, — значительно легче, чем воевать.

Больше на протяжении завтрака президент ни разу не обратился к Дили и простился с ним более чем холодно».

Следующие два факта, относящиеся к тому же Дили, имели место пять недель спустя, 22 ноября 1963 года. В этот день принадлежащая именно Дили газета поместила на видном месте уже упоминавшееся объявление, обведенное жирной траурной каймой и цинично-издевательски озаглавленное: «Добро пожаловать, господин Кеннеди, в Даллас». Развязный текст, заключенный в траурную рамку, содержал плохо замаскированное подстрекательство.

Подписав в печать номер с траурным объявлением, Дили остался в редакции, и вскоре к нему в кабинет, как свидетельствуют очевидцы, явился, как вы думаете, кто? Джек Руби. Если и совпадение, то, прямо скажем, знаменательное совпадение!

То, что провокационная выходка на приеме у президента и подстрекательское объявление в дилиевской газете не случайное совпадение, а элементы единой и продуманной кампании, подтверждается тем обстоятельством, что в недели, разделившие эти два события, Дили трудился не покладая рук и с завидной целеустремленностью. Он, в частности, печатает тысячи листовок, которые раздавались прохожим на далласских улицах накануне прибытия президента. На этих листовках были помещены два фотоснимка президента — один анфас, другой в профиль. Таким точно манером, каким это делают в досье уголовных преступников. Под фотоснимками стояла подпись: «Разыскивается по обвинению в государственной измене».

Одним из обычных доводов тех, кто пытается отрицать наличие заговора с целью убийства Кеннеди, является аргумент о том, что если для исполнения замысла одиночки достаточно было только накануне узнать маршрут президентского кортежа по далласским улицам, то для тщательной организации нужно несколько дней, а далласские власти хранили в секрете этот маршрут. Однако из протокола совещания, состоявшегося у губернатора Техаса Коннэли за много дней до прибытия президента в Даллас и уточнявшего все детали, связанные с визитом, мы узнаем, что среди участников совещания находился сын Дили — Джозеф, который был, таким образом, в курсе всего, в том числе и маршрута президентской кавалькады.

Быть может, кто-нибудь скажет, что все эти аргументы, лишь косвенно говорят о причастности хантовского семейства к далласским событиям? Что ж, есть и попрямее. Траурное объявление, опубликованное в «Даллас морнинг ньюс» всего за несколько часов до роковых залпов, привлекло в дни расследования большое внимание. Уж очень подозрительным кажется подобное пророчество, если это только провокационное пророчество, а не нечто большее, ну, скажем, осведомленность. Естественно поэтому, что для следствия немаловажным был ответ на вопрос, чьих рук это дело, кто стоит за публикацией этого объявления.

Мимо этого существенного факта не могла пройти расследовавшая убийство комиссия Уоррена. И вот что она установила: объявление было оплачено весьма щедро, в кассу газеты внесено 1463 доллара. Деньги внес член «Общества Джона Бэрча» некий Джо Гриннен. По заявлению последнего, деньги для публикации объявления были им получены от трех техасских бизнесменов. Вот их имена — Эдгар Р. Крисси, Х. Р. Брайт и **Нельсон Банкер Хант.** Да, да, Хант. Хант-младший, сын Гарольда Лафайета Ханта.

Это обстоятельство имеет уже не косвенное, но прямое отношение к далласскому убийству. Официальным следствием установлено, что Хант-младший финансировал объявление в газете, играющее в расследовании преступления роль одного из доказательств его преднамеренного и организованного характера.

Вся эта тщательно подготовленная и продуманная подстрекательская пропаганда, наличие которой само по себе отвергает версию об убийце-одиночке, действовавшем по наитию и на свой страх и риск, направлялась организационным центром, присвоившим себе название «Американский следственный комитет». Нам неизвестен полный состав этого «комитета». Но два деятеля, об участии которых в «комитете» стало известно, дают богатую пищу для размышлений. Один из них — далласский главарь «Общества Джона Бэрча», — наиболее фашистской из всех сегодняшних фашистских

организаций Америки. Другой — все тот же Нельсон Банкер Хант — сын и наследник Гарольда Ханта, обладатель полумиллионного состояния.

Это уже аргументы не косвенные. А вот факт, относящийся к самому Гарольду Ханту и ставший известным не так давно. О нем рассказал американский публицист Альфред Бёрке, случайно оказавшийся в гостях на вилле Ханта, осенью 1961 года. По словам Бёрке, Хант тогда яростно обрушился на президента, понося его последними словами, обвиняя в намерении сокрушить его, хантовский, бизнес. Особенно поразила Бёрке следующая тирада миллиардера, которую он тогда же записал в свой блокнот. «Иного пути нет, — заявил Хант. — Чтобы избавиться от предателей, засевших в нашем правительстве, нужно всех их перестрелять». А поскольку со своей мошной Хант убежден, что слово его закон, он и в данном случае вознамерился поступить по своему слову. Речь идет уже не о приятеле и поверенном и даже не о сыне, а о самом Гарольде Ханте, о его публично высказанных намерениях.

В орбиту своих интриг нефтяной воротила вовлек десятки людей, не исключая даже собственного духовника, поставив при этом слугу господнего на путь служения дьяволу. В преддверии съезда демократической партии 1960 года Хант активно действовал. Когда выявилась перспектива выдвижения кандидатуры Кеннеди, Хант решил сыграть на антикатолических предрассудках большинства делегатов, принадлежащих к протестантской церкви. По его наущению духовник хантовского семейства преподобный Крисуэлл накануне съезда составил пылкое обращение ко всем протестантам Америки, в котором утверждалось, что избрание президентом католика Кеннеди будет означать торжество дьявола и смертельный удар по истинной церкви.

Это обращение на деньги Ханта было отпечатано в миллионах экземпляров и разослано по всей Америке. Правда, сам Хант утверждает, что об обращении он не знал ничего, что оно было отпечатано и разослано без его ведома по указанию одного из его служащих. Каждому, кто знаком с постановкой дела в хантовском логове, очевидна вздорность такого объяснения. Без ведома Ханта в его империи не происходит ничего.

А в дни съезда, по признанию самого Ханта, он обосновался в гостинице рядом со зданием, где заседали делегаты, и собственноручно каждый день составлял для Джонсона меморандумы, в которых высказывались советы и пожелания на тему о том, как Джонсону надлежит себя вести.

— Если бы Линдон неукоснительно следовал моим советам, — нимало не смущаясь и без лишней скромности говорит Хант, — Кеннеди ни за что не удалось бы его обставить. Кстати, имен-

но я посоветовал Джонсону после того, как кандидатура Кеннеди была выдвинута, согласиться на второе место в списке и принять предложение о вице-президентстве...

Мы уже говорили о подозрительных обстоятельствах, связанных с ролью в событиях 22 ноября 1963 года одного из сыновей Гарольда Ханта, Нельсона.

Не так давно выяснилось, что некоторые нити ведут и к другому хантовскому отпрыску — Ламару Ханту, не перенявшему от отца деловой изворотливости, но унаследовавшего страсть к авантюрам, азарт игрока и занимающего пост одного из руководителей американской футбольной лиги.

Показаниями свидетелей установлено, что за несколько дней до убийства президента Джек Руби проследовал в контору Ламара Ханта, где провел с глазу на глаз с сыном миллиардера довольно продолжительное время.

Совпадение — могут сказать. Не много ли совпадений кряду? И почему все эти совпадения совпадают не где-нибудь, а вокруг Ханта и его отпрысков?

Но и это еще не последнее звено в цепочке. Утром, перед самым убийством президента, Руби беседовал с хантовским приятелем Дили в редакции газеты, только что вышедшей с провокационным объявлением, обведенным траурной рамкой. Казалось бы, что могло быть общего между претендующим на респектабельность, богатым, вхожим в дома далласской знати Дили и вульгарным владельцем подозрительного ночного заведения? А вот поди ж ты!

А когда через несколько дней после убийства Освальда Руби был схвачен и на его квартире произвели обыск, среди бумаг была обнаружена толстая пачка хантовских пропагандистских материалов, в том числе два сценария, предназначавшихся для передачи радиостанцией Ханта. Возникает вопрос: какое отношение имеет владелец кабаре к радиовещанию и не потому ли у него оказались дома эти материалы, что Руби имел какую-то причастность к Ханту и его деньгам?

Убийца Освальда — владелец ночного кабака Джек Руби, и материалы хантовской радиостанции — эти разрозненные, казалось бы, не имеющие отношения одно к другому обстоятельства приобретают внезапно зловещую и прямую взаимосвязь в свете еще одного «совпадения», которых подозрительно много для одного случая.

И снова это «совпадение» имеет прямое отношение к Ханту. Утром роокового дня хантовская радиопрограмма «Линия жизни» начала свою передачу на Даллас комментарием, который иначе как прямое подстрекательство не назовешь. При нынешней администра-

ции, зловеще заявил диктор, «возможно, наступит время, когда американцам запретят пользоваться огнестрельным оружием, с помощью которого они могли бы расправиться со своими правителями».

Дескать, спешите стрелять в президента, не упускайте момент, а то будет поздно.

Но цепь еще не замкнута. Вот еще одно звено, то самое, ухватившись за которое мы обретаем какое-то подобие картины.

Как уже отмечалось, за восемь дней до убийства президента, а именно 14 ноября, в задних комнатах принадлежащего все тому же Джеку Руби кабаре «Карусель» состоялась таинственная встреча, в которой участвовали сам Руби, некий Бернард Вейсман, человек, привлекший внимание следствия как, возможно, имеющий отношение к делу, друзья Руби, полицейские Дж. Типпит, убитый на одной из далласских улиц при весьма странных обстоятельствах через 45 минут после убийства президента (обвинение в убийстве Типпита было предъявлено Освальду). И ЕЩЕ ОДНО ТАИНСТВЕННОЕ ЛИЦО. В американской печати промелькнуло сообщение о том, что руководитель комиссии, расследовавшей убийство, председатель Верховного суда Эрл Уоррен, допрашивая Руби, назвал этого таинственного «некто» «богатым нефтепромышленником». Вот оно, ключевое звено!

Стремясь запутать следствие и представить совещание в «Карусели» чуть ли не невинной встречей закадычных друзей — ничего себе друзья: кабатчик и владелец сомнительного заведения, желтый журналист, страж порядка и «богатый нефтепромышленник», — Руби на следствии поначалу утверждал, что никакой связи между этим совещанием и предстоящим приездом президента не было, но под конец заврался и стал противоречить сам себе. Однако никакими клещами у него невозможно было вытащить подробности об этой внезапно всплывшей и важнейшей детали — кто же этот таинственный «богатый нефтепромышленник», что его привело в сомнительное заведение в компанию темных личностей, какое отношение имеет он к Джеку Руби и подозрительной секретной встрече за неделю до преступления. «Тайна, окружающая нефтепромышленника, — заявила газета «Нью-Йорк джорнэл Американ», — еще не разгадана, и она давит на совесть тех, кто хочет, чтобы в полном и всестороннем расследовании одной из величайших в американской истории трагедий ни одного вопроса не осталось без ответа».

Пока что следствие оставило этот вопрос без ответа. Не будем показывать пальцем и мы, прямых улик все еще нет, но, с точки зрения автора этих строк, отнюдь не исключено, что они появятся. Впрочем, судя по всему, кое о чем догадываются, причем с пер-

вых же часов после убийства президента, и те, кому сие ведать надлежит в Америке. Догадываются и помалкивают.

Почему я думаю, что догадываются? Извольте. Вот что произошло всего несколько часов спустя после того, как раздались роковые выстрелы. Еще тело скончавшегося президента находилось в далласском госпитале, еще его вдова, потрясенная горем, не сняла обрызганного кровью мужа костюма, еще не была обнародована наспех сварганенная официальная версия об убийстве, еще метались по улицам Далласа полицейские и переодетые детективы, а агенты всемогущего ФБР уже стучались в наглухо запертые двери особняка Гарольда Ханта на далласской окраине.

Нет, они явились сюда не для того, чтобы арестовать миллиардера.

Миллиардеров в Америке не арестовывают. Они пришли в хантовский дом даже не для того, чтобы задать ему кое-какие вопросы, хотя такие вопросы для любого элементарного расследования были просто необходимы. Полные почтительного благоговения, они явились сюда для того, чтобы предложить Ханту немедленно под покровом ночной темноты скрыться из города.

Обратите внимание: сотрудники всеведущего ФБР явились не куда-нибудь. Еще в тот момент, когда обстоятельства, мотивы и исполнители убийства были не названы, агенты ФБР прямым ходом направились к Ханту, но не выяснения истины ради, не возмездия для, а исключительно по причине беспокойства за драгоценную безопасность нефтяного короля — дескать, мечтаем предостеречь. Не проявив рвения и даже простого выполнения своих обязанностей в деле обеспечения безопасности президента США, молодчики Эдгара Гувера проявили сверхрвение и чудеса оперативности, обеспечивая сохранность владыки нефтяной империи.

Одним словом, той же ночью специальным самолетом Гарольд Лафайет Хант с чадами и домочадцами отбыл в город Балтимор, где в течение многих недель после убийства Кеннеди под недреманной охраной полицейского ока, в обстановке строжайшей тайны и секретности пережидал бурю. Факт этот мало кому известен даже в Америке и тем более разителен!

Согласитесь с тем, что любые широко растопыренные пальцы, сквозь которые и по сей день служащие американской Фемиды стремятся рассматривать далласское преступление, не дают возможности этот необъясненный факт отнести ко все тому же разряду мнимых случайностей. Честно говоря, даже если бы не было многого другого, уже одного этого факта достаточно для того, чтобы всерьез задуматься как о роли Гарольда Лафайета Ханта — техасского владыки и миллиардера в заговоре против президента, так и о деятельности в этом случае гуверовского Федерального

бюро расследований, об их связях, целях, мотивах и ответственности в далласском преступлении.

...Прошло пять лет. Страсти, вызванные убийством президента, стали постепенно затихать. То, что в момент, когда было совершено преступление, заставило содрогнуться, было воспринято как нечто экстраординарное, потеряло остроту психологического воздействия, приобрело некий хрестоматийный лоск, стало еще одним событием, о котором школьникам рассказывают на уроках истории, хранящей в своих анналах многое казавшееся когда-то людям невероятным, волновавшим и потрясавшим, а ныне воспринимаемым как общеизвестное и привычное...

...Ничто в тот день не предвещало грозы. Стократ описанное синее небо Калифорнии, ласковые волны океанского прилива, пальмы на улицах Лос-Анджелеса — одного из красивейших городов Америки, — все настраивало на мирный лад. Настроение Роберта Кеннеди, который только что узнал о том, что им одержана важная победа на первичных выборах в Калифорнии, дававшая, по его мнению, ключ к успеху на съезде демократической партии, было превосходнейшим. Дорогой отель в центре города, в самом названии которого — «Амбассадор», что значит в переводе на русский «Посол», претензия на респектабельность, казался сотрудникам Роберта Кеннеди, обосновавшего здесь свою временную политическую штаб-квартиру, предпоследней станцией на пути к Белому дому.

Выстрелы раздались внезапно. Еще несколько секунд назад 43-летний сенатор Роберт Кеннеди, в котором многие уже видели 37-го в истории Америки президента страны, усталый, но счастливый только что одержанной победой, не скрывая улыбки, которая так нравилась американцам и делала лицо этого вступившего уже в зрелый возраст человека задорно-мальчишечьим, заканчивал свое выступление по телевидению. Поблагодарив избирателей Калифорнии, отдавших ему свои голоса, он пожелал им спокойной ночи и, окруженный толпой почитателей и соратников, вышел из телестудии.

В этой группе радостно возбужденных людей находилась его жена Этель — моложавая женщина с крепко сбитой фигурой бывалой спортсменки и старшие дети — 16-летняя Кэтлин, 15-летний Джозеф и на год его младше Бобби. Младшие оставались дома. Самые маленькие спали глубоким сном в своих постелях, средние же, кому не удалось уговорить отца взять их с собой в предвыборную поездку в солнечный Лос-Анджелес, наблюдали за отцом у экрана большого телевизора, стоящего в холле их дома на окраине Вашингтона.

Звуки выстрелов, резко прозвучавших в коридоре отеля «Ам-

бассадор», были настолько неожиданны, что до тех пор, пока внезапно наступившую тишину не прорезал полный отчаяния крик Этель Кеннеди, никто не мог понять, что произошло. Толпа испуганно шарахнулась в сторону, и миллионы американских телезрителей, из тех, кто в этот поздний час ночи с 4 на 5 июня 1968 года еще не успел в своих домах выключить телевизоры, увидели только что улыбавшееся лицо сенатора залитым кровью, искаженным гримасой муки. Один глаз его был судорожно закрыт, другой широко раскрыт, полный ужаса и боли.

Все произошло в считанные мгновения — высокий парень в джинсах и ковбойке, смуглый, с перекошенным от злобы и страха лицом, неизвестно как очутившийся в толпе, змеей проскользнул между людьми и почти в упор, с полутора-двух метров разрядил обойму своего пистолета, который он выхватил из заднего кармана; медленно сползший на пол Кеннеди; метнувшиеся к убийце члены его охраны; короткая борьба, когда олимпийский чемпион по десятиборью, могучий негр Рафер Джонсон, покинувший спорт, соблазнившись высоким жалованьем телохранителя сенатора-миллионера, выбил из рук стрелявшего бесполезный уже пистолет; испуганные крики: «Доктора, скорее доктора!» — на все это ушло едва ли больше минуты.

Но минута эта была подобна мгновенному взрыву, который долго готовится, быть может недели и месяцы, и последствия которого дают о себе знать еще более долго, быть может годы и десятилетия.

Вновь в жуткой неприкрытости предстало далласское убийство не как факт, ставший уже достоянием истории, а как событие, имеющее прямое и непосредственное отношение ко дню сегодняшнему. Минута как бы вплотную сдвинула два убийства, разделенные пятью годами, заставила думать, сопоставлять, искать логические связи и опосредствования.

Нет, не закрыто еще далласское дело, оно продолжается, свидетельствуя, что безнаказанность убийц, нераскрытый заговор подобны неразорвавшейся бомбе, ржавеющей до времени, но смертоносной, таящей опасность и несущей гибель забывчивым, равнодушным, закрывающим глаза на преступления.

Пройдет еще немало времени прежде, чем будет распутан — если он будет распутан когда-либо до конца — зловещий клубок. Клубок, узлы которого были завязаны пасмурным ноябрьским утром 1963 года, клубок, плетения которого еще туже затянулись, когда год спустя рухнул на землю самолет, на котором находился младший из братьев, клубок, завязанный намертво в респектабельном лос-анджелесском отеле «Амбассадор».

Что же стоит за убийством Роберта Кеннеди? Имел ли место

заговор? Или перед нами трагическая случайность, выходка фанатика-одиночки, сводившего с сенатором какие-то неведомые личные счеты, или того проще — акт одержимого какой-то манией, психически неполноценного человека?

В момент, когда пишутся эти строки, исчерпывающего ответа на поставленные вопросы еще нет. Это и не удивительно. Со дня трагической гибели президента Джона Кеннеди прошло времени значительно больше, но и поныне очень много неясного в далласской трагедии. Уж очень хорошо умеют в Америке мокрых дел мастера прятать концы в воду, а особенно в тех случаях, когда за непосредственными исполнителями политических убийств стоят силы влиятельные и могущественные.

Прежде всего о вопросе для данного случая кардинальном — был ли заговор или перед нами преступление убийцы-одиночки? Министр юстиции и генеральный прокурор Соединенных Штатов Рамсей Кларк поторопился ответить на этот вопрос уже через несколько часов после покушения, когда не было еще известно почти никаких фактов, за исключением самого трагического факта убийства, когда тело Роберта Кеннеди еще не было предано земле и не нашло вечного успокоения на Арлингтонском кладбище рядом с могилой Джона Кеннеди. Министр Кларк поторопился заявить, что никакого заговора не было и речь идет об одиночном преступлении. Откуда такая поспешность, для чего и с какой целью?

Семейство Кеннеди, похоронив младшего брата подле старшего, не имело, конечно, в виду подчеркнуть этим общность причин их гибели, связь, существующую между двумя убийствами. Оно руководствовалось, разумеется, совсем иными соображениями. Но две могилы эти, расположенные рядом и разделенные во времени пятью годами, независимо от чьей бы то ни было воли всегда будут наводить людей на размышления, заставят сопоставлять две трагедии, размышлять об их общих корнях.

Напрасно суетился генеральный прокурор, напрасно с неприличной, не соответствующей высокому его положению и серьезности происшедшего поспешностью поторопился прокламировать отсутствие заговора. Против этого свидетельствует многое известное уже сегодня, против этого говорит немало из того, что было известно до лос-анджелесской драмы.

Охота на младших братьев убитого президента началась сразу же после далласского убийства. Здесь уже рассказывалось об этом. Атмосфера ненависти вокруг Роберта Кеннеди особенно сгустилась после того, как весной 1968 года он объявил, что будет бороться за выдвижение своей кандидатуры на пост президента. При этом сенатор публично провозгласил, что в случае своего избрания президентом он вернет политику страны на путь, на-

меченный президентом Кеннеди, будет осуществлять более реалистический курс, имея в виду добиваться ослабления международной напряженности.

Вряд ли такая программа вызвала восторг у тех, кто видел в Джоне Кеннеди человека, посягавшего на их неправедные военные прибыли. Вряд ли она, программа эта, устраивала тех, кто делает ставку на войну, безмерно наживаясь на гонке вооружений. Нет, Роберт Кеннеди, точно так же как и президент Джон Кеннеди, не был рыцарем без страха и упрека, боровшимся во имя высоких идеалов мира. Он просто представлял те круги американской буржуазии, которые склонны более трезво смотреть на вещи, отдавать себе отчет в том, что в условиях ракетно-атомного века формула военного мыслителя прошлого фон Клаузевица «война есть продолжение политики, но иными средствами» уже неприменима, что ныне такая «политика» чревата исчезновением как самой политики, так и политиков — ее творцов.

В разговоре с автором этих строк Роберт Кеннеди очень настойчиво несколько раз возвращался к мысли о том, что в современных условиях сосуществование системы свободного предпринимательства, как он деликатно называл милый его сердцу капиталистический строй, и социалистической системы является не проблемой выбора, а насущнейшей необходимостью, «стратегией выживания».

Подчеркнуто уравновешенный на протяжении почти всей долгой беседы нашей, прятавший все эмоции, если были они у него, под маской аристократической сдержанности и рассчитанной холодности уже опытного политика, он в этом месте разговора, будто подброшенный пружиной, вскочил со своего кресла и возбужденно заходил по комнате. Его глуховатый голос, под стать внешней манере поведения, не выражавший оттенков чувств, — и серьезные сентенции, и шутки, и светские любезности, и статистические данные о советско-американской торговле сенатор изрекал одним и тем же ровно-бесстрастным тоном, не повышая и не понижая голоса, — в этот момент напрягся и зазвенел. Было видно, что проблема эта до глубины души волнует моего собеседника.

— Поймите, — говорил он, — мой великий брат ничего не изобрел. Он не взял свою политику с потолка. Он просто увидел единственный путь. Другого нет. Другой ведет нас в бездну. Но путь в бездну — разве это дорога? Либо независимо от того, нравимся мы друг другу или не нравимся, скорее не нравимся, — губы сенатора тронула мимолетная усмешка, — мы научимся сосуществовать, либо... — и он сделал резкий энергичный жест рукой, значение которого не вызывало сомнений.

— Сенатор, — позволил я себе в этом месте реплику, — не

так давно за слово «сосуществование» вызывали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

— Боюсь, что с этим еще не покончено, — не принимая шутки, ответил он. И долгим взглядом посмотрел на портрет брата, висевший на стене.

И во время возникшей паузы мы оба, очевидно, подумали об одном и том же, о причинной связи, существовавшей между пониманием покойным президентом необходимости этого самого сосуществования, и его насильственной смертью, глубинными корнями заговора.

— Понадобится еще немало времени, чтобы большинство людей здесь, в Вашингтоне, поняли то, что понимал, в чем отдавал себе отчет и чем руководствовался мой брат, поняли, что сосуществование — это не проблема выбора, а проблема... — он сделал паузу, шевеля растопыренными пальцами, ища нужное, наиболее точно выражавшее его мысль слово, и вдруг, сжав пальцы в кулак, найдя его, понизив голос, с неожиданной для него горячностью, почти страстно произнес: — Проблема судьбы. Вы понимаете? Судьбы! Я тогда не во всем понимал брата. Впрочем, от меня в то время требовалось больше делать, нежели думать. Думал он. Но когда его не стало, я понял, что я должен сделать то, что начал он, но не сумел, ему помешали доделать.

Роберт Кеннеди, так же как и его старший брат, пришел к мысли о необходимости сосуществования не как к абстрактной идее, не как к пониманию преимуществ и благ мира перед разрушениями и трагедиями войны, превосходству Добра над Злом. Братья Кеннеди, представители своего класса, проводники его идей и политики, руководствовались не человеколюбием, не идеями добра и заботы о процветании человечества. Стратегию выживания они понимали как политику выживания их капиталистической Америки, их самих, их семей, их ближних, их класса.

Этим, и только этим, руководствовался президент Кеннеди. Из этого исходил начинавший свою политическую карьеру сотрудником Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности сенатор Кеннеди, научившийся в последний период политического поприща без запинки произносить слово «сосуществование».

Но каковы бы ни были исходные мотивы, то был, несомненно, шаг вперед по сравнению с зоологическим антикоммунизмом многих вашингтонских вершителей судеб, по сравнению с теми, кто готов поставить мир на край термоядерной пропасти в своем страхе перед поступательным ходом истории, кто не способен увидеть дальше собственного носа и взирает на все в мире происходящее только и исключительно сквозь призму своих военных барышей, своей корысти, своих страхов, своей ненависти.

Джон Кеннеди в отличие от большинства из тех, кто его окружал, пожелавший считаться с пускай неприятной ему, но реальной действительностью, был на вашингтонском Олимпе белой вороной. Его младшие братья — сенатор от штата Нью-Йорк Роберт Кеннеди и сенатор от штата Массачусетс Эдвард Кеннеди, не скрывавшие после гибели президента своего стремления продолжить начатое братом, стали бельмом на глазу у тех же сил, которые организовали далласское убийство.

Джеймс Рестон принадлежит к числу наиболее информированных американских политических обозревателей. Он немало видел, много знает и не только считается завсегдатаем политических кулис Вашингтона, но вхож туда, куда вхожи лишь очень немногие. Кабинеты министров и частные резиденции президентов Кеннеди и Джонсона, загородные клубы, где общаются между собой сильные мира сего, квартиры сенаторов и партийные канцелярии открыты для одного из китов буржуазной журналистики. Рестон знает значительно больше, чем говорит, чем ему позволено писать. Поэтому следует особенно внимательно прислушаться к его свидетельству, высказанному сгоряча, сразу же после убийства Роберта Кеннеди, когда в американских политических сферах еще царила растерянность, когда железные тиски негласной, но жесткой политической цензуры еще не отсортировали то, что в печати высказывать можно, а что общественности ведать не надлежит.

Ошеломленный гибелью сенатора, с которым журналист встречался и беседовал незадолго до того, Рестон был откровеннее обычного. Упомянув могущественные силы, которые, по его словам, покойный сенатор не мог контролировать, Рестон написал в те дни: «Ожесточенные словесные нападки на Роберта Кеннеди в ходе его предвыборной кампании ни для кого не составляли секрета. Его выступления в защиту негров и молодежи, его открытая критика войны во Вьетнаме породили против него сильные и резкие настроения (чьи? — этого Рестон предпочитает не уточнять, но, пожалуй, в уточнениях нет особой необходимости, все ясно и без них. — **В. З.**). Ни один человек, бывший в те роковые дни в Калифорнии, когда Роберт вел свою предвыборную кампанию, и слышавший направленные против него выступления по радио и телевидению, не может отнести тон и стиль этих выступлений к числу нормальной политической полемики. Эти выступления носили личный, злобный, подстрекательский характер». Так вот!

Версия об отсутствии связи между выстрелами в Далласе и Лос-Анджелесе, коей потчуют американцев, рассчитана, говоря словами Маркса, на публику из грудных младенцев, недаром оба убийства произошли в двух центрах «молодых денег», двух столицах военного бизнеса — Далласе и Лос-Анджелесе.

Недаром же охота на братьев Кеннеди началась еще тогда, когда не рассеялась пороховая гарь на далласской улице. Трудно поверить, невозможно уложить в логические рамки случайность всего того, что произошло: убийство президента, длинная серия таинственных смертей тех, кто мог бы пролить свет на обстоятельства, связанные с этим убийством, подозрительные личности, следившие за Робертом сразу же после Далласа, авария самолета, в котором летел Эдвард Кеннеди, выстрелы в Лос-Анджелесе. Один раз — случайность, второй раз — совпадение, ну, а третий, а четвертый? Помилуй бог, привычка?

Что дальше? Кто следующий? — спрашивают в Америке. Конец ли это? Сразу же после убийства Роберта Кеннеди в американских газетах промелькнули сообщения об угрозах, раздающихся в адрес последнего из братьев Кеннеди — Эдварда.

Вспомните ту знаменитую фразу Джона Кеннеди, заявившего, что, если с ним что-либо случится, его заменит Роберт, а если что-либо произойдет с Робертом, его заменит Эдвард.

Судьбе угодно было сделать так, чтобы слова эти, сказанные вполушутку-вполусерьез, оказались пророческими. Через несколько дней после похорон Роберта вся американская печать принялась обсуждать вопрос о целесообразности выдвижения кандидатуры Эдварда на пост вице-президента уже на выборах 1968 года. И столь же незамедлительно, как уже говорилось, раздались угрозы. Реальность опасности, грозящей последнему из братьев, признал и президент Джонсон, когда он через несколько часов после гибели Роберта официально предписал агентам секретной службы взять на себя охрану сенатора от Массачусетса.

Что это? Вендетта, кровная месть?

Страх. Страх тех, кто как огня боится мирного сосуществования, даже намека на улучшение международного климата и готов расправиться с каждым, кто, как им кажется, может посягнуть хоть на малую толику их неправедных барышей. Страх тех, кто, боясь быть разоблаченным в заговоре и убийстве президента Кеннеди, нанизывает преступление на новое преступление, убийство на еще и еще убийства.

За несколько недель до своей гибели Роберт Кеннеди направил окружному прокурору Нью-Орлеана Гаррисону, ведущему собственное расследование обстоятельств гибели президента Кеннеди, расследование, вызывающее дикую злобу определенных кругов, письмо. Как стало известно, в этом письме говорилось об убеждении сенатора в том, что президент Кеннеди пал жертвой не террориста-одиночки, а тщательно спланированного, организованного и широко разветвленного заговора. В письме содержались знаменательные слова о том, что, если Роберт Кеннеди будет избран

президентом, он не пожалеет сил для того, чтобы раскрыть заговор и покарать заговорщиков.

Кто знает, не ускорило ли это обещание роковые выстрелы в Лос-Анджелесе! В своем стремлении хоронить концы в воду организаторы далласского заговора нагромоздили гору трупов. Так ли уж невероятно предположение о том, что они почли необходимым избавиться от самого опасного для них человека, особенно после того, как стало очевидным, что у него немало шансов стать следующим президентом Соединенных Штатов, получить в свои руки рычаги государственного аппарата и вместе с ними немало возможностей достать преступников, как бы глубоко они ни запрятались?

Были же, конечно, были причины у тех же, кто убрал со своей дороги Джона Кеннеди, бояться и ненавидеть его брата, предпринимать все, дабы не допустить его в Белый дом. Давайте попробуем ответить себе на вопрос, почему для совершения убийства был избран именно тот момент, когда оно произошло, — ни полгода раньше, ни полгода позже?

Насильственная смерть Роберта Кеннеди, человека, занимавшего в вашингтонской иерархии место достаточно высокое, — штука не только трудная, но и весьма опасная для тех, кто на это пошел. Действительно, такого рода дубль уже трудно объяснить случайным совпадением. Повторный заговор увеличивает вероятность того, что, несмотря на тщательно поставленную дымовую завесу, все может выйти наружу. Поэтому без крайней необходимости злоумышленники не шли на меры экстраординарные, считая возможным выжидать в надежде на подходящий случай.

Но вот Роберт Кеннеди объявляет о выдвижении своей кандидатуры на пост президента. Идет предвыборная кампания, и с каждым днем становится все более очевидным, что шансы его на избрание весьма реальны. Платформа, с которой он выступает перед избирателями, — критика войны во Вьетнаме, требования более реалистического внешнеполитического курса, обещания в области внутренней политики, само его имя, ореол брата — все это привлекает к нему избирателей.

Против кандидатуры нью-йоркского сенатора выступают могущественные силы — от видных промышленников и прежде всего толстосумов Техаса и воротил военной промышленности Калифорнии до правой профсоюзной верхушки, давно уже спевшейся с самыми реакционными кругами Америки.

Но одни за другими следуют предшествующие общенациональным первичные выборы. И каждый раз вопреки противодействию сенатор Кеннеди оказывается впереди. Все более реальной становится перспектива его избрания. И тогда демократическая избира-

тельная система Америки показывает себя в полном блеске. Пистолетные выстрелы весомее аргументов, пули более надежны, нежели избирательные бюллетени, сила и насилие — наивысший довод в американской политике.

Что ни говорите, а момент для преступления выбран точно: несколько раньше — это неоправданный риск, позже, когда Кеннеди окажется в Белом доме, — слишком опасно для заговорщиков, да и значительно труднее. После далласского убийства президент охраняется особенно тщательно. Даже если бы не было других улик, свидетельствующих о наличии заговора, уже сам момент, выбранный для убийства, говорит о многом, выдает тщательную организацию, делает практически невероятной версию об импульсе убийцы-одиночки.

Да и факты, ставшие известными уже в первые после преступления дни, подтверждают и на сей раз наличие заговора. Убийца был не один. Свидетели видели его сообщников. Без пропуска, ведомый чьей-то услужливой рукой, он оказался там, где не должен был и не мог оказаться посторонний. Исполнитель чьей-то злой воли, он сделал свое черное дело.

Чьей? На этот вопрос еще предстоит ответить. Но уже сейчас совершенно очевидна малая убедительность доводов тех, кто хотел бы замкнуть все на личность фанатичного одиночки. Нет, что бы ни твердила официальная пропаганда, что бы ни подсовывала она общественному мнению, трудно согласиться с тем, что лосанджелесское убийство было случайной трагедией, безумной выходкой неизвестно откуда взявшегося маньяка-одиночки, как невозможно принять версию и об убийце-одиночке в Далласе. Речь идет о заговоре. Не просто заговоре, в который вступил десяток деклассированных, развращенных «американским образом жизни», миазмами насилия, отравляющими атмосферу Америки, молодых людей — они лишь исполнители, — заговоре, за которым стоят круги влиятельные, силы могущественные, люди безжалостные и в сегодняшней Америке всесильные. Речь идет о системе, в которой такие заговоры возможны. Речь идет о строе, который сделал кулак источником права, пулю наемного убийцы — неопровержимым аргументом, возвел насилие на уровень политики, закона, философии и государственного мировоззрения.

* * *

Общество, пожирающее собственных детей, плоть от плоти своей, общество, у которого нет будущего!

Хитро, изощренно хитро закручен лабиринт двойного заговора. Обрублены многие концы и погружены в темные воды. Но слиш-

ком много людей причастно к преступлению, чтобы можно было навек сохранить тайну. Уже сейчас вдумчивому человеку представляется очевидным, что, кто бы ни стрелял в президента, чей бы или чьи бы пальцы ни нажимали на курок или курки, убийство Джона Кеннеди было не единичным актом фанатика, точно так же как не по своей воле-прихоти действовал убийца Роберта Кеннеди. В конечном счете это следствие и результат острой борьбы сил могущественных, безжалостных, не останавливающихся в достижении своих целей ни перед чем.

Немалую роль в этом играет противоборство и грызня, идущие в стане американской крупной буржуазии. И не случайно, а закономерно в фокусе событий оказались представители двух могущественных семейств, одно из которых связано со старыми и богатейшими династиями, а другое является ярчайшим представителем «молодых денег», наиболее авантюристических и агрессивных группировок американского капитализма.

Их цель — богатство и власть; их методы — «честно, если можно, бесчестно, если нельзя иначе» — и буржуазный парламентаризм, и пуля наемного убийцы, и сладкогласные речи политических краснобаев, и стальные наручники полицейских держиморд; их закон — закон джунглей, все против всех, каждый против каждого.

У них есть бурное прошлое. Есть у них кровавое настоящее. Будущего у них нет!

Глава V

ЧАРЛЬЗ ТОРНТОН — ОДИН ИЗ „ЛОВКИХ“

Бизнес и мода

По узкой горной тропе, круто идущей вверх, легкой рысью продвигается темно-гнедая, со светлой гривой лошадка, в седле которой восседает всадник вида вполне экзотичного. На нем видавшие виды брюки цвета хаки, кавалерийские сапоги с замысловатыми шпорами, ярко-красная ковбойская рубашка. Необычайный для здешних мест и времени туалет этот дополняется широкополой техасской шляпой и тяжелым кольтом, ударяющим по бедру при каждом шаге лошади. Всадник того неопределенного возраста, когда о мужчине можно сказать, что ему не то около тридцати, не то за пятьдесят. Посеребренные сединой виски контрастируют молодо блестящим глазам, туго натянутой, продубленной морским и горным ветром, без морщин коже, несколько отяжелевшая фигура скрадывается легкостью движений.

Быстрая скачка мимо цветущих апельсиновых и лимонных рощ, затем все выше в горы, альпийскими лугами продолжается час, два. Всадник изредка останавливается, делает несколько затяжек, а затем бросает недокуренную сигарету в кожаную рукавицу, притороченную к седлу и заменяющую пепельницу, и продолжает в одиночестве свой путь. Кто же этот всадник, одеяние и способ передвижения которого нисколько не соответствуют ни месту, ни времени? Место происходящего — перерезанные современнейшими автострадами, забитые машинами новейших марок окрестности Лос-Анджелеса в Калифорнии, время — как выражаются драматурги — наши дни. По горным тропам верхом на лошади трясется не атаман шайки разбойников, рыщущих по глухим местам, не актер, играющий роль в очередном кинобоевике Голливуда, расположенного, кстати, всего в нескольких милях отсюда.

Странный наряд, верховая лошадь и многозарядный кольт принадлежат «электронному королю» Америки — владельцу и руководителю одного из наиболее крупных военных концернов последнего десятилетия, знаменитой «Литтон индастриз» Чарльзу Бейтсу Торнтону, по кличке Тэкс (Техасец). Описанный выше вояж — обычная утренняя прогулка могущественного воротилы, когда он в уединении решает сложные деловые ребусы. Что же касается необычного наряда, то это просто дань воспоминаниям юности. Торнтон давно уже покинул Техас, подвизался на деловом поприще в различных городах Америки, а в последние годы осел на западном побережье в Лос-Анджелесе, где находится штаб-квартира его гигантского концерна.

Но почему же именно Торнтон привлек наше внимание? Он далеко не так богат, как Гетти или Хант, и размеры его личного состояния пока еще не попали в список наикрупнейших в Аме-

рике. Не может сравниться Торнтон громкостью имени, экономическим и политическим влиянием и с семейством Кеннеди. И тем не менее я осмеливаюсь предложить вниманию читателя портрет именно этого деятеля.

В словаре нынешнего поколения прочно закрепилось понятие «модерновый, современный стиль». Говорят о современном стиле архитектуры, о модерновой литературе, музыке, живописи и до мебели вплоть. Иные склонны расширять это понятие, разделяя вообще всё — политические концепции, эстетические взгляды, представление о жизни, о ценностях на традиционные, устаревшие и современные, модерновые. Не вдаваясь здесь в оценку правомерности такого рода классификации, оставив в стороне суждения о сравнительной ценности традиционного и того, что именуется современным, хочу сказать только, что было бы одинаково наивным как ниспровергать ценности, конечно же, если речь идет действительно о ценностях, лишь потому, что они возникли не сию минуту, так и пренебрежительно фыркать по поводу всего, что еще не успел покрыться прозеленью и пылью времен, приобрести респект освященного десятилетиями. Эстетические и иные мерки не вино, они не обязательно обретают букет качеств от многолетней выдержки.

И хотя мода — штука скоропортящаяся и преходящая, глупо, конечно, отрицать, что каждая эпоха, больше того, и менее пространственно протяженные отрезки времени, нежели эпоха, рождают свои требования, свои мерки, вкусы, критерии. В особенности это относится к нашим дням, эпохе, когда время как бы спрессовалось, когда в один день вмещается столько событий, сколько лет сто назад хватило бы на месяцы, а то и годы. Наше время — время больших скоростей. Не только тех скоростей, с которыми человек передвигается с места на место. Ускорился как бы сам ход исторического процесса. Человек второй половины XX века живет в совершенно ином темпе, ином ритме, нежели жил обитатель нашей планеты сто, пятьдесят и даже двадцать лет назад.

Темп жизни породил и иной стиль ее, находящий свое отражение в самых различных сферах человеческой деятельности, — в политике и науке, в литературе и архитектуре, в военном искусстве и в экономике.

Глубочайшие социальные, политические и экономические сдвиги, которые знаменовал собою Великий Октябрь, положили начало новой эпохе человеческой истории, возникли невиданные социальные формации, новая экономическая система, политические и государственные деятели нового типа. Но и отживающее общество не так-то легко сдает свои позиции, оно цепляется, напрягает все

силы, стремясь приладиться — порой небезуспешно — к новым условиям, к новой обстановке. Рассказывая в предыдущей главе о братьях Кеннеди, мы говорили о том, как пытаются приспособиться к сложностям современного мира буржуазные политики. То же самое прослеживается и в мире современного капиталистического бизнеса.

В отчаянных усилиях остаться на поверхности, не выпустить из-под контроля бурного темпа современного развития производительных сил, буржуазия пытается выдвинуть на передний план деятелей новой формации, отличающихся от знаменитых «баронов-разбойников», первонакопителей крупнейших состояний Америки, заправлявших в американском бизнесе сотню лет назад, так же как разнится почтовый дилижанс от современного трансатлантического лайнера.

Это не каприз моды, но проблема первой необходимости. Процвести на ниве современного американского бизнеса, обладая лишь наглостью Джона Пирпонта Моргана, беззастенчивостью Джона Д. Рокфеллера-старшего, пиратским нахрапом коммодора Вандербильта, уже невозможно. К этой милой коллекции качеств, столь же необходимой для сегодняшнего американского бизнесмена, как и сто лет назад, приходится добавлять нечто новое: деловую квалификацию, умение ориентироваться в сложнейших проблемах современной науки и техники, многосложных финансовых хитросплетениях.

Практика показывает, что даже самые натасканные и тренированные наемные управляющие далеко не всегда могут заменить квалифицированного хозяина — наиболее успешно функционируют те концерны, во главе которых стоят толстосумы, самолично постигшие премудрости современного бизнеса. Одним словом, и в американском бизнесе — среди крупнейших его воротил — образовался в последние годы свой современный стиль. Появилась — пускай и не ставшая пока наиболее распространенной — модерновая разновидность американского предпринимателя образца второй половины XX века.

Каков же он, этот новый тип, эта современная формация капиталистических воротил? Можно было бы, конечно, набросать здесь перечень качеств и специфических особенностей этого типажа, изобразить некую схему, вывести своего рода общий числитель и знаменатель. Но любая схема бесконечно беднее жизни, а знаменатель — штука сухая, не всегда удобоваримая.

А посему автор попытался знаменатель сей изобразить не графически, а поискать его в среде деятелей американского большого бизнеса новейшей формации, рассказать об одном из новых миллионеров, в облике которого соединились и нашли воплощение

характерные черты этой формации. Вот тут-то выбор и пал на Чарльза Бейтса Торнтона, калифорнийского миллионера, владельца военно-промышленной корпорации «Литтон индастриз».

Конечно, не каждое из специфических качеств Торнтона в полной мере относится к другим представителям данного вида. Скажем, я не возьмусь утверждать, что любой из бизнесменов торнтоновского типа всенепременно спозаранку мотается по горам верхом на лошади или питает пристрастие к техасским шляпам и красным рубашкам. Это, так сказать, сугубо индивидуальное, торнтоновское. Но в основном, в главном этот деятель вполне типичен для целой плеяды новых богачей, занявших на арене американского большого бизнеса в последнее десятилетие место заметное, позиции важные и претендующие в предстоящие годы на роль еще более значительную.

Мне хотелось бы дать читателю эскизы к портрету этого деятеля, именно к портрету, а не к карикатуре на него, потому что понять как слабые, так и сильные — а они, несомненно, наличествуют — стороны таких деятелей — дело необходимое. Ведь это факт, что, несмотря на растущие трудности, современному капитализму путем усиленного маневрирования, мобилизации всех ресурсов и резервов удается отодвигать час своего окончательного краха, более того, на отдельных участках обеспечивать технический прогресс и, эксплуатируя его, оказывать хотя в конечном итоге и безнадежное, но на коротком историческом отрезке удающееся сопротивление ходу истории.

Чем-чем, а бездарью Торнтона не назовешь. Когда мне в первый раз довелось писать об этом предпринимателе, я не был с ним знаком лично, хотя перечитал о его деятельности все, что смог найти в американской печати — надо сказать, что понаписано о Торнтоне в последние годы американцами немало, он очень выделяется на в основном уныло-сером фоне мира, в котором обретается.

Наша первая встреча состоялась летом 1968 года в небольшом, со вкусом отделанном особняке в Санта Моника — фешенебельной окраине Лос-Анджелеса. Обстановка и отделка дома — нарочито старомодная — надо думать, умышленно, контрастировала не только с захлестнувшей Америку волной «модернового» стиля, но и самоновейшим бизнесом, в области которого процветал Торнтон. Встреча началась с забавного эпизода. После первых приветствий я стал пространно объяснять моему собеседнику цель своего визита, сообщив, что уже некоторое время интересуюсь «Литтон индастриз» и ее хозяином. Прервав мои речи, Торнтон встал из-за маленького столика, за которым происходил наш разговор, подошел к шкафу, вынул из него небольшую папку

и положил передо мной. Раскрыв ее, я обнаружил нечто, прямо скажу, для меня неожиданное: там находились фотокопия опубликованного в одном из советских журналов моего очерка о Торнтоне и подколотый к ней тщательно выполненный полный его перевод.

— Вижу, информация у вас поставлена неплохо.

— Ничего не поделаешь, бизнес. На том стоим.

Одним словом, представления не потребовалось, и мы сразу приступили к делу.

С тех пор мне довелось неоднократно встречаться и с Чарльзом Торнтоном и с Роем Эшем, играющим в «Литтон индастриз» роль ненамного меньшую, чем сам босс, и с их ближайшими сотрудниками, встречаться и в Калифорнии, и в Вашингтоне, и в Москве, где Торнтон побывал не так давно. Впечатлений, знания фактов существенно прибавилось. Продукт новейшей формации американского бизнеса предстал передо мной не как фигура отвлеченная, схематичная, иллюстрирующая определенные авторские концепции, а как живой человек, конечно же, более сложный, нежели тот, каким он представлялся раньше. Но главное все-таки осталось неизменным, — и впечатление нетипичной для американских бизнесменов незаурядности этой фигуры, и ощущение того, что это представитель чужого и глубоко чуждого нам мира.

Было бы наивным закрывать глаза на имевшее место в последние годы количественное и качественное расширение американской промышленной машины. Слов нет, главная заслуга этого в таланте ученых и инженеров, в золотых руках американских рабочих. Но большим и сложным современным производством должны управлять люди квалифицированные. Их не так много в среде современной крупной буржуазии, но они есть, будучи порождением необходимости века атомной энергии и электронно-счетных машин. Нет ничего легче, нежели изобразить всех недругов наших, политических и классовых врагов этакими олухами царя небесного, личностями пустопорожними и никчемными. Нам бы жилось куда легче, если бы дело обстояло действительно так. Но и успехи наши в историческом соревновании капиталистической и социалистической систем были бы куда менее весомы, если бы те, кто нам противостоит, были бы все сплошь бездари и неумехи.

«Уиз кидз» — «ловкие ребята»

Летом 1967 года влиятельная американская газета «Вашингтон пост» опубликовала результаты любопытного опроса, проведенного среди ведущих бизнесменов страны. Американским промыш-

ленникам и финансистам был задан вопрос: кого они считают самым выдающимся из ныне действующих руководителей крупных американских корпораций? По количеству собранных голосов был составлен список десяти фаворитов, возглавлявшийся Робертом Макнамарой, бывшим президентом компании Форда, вернувшимся весной 1968 года в сферу бизнеса после семилетнего пребывания на посту министра обороны. Список включал в себя также такие громкие в деловом мире США имена, как Жан Поль Гетти, Джозеф Кеннеди, два потенциальных кандидата на пост президента страны — автопромышленник и губернатор штата Мичиган Джордж Ромни и владелец крупной чикагской корпорации сенатор Чарльз Перси, Генри Форд II. В этой именитой десятке обладателей гигантских состояний, любимцев политической фортуны, неожиданно для непосвященных оказалось и имя Чарльза Торнтона из Лос-Анджелеса.

Что же касается людей сведущих, знающих, что почем и кто как котируется на бирже американского бизнеса, то для них появление Торнтона в именитой обойме было обстоятельством закономерным и вполне обоснованным.

В 1953 году название компании «Литтон» невозможно было обнаружить даже в самых подробных каталогах американских корпораций. Это был крошечный полузавод-полулаборатория, выпускавший микроволновые лампы. За 18 лет, прошедших с того дня, когда Чарльз Торнтон, купив акции этой компании у ее основателя небесталанного инженера Литтона, одного из первых американских специалистов в области электроники, «Литтон индастриз» — так Торнтон назвал свое детище — превратилась в гигантскую корпорацию с капиталом в 1 миллиард 700 миллионов долларов, вошедшую в число ста крупнейших промышленных компаний Америки. Компании принадлежит сегодня 71 завод в Соединенных Штатах и еще двенадцати странах мира.

Чем занимается «Литтон индастриз»? Ответить на этот вопрос не так-то просто. В списке ее продукции свыше двухсот наименований — от крошечных лампочек до атомных подводных лодок, от кассовых аппаратов и электрических пишущих машинок до сложнейших электронно-счетных машин и оборудования космических кораблей. Представители корпораций орудуют по всему свету. Они составляют карту подземной вулканической деятельности на Гавайских островах, ищут нефть на дне Северного моря, бродят по джунглям Суринама в Нидерландской Гвиане в поисках подземных кладовых.

— Черт побери, — ворчливо сказал мне один из завсегдатаев Уолл-стрита, пожилой и приверженный прошлому делец, в ответ на вопрос о том, что представляет собой «Литтон индастриз», —

это же какое-то попурри, а не фирма! Где вы видели, чтобы солидный человек и бизнесмен занимался всем на свете. Помяните мое слово, не кончит добром этот Торнтон.

Такого рода ворчание, ироническое пожимание плечами, явное недоверие и скрытое недоброжелательство бизнесменов старой закваски сопровождают деятельность Чарльза Торнтона с того самого момента, когда он впервые появился на поприще бизнеса. И по сей день отношение к нему многих влиятельных в деловом мире персонажей являет собой странную смесь недоверия и восхищения, удивления и зависти, злорадной надежды на неминуемый крах и желания подражать. Было бы преувеличением сказать, что вокруг бизнесмена Торнтона кипят такие же страсти, как вокруг политиков братьев Кеннеди. И все-таки нечто общее в отношении к этим непривычным, нарушающим устоявшиеся правила игры в политике и бизнесе, удачливым и процветающим представителям современного поколения властвующей американской элиты, бесспорно, наличествует.

Первые же шаги Торнтона в роли бизнесмена озадачили и шокировали окружающих. Неприязнь к игроку, действовавшему не по правилам, вылилась тогда в ядовито ироническую кличку «уиз кидз» — «ловкие ребята», которую приклеили на Уолл-стрите Торнтону и его команде, вложив в нее презрение респектабельных бизнесменов к головоногости пришельцев без финансово-промышленного рода и племени, подобно камню, брошенному в пруд, растревоживших привычное в деловых конторах течение дел. Кличка эта, кстати говоря, пристала на всю жизнь, и, если сегодня в любом деловом клубе Америки спросить, кто такие «уиз кидз», на вас посмотрят с удивлением, как на человека, не знающего, сколько будет дважды два.

На истории «уиз кидз», пожалуй, есть смысл остановиться несколько подробнее, ибо именно тогда, более четверти века назад, была закручена пружина торнтоновской карьеры, именно в те дни завязывались связи, вырабатывались методы, которые и по сей день играют немалую роль, объясняют многие секреты необычайного взлета Чарльза Торнтона. Более того, в те дни стали складываться новые приемы управления современным бизнесом, которые в последующие годы получили в деловых кругах немалое распространение, претендуя на новый стиль ведения дел в крупнейших корпорациях.

Дело происходило в Детройте, в правлении знаменитого фордовского концерна. Впрочем, знаменитым в те дни было только имя Форда. Дела же этой автомобильной империи шли из рук вон плохо. Жестокая междоусобица внутри семьи, схватка не на жизнь, а на смерть между наследниками старого Генри Форда —

его сыном Эдзелом и внуками Генри, Бенсоном, Уильямом и любимцем главы династии его главным управляющим Генри Беннетом — привела некогда могущественную фирму на грань краха. Незадолго до этого таинственно и внезапно умер Эдзел Форд. Вскоре покинул земную юдоль и старый Генри. Лишь с большим трудом внукам удалось изгнать из компании Беннета.

Могущественные конкуренты, воспользовавшись фордовскими неурядицами, теснили их со всех сторон. Необходимы были самые срочные меры, ибо речь шла о будущем всего предприятия. В эти-то дни и появились в фордовской штаб-квартире в Дирборне десять молодых, безмерно самоуверенных, нахрапистых и хватких офицеров американской интендантской службы, еще не успевших снять военных мундиров.

Главой этой десятки был тридцатидвухлетний полковник военно-воздушных сил Чарльз Торнтон.

Торнтон родился в 1913 году в небольшом техасском городке, в семье предпринимателя средней руки. Папаша Торнтон был субъект энергичный, но, что называется, без царя в голове. Его деловые операции не раз повергали в недоумение местных дельцов, которые, узнав об очередной авантюре старого Торнтона, удивленно прищелкивали языками и крутили пальцем около головы. Положение обычно спасала мать семейства Алиса Торнтон, урожденная Бейтс, особа расчетливая, хладнокровная, с сильным характером.

Торнтон-старший в конце концов кончил плохо, разорившись в пух и прах во время кризиса 29-го года. Его деловые фантазии, хотя и отличавшиеся большим размахом, смелостью замысла и бесспорным элементом воображения, не подкреплялись холодным и трезвым расчетом. Расчетливой была мамаша, что она и продемонстрировала, когда ее незадачливый супруг вылетел в трубу. Выяснилось, что она имела собственные капиталы, которые и не подумала использовать для спасения от финансового банкротства прогоревшего мужа. Предпочтя выставить его за порог, она занялась собственным бизнесом, привлекши к нему своих малолетних сыновей.

Во всяком случае, Чарльз уже в 14 лет был собственником сорока акров земельных участков, которые он по совету мамаши по случаю и дешево скупил на городских окраинах, использовав деньги, которые она давала ему взаймы. В 19 лет он уже был собственником бензоколонки и станции обслуживания автомобилей. Мадам Торнтон вколачивала в голову сына правила деловой расчетливости и осмотрительности. Она делала это тем более настойчиво, что боялась, как бы ее любимцу не помешала дурная наследственность. До последних дней жизни с содроганием вспо-

минала она день, когда ее незадачливый супруг трясущимися губами сообщил ей о своем банкротстве.

Впрочем, наследственность есть наследственность. Чарльз Торнтон не забыл мамашиных проповедей, и в его деловом почерке сегодня отчетливо проглядываются уроки, полученные в детстве, — умение выждать, соразмерить свои аппетиты с реальными возможностями, любовь подстраховать себя запасным вариантом. Но несомненны и отцовские гены — деловая дерзость, пренебрежение к общепринятым правилам бизнеса, размах и воображение.

Но гены генами, а бизнес бизнесом. На одной наследственности далеко не уедешь. Да и денег для начала крупного бизнеса не хватало. На семейном совете было решено, что бензоколонка — это не бизнес и идти нужно с другого бока. Чарльз Торнтон поступил в Техасский технологический колледж. В 1937 году он закончил университет Георга Вашингтона, получив степень бакалавра химических наук. Но не таинственного превращения вещества, хитросплетения колб и реторт ради, а токмо карьеры для. Это для него было средство, но не цель. Тайнам вещества он предпочитал тайны превращения вещества в золото. Хитросплетение финансовых махинаций манило его больше, нежели лабиринт колб.

С дипломом в кармане и с несколькими сотнями долларов Торнтон направил свои стопы в Вашингтон, где, используя связи земляков, устроился клерком в министерство авиации. Здесь-то и помог ему случай. Занимавшему тогда пост помощника министра Роберту Ловетту, видному уолл-стритскому банкиру, не без корыстных побуждений при первых раскатах начавшейся второй мировой войны в расчете нажиться на военных поставках перебравшемуся из деловой конторы в министерство авиации, срочно понадобился доклад, связанный с какой-то запутанной проблемой. Свободных чиновников из числа опытных под рукой не было, и доклад был поручен новичку Торнтону.

Что-что, а по части ухватывания фортуны за хвост Техасец всю жизнь большой дока. Он оценил представившийся случай, решив ни в коем случае не упускать его. Несколько дней и ночей упорного труда, и на стол Ловетта легло несколько страничек доклада, приведшего банкира, напялившего генеральский мундир, в неописуемое восхищение. Из большой массы беспорядочных цифр и фактов аналитический ум Торнтона цепко выхватил главное, четко сгруппировал и систематизировал, подведя к обоснованным и разумным выводам. В тот же день Чарльзу Торнтону, до этого штатскому клерку, было присвоено первое воинское звание младшего лейтенанта. В этом звании он пребывал ни много ни мало 48 часов. Выполнив новое задание босса, он тут же получил по-

вышение. К концу войны на торнтоновском мундире уже красовались полковничьи звездочки.

Дело, которым занимался Чарльз Торнтон в министерстве авиации, было достаточно сложным. Роберт Ловетт поручил ему перевести на «бизнесовую основу» все дело оснащения и снабжения американских военно-воздушных сил. В подчинении его находилось около трех тысяч офицеров, разбросанных к концу войны по всему земному шару. Надо сказать, что с задачей своей он справился неплохо. Сколотив вокруг себя небольшую группу помощников, молодых людей с энергией, знаниями и без предрассудков рутинного бизнеса, он осуществлял операции большого размаха.

Но вот война подошла к концу. Нужно было думать о будущем. Как-то за обедом Ловетт рассказал своему любимцу об уоллстритских пересудах по поводу положения дел в компании Форда. На следующее же утро Генри Форд II, просматривая почту, обнаружил пространную телеграмму. Ее автор — некий авиационный полковник — предлагал услуги свои и своих девятерых коллег, самоуверенно гарантируя крутой поворот к лучшему в делах фирмы. В заключение телеграммы находилась ссылка на авторитет Роберта Ловетта, у которого, дескать, можно навести справки.

Дерзкий тон телеграммы несколько озадачивал. Но положéние фордовского бизнеса было настолько критическим, что новый глава концерна решил встретиться с самоуверенным полковником. Переговоры состоялись. Выторговав для себя оклад в 20 тысяч долларов и приличное содержание для своих коллег, в том числе ближайшего друга и сподвижника молодого офицера по имени Роберт Макнамара, Чарльз Торнтон перебрался в Дирборн. Очень скоро Генри Форд II понял, что совершил сделку весьма выгодную. Он получил в свое распоряжение сработавшуюся команду энергичных, знающих, прошедших неплохую школу и ни перед чем не останавливающихся, имевших немалые связи в военном ведомстве управляющих.

Надо отдать Торнтону должное. Еще в министерстве авиации он сумел подобрать себе группу помощников, деловые качества которых были намного выше средних. К числу торнтоновских деловых достоинств, несомненно, относится умение найти и расставить людей, чьи качества отвечают требованиям того или иного места. Не случайно сегодня все десятеро из числа «уиз кидз», занимают заметное место в мире американского бизнеса. После ухода Торнтона от Форда его место во главе группы занял Роберт Макнамара, который, быстро пройдя ступени фордовской иерархии, к концу 50-х годов сел в кресло президента компании, став ее главноуправляющим. А после того как Генри Форд, руководствуясь

далеко не заботой о ближнем и отнюдь не государственными интересами, уговорил Джона Кеннеди сделать своего управляющего министром обороны, в президентском кресле компании оказался третий из «уиз кидз» — Арджей Миллер.

По мере того как обнаруживалась успешность деятельности торнтоновской группы в автомобильном королевстве, менялся и тон, которым произносилось в деловых конторах это самое «уиз кидз». Оттенок прохиндейства, который поначалу превалировал в этой издевательски ехидной кличке, постепенно отходил на второй план, уступая место нескрываемому восхищению, смешанному с завистью.

Одна из популярных в Америке пословиц гласит: наилучший путь к успеху — это успех («the best way to success is success»). Культ успеха, религия успеха, успех, возведенный в идеологию и мировоззрение, — без этого многого не понять в сегодняшней Америке, в психологии американца, причем не обязательно познавшего этот успех, но тем не менее ему поклоняющегося. Хорош не умный, мил не красивый, вызывает зависть не талантливый, встречает поклонение не благородный и возвышенный. Хорош, умен и прочая — удачливый. Будь ты хоть семи пядей во лбу, но если тебе не везет, — а мера везения в Америке, ее единообразное, бесспорное и абсолютное выражение одно — доллары, — если у тебя тощий кошелек, то грош цена твоему уму и таланту, качествам души и возвышенному образу мыслей.

Годами вколачивался этот цинизм в голову американца, жгучим ядом выжигал ему душу и стал сегодня одной из примечательных черт национального характера.

«Наилучший путь к успеху — это успех». Торнтон и его команда прокладывали себе путь к успеху. Стечение благоприятно сложившихся обстоятельств — разве трудное положение фордовских наследников не было, к примеру, таким обстоятельством? — выгодная конъюнктура, конечно, определенные способности, а также опыт, приобретенный во время интендантских операций большого масштаба, — все это дало команде «ловких ребят» возможность проявить себя.

Ловкость их была налицо. Речь идет отнюдь не только о деловой ловкости, хотя она наличествовала безусловно. Придя в правление фордовского концерна, торнтоновская группа проанализировала и критически пересмотрела весь комплекс производства и сбыта, как организацию производственных процессов, так и систему связи с поставщиками, с торговыми фирмами, отношения с правительственными организациями и многое другое.

Некогда именно Форд был одним из первооткрывателей в этой области, создателем той организации производства, которую

Ленин называл «научной системой выжимания пота». Вспомните злые чаплинские кадры из фильма «Новые времена» — именно фордовский конвейер имел в виду великий сатирик. Однако научная система организации труда не является злом сама по себе. Ставя производство на научную основу, способствуя его наиболее разумной и рациональной организации, такая система несет в себе элементы прогресса до тех пор, пока, будучи поставлена на службу безмерной жадности эксплуататора, не превращается в каторгу для рабочего и, следовательно, в орудие не прогресса, а регресса.

К тому времени, когда в фордовской штаб-квартире обосновалась торнтоновская команда, Форды растеряли многие свои позиции, восстановлением которых на современном уровне и занялись энергичные администраторы. Насколько основательно они это сделали, можно судить по тому, что и по сей день на фордовских заводах действует система, запущенная ими тогда.

Дела фордовского концерна круто пошли в гору. Десятисильная упряжка рвалась вперед. Вместе с удачами росло и самомнение Торнтона. Он уже позволял себе оспаривать мнение хозяина упряжки, самого Генри Форда II. Молодой Форд слишком хорошо знал опасность предоставления большой власти управляющему. Еще свежи были рубцы от укусов Генри Беннета — дедовского любимца. В результате пост вице-президента фордовской компании, был доверен известному конструктору автомашин Эрнсту Бричу, высоким окладом и постом переманенному из «Дженерал моторс».

И Торнтон ушел, став вице-президентом набиравшей в конце 40-х — начале 50-х годов силу компании «Хьюз эйркрафт», принадлежащей калифорнийскому миллиардеру Говарду Хьюзу.

Цена таланта

Электроника — вот то поле, которое решил возделывать Торнтон. Вознамерился осуществить он это тогда, когда немногие еще его коллеги отдавали себе отчет в огромных перспективах этой новейшей отрасли техники.

Своего нового патрона Говарда Хьюза Торнтон убеждал сосредоточить все усилия на создании самого современного оружия. Именно в дни пребывания Техасца во главе «Хьюз эйркрафт» она превратилась в одного из главных поставщиков управляемых ракет для американской армии. Если идею наживы на торговле оружием, собственно говоря, нельзя причислить к разряду торнтоновских открытий — сие было известно американским предпринимателям уже задолго до него, — то в деле освоения электроники и по-

становки новейших открытий человеческого гения в этой области на службу военному бизнесу среди американских промышленников Торнтон был одним из первых.

Его техническое образование, служба в авиации и деловая интуиция содействовали этому в немалой степени. Правда, и здесь ему на помощь пришел отнюдь не случайный случай, который свел его в недрах «Хьюз эйркрафт» с ученым-электронщиком и небесталанным инженером Хью Джеймсоном. Фанатически увлеченный открывшимися перспективами, но отнюдь не отличающийся чрезмерной щепетильностью, Джеймсон просвещал вице-президента своей фирмы по части того, как можно использовать электронику для создания новейших видов оружия. И не только просвещал, но охотно поставил свои знания и талант на службу созданию орудий уничтожения людей.

Хьюз был в восторге. В его карман хлынул золотой поток. Что же касается Торнтона, то его все больше грызли сомнения. Каждый новый миллион долларов, который он клал в карман своего хозяина, жег ему руки. Он не мог отделаться от мысли о том, что этот миллион мог бы оказаться в его собственном кармане.

В 1953 году Торнтон втихомолку готовился начать собственное дело. Продумано было все до мельчайших деталей. Во-первых, составлена команда. В ней, правда, на сей раз было не десятеро, а трое — Торнтон, теперь уже сам в роли босса, Джеймсон, которого он сманил щедрыми посулами, и некто Рой Эш, один из военных интендантов, служивших в авиационном штабе под началом Торнтона, а после войны подвизавшийся в роли одного из финансовых экспертов в сан-францисском «Бэнк оф Америка». Последнее обстоятельство имело особый вес в глазах Торнтона. Поддержка финансистов, а особенно такого крупнейшего в стране банка, как «Бэнк оф Америка», — фактор немаловажный.

Правда, у «Бэнк оф Америка», с точки зрения хитрого и предусмотрительного Торнтона, был один существенный недостаток. Не первый год толкаясь по коридорам и кабинетам ведущих корпораций и банков страны, он отлично ориентировался в той ожесточенной грызне, которая происходит между представителями так называемых «старых денег» — ведущими банками Уолл-стрита и «молодыми деньгами» — предпринимателями и банкирами Калифорнии, Техаса и некоторых других районов. Ему отлично были известны трудности, которые громоздят на пути молодых конкурентов могущественные уолл-стритские династии. Связать себя исключительно с «Бэнк оф Америка», предстать в глазах нью-йоркских банкиров союзником их грозного калифорнийского конкурента не входило в расчеты изворотливого техасца.

Поэтому, загодя используя старых друзей из фордовского концерна, он флиртует с могущественным и влиятельным на Уолл-стрите Джозефом Кеннеди, а затем заручается поддержкой одного из старейших уолл-стритских банков «Лимэн бразерс». Лимэны обещают предпринимателю крупный заем на обзаведение.

Теперь дело за немногим: нужен трамплин, точка опоры, при помощи которой Торнтон намеревался перевернуть мир американского бизнеса. Выбор падает на маленькую компанию, принадлежащую инженеру Чарльзу Литтону. Запатентовав несколько удачных изобретений в области электроники, Литтон создал свою небольшую фирму.

Когда в калифорнийских деловых клубах речь заходит о Тэксе, как фамильярно именуют президента «Литтон индастриз», о причинах его необычайно быстрого обогащения, то чаще всего ссылаются на его особые способности, на его талант. Спору нет, Торнтон выделяется среди своих собратьев и коллег и умом, и хваткой, и определенными знаниями.

Но значит ли это, что наличие особых способностей и талантов предопределяет в современной Америке возможность раскрыть эти способности и таланты, предопределяет успех? А как же тогда, скажем, Чарльз Литтон? Талант его несомненен, причем в той самой области, где процвел другой Чарльз — Торнтон. Но Литтон своими идеями если кого и обогатил, то не себя, а Торнтона.

Мне не довелось встречаться с Чарльзом Литтоном. Но об одной встрече, имеющей непосредственное отношение к судьбе таланта в Америке, к вопросу о том, существует ли там прямая зависимость между талантливостью человека и его успехом в обществе, хочу здесь рассказать.

У меня в руках записная книжка, которую я вел во время недавней поездки в Соединенные Штаты. Она открыта на странице, где вместо очередной записи наклеена крупная визитная карточка. О не вполне обычной истории того, как эта визитная карточка попала в мой блокнот, и пойдет речь в этом небольшом, но имеющем прямое отношение к трактуемому нами предмету отступлении.

Я возвращался из района нью-йоркских студентов Гринвич-Вилледжа к себе в отель. Было уже довольно поздно, до ближайшей станции метро неблизко, и я решил воспользоваться такси. Надо сказать, что способ, при помощи которого останавливают такси жители Нью-Йорка, несколько своеобразен: они громко свистят. С церемонностью коренного москвича я поначалу стеснялся и пытался остановить машину взмахом руки. Это не удавалось. А после того как буквально у меня из-под носа розовощекая ста-

рушка лет семидесяти, залихватски свистнув, увела машину, я решился. Вспомнив свой опыт многолетнего футбольного болельщика, я, увидев очередной таксомотор, сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул — не хуже, чем у нас в Лужниках. Резко затормозив, машина подъехала к тротуару, и ее водитель, немолодой уже человек с живыми черными глазами, любезно открыл мне дверцу.

Назвав адрес своего отеля, я вступил в беседу. Уловив, очевидно акцент иностранца, водитель такси спросил, откуда я, а узнав, что из Советского Союза, заметно оживился и... перешел на хотя и ломаный и неправильный, но все-таки русский язык.

Первые вопросы, которые были заданы моим собеседником, не скрою, были для меня неожиданными. О многом, подчас самом фантастичном, спрашивают за рубежом советских людей, и мы уже отвыкли удивляться. И все-таки я был удивлен.

— Скажите, — обратился ко мне таксист, — как выглядит сейчас, — он старательно выговаривал по-русски, — мистер Ми-ха-ил Мои-сее-вич Бо́твинник и мистер Васи-лий Василье-вич Смы́слов, давно ли вы их видели, как их здоровье?

Согласитесь, неожиданный поворот разговора с шофером такси в час ночи на одной из нью-йоркских улиц. Ответив как мог на вопрос, я, в свою очередь, поинтересовался, чем вызван, этот несколько специфический интерес моего собеседника. То, что я услышал в ответ, показалось мне невероятным.

— Я хорошо знаю этих замечательных русских мастеров, мне приходилось не раз встречаться с ними за шахматной доской, — сказал шофер. — Меня зовут Николас Россолимо, и я имею честь носить высший в шахматном мире титул международного гроссмейстера.

Скажу вам честно, я согрешил, не поверив моему случайному собеседнику. Прежде всего как-то не вязался вид очень усталого, небритого человека в потрепанном костюме и форменной, с кокардой фуражке, крутившего баранку на нью-йоркских улицах, с привычным и степенным обликом шахматных гроссмейстеров. А кроме того, как-то неправдоподобно с профессиональной точки зрения выглядела ситуация: журналист приехал в Америку, и сразу же в девятимиллионном городе такой сюжет: среди тысяч такси попал в машину, за рулем которой — международный гроссмейстер.

Видимо, почувствовав по возникшей паузе недоверие, мой случайный собеседник притормозил машину у тротуара и, достав из бокового кармана визитную карточку — ту самую, которая покоится сейчас в моем путевом блокноте, являясь безмолвным сви-

детелем этой истории, — протянул ее мне. На ней было написано:

«Международный гроссмейстер Николас Россолимо. Шахматная студия, Салливен-стрит, 191, Гринвич-Вилледж, Нью-Йорк. Открыта ежедневно с шести до девяти вечера, библиотека шахматной литературы, обучение шахматной игре».

Гроссмейстер Россолимо рассказал о нелегкой жизни, которую он ведет.

— Я думаю, что играю не хуже, чем прежде, — сказал он, — но за эти годы в Америке появились Фишер, Бисгайер и другие, и через них мне, человеку уже немолодому, в большие турниры не пробиться. Меценаты от меня отвернулись, а жить надо. Я не порываю с любимым искусством. В студенческом Гринвич-Вилледже держу студию, где обучаю игре в шахматы. Но много ли получишь со студентов? Приходится арендовать у крупной фирмы эту машину для того, чтобы прокормить семью. Вот и колешу по Нью-Йорку, пока не зарябит в глазах.

Разговор явно пора кончать. Гроссмейстеру нужно зарабатывать на жизнь. Мы прощаемся. Николас Россолимо просит передать большой привет Ботвиннику и Смыслову, а также молодым советским гроссмейстерам Петросяну и Спасскому и особенно Михаилу Талю, которого он сравнивает с великим американцем Мэрфи.

— Многие партии Таля я знаю наизусть, — говорит он, — это шедевры. Жаль, что не доведется с ним встретиться, жизнь уходит.

Я вижу грусть в глазах этого человека, некоторое время слежу за красными огоньками его удаляющейся машины, и, наконец, они пропадают, затерявшись в огромном и холодном городе, равнодушном к таланту, на котором уже нельзя заработать.

Талант, на котором нельзя заработать! И талант, на котором заработать можно. Согласитесь — дефиниция своеобразная, разница вполне определенная и весьма типичная для нынешнего американского общества. Конечно, Чарльза Торнтона и некоторых других представителей новейшей формации американских бизнесменов нельзя отнести к деятелям посредственным и заурядным. Для того чтобы руководить обширным и сложным современным производством, нужны определенные данные.

Не простой человек Чарльз Торнтон. Нелегко оценить такого однозначными категориями.

Нужды современного бизнеса заставляют многих из нынешних воротил поворачиваться быстрей, самим шевелить мозгами, не всегда и во всем доверять наемным управляющим. Знакомый с основами современной техники, неплохо ориентирующийся

в сложных финансовых проблемах, обладающий аналитическим умом, умеющий четко расчленить проблему на составные части, проанализировать и принять логически обоснованное решение, найти неожиданный поворот, — все эти качества Торнтону, бесспорно, присущи.

Но здесь необходимы две оговорки, без которых сказанное выше не имеет никакого веса, ибо отражает лишь часть, и притом небольшую часть, правды. Во-первых, всех перечисленных качеств, больше того, и целого ряда других, которыми можно было бы продолжить список достоинств делового человека, недостаточно, чтобы обеспечить процветание деятеля, подвизающегося в сфере американского бизнеса. Можно сегодня в Америке быть дважды умным, трижды образованным, четырежды квалифицированным и не добиться никакого успеха, всю жизнь обретаясь на задворках бизнеса, в услужении у чужого богатства, как это бывает сплошь да рядом.

Изучение списка примерно тысячи видных бизнесменов, играющих ныне главные роли в деловом мире Соединенных Штатов, привело меня к убеждению, что и не существует причинной связи между талантами делового человека и степенью его процветания, не существует закономерности, которая выдвигает по уму и таланту. Конечно, по нынешним сложным временам бездарности процвести трудно. Но вы чаще встретите в директорских и президентских кабинетах американских корпораций людей, хотя и посредственных в сфере того бизнеса, каким они заняты, — слабых инженеров, недалеких финансистов, но зато обладающих набором совершенно особых качеств — нахрапом, безжалостностью, принципиальной беспринципностью, беспредельным цинизмом, — одним словом, всем тем, что можно назвать комплексом аморальности, нежели не обладающих этим комплексом и продвигающихся лишь за счет знаний и деловой хватки.

Инженер Литтон был крупным изобретателем. Его помнят лишь потому, что Чарльзу Торнтону взбрело на ум сохранить его имя в названии своей фирмы.

Торнтон ничего не изобрел. Во всяком случае, в области электроники. Но именно он нажил богатства на изобретениях Литтона и многих других людей талантливых, но менее удачливых — во-первых и не располагающих специфическими качествами, без которых не процвести в мире американского бизнеса, во-вторых.

И еще одно обстоятельство. Мне довелось в последние годы не раз встречаться и беседовать с представителями американского делового мира. Спору нет, многие из них энергичны, обладают деловой хваткой.

Но я не готов восхищаться этой современной и всячески пре-

возносимой породой «новых бизнесменов», этаких ходячих счетно-решающих устройств, которых за океаном пытаются представить как некий эталон современного человека. И не только потому, что невозможно принять их мораль и идеологию, глубоко чуждые для людей нашего мира методы и взгляд на мир. Неприемлемы эти «эталоны» и с чисто человеческой точки зрения. Встречаясь с такого рода деятелями, чаще всего обнаруживаешь, что их компетентность ограничивается непосредственно областью, в которой они заняты, что «эталоны» эти до изумления узки, односторонни, плоски как доллар. И, кроме этого доллара, их не интересует ничего, что делает человека человеком, а не роботом, в голове которого сухо щелкают всяческие реле, непрерывно перемножающие цифры со многими нулями.

Авторское отступление

И здесь мне хотелось бы увести внимание читателя несколько в сторону от самого Торнтона и его фирмы. Нельзя не восхищаться многими достижениями американской цивилизации, плодом таланта ее ученых и инженеров, гения ее рабочих. Современные заводы и многокилометровые ажурные мосты, отличные машины, мчащиеся по первоклассным автострадам — чуду современной строительной техники, небоскребы Нью-Йорка и огромные плотины современных гидроэлектростанций — все это действительно здорово и достойно всяческого уважения.

Но вот ты находишься в Америке неделю, десять дней, месяц. И вдруг начинаешь замечать, что все реже тебе хочется восхищаться, все чаще эта машинная цивилизация без души начинает угнетать, потом раздражать, а потом делает твое существование невыносимым. Становится душно до нестерпимости. Быть может, именно поэтому, в виде неосознанного, что ли, протеста, миллионы американцев используют любую возможность, чтобы бежать подальше от городского грохота, туда, где не пахнет ни цивилизацией, ни даже хваленым, привычным и делающим жизнь комфортабельной сервисом. Есть это и в других странах, но нигде я не видел такой исступленности, такой неистовости в этом стремлении хоть ненадолго избавить, абстрагировать себя, отвлечься от повседневной цивилизации, как это имеет место в Америке.

Слабость, уязвимость этой машинной, но какой-то удивительно бездушной и потому античеловечной цивилизации особенно явственно ощущаешь по контрасту, когда возвращаешься домой. Обратился мыслию к этому я не так давно, находясь за много тысяч километров и от дома и от Америки, на Японских островах...

В течение многих часов меня водили по предприятиям Токио и Осаки. Я видел совершенный, построенный по самому последнему слову техники радиотелевизионный завод фирмы «Мацусита», каких немного и в Америке, был на наисовременнейшей верфи компании «Хитачи», где создаются огромные корабли, казалось бы, вовсе без участия человека. А потом мы оказались в древней столице Японии городе Киото.

Есть в этом городе место удивительное. Его называют каменным, или философическим, садом. Представьте себе не очень большой внутренний дворик, примыкающий к древней террасе скромного деревянного храма. Дворик посыпан мелкой светлой галькой, разровненной словно граблями. Эти каменные волны должны наводить на мысль о безбрежном море жизни. В нескольких местах расположены разнородные сочетания камней причудливых форм. Все это обрамлено невысокой, в человеческий рост стеной, выкрашенной в темный цвет. Вот и все.

Но почему же тогда уже больше 900 лет приходят японцы в этот каменный сад, долгими часами сидят на террасе, погруженные в размышления? Среди буддийских постулатов существуют три, особенно почитаемые. Первый: жизнь есть страдание. Второй: причины страданий — неудовлетворенные желания. Третий: освободиться от желаний — значит обрести блаженство. Когда-то в каменный сад приходили для того, чтобы, созерцая камни, настроив себя на философско-фаталистский лад, размышляя о безбрежности моря жизни, о бесконечности вселенной, уверовать в бренность земных желаний и обрести душевное равновесие и блаженство, именуемое буддийскими бонзами нирваной.

Вряд ли большинство сегодняшних посетителей каменного сада, а это те же самые японцы, которые поражают мир размахом и совершенством своей промышленной машины, приходят сюда, чтобы найти путь в нирвану. Большинство японцев ведет нелегкую борьбу за хлеб насущный, у них достаточно и бед и невзгод, и все же они испытывают склонность, оторвавшись от повседневной суеты, остаться наедине с собой, поразмышлять, принять, если хотите, интеллектуальную ванну. Иными словами, дело в богатстве и сложности духовной жизни современного японца. Отсюда жизненность по сей день древнего каменного сада.

Современные поточные линии на судостроительной верфи Хитачи в Осаке, совершенство радиотехнического завода фирмы «Мацусита» в Токио, современные автострады, поезда-экспрессы, мчащиеся со скоростью более 200 километров в час, и каменный, причем отнюдь не музейный, сад в Киото — это не разные Японии, это одна и та же страна, одни и те же люди. Это Япония и японцы второй половины XX века.

И Америка знает цену современному техническому прогрессу. Ее не удивить автострадами и поточными линиями. Но философического сада за океаном нет и, как мне кажется, пока что не предвидится. Речь, если хотите, идет о национальном стиле.

Конечно же, на первом месте в духовной жизни человека стоят факторы социальные: в обществе чистогана, там, где миллионы ведут нелегкую борьбу за хлеб насущный, а единицы присваивают себе результаты их труда, говорить о духовной свободе народа наивно и бессмысленно. Но есть и другие факторы, которые в той или иной степени сказываются на интеллектуальном облике людей и общества, — психология того или иного народа, его национальные особенности, традиции. Как уже говорилось, все это возникает не на пустом месте, каждое из этих обстоятельств является результатом вполне определенных и конкретных обстоятельств жизни и истории тех или иных стран.

Но так или иначе, в силу тех или иных причин духовная жизнь американского общества неизмеримо беднее и примитивнее жизни народов многих стран Европы и Азии. При всем уважении к достижениям американской техники и производства, к чудесам американского сервиса во мне все восстает, когда от меня требуют признать это вершиной человеческой культуры и наивысшей степенью цивилизации.

Не будем спорить — приятно, что называется, с ветерком промчаться по отличной автостраде на мощном автомобиле, когда десятки километров тебя не встряхнет, не подбросит, когда на всем протяжении пути тебя ожидают современные станции обслуживания, где автомобиль заправят и вымоют, а тебе предложат завтрак, обед или ужин в зависимости от времени суток и чистую постель. Но вряд ли стоит мчаться сотни километров только для того, чтобы подвигать челюстями в закусочной и улечься на поролоновом матрасе, пускай и самом удобном.

Бесцельной суетой становится загородная прогулка в конце недели, если несущиеся во всех направлениях счастливые владельцы лошадиных сил, тупо уставившись на бесконечную ленту дороги, не замечают ничего вокруг. Если они не способны насладиться красивым ландшафтом, оценить прелесть тихой речки, восхититься закатом и умилиться пичуге, прыгающей с ветки на ветку. Не радует застолица, если все разговоры ее участников бесконечно вертятся вокруг проблемы «что почем».

А ведь именно это главная тема бесед большинства американцев независимо от возраста, пола, профессии и принадлежности к тому или другому слою общества. Не часто в кругу средних американцев можно услышать разговор о новой книге, спектакле

или просто то, что называется разговором по душам о чем-нибудь не касающемся суетной повседневности.

В философическом саду Киото я видел группу американских туристов. Лица их выражали неописуемое недоумение, которое затем сменилось едва сдерживаемым весельем. Никак не могли они взять в толк, с какой это стати вполне нормальные с виду японцы уставились в глубоком молчании на ничем не выдающиеся камни. Вот если бы гид сообщил туристам об этих камнях что-нибудь из ряда вон выходящее, ну, скажем, что это самые тяжелые в мире камни, камни самые в мире каменные или на худой конец что это те самые камни, одним из которых Каин убил Авеля, тогда другое дело — американцы бы все поняли и не стали бы ни осуждать чудаков-японцев, ни потешаться над ними. Но тратить время на созерцание просто так и размышления в каменном саду — этого американцы уразуметь не могли.

Довелось мне видеть в философическом саду и наших соотечественников. Было бы неверно утверждать, что, оказавшись там, мы поняли, ощутили и прочувствовали все тонкости этого непривычного для нас места. Сказывалось различие традиций, иной психологический настрой, иное течение мыслей, иная культура, что ли. Но что характерно — не постигнув, быть может, сразу каких-то тонкостей, общую обстановку сосредоточенности, углубленности, желания поразмыслить о чем-то всерьез, не суетно и не спеша, они почувствовали с первой минуты. Не ощущалось ни недоумения, ни тем более насмешливого высокомерия, чаще всего порождаемого невежеством. Главное, не было душевной глухоты, столь очевидно продемонстрированной представителями и продуктами американской цивилизации.

Душевная глухота — штука скверная, результат некой поверхностности, прямолинейности, примитивности, незрелости. Но еще хуже того национальное высокомерие, когда незрелость сия не только не осознается, о ней не только не догадываются, но, наоборот, почитается она за божий дар и доказательство превосходства над другими. Мещанин всегда доволен собой столь же безраздельно, сколь недоволен другими. Он пребывает в совершенном убеждении, что хорошо только и исключительно то, что он, мещанин, почитает хорошим. Все же то, что он таковым не почитает, чего он не понимает и не ведает, — суть плохо, грешно и мерзостно.

Мещанин опасен всяческий. Но трижды опасен мещанин сытый. Коль скоро он сыт, то, следовательно, и умен. Если он сумел, опередив ближнего до отказа набить зоб свой, значит, он не только сытее этого ближнего, но и умнее его, значимее, красивее и угодней богу. И потому то, что он почитает за ценность, только и исключительно ценностью и является. А все,

что он таковым не почитает, недостойно никакого внимания и уважения.

Отличительным качеством мещанина, будь то американского или австралийского, сенегальского или нашего отечественного, является его глубокое убеждение в универсальности, наилучшести и абсолютной значимости его взглядов, его вкуса, его привычек, его понятий о красивом и некрасивом, правильном и неправильном, приличном и неприличном, справедливом и несправедливом, о том, что есть добро, а что — зло. Мещанин убежден, что именно он пуп и стержень, его вкус, оценка, взгляд истинны и обязательны для всех независимо от того, о чем идет речь: о политических концепциях или моде на мини-юбки, оценке произведений искусства или пользе послеобеденного сна.

Мещанство — явление интернациональное, к горькому сожалению, встречающееся и у нас. Но у нас мещанин чувствует себя неуютно, и ему становится все неуютнее. Что же касается Америки, то иногда создается впечатление, что торжествующий и сытый мещанин в этой стране — тип наиболее распространенный, накладывающий отпечаток на всю жизнь ее — духовную, политическую и всякую иную, засидевший, подобно мухам, ее культуру и ее политику.

Самодовольство американского мещанина все отчетливее приобретает характер национальной черты. Если у меня, рассуждает какой-нибудь Смит из Канзаса или Джонс из Орегона, техасский нувориш или калифорнийский выскочка, автомобиль последней марки, холодильник, телевизор, машина для мойки посуды и электроподжариватель гренок, а у других этого нет, то, конечно, я лучше, умнее и выше всех: древнее сирийцев и греков, музыкальнее итальянцев, благороднее испанцев, аккуратнее немцев, бережливее чехов, сдержанней шведов, хитрее англичан, галантней и остроумней французов. А если нет, то древность грека, педантичность немца, утонченность японца и все остальное, чем я, американец, не обладаю, — суть мифология, вздор, признак неполноценности и всяческий мусор. Тот же, кто посмеет говорить о моей, американского мещанина, национальной ограниченности, — подлец, дурак, негодяй и вообще коммунист.

Боюсь, что, прочтя все это, читатель решит, что он имеет дело с гиперболами публициста. Но в том-то и дело, что это не гиперболы, а научно точная социологическая констатация, отражающая стандартный уровень мышления среднего американца. Я отнюдь не стремлюсь охаивать то, что охаивания не заслуживает. Для меня одинаково неприемлемы как утверждения о шатающихся нью-йоркских небоскребах, которые, как известно, прочно стоят на скальном основании острова Манхэттен, ничуть не поколеблен-

ные эскападой иных из пишущей братии, так и некритическое, убого провинциально-восторженное восприятие всего, на чем стоит заокеанския марка, — ах, автомобиль; ах, штаны; ах, хрипящая и подвывающая пластинка. Немало в Америке того, что заслуживает и уважения и восхищения, а главное, изучения на предмет использования на благо нашего народа. Тем более что американцы отнюдь не стесняются изучать и перенимать то, в чем мы их опережаем.

Но есть вещи, которыми восхищаться нам куда как ни к чему, особливо когда это восхищение у наших мещан, — а бывает и такая разновидность мещанина, которому не по нутру все свое и который готов пасть ниц перед любой заокеанской погремушкой, — сопровождается пренебрежением и неуважением к традициям, к таланту и труду собственного народа. Обгонять Америку по производству масла и стали, автомобилей и станков, конечно же, следует; кое в чем мы уже преуспели и даже вышли вперед, в другом нам еще немало предстоит сделать. Но, обгоняючи, неплохо бы нам поберечь, не растерять в спешке свои богатства, и то, что в старину душевностью звалось, чем по праву гордились лучшие люди земли русской, неплохо знакомые и с заграничной бывальщиной, и то, что по-современному интеллектуализмом именуется, отзывчивость к чужой беде, идеалы, выходящие за пределы душного мещанского мирка, вмещающие в себя и одного человека с его «души золотыми россыпями», и все человечество. Увеличивая выпуск на душу населения, наращивая национальное наше достояние, след нам бережней быть к богатству, которым мы обладаем.

У нас нет философического сада, но духовные ценности нашего народа давно вызывают восхищение во всем мире тех, кто не падок на внешнюю мишуру, а понимает ценности истинные, — духовную многогранность, душевную щедрость, ум и тонкость. Ленинизм — вершина современной научной мысли — порождение и закономерное развитие русской истории и культуры. Стало уже общим местом говорить об удивлении и зависти иностранных гостей, видящих поголовно читающую Россию. Углубившиеся в книжку юноша в метро и пожилая женщина в пригородной электричке для многих иностранцев столь же необычны и непривычны, как поглощенные в самоуглубленное созерцание посетители философического сада. Тиражи книг наших поэтов представляются американцам столь же неправдоподобными, как некоторым из нас километраж первоклассных американских автострад.

Нет, я ни в коей степени не хочу противопоставлять стихи автострадам. Для человеческого благополучия необходимо и то и другое. Но да простят мне адепты утилитаризма, ей-же-право, думает-

ся, стихи для человека в конце концов важнее. Хотя бы потому, что дороги создавать проще, чем поэзию и людей, ее понимающих. Можно гарантировать, что хорошие дороги появятся у нас раньше, нежели в Америке миллионные аудитории для поэзии и музыки. Хранить наше духовное первородство, не продавать его за чечевичную похлебку, не давать воли сытым мещанам и их идеалам — вещь для нас важная и насущно необходимая.

Снова о Торнтоне

Но вернемся к объекту нашего рассказа. Речь шла о замкнутости всех его способностей и качеств только и исключительно на профит, на доллары, которые приобрели для него ценность самодовлеющую. Сам Торнтон на сей счет весьма откровенен. «Задача нашей компании, — заявляет он, — максимально превращать в капитал новую технику и технологию».

Бизнесмены старшего поколения еще помнят презрительную кличку «длинноволосые», коей окрестил ученых и изобретателей Джон Пирпонт Морган, высмеявший идею о том, что самодвижущийся экипаж с бензиновым мотором вместо лошади имеет большое будущее. Отцы нынешних дюпонов и рокфеллеров, меллонов и вандербильтов третировали интеллигентов, насмехались над дипломированными экономистами и инженерами, полагаясь всецело на свой напор и в лучшем случае хитрость, которая многим заменяет и ум и квалификацию.

— Один одаренный ученый, — говорит Торнтон, — работая в своей лаборатории, может сделать так, что сама основа целой отрасли промышленности окажется совершенно устаревшей и ненужной. — И коль скоро это так, президент «Литтон индастриз» ничего не жалеет, дабы собрать в своих лабораториях самых квалифицированных специалистов. Нобелевский лауреат, утверждает он, стоит дорого, но обладание его головой окупает себя многократно. Так-то!

А отсюда сформулированное им правило, которого неукоснительно придерживаются и он сам, и его помощники: «Основная забота «Литтон индастриз» — привлекать умы и всегда оставаться привлекательной для них». Для этого электронный король не жалеет ни усилий, ни денег. Жалованье, которое он платит научным специалистам, этим самым «длинноволосым», превосходит все, что делают конкуренты.

Говоря о секрете успеха своей компании, сам Торнтон сказал, что дело в том, что ее движущие силы составляются из двух слагаемых: ученых и инженеров, воплощающих свои знания в продук-

цию на базе электроники, и бизнесменов, понимающих язык ученых и инженеров и знающих, как их идеи можно превратить в деньги.

Превращение идей в деньги — это очень важно для понимания типа современного процветающего американского дельца. Гетти не искусствовед, но в живописи разбирается почти профессионально, чем в немалой степени объясняются ценность и растущая стоимость его собраний. Торнтон сам не выдумал пороха, но в электронных схемах кое-что понимает, а главное — может уловить, что перспективно, на чем можно заработать. В этом и заключен один из секретов его процветания.

— В чем причины успеха, который сопутствует «Литтон индастриз», за короткий срок превратившейся из полукустарной лаборатории в один из крупнейших концернов Америки? — спросил я самого Торнтона.

— Таких причин несколько, — ответил он после некоторого раздумья. — Но главных, пожалуй, две. Первая — это область, в которой «Литтон» развивает свою активность. Огромную перспективность электроники я осознал еще в пятидесятых годах, работая у Говарда Хьюза. Мы с Эшем пытались тогда убедить хозяина в необходимости поставить на электронику, — Торнтон так и говорит: «поставить на электронику», будто речь идет о скачках или на худой конец о биржевой игре. — Хьюз тогда не очень понял нас, и мы с ним расстались. Сорока лет от роду я оказался не у дел, перед необходимостью многое начинать сначала.

Лицо Торнтона твердеет, на скулах играют желваки, взгляд становится недобрым и колючим. Я пытаюсь продолжить разговор о Хьюзе —меня интересует этот персонаж, о котором речь у нас подробно пойдет в следующей главе, задаю вопросы, но видно, что тема эта неприятна Торнтону, и он уходит от разговора.

— Впрочем, оказалось, что все к лучшему. Мы с Эшем использовали недальновидность Хьюза и, как видите, преуспели. Несколько лет спустя, поняв, что ошибся, Хьюз бросился нас догонять, но несколько лет по нынешним временам, да еще когда речь идет об электронике, согласитесь, — это большая фора.

Итак, главная причина успеха «Литтон индастриз» — то, что она оказалась одной из первых компаний в новейшей отрасли — в электронике. Торнтон умолчал о том, что электроника — это область, к которой Пентагон испытывает интерес ни с чем не сравнимый, но это уже, как говорится, подробности.

Другая причина, которая, по мнению Торнтона, обеспечила ему успех, лежит в разработанных компанией новых принципах организации и руководства производством. Надо отдать должное руководителям «Литтон», здесь они действительно преуспели. Не будучи

в состоянии преодолеть общих пороков капиталистической системы, наиболее проницательные американские дельцы разрабатывают такие схемы организации производства, которые позволяют на определенном этапе извлекать немалые преимущества, тесня конкурентов, выигрывая в ожесточенной схватке за место под солнцем, которая ведется в джунглях американского большого бизнеса.

На страницах специальной экономической литературы «Литтон индастриз» обозначается в последнее время непривычным для экономистов словом «конгломерат». Что сие за зверь, этот конгломерат? Не берусь утверждать, что Торнтон и Эш первооткрыватели в этой области, но то, что они одни из первых, сомнения не вызывает.

Раньше крупные монополистические концерны строились по определенной и очевидной логической схеме. Скажем, компания делает автомобили; для этого потребны сталь, резина, краски, и хозяева компании, не желая зависеть от других, включают в концерн и резиновые, и химические, и другие непосредственно связанные с нуждами производства автомобилей заводы. Но вот на сцене появляются Торнтон и еще несколько деятелей и начинают вакханалию покупок, не связанных никакой видимой логикой с основной продукцией, выпускаемой их головным предприятием.

Ну, скажем, что общего между строительством подводных лодок и удовлетворением нужд кулинаров, между оборудованием для ракет и прохладительными напитками? Между тем все чаще в последние годы возникают в Америке монополистические объединения, производящие продукцию, казалось бы, никак не связанную между собой. Это и получило в экономической литературе наименование «конгломерат», а Чарльз Торнтон стал одним из первых создателей таких конгломератов.

Поначалу консерваторы от бизнеса недоуменно пожимали плечами, предрекая неминуемый и скорый крах этой авантюры. Однако вскоре пессимисты прикусили языки, а конгломераты, как новая форма промышленной организации, правда, не во всех случаях, а лишь тогда, когда объединение разнородных производств было экономически оправдано, получили распространение и стали набирать силу.

Это книга публициста, а не экономический трактат, посему, не углубляясь в дебри специальных понятий, расскажу об эпизоде, который показывает логику, казалось бы, нелогичного, говорит о том, что не всегда в деловой сфере дважды два — четыре.

...Разговор затянулся. Уже несколько часов нам рассказывали о сложных электронных системах, производимых «Литтон индастриз», о новых принципах управления. У меня уже засосало под ложечкой, а в голову полезли мысли о том, что и в век электроники,

так же как и в любой предыдущий, бренное человеческое тело нуждается в подкреплении сил. Одним словом, порция чего-нибудь съедобного произвела бы на меня в тот момент большее впечатление, нежели очередная порция полезных сведений.

Словно бы подслушав эти суетные невысказанные мысли, меня пригласили спуститься в столовую, что я и сделал с превеликим удовольствием. Однако в столовую меня повели почему-то с заднего хода, привели на кухню и поставили передо мной тарелку, на которой лежал порядочный кусок сырого мяса.

«Но я не ем сырого мяса», — хотел было сказать я. Как выяснилось, мои хозяева об этом почему-то догадались сами. А пригласили они меня на кухню для того, чтобы продемонстрировать еще один вид продукции «Литтон индастриз». Выглядела эта продукция как небольшой металлический шкафчик с несколькими кнопками. Открыв его, на моих глазах повар положил на полку тарелку с куском мяса и захлопнул дверку. Осведомившись затем, какое мясо я предпочитаю — полусырое или хорошо прожаренное, — он поставил реле на соответствующее деление. Прошло 45 секунд — и передо мной была поставлена тарелка с вкусным, отлично прожаренным мясом. То была электронная кухня, которую «Литтон индастриз» создала для самолетов дальнего следования.

Как видите, электроника и кулинария не такие уж вещи несовместимые. Принципы, использованные при создании сложных приборов ракетных систем, с успехом могут быть применены не только в космосе, но и на нашей грешной земле. А оборотистые бизнесмены таких возможностей не упускают.

Я далек от того, чтобы сложное экономическое понятие, новую форму организации крупного производства, каковой является конгломерат, сводить к куску жареного мяса, который мне довелось съесть в штаб-квартире «Литтон индастриз». Но стремление максимально использовать новые открытия и технологические процессы в самых различных сферах, не замыкаясь, в частности, только в области военного производства, несомненно, один из секретов успеха Чарльза Торнтона, свидетельство большой гибкости, которая позволяет выжимать новые прибыли там, где другой их бы не выжал.

Среди других обстоятельств, которые, по мнению Торнтона, способствовали успеху его предприятия, и то, что возникло оно не где-нибудь, а в Калифорнии.

— Это была счастливая мысль, — говорит Торнтон. — Посмотрите отсюда, и кое-что вам станет ясно.

Разговор происходил на километровой высоте. Мы летели в небольшом шестиместном самолете, за штурвалом которого находился хозяин «Литтон индастриз». Его холеная, с наманикюренными

ногтями рука твердо держала штурвал, и, даже если бы я не знал, что в прошлом мой собеседник летчик, об этом нетрудно было бы догадаться. Самолетная экскурсия была предложена мне, советскому журналисту, думается, неспроста. Когда мы подъехали к аэродрому, нас провели в ангар, где находилось несколько самолетов и вертолетов, принадлежащих «Литтон индастриз», а также два личных самолета Торнтона.

...Есть в американском бизнесе такое понятие, как престиж. Это не просто тщеславие, не просто желание покрасоваться, хотя, быть может, некоторая доля суетности и тщеславия в этом все-таки наличествует. Но главное в другом — в стремлении показать клиенту, — а представитель прессы великой страны, которая, чем черт не шутит, может стать торговым партнером, чем не клиент, — солидность и могущественность фирмы.

Надо сказать, что в Америке атрибуты престижа несколько иные, чем в других местах. Скажем, одежда. Общественное положение европейца несложно определить по его манере одеваться. Принадлежащего к высшему кругу англичанина или француза чаще всего без особого риска ошибиться можно отличить по покрою его костюма, галстуку, шляпе, перчаткам. Но если вы попробуете сделать это в Америке, вы обязательно попадете впросак. Когда мне первый раз довелось встретиться с Нельсоном Рокфеллером, я был удивлен донельзя: помятый, из недорогих, костюм, неновая рубашка и ношеный галстук, какой в Англии постеснялся бы надеть молодой клерк третьеразрядного банка. А шляпа! Ох уж эта шляпа! Никогда бы не подумал, что обладатель миллиардного состояния, один из хозяев крупнейшей финансово-промышленной империи капиталистического мира, рискнет появиться на публике в столь непрезентабельном головном уборе. Я бы, к примеру, с мистером Рокфеллером шляпами не поменялся.

И дело здесь не в какой-то демократичности или опрощении, а в традиции. Особой разницы в одежде миллиардера и среднего американца чаще всего очень немного. Оговорюсь, что речь идет о представителях сильного пола. Меха и драгоценности, которыми украшают себя богатые американки, — предмет зависти их бедных родственниц из аристократических салонов в Западной Европе.

Общественное положение американца определяется не тем, как он одет, а тем, где он живет — в каком доме, в каком районе, на чем ездит — какая марка и год выпуска его автомашины. Богатый человек отличается от небогатого не штанами — одну приличную пару штанов может иметь и небогатый, а миллиардеру из миллиардеров не удавалось пока натянуть на себя несколько пар брюк одновременно, — но наличием яхты, самолета, виллы на каком-нибудь из фешенебельных курортов и так далее. Потому-то,

кокетничая пренебрежением к повседневной одежде, имущие американцы выхваляются друг перед другом замысловатой архитектурой домов, в которых обретаются, яхтами, самолетами, драгоценностями, украшающими их жен, картинами великих мастеров, которые тщеславия для они развешивают в личных апартаментах.

Но дело не только в тщеславии. Преуспевающий бизнесмен не может допустить, чтобы на его визитной карточке значился адрес немодного района, — это подорвет доверие клиентов к его бизнесу. Врач или адвокат, передвигающийся на вполне приличной машине, но не самой последней модели, рискует своей практикой, ибо типично американская логика примерно такова: если ты хороший врач — то у тебя большая практика, а коль скоро это так, ты можешь позволить себе ездить в самом новом автомобиле. Если же твоя машина позапрошлогодняя — практика твоя невелика, а это значит, что ты не очень хороший врач, и я лучше обращусь к другому, у которого машина наипоследней модели, а приемная в новом доме из алюминия и стекла.

Одним словом, престиж — это часть бизнеса, и посему относятся к атрибутам престижа в Америке весьма серьезно.

Надо сказать, что эта особенность американской психологии играет немалую роль в бизнесе. Человеку, несведущему в этих тонкостях, не понять, к примеру, почему многие американцы так часто меняют машины, спуская за полцены еще вполне приличные, но искусственно выведенные из моды автомобили. Искусственно потому, что никакой технической необходимостью не вызывается расточительная манера частой смены моделей автомобилей, сплошь и рядом отличающихся одна от другой не своими техническими качествами или усовершенствованиями, а только лишь внешними формами. То же самое относится и ко многим другим видам товаров длительного пользования — мебели, кухонному оборудованию, телевизорам, радиоприемникам, кино- и фотокамерам.

Мощная индустрия рекламы искусно использует это обстоятельство. «Как? — вопрошает некто с телевизионного экрана, — вы еще пользуетесь автомобилем этой модели? Но что подумают о вас окружающие? Они решат, что ваши дела пошатнулись». Или: «Если вы купите новую модную мебель, все поймут, что дела ваши обстоят хорошо». И приходится американцу расставаться с вполне еще хорошими вещами, к которым он привык и которые его вполне устраивают, раскошеливаться без особой необходимости только для того, чтобы выглядеть «не хуже других», чтобы врач не потерял пациентов, к адвокату валом валила клиентура, а бизнесмен производил впечатление представителя компании, дела которой идут в гору и акции которой в связи с этим надо спешно приобретать...

— Посмотрите вниз, видите эту густую сеть первоклассных

автострад, — говорит Торнтон. — Америку не так-то просто удивить дорогами, но Калифорния находится в этом смысле на первом месте. Это молодой район с молодой промышленностью, приспособленной к нуждам современного бизнеса. Здесь отличный климат, хорошие дороги, много новых и удобных домов, и поэтому люди едут сюда с охотой. Мне удалось собрать в «Литтон индастриз» большую группу высококвалифицированных молодых специалистов.

Бурное развитие экономики Калифорнии, в не столь отдаленном прошлом известной лишь своими цитрусовыми садами да Голливудом, превратило этот штат в один из самых развитых. Но молодой промышленный район этот имеет и свои болезни. Одной из самых опасных является проблема молодежи.

Болезнь эта превратилась в последние годы в одну из самых трудных социальных проблем Америки. «Молодежный бунт», «взрыв» — такими терминами одаривает американская пресса бурные выступления молодежи, протестующей против войны во Вьетнаме и социального неравенства, отвергающей идеалы, которые пытается ей навязать официальная Америка. Массовое недовольство молодежи капиталистических стран, принимающее часто самую острую форму, явление сложное и многоплановое.

Молодому человеку, входящему в современный мир, действительно приходится нелегко. Школа, массовые средства информации, среди которых особую роль играет телевидение, обрушивают на его голову и неокрепшую душу огромнейший поток информации и знаний. То, что человечество накапливало веками, современный молодой человек должен усвоить и переварить за несколько коротких лет.

Искусственно лишая молодежь единственно верных и надежных критериев и ориентиров, объяснения исторического процесса, которое дает марксистско-ленинская наука об обществе и человеческой истории, буржуазия поселяет в молодых душах хаос и неверие. Человек, съевший слишком много за слишком короткий период, рискует получить несварение желудка. Несварение души, неспособность осмыслить и осознать огромный объем беспорядочно сообщаемых знаний и информации — штука куда более страшная.

Трагедия сегодняшней американской молодежи в том, что, не приемля сегодняшнюю действительность своей страны, с горячностью и бескомпромиссностью, свойственной молодости, отвергая ее идеалы, эта молодежь, которую огромная пропагандистская машина буржуазии пичкает антикоммунистическими бреднями, сплошь и рядом не находит правильных ответов на мучающие ее вопросы.

Не отсюда ли такое явление, как хиппи. Кстати, Калифорния в Америке считается их признанным центром. На улицах Лос-Анджелеса и Сан-Франциско толпами бродят немытые и нечесаные, оде-

тые в тряпье босоногие парни и девушки. Всем своим видом они как бы хотят сказать, что отрицают идеалы мещанской сытости сегодняшнего американского общества. Своим образом жизни они ставят себя вне этого общества.

Но протест их бессилен и жалок, потому что он пассивен. Уход от общества в болезненный мир наркотических иллюзий — это дорога в тупик, дорога в никуда, хотя кое-кто, в том числе и среди наших публицистов, поспешил объявить хиппи «борцами за прогресс». Хиппизм не более нежели модная и бессильная гримаса. У американских хиппи не было и нет никакой положительной программы. Наркоманство и секс — его дрожжи. Но секс приедается от излишеств, грязь надоедает из-за вшей и дурного запаха. Что же остается? Пустота. Нигилизм во все времена был бесплоден, а потому протест хиппи бессилен и бесперспективен.

Нет, будущее не за хиппи. Оно за той молодежью, которая ищет новых путей, положительных идеалов. Такие идеалы есть, они существуют, и молодежь Америки найдет их, несмотря на все усилия антикоммунистической пропаганды...

А теперь давайте вновь вернемся к герою нашего рассказа, к его карьере, привлекающей вот уже несколько лет пристальное внимание американского делового мира.

Необычайный его взлет, когда в течение каких-нибудь нескольких лет он превратился из средней руки управляющего, подвизавшегося на службе у чужих денег, во владельца и президента одной из самых могущественных корпораций сегодняшней Америки, вызывает множество толков у финансовых кумушек Уолл-стрита. О Торнтоне судачат на деловых обедах и в клубах, где собираются бизнесмены, в кулуарах бирж и в ресторанчиках, где ленчуют промышленники и финансисты, переводя в середине дня дух от бешеной и бесконечной гонки за долларами.

Это не отвлеченный интерес и не просто зависть к удачливому собрату, выбившемуся в большие забияки. В один из дней пребывания в Америке мне случайно довелось быть свидетелем любопытной сцены. Измученный влажной духотой и лихорадочной нервозностью, царящей в разгаре дня на бирже Уолл-стрита, я зашел в небольшой бар на одной из маленьких улочек, чтобы промочить горло чем-нибудь холодным. С запотевшим бокалом пива в руках я сел за стол в углу зала. За соседним столиком расположилась компания мужчин неопределенного возраста, по виду и одежде которых нетрудно было догадаться, что это маклеры с Уолл-стрита.

Надо сказать, что завсегдатаи биржи несут в своем облике некую неуловимую печать, позволяющую почти безошибочно отличить их в толпе. Одетые почти одинаково, с лицами, на которых

длительное пребывание на бирже наложило какое-то однотипное выражение — неподвижная мускулатура лица и беспокойно бегающие глаза, — они выделялись среди других своей непохожестью на окружавших и какой-то удивительной монотонной похожестью друг на друга.

Я не интересовался их разговором, пока до моего слуха несколько раз не донеслось знакомое имя — Чарльз Торнтон. Тогда, каюсь, профессиональное любопытство взяло верх над мамиными уроками благовоспитанности, утверждавшими, что нехорошо прислушиваться к беседам посторонних, тебя не касающимся. Я навострил уши.

Вскоре мне стало ясно, что один из маклеров представляет здесь интересы калифорнийских компаний и только что вернулся из Лос-Анджелеса, где находился по каким-то своим делам. Его коллеги учиняли ему пристрастный допрос о Торнтоне. Их интересовало все, каждая мелочь, не только и, я бы даже сказал, не столько положение дел в «Литтон индастриз», сколько манеры, личные привычки, ухватки, времяпрепровождение Торнтона. С удивительной скрупулезностью приехавший выкладывал коллегам все, что ему было известно, какую-то, как думалось мне, мелочную дребедень.

В тот же день я с улыбкой рассказал знакомому дельцу о случайно подслушанной беседе.

— Ну совсем как на деревенской завалинке, — говорил я. — Деловые люди, а интересуются какими-то пустяками, вовсе не имеющими отношения к бизнесу.

Мой собеседник серьезно посмотрел на меня и возразил:

— Вы ошибаетесь, сэр. Это имеет отношение к бизнесу, и притом самое непосредственное. Акции «Литтон индастриз» удивительно быстро повышаются в цене. Настолько быстро, что у привыкших к осторожности биржевиков закрадывается серьезное сомнение, и многие говорят, что тут дело нечисто. Привычная осторожность подсказывает держаться в стороне и в эти акции деньги не вкладывать. С другой стороны, уж очень соблазнительны возможности, с ними связанные. В наших делах имеют значение многие обстоятельства, в том числе и мелочи. В расчет принимается все, не только деловой стиль и почерк хозяина корпорации, не только его квалификация и степень деловой корректности, но и его жизнь, привычки, слабости и даже, если хотите, покрой одежды и марка его автомашины. Все это, конечно, имеет неодинаковую степень важности, но требования нашей профессии делают необходимым брать в расчет все. Ведь мы должны решать вопрос, стоит или не стоит вкладывать доллары в это дело. А когда речь касается долларов, ничто не является мелочью.

Сентенция любопытная и многозначительная. Успехи торнтоновской компании привлекли внимание к ее хозяину. Но у него еще нет устоявшейся репутации. И деловые люди тщательно и всесторонне изучают этого нового в мире большого бизнеса человека, взвешивают, сопоставляют. Правда, Торнтон нелегкий объект как для физиономиста, так и для тех, кто по внешним чертам и деталям быта захотел бы составить представление об этом процветающем дельце.

Обтекаемость — вот, пожалуй, слово, больше всего подходящее к его внешнему облику, ухваткам, стилю. Когда Торнтон одет не в красную ковбойскую рубашку, а в обыкновенный костюм делового человека, когда он восседает не в седле во время своих утренних верховых прогулок, а в конторе своего оффиса, он, право же, ничем не выделяется среди тысяч таких же точно деловых людей, которых вы ежедневно встречаете в конторах корпораций и банков. Несколько выше среднего роста, плотный, с тщательно напомаженными волосами, он своим внешним обликом как бы стремится подчеркнуть свою обычность, стремление ничем не выделяться среди себе подобных. И лишь тяжелый взгляд исподлобья, глубокие складки у опущенных книзу уголков рта и твердая линия подбородка выдают недюжинную волю и характер.

Характеристики Торнтона, которые я слышал из уст людей, его знающих, сталкивающихся с ним в повседневной деятельности, поражают своей противоречивостью, несхожестью одна с другой. Одни говорят о его обаянии, особом качестве подладиться под любого собеседника, понравиться, очаровать в тех случаях, когда он того хочет; другие, наоборот, отмечают угрюмость, скованность, когда он находится на людях. Некоторые считают его скромным, молчаливым, даже каким-то застенчивым, другим же он представляется вульгарным, резким, дурно воспитанным. Одни обращают внимание на ровность, невозмутимость, манеру не повышать голос даже в минуты гнева, другие утверждают, что это не более чем благоприобретенная привычка, и таким же ровным тоном, каким Тэкс просит у секретаря стакан излюбленной им кока-колы, он может обронить несколько фраз, которые оставят без крова и куска хлеба сотни семей.

Каков же он в действительности, этот Тэкс Торнтон, оседлавший не только своего рыжего конька, но и саму фортуну? Этого не знает никто, кроме него самого. Все имеют дело с оболочкой, тщательно продуманным, выверенным и приспосабливаемым к обстоятельствам внешним обликом. О его внутреннем мире, взглядах, об истинном Торнтоне можно лишь догадываться, основываясь на его делах. Но и то сказать, дела — это не так уж

мало. Они дают возможность судить о человеке значительно больше, нежели его слова. Недаром американская пословица гласит: «Дела твои говорят так громко, что я не могу расслышать того, что ты говоришь».

Торнтоновские дела говорят в достаточной степени громко.

Когда изучаешь деловые операции Чарльза Торнтона, то ожидаешь встретить этакого техасского ковбоя, стремящегося на полном скаку схватить и стреножить фортуну, подобно тому как во времена скачек родео ковбои заарканивают и связывают несущегося вперед быка.

Тем более совершенно неожидан этот говорящий ровным голосом, никогда не повышающий его, несколько даже медлительный внешне и порой кажущийся вялым человек. Через несколько минут разговора, правда, впечатление медлительности и вялости исчезает, и видно, что присущие дельцу азарт и темперамент просто-напросто взнузданы твердой рукой опытного наездника. Стремление не выделяться внешне, очевидно, не более нежели прием.

Дом, в котором обитает он с женой и двумя сыновьями — двадцатилетним Чарльзом Торнтоном-младшим и восемнадцатилетним Уильямом, — расположен в самом фешенебельном пригороде Лос-Анджелеса. Шикарная вилла, отделанная под испанский замок, всем своим видом являет благополучие своих обитателей. Само название пригорода — Холмби-Хилз — является в мире здешних состоятельных людей доказательством респектабельности. Соседние дома принадлежат семье Уолта Диснея и Бинга Крозби — короля американских шансонов. Свою виллу Торнтон перекупил у Фрэнка Синатры, соблазнив этого популярнейшего певца отступными, вложив в переоборудование и перестройку дома, сооружение плавательного бассейна, декоративную роскошную и диковинную зелень значительные средства.

И все-таки физиономистика и изучение хотя бы и под лупой привычек и манер Чарльза Торнтона, что бы там ни говорил мой знакомый биржевой маклер, для объяснения его успехов и степени надежности его бизнеса, дает неизмеримо меньше, чем изучение хотя бы одной его деловой операции, ее замысла, ее стиля...

Захватив важные позиции в области электроники, оказавшись там одним из первых и потому успев снять наиболее жирные пенки, Торнтон вкусил все преимущества оказавшегося впереди. Ныне на возделываемом поле он уже далеко не единственный пахарь. Привлеченные огромными прибылями, сюда ринулись многие любители кусков пожирней. Среди них такие могущественные и опасные конкуренты, как морганы, дюпоны, да и Говард Хьюз, на спине которого Техасец взобрался на вершину, также стремятся наверстать упущенное.

Хьюз ведет ожесточенную, не на жизнь, а на смерть, да еще окрашиваемую личной ненавистью борьбу с изменившим ему Торнтоном, перехватывая у него многие выгодные правительственные заказы. И если у президента «Литтон индастриз» есть такое неоценимое преимущество, как обширные связи в Вашингтоне, то и Хьюз не лыком шит. За его спиной одно из крупнейших современных состояний Америки — что-то около миллиарда долларов, которые ставят его в один ряд с такими акулами бизнеса, как Гетти и Хант. А по американским условиям это аргумент увесистый.

Усиление конкуренции, обострение грызни вокруг прибыльных заказов правительства усложнили торнтоновский бизнес. Люди, ему близкие, в последнее время с беспокойством отмечают некоторое снижение прибылей компании, тучи, сгустившиеся на ее горизонте. Ход, предпринятый в сложившейся обстановке сверхтекучим электронным королем, настолько характерен для его методов, да и вообще для почерка предпринимателей новой формации, что о нем следует упомянуть особо.

В самом деле, что предпринял бы в условиях ухудшившейся конъюнктуры, беспокоящих перспектив предприниматель старого толка? По всем законам уолл-стритского благоразумия он должен был бы несколько поумерить пыл, уменьшив активность, осуществить страховочные меры, вложив часть капитала в какие-нибудь пускай и не слишком доходные, но зато надежные ценные бумаги — облигации правительственных займов или что-либо в этом роде.

А что предпринимает Торнтон? Нечто прямо противоположное. Его шаг заставляет удивленно поднимать брови маститых банкиров, вызывает целую радугу эмоций — от священного ужаса до нескрываемого восхищения у предпринимателей всей страны. Собрав значительные суммы, мобилизовав многомиллионные резервы своей компании, позаимствовав крупные средства у тех банков, которые согласились поддержать ринувшегося очертя голову в новое предприятие Тэкса, он ухватился за освоение морских глубин.

Когда стало известно, что «Литтон индастриз» взяла на себя конструирование глубоководных аппаратов — подводных лодок, батискафов, специальной аппаратуры, к Торнтону ринулась целая орава корреспондентов. Сначала он всячески избегал отвечать на вопросы любопытствующих репортеров, а когда счел, что момент для рекламы наступил, пространно высказался. «Суша занимает лишь четвертую часть поверхности земли, — заявил он, — а взгляните, какое количество людей, потребности которых все растут, населяют ее. Океанография так же достойна внимания, как космос. Она обладает огромными возможностями».

Но в конце концов он бросил фразу, которую можно считать

ключевой: «Космос — это, конечно, очень хорошо и прибыльно, — сказал он. — Но в космосе не хватит места всем компаниям и корпорациям, стремящимся туда попасть. Скоро там будет слишком тесно. А в глубинах океана пока просторно».

Все это уже ближе к делу. Это уже больше похоже на Торнтона. Стремление делать деньги, делать их в возможно большем количестве, делать их на чем угодно вполне традиционно для американского предпринимателя. Новым, характерным для представителей современной его формации является стремление и умение поставить себе на службу новейшие открытия человеческой мысли.

Конечно же, надо отдать справедливость торнтоновскому умению находить новые и выгодные области деятельности, определенному предвидению, если хотите. Но сам Торнтон не считает нужным строить из себя исследователя, пекущегося о будущем науки. Он открыто говорит о богатствах, таящихся в недрах океанов, о перспективах дивидендов, и нанятые им специалисты уже начали работы по изысканию, целью которых является извлечение полезных ископаемых со дна морского и превращение этого ныне дорогостоящего эксперимента в дело рентабельное и прибыльное.

И еще одна характерная особенность. Деятели типа Торнтона стремятся впрячь в повозку своих барышей не только научные идеи. Они постигли — и считают это одним из важнейших своих открытий — то, что можно извлечь при помощи рычагов государственной власти. Если толстосумы прошлого века высокомерно третировали вашингтонскую камарилью, если старый Морган мог продержать в своей приемной министра и отослать его прочь, так и не приняв, если основатель фордовского концерна выбрасывал в корзину президентские письма, не распечатав их, то Торнтон и иже с ним действуют совсем иначе.

Отдавая себе отчет в той роли, которую играет в современном капиталистическом обществе государственный аппарат, эти деятели не жалеют усилий для того, чтобы получить доступ к рычагам и педалям государственной машины. Вот один лишь эпизод, многое освещающий в пружинах необычайной торнтоновской карьеры, снимающий многие знаки вопроса, которые могли бы возникнуть.

Однажды репортер одного из американских журналов решил посмотреть, что происходит в Пентагоне ночью и на рассвете. Получив соответствующий пропуск и расхаживая по бесконечным коридорам огромного бетонного шестиугольника вашингтонского министерства обороны, он встречал лишь дежурных. Но, оказавшись около кабинета тогдашнего главы Пентагона министра обороны Роберта Макнамары, он заметил, что в кабинете горит свет. С чисто репортерской бесцеремонностью приоткрыв дверь, он обнаружил мирно беседующих Макнамару и еще одного чело-

века, в котором узнал известного ему по фотографиям Чарльза Торнтона. Взглянув на часы, репортер крякнул от удивления: стрелки показывали пять часов тридцать минут утра.

Случайность? Бывший долгое время заместителем министра обороны уолл-стритовский делец Рокуэлл Гилпатрик, отвечая на этот вопрос, не так давно поведал: «Я часто заставал их вдвоем, когда являлся на работу с семи утра. Судя по их виду, они беседовали уже довольно долго».

В эти детали стоит вдуматься. Частые и продолжительные беседы министра обороны, в обязанности которого среди прочего входит распределение военных заказов американского правительства среди частных фирм и корпораций, и президента крупнейшего военного концерна, проходящие в столь неурочное время, явно выбранное в расчете на то, чтобы никто не помешал, говорят о многом. Старые сподвижники и друзья, коллеги по бизнесу, надо думать, вставали ни свет ни заря и просиживали подолгу не для того, чтобы предаваться воспоминаниям юности.

Впрочем, к чему предполагать, когда есть аргументы значительно более весомые, нежели предположения. В годы пребывания Роберта Макнамары на посту главы Пентагона — а это продолжалось около семи лет — возглавляемая Торнтоном «Литтон индастриз» оказалась на одном из первых мест среди всех американских корпораций по числу военных заказов, которыми она располагает. Именно на этот период пришлось превращение этой корпорации из заштатной и третьестепенной в одну из крупнейших и могущественнейших в США.

Конечно же, многолетняя личная дружба Макнамары и Торнтона — обстоятельство в значительной степени случайное. Но связи «Литтон индастриз» с Пентагоном — дело не случайное. Не было бы Макнамары, был бы кто-нибудь другой. Собственно говоря, сегодня Макнамара уже из Пентагона ушел. Но «Литтон индастриз» не пострадала. Множество нитей и ныне связывает ее с источниками вашингтонской благодати.

Более того, в последние годы связи эти укрепились еще больше, основываясь ныне уже не на личных дружеских отношениях, ибо такие связи вещь временная и не очень-то в американских условиях прочная.

По мере того, как «Литтон индастриз» набирала скорость и вес, росли и аппетиты ее хозяев по части позиций в Вашингтоне. Дескать, министр обороны — это хорошо, а президент и того лучше. Одним словом, хозяева «Литтон» включились в большую политическую игру.

Мы беседовали с Чарльзом Торнтоном через несколько дней после того, как съезд республиканской партии, проходивший в фе-

шенебельном флоридском курорте Майами-Бич, выдвинул на пост президента кандидатуру Ричарда Никсона. Я только что прилетел в Лос-Анджелес из Майами-Бич, где близко наблюдал ожесточенную схватку между Нельсоном Рокфеллером, Ричардом Никсоном и калифорнийским губернатором, бывшим голливудским киноактером на вторых ролях, отъявленным мракобесом Рональдом Риганом, закончившуюся победой Никсона. Одним из сильных впечатлений тех дней был размах никсоновской кампании, потребовавшей, очевидно, огромных затрат. Для меня в тот момент было загадкой, каким образом не располагающий уж особенно крупным личным состоянием Никсон мог тратить на свою кампанию больше даже самого Нельсона Рокфеллера, за спиной которого многомиллиардное состояние самого могущественного в современном капиталистическом мире семейства.

Естественно, что, встретившись с Торнтоном, я заговорил об этом, спросив, кого в избирательной гонке он поддерживает. С отсутствующим видом Торнтон ответил, что он не вмешивается в политические кампании, и тотчас поспешил перевести разговор на другую тему.

Вскоре стало ясно, что собеседник мой слукавил. В печать просочились сведения о том, что Торнтон как раз тогда выписал чек на крупную сумму, который был вручен представителю республиканцев. То же самое сделал и другой руководитель «Литтон индастриз», Рой Эш. Надо думать, что они были не единственными и именно старания таких денежных доброхотов дали возможность соискателю высшего государственного поста не ощущать недостатка в средствах. Без этого его победа была бы невозможной. Прошло совсем немного времени, и вновь избранный президент доказал, что он не забыл тех, кто поддержал его в важную для него минуту. Торнтону был предложен пост, который перед этим занимал его друг Макнамара. Прими он это предложение, ему уже не нужно было бы являться в Пентагон тайком, на рассвете. Но Техасец после некоторого размышления отверг заманчивое предложение.

В отличие от Макнамары он был уже не управляющим при чужих деньгах, а владельцем огромного и быстро набирающего силу концерна. Прикинув и подсчитав, он, очевидно, счел за благо остаться во главе «Литтон», нежели вступать на зыбкую вашингтонскую почву. Тем более что дорога от Калифорнии до Вашингтона в никсоновские времена стала намного короче, чем когда-либо прежде, а торнтоновские друзья стали членами непосредственного окружения президента Никсона.

И здесь, думается, было бы уместно вновь отвлечься на некоторое время от «Литтон индастриз» и ее хозяина, дабы поговорить

о 37-м хозяине Белого дома, тем более что сюжет этот имеет прямое отношение к теме нашего рассказа. Жизнь и карьера президента Никсона самым тесным образом связана с Калифорнией, с политической машиной республиканской партии этого штата, его промышленниками и банкирами. А поскольку речь идет не о частном гражданине, а о президенте Соединенных Штатов, обстоятельство это является отнюдь не только фактом его личной жизни и биографии.

Ричард Милхоуз Никсон родился 9 января 1913 года в небольшом местечке в тридцати милях от Лос-Анджелеса. Его отец Френсис Никсон был предпринимателем средней руки, владельцем бакалейной лавочки и бензоколонки. Мать Ханна Никсон, урожденная Милхоуз, происходила из квакерской семьи средней зажиточности. (В Америке распространена традиция в качестве второго имени давать сыну фамилию его матери. Роза Кеннеди — урожденная Фитцджеральд, поэтому полное имя покойного президента Джон Фитцджеральд; потому же полное имя нынешнего хозяина Белого дома Ричард Милхоуз.) И Никсоны, и Милхоузы — выходцы из Англии и Ирландии. На американской земле они появились в конце XVII — начале XVIII века. Несмотря на то, что обе семьи принадлежали к числу ранних переселенцев, что дает в Америке немалые преимущества, особых успехов на протяжении двух веков они не стяжали.

В 1937 году, получив диплом юриста, Никсон начал адвокатскую карьеру. Одновременно он попробовал себя в области бизнеса, основав компанию по продаже апельсинов и апельсинового сока «Ситра фрост компани» с собой в роли президента. Однако очень быстро он прогорел. В Лос-Анджелесе мне рассказывали, что акционеры никсоновской компании до сих пор не могут простить ему провала предприятия, разорившего их, и упорно на каждых выборах вычеркивают его фамилию из избирательных бюллетеней, утверждая, что не следует вверять судьбу страны человеку, который не справился с продажей апельсинового сока.

Войну будущий президент провел в интендантской должности и вернулся в 1945 году домой в чине капитан-лейтенанта.

Есть в Сан-Франциско здание, которое в этом городе знают все. По американским масштабам не очень высокое — всего 12 этажей, — оно расположено по адресу Монтгомери-стрит, 300, и адрес этот, оттиснутый на официальных бланках и документах, вызывает в деловом мире Америки трепет почти священный. Здесь расположен основанный Амедео Джаннини «Бэнк оф Америка», возглавляющий ныне список крупнейших банков капиталистического мира.

Подъехав к этому массивному, облицованному светлым гранитом, с тяжелыми колоннами и крошечными окошками зданию, я

вошел через стеклянные, отделанные темной бронзой двери и поднялся на лифте, украшенном бронзовыми же моделями парусников. Несколько шагов по толстому, скрадывающему звук ковру, и я у двери, на которой выбит номер 609. На первый взгляд ничем не примечательное конторское помещение. Но это лишь на первый взгляд. Именно здесь — об этом сегодня знают немногие — начинался путь Ричарда Никсона наверх. Именно отсюда, из этого помещения в здании могущественнейшего капиталистического банка, идет дорога, приведшая Никсона в Овальный кабинет Белого дома.

А дело было так. В августе 1945 года в 26 калифорнийских газетах появилось объявление:

«ИЩЕМ: кандидата в конгресс, не имеющего предшествующего опыта... Обращаться молодому человеку, жителю этого района, предпочтительно бывшему военнослужащему, с хорошим воспитанием, без политических связей и обязательств».

Согласитесь, подобный текст мог бы украсить собой сборник юмористических рассказов, однако это не пародия. Это один из первых документов, который находится в ныне весьма объемистом досье Ричарда Никсона. Именно с нéго начинается политическая биография этого деятеля. Объявление это, как стало впоследствии известно, поместила группа калифорнийских банкиров и дельцов, известная как «Комитет ста». Будучи недовольными тогдашним членом конгресса от Калифорнии, имевшего репутацию активного сторонника президента Рузвельта, дельцы в те времена еще глухо провинциальной Калифорнии решили, что за свои деньги они могут иметь то, что им надо, и дали в местные газеты свое объявление.

Вот тогда-то Герман Перри, вице-президент «Бэнк оф Америка», и вспомнил об обитателе комнаты номер 609. Тем более что уже долгие годы семейства Перри и Никсонов были, что называется, знакомы домами. Одним словом, Никсон стал членом конгресса Соединенных Штатов Америки.

Дальше все происходило в темпе поистине головокружительном. Четыре года в палате представителей, затем сенат, а в 1952 году, всего через шесть лет после того, как имя Никсона впервые прозвучало как имя человека, связанного с политикой, в результате сложной интриги, осуществленной, в частности, «Бэнк оф Америка», Никсон становится вице-президентом Соединенных Штатов в правительстве Эйзенхауэра. Без мощной пружины в виде поддержки калифорнийских банкиров столь стремительный взлет был бы невозможен.

К 1960 году, когда он выдвинул свою кандидатуру на высший государственный пост в стране, калифорниец был уже политиком понаторевшим, и если ему не удалось тогда одолеть ставленника уолл-стритских банков миллиардера Джона Кеннеди, то не потому,

что он совершал какие-либо промахи, а потому прежде всего, что силы, стоявшие за Кеннеди, были более могущественны.

Прошло восемь лет, и Ричард Никсон дождался своего часа. Эти годы он употребил на расширение связей в мире большого бизнеса. Покинув Калифорнию, он в 1963 году переселился в Нью-Йорк, где купил за 135 тысяч долларов роскошную квартиру на углу Пятой авеню и 62-й улицы. Адрес был выбран не просто так, а с полным знанием дела. Несколькими этажами выше расположена городская квартира Нельсона Рокфеллера, этажом ниже — квартира, куда переехала с детьми после гибели мужа Жаклин Кеннеди. Крупная юридическая фирма, которую он основал не где-нибудь, а на Уолл-стрите, дала ему не только состояние, но и нечто такое, что для его планов имело значение большее, нежели миллион долларов, — поддержку уолл-стритских банкиров.

Влиятельный вашингтонский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», сравнивая Никсона с его предшественниками, написал так: «Франклин Рузвельт был окружен ореолом аристократизма; а Никсон вполне мог бы быть соседом любого американца, обитающего в районе, где живут люди со средним достатком. Трумэн был случайным президентом; Никсон — человек, давно наметивший себе такую цель. Об Эйзенхауэре обычно думали как о добром дядюшке; Никсон скорее напоминает юрисконсульта, к которому вы обратились за советом по бракоразводным делам. У Кеннеди был легкий подход даже к самым мрачным ситуациям; Никсон выглядит мрачным даже тогда, когда пытается шутить. Джонсон смягчил свои недостатки простотой и общительностью; Никсон надменен и из всех обществ предпочитает общество самого себя».

О Никсоне нельзя пошутить так, как ядовито говорили об одном из его предшественников: «Во время пожара его библиотека погибла и обе книги сгорели». Никсон не только читает, но даже написал книжку о шести кризисах, с которыми ему довелось столкнуться во время своей политической карьеры.

Преждевременно пока подводить итоги президентства Никсона, определять его место в истории Соединенных Штатов. Но об одном можно говорить уже сейчас: при всех обстоятельствах большой бизнес вряд ли будет в претензии на президента Никсона. Американский большой бизнес вообще, калифорнийский в частности и в особенности. И Чарльз Торнтон, который делал вид, что непричастен к политическим планам Никсона, знает об этом лучше, чем кто бы то ни было.

И снова, вернувшись к Торнтону, мы оказываемся перед вопросом: в чем же, в конце концов, причины необычайного успеха Чарльза Торнтона? Успеха, в короткий срок превратившего его из ловкого управляющего чужими деньгами в обладателя больших и

собственных, поставившего во главе могущественной и процветающей компании, привлекшего к себе взоры всей деловой Америки?

Торнтоновские друзья утверждают, что секрет в его незаурядных способностях дельца, интуиции, деловой хватке, аналитическом складе ума, помогающем ему разобраться в сложнейших хитросплетениях современного бизнеса. Недруги говорят, что интуиция здесь ни при чем — хватка, дескать, у них не меньшая, хотя денег поменьше, — а все дело полностью и исключительно в удаче, необычайно счастливо для Торнтона сложившихся обстоятельствах, фортуне, которая с самого начала его жизненного пути была к нему чрезвычайно милостива. Милостива даже в момент, когда сам он полагал, что она поворачивается к нему спиной, как это было тогда, когда Говард Хьюз изгнал его из своего концерна и что в конце концов обернулось для него необыкновенным успехом. Наконец, сам Торнтон убежден, что главное, что помогло ему оседлать удачу, была счастливая мысль заняться бизнесом в области электроники. Думается, что доля истины есть в утверждениях как друзей, так и недругов. И, уж конечно, самого Торнтона.

Но разве неправильным было бы предположить, что среди десятков тысяч американских бизнесменов средней руки, составляющих многочисленную и квалифицированную армию управляющих, состоящую на службе у нескольких десятков владык, нанимающих их для приумножения своих богатств, наверное, есть сотня-другая бизнесменов, обладающих торнтоновскими достоинствами? Торнтоновскими капиталами они обзавестись не сумели. Следовательно, дело не только в способностях.

Удача? Она, безусловно, наличествует и играет немалую роль в жизни этого предпринимателя. Но удача эта все-таки несколько иного свойства, нежели у Гетти, азартно поставившего на кон все свое состояние в отчаянной надежде найти нефть там, где ее не предполагали, или у Ханта, вверившего свою судьбу картам в игорном притоне Арканзаса.

Что же касается бизнеса, вознесшего Торнтона на вершину американского делового Олимпа, то здесь скорее речь идет не о случае, а о закономерности. Ни одно крупнейшее состояние Америки последних десятилетий не возникло и не приумножалось вне сферы военного бизнеса. Торнтон в данном случае не исключение. Техасец не любит, когда его успехи объясняют связью с военно-промышленным комплексом. Он говорил мне о том, что считает военный бизнес недостаточно надежным, способным обеспечить лишь временные преимущества. Но тем не менее — факт остается фактом — «Литтон индастриз» и производство на войну неотделимы.

В отчаянном усилии устоять в историческом соревновании ка-

питалистической и социалистической систем, подштопывая и латая на ходу все чаще дающую осечку «систему свободного предпринимательства», буржуазия лихорадочно ищет в своей среде людей способных и деятельных. Она понимает, что на безликих наследниках старого Моргана, на прожигателях жизни и проедателях отцовского наследства Вандербильтах далеко не уедешь. Так появляются на политической авансцене деятели типа Кеннеди, а на ниве бизнеса такие, как Торнтон. Они много могут, но могут немногое.

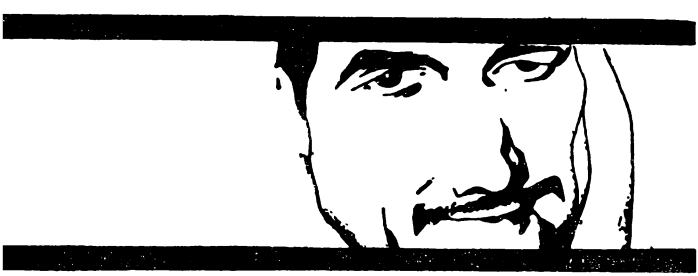
...Душным августовским вечером, вернувшись после встречи с Торнтоном в отель, расположенный в центре Лос-Анджелеса, я встретил своего знакомца, американского журналиста из породы тертых калачей. Много повидавший на своем веку, острый на язык, он был интересным собеседником. Мы зашли с ним в кафе, чтобы при помощи студеного напитка, который тянули через соломинки, хоть ненадолго отогнать влажный зной, давивший на нас. Речь зашла о Торнтоне.

— Знаете, — сказал мой собеседник, — в одних и тех же обстоятельствах разные люди играют разные роли. К примеру, на похоронах одни рыдают и рвут на себе волосы, другие произносят речи, а третьи, взяв в руки лопату, ковыряют землю, копая могилу. Тэкс по своему характеру принадлежит к этим третьим.

Не знаю, имел ли в виду мой собеседник убийственную символику, заложенную в этом образе, или просто хотел подчеркнуть деловитость хозяина «Литтон индастриз», но вряд ли более точно можно выразить суть ситуации. Конечно же, деловитость — достоинство всегда, в том числе и деловитость на похоронах, но даже самый деловитый гробокопатель не в состоянии вернуть к жизни покойника. Он может лишь скрасить последние мгновения пребывания его бренного тела на грешной земле. Деловые достоинства Торнтона не в состоянии вдохнуть жизнь в умирающую систему, которой он служит.

Глава VI

ТАИНСТВЕННЫЙ МИЛЛИАРДЕР



А есть ли мальчик-то!

Не так давно мне довелось присутствовать при любопытном споре. Дело происходило в одном из загородных клубов в окрестностях Нью-Йорка, где собираются скоротать вечер, сыграть партию в бридж и как бы между прочим за рюмкой мартини обсудить очередную сделку обитатели Уолл-стрита и его окрестностей.

Получив от знакомого мне завсегдатая этого клуба, обычно закрытого для посторонних, приглашение провести с ним вечер в неофициальной, так сказать, обстановке, я оказался в этом клубе. С понятным интересом разглядывал я общество, собравшееся в обставленных старинной дорогой мебелью обширных покоях особняка, где все свидетельствовало о богатстве и могуществе тех, кто проводил здесь свое время. Разговаривали там неторопливо, негромко, ценя каждое не в простоте сказанное слово. «Ценя» — в данном случае имеет смысл не только переносный, но и самый прямой. Произнесенное в этих стенах такое слово могло на следующий день обернуться ценностями вполне реальными — миллионными сделками, огромными прибылями для одних, убытками для других.

Именно здесь, в тиши и респектабельности такого рода загородных клубов бизнесменов, а не в публичной и крикливой суете биржи, не в многолюдстве контор и кабинетов политиков вершатся часто в Америке дела, принимаются решения, громким эхом отдающиеся на биржах и в политических «коридорах власти».

Все шло в тот вечер чинно, степенно, как, судя по всему, обычно и заведено там. Но внезапно внимание присутствовавших привлекли непривычные для здешней обстановки громкие голоса, доносившиеся из соседней комнаты. Заглянув туда, я обнаружил расположившихся около старинного камина мужчин вида процветающего. У них в руках были стаканы виски со льдом и содовой. Но, судя по всему, не виски, или, во всяком случае, не только виски, вывели их, расположившихся в уютных глубоких креслах, из обычного состояния равновесия.

Прислушавшись к голосам, я понял, что каждый из них был задет за живое. Еще бы, дискутировался вопрос, который затрагивал любого из них даже больше, нежели волнуют страстных поклонников «Спартака», «Торпедо», «Динамо» или «Нефтчи», собирающихся в разгар сезона после очередной игры у таблиц на стадионе, шансы их любимой команды. Речь шла о том, кого в Америке можно по праву назвать самым богатым человеком, обладателем самого крупного личного состояния.

Спор был яростный, чуть ли не доходивший до рукопашной. Прислушавшись дальше, я определил, что спорщики разделились на три команды. Одни утверждали, что безусловное превосходство на стороне калифорнийца Жана Поля Гетти, делающего свой бизнес на эксплуатации ближневосточной нефти. Другие отстаивали приоритет техасского нефтяного воротилы Гарольда Ханта.

Что же касается третьих, то они утверждали, что, хотя миллиардные состояния Гетти и Ханта действительно ставят их в ряд самых богатых предпринимателей Америки, но перешагнувшее за миллиард пятьсот миллионов долларов личное состояние калифорнийского предпринимателя Говарда Хьюза делает его бесспорным и единственным лидером в этой гонке миллиардеров. Несогласные приводили свои контрдоводы, суть которых сводилась к тому, что, хотя действительно капиталы Хьюза огромны, они ничуть не больше богатств Ханта и Гетти.

И вдруг до моего слуха донеслось нечто странное:

— Говард Хьюз? — произнес один из споривших, тучный человек за шестьдесят, вполне почтенной внешности бизнесмен, вид которого отнюдь не давал оснований предположить в нем шутника. — Говард Хьюз? Да такого просто не существует в природе. Его нет. Его выдумали!

В комнате воцарилась внезапная тишина. Все повернули головы к говорившему, и на лицах присутствующих можно было прочитать целую гамму чувств.

— Может ли кто-нибудь из вас, джентльмены, сказать, что он лично видел Хьюза и встречался в последние годы с ним, — продолжал толстяк. — А согласитесь, все мы лично знаем каждого из тех, кто сейчас в этой стране делает большие деньги, встречаемся с ними на заседаниях в клубе, на светских раутах, на бирже или, черт побери, просто так. Спору нет, — горячился оратор, — полтора десятка лет назад был техасец Хьюз, о котором говорили, что он сделал большие деньги, перебравшись в Калифорнию и занявшись кинобизнесом. Многие тогда его знали, встречались с ним, делали с ним дела. Но давно уже он как в воду канул, стал личностью вполне мифической. И я ставлю вот эту бутылку, — он взял со стола уже опорожненную бутылку из-под виски, — против моего новенького «роллс-ройса», что давно уже никакого Хьюза нет на свете, а этим именем прикрывается какая-то группа ловких мошенников, авантюристов, если не хуже того.

Согласитесь, странный поворот разговора, учитывая явную профессиональную несклонность его участников к эксцентричности.

Итак, как говорит классик: «А был ли мальчик-то? А может, мальчика-то и не было».

И все-таки был. Был, безусловно. И не только был, но и есть.

Просматривая реестры крупных промышленных компаний Америки 30—40-х годов, можно без труда найти компанию «Хьюз — Тул», числившуюся в разряде довольно солидных промышленных фирм по производству нефтяного оборудования. Она была основана в начале нынешнего века далеко не бесталанным инженером Хьюзом, изобретшим оригинальный бур для проходки нефтяных скважин в особо твердых породах.

Буры эти действительно были отменные и появились на свет как раз в разгар нефтяной лихорадки. Проявив не только инженерные способности, но и хватку дельца, инженер Хьюз избежал судьбы, обычной для талантливых изобретателей в Америке, когда их открытия обогащают крупные компании, а самому изобретателю в лучшем случае достаются крохи. Основанная им компания по производству нефтяного оборудования быстро превратилась в процветающую фирму, и своему сыну Говарду инженер Хьюз, умерший в 20-е годы, оставил в наследство многомиллионное состояние.

Хьюз-младший, не обладая инженерными талантами отца и даже не удосужившись получить сколько-нибудь регулярное образование, обнаружил качества, которые ему помогли довольно быстро приумножить доставшиеся в наследство капиталы. Изворотливость, хватка, пренебрежение к «правилам игры», ни с чем не сравнимая алчность — все это отметило почерк Хьюза-младшего с первых дней появления его в мире бизнеса.

Вот лишь одна из его первых деловых операций. Впрочем, «деловой» ее можно назвать с изрядными оговорками. Семейство Рокфеллеров, уже давно царящее в американском нефтяном бизнесе, в те дни отнюдь не было в восторге от успехов хьюзовской компании. Ведь из их рук уплывали немалые прибыли. А посему Джон Рокфеллер поспешил тогда прибрать к рукам фирму, во главе которой находился другой удачливый изобретатель — Уильям Фариш — обладатель патента на бур, не уступавший по своим качествам хьюзовскому. Используя права на этот бур, Рокфеллеры стали теснить Хьюза-младшего. Тот был уже накануне финансового краха, когда додумался до хода, не предусмотренного конкурентами. В пожарном порядке предложив руку и сердце родной сестре Уильяма Фариша, с которой был едва знаком, он вместе с перезрелой невестой увел из-под носа соперников драгоценный патент, взятый им в приданое. Став монополистом в области производства нефтебуров, Хьюз принялся быстро наращивать свои богатства и получать процент с быстро возрастающих капиталов нефтяных миллионеров.

...Трудно сказать, что в середине 30-х годов привело нефтепро-

мышленника Хьюза в Голливуд — то ли стремление убежать от постылой жены к голливудским звездам большой и малой величины, то ли запах больших денег, которые он учуял в набравшей тогда силу киноиндустрии. Скорее всего и то и другое. Но остается фактом, что в течение полутора десятков лет Говард Хьюз небезуспешно приумножал свои богатства не только на поприще производства нефтебуров, но и на ниве кинобизнеса.

Киноодиссея Хьюза принесла ему в то время громкую и скандальную известность всеамериканского дон-жуана. О нем говорили, что он стал непревзойденным мастером превращения никому не известных девушек, не отвергавших его притязаний, в разрекламированных кинозвезд. При этом ставку Хьюз делал отнюдь не на талантливость своих протеже. Этому дельцу принадлежит сомнительная слава одного из первооткрывателей доходности производства фильмов, в которых всячески смаковались жестокость, убийства, истязания, порок. Вот названия только некоторых голливудских кинокартин, выпущенных под его непосредственным наблюдением и на его деньги: «Девушки напрокат», «Постель», «Грехи Иветты», «Падшие ангелы» и так далее.

Развращая вкусы американской публики, спекулируя на самых низменных инстинктах, Хьюз поставил дело такой спекуляции на широкую ногу и применил в штамповании этой киноотравы производственный поточный метод. Это дало возможность ему многократно увеличить капиталы и войти в круг крупных миллионеров страны.

В ту пору делец не избегал известности, охотно давал интервью, с удовольствием взирал на свои портреты, появлявшиеся на первых страницах американских газет. Он не отличался повышенной стыдливостью и отнюдь не обижался на редакторов различного рода желтых изданий, когда они печатали фотографии, на которых миллионер был запечатлен в окружении одетых более чем легкомысленно девиц. Однако с некоторых пор вкусы Хьюза стали меняться. Он внезапно скрылся от глаз людских. Его никто не видел. Почти никто не знал его местопребывания. Одним словом, Хьюз исчез.

И тем не менее, несмотря на скепсис и сомнения, высказанные в нью-йоркском клубе деловых людей, субъект этот — фигура вполне реальная не только для американского бизнеса 30—40-х годов, но и для сегодняшних дней начала 70-х годов.

Это верно, что в последние годы Хьюз, что называется, ушел в подполье. Но, если бы странное пари, сгоряча предложенное спорщиком в загородном клубе уолл-стритских тузов, было принято, он рисковал бы расстаться со своим новеньким «роллс-ройсом», получив взамен пустую бутылку из-под виски.

Путь наверх

Итак, Говард Хьюз не миф. Говард Хьюз реальность. Больше того, он действительно находится в числе трех обладателей крупнейших состояний Америки. Конечно, нажиты они не на кинобизнесе — деле хотя и прибыльном, но недостаточном для того, чтобы сколотить полуторамиллиардные капиталы, и даже не на производстве нефтебуров. Каким же путем вскарабкивался на вершину бизнеса Говард Хьюз, почему окружает себя этот тип сегодня покровом таинственности?

Начнем с ответа на второй вопрос, ибо он поможет выяснить и первый. Таинственность Хьюза, вокруг которого в сегодняшней Америке досужие любители сенсаций наплели с три короба, заключается в том, что вот уже больше полутора десятка лет, никто, или, точнее, почти никто этого самого Хьюза в глаза не видит. Он не появляется ни на деловых конференциях, ни на бирже, ни на светских раутах.

Если бы речь шла о ком-нибудь другом, то такая нелюдимость, быть может, и не привлекла бы особого внимания прессы. Но ведь мы говорим о предпринимателе, которого размеры его состояния в американской республике возводят в сан королевский. Тут уж буржуазная печать стерпеть не может, и за Хьюзом вот уже несколько лет репортеры, фото- и кинокорреспонденты ведут подлинную охоту.

Мне хотелось бы нарисовать вам сейчас словесный портрет Говарда Хьюза. Но должен покаяться: мне не только ни разу не удалось во время моих поездок в Соединенные Штаты с ним встретиться, но я даже не сумел приобрести хотя бы одной фотографии этого дельца меньше чем двадцатилетней давности. И причина тому отнюдь не недостаток моего журналистского рвения.

Некоторое время назад, правда, американский журнал «Эсквайер» заставил позеленеть с досады всех своих конкурентов. Весной 1969 года он опубликовал большое фото мужчины среднего роста, с негустой бороденкой, стоящего на краю плавательного бассейна около какого-то роскошного особняка. Подпись под фотографией гласила, что на ней изображен не кто иной, как таинственный миллиардер Говард Хьюз, которого репортеру журнала удалось засечь. Двойной тираж «Эсквайера» был распродан в Америке за несколько часов. Конкуренты кинулись выяснять, каким образом журналу удалось сделать то, что до сих пор не удавалось никому. Однако дело закончилось конфузом. Припертый к стенке разъяренными соперниками, издатель «Эсквайера» признался, что снимок изображает не самого Хьюза, а манекенщика, которому гримеры придали облик миллиардера, нарисованный ими понаслышке.

— А что нам оставалось делать? — оправдывался редактор. — Мы приготовили статью о Хьюзе, но в течение нескольких месяцев все наши попытки легально или нелегально раздобыть его фотографию оканчивались ничем. Вот и пришлось пойти на трюк. Впрочем, — не без цинизма заключил сей рыцарь буржуазной журналистики, — свое дело наш прием, — так он именовал подлог, — сделал — номер журнала имел большой успех.

Но это уже другой сюжет, а мы вернемся к Хьюзу.

В чем же причина необычайной таинственности, которой он окружает себя? Пожалуй, не причина, а причины. Внимательно изучая все, что было написано о Говарде Хьюзе в американской печати за последние полтора десятка лет, я наткнулся на некоторые сведения, могущие пролить свет на экстравагантность и странности этого человека. Так, журнал «Ньюсуик» утверждает, что несколько лет назад Хьюз перенес заболевание, которое журнал деликатно именует «крайним истощением нервной системы». Именно с той поры, по словам «Ньюсуика», стала обнаруживать себя патологическая нелюдимость Хьюза.

Люди из его ближайшего окружения рассказывают и еще об одной мании. Он одержим... панической боязнью микробов. Его слуги и те немногочисленные сотрудники, которых он к себе допускает, обязаны обертывать свои руки специально продезинфецированными салфетками или надевать хирургические резиновые перчатки, дотрагиваясь до предметов, которыми пользуется их босс. Входя в его помещения, они прикрывают лицо специальными масками. Воду он пьет только из специально опечатанных бутылок, куда из тщательно охраняемого источника ее наливает стократ проверенный слуга.

Возможно, все дело в микробах, бациллах и вирусах. А быть может, дело не только, и даже не столько в этом.

Тут-то мы и подошли к ответу на вопрос о том, какая сила вытолкнула, в общем-то, заурядного предпринимателя на поверхность большого бизнеса, что проложило ему путь к его огромным богатствам. Военный бизнес, производство новейших орудий смерти, самые секретные отрасли американской военной промышленности — вот поле, на котором собирает свою многомиллионную жатву концерн «Хьюз эйркрафт». Секретные электронные приборы, навигационные и управляющие артиллерийским огнем системы, ракеты типа «воздух — воздух», находящиеся на вооружении американских ВВС, тщательно оберегаемые тайны электронного оборудования космических кораблей типа «Сервейер» — именно это принесло Говарду Хьюзу его нынешнее огромное состояние. Одним из наиболее выгодных контрактов, полученных им у американ-

ского военного ведомства, является заказ на оснащение электронной техникой военных сил НАТО в Западной Европе.

Показательно, что его капитал перевалил за первую сотню миллионов долларов не когда-нибудь, а в годы корейской войны. Именно с того времени хьюзовские прибыли стали ежегодно измеряться цифрой со многими нулями. И в настоящее время барыши его продолжают возрастать темпами стремительными.

Согласитесь, что это тот случай, когда реклама отнюдь не является «двигателем» торговли. Торговля торговле рознь. Торговля подтяжками или жевательной резинкой не возбраняет, а, наоборот, требует максимальной шумихи и огласки. Орудиями же уничтожения рода людского лучше торговать втихомолку. Эту истину, очевидно, Хьюз усвоил хорошо.

Страх перед микробами, быть может, сществует и на самом деле; скорее всего это не выдумка. Но уходить в подполье, думается, Хьюза заставляет страх совсем иного рода — страх перед ответственностью за свои дела, нечистая совесть.

Правда, некоторое время назад Хьюз удивил соотечественников. Этот делец, превративший производство оружия в золотое дно для себя, вдруг вознамерился принять облик этакой овечки. Он, видите ли, обеспокоен проводящимися в Америке подземными испытаниями атомной бомбы. Столь негуманные и опасные действия так обеспокоили торговца оружием, что его компания направила в конце 1968 года правительству Соединенных Штатов специальный меморандум, призывающий Вашингтон незамедлительно прекратить эти испытания.

Что и говорить, было над чем поломать голову неискушенным в хитросплетениях политики и бизнеса американцам! Подумать только, Говард Хьюз, тот самый Хьюз, компании которого оснащают ракеты и подводные лодки, создают прицельные устройства, при помощи которых американские летчики уничтожают вьетнамские деревни, тот самый Хьюз, который положил в свой карман сотни миллионов долларов, полученных на продаже оружия, вдруг стал вегетарианцем и трепещет при мысли о том, какие последствия могут вызвать подземные испытания ядерного оружия.

Скорые на руку газетчики уже поспешили объявить об угрызениях совести престарелого торговца оружием, о том, что, готовясь к встрече с богом, он решил позаботиться о душе, распрощавшись с бизнесом смерти.

Но напрасно торопились непрошеные толкователи хьюзовских намерений. На поверку дело оказалось значительно более простым, не имеющим отношения ни к богу, ни к душе, ни к угрызениям совести.

Уже много лет назад американские генералы в качестве поли-

гона для испытаний ядерного оружия избрали пустынные и незаселенные территории далекого штата Невада. А между тем к этому штату, как об этом будет рассказано дальше, обратил свои взоры Говард Хьюз. И не только взоры. В течение последних лет он вложил сюда несколько сот миллионов долларов, приобретя обширные территории в этом районе.

«Хьюз опасается подземных взрывов, — раскрывает тайные мысли миллиардера информированная американская газета «Вашингтон пост», — потому что они становятся все более мощными и могут вызвать землетрясение и отравить подземные массы воды в штате Невада, в котором он имеет крупные деловые интересы, большие земельные угодья и куда он вложил немалую часть своего богатства».

Нет, история Хьюза — это не невинная сказочка о Сером Волке и Красной Шапочке. Бабушкин чепец не спрячет лезущих наружу волчьих ушей, корысть не выдать за миролюбие, страх за свою собственность не изобразить как беспокойство за благополучие соотечественников.

И еще одно соображение, которое может быть предложено в качестве возможного объяснения странностей Хьюза. В конце концов, его поведение — это лишь доведенная до крайности, до грани абсурда черта, типичная для многих американцев. Один из американских авторов назвал свою страну «Великим сообществом одиночек». В этом определении большая доля правды. В национальном характере американца заложено стремление обособиться, отделить себя от общества, занять по отношению к другим своего рода круговую оборону. Это стремление, быть может, уходит корнями в прошлое Америки, когда колонист, получив земельный надел и будучи предоставлен самому себе, рассчитывал только на себя, а на любого пришельца смотрел как на источник повышенной для себя опасности.

Наложившись на нравы — чтобы не сказать безнравственность — Америки современной, живущей по принципу — каждый против каждого, это превратилось в своего рода принцип существования американцев.

Есть такая форма одиночества — одиночество в толпе, одиночество в многолюдстве. Более полного и страшного одиночества не бывает. Нигде мне не доводилось так часто сталкиваться с такого рода одиночеством, как во время моих странствий по американским городам и весям.

Внешне американцы очень общительны, легко сходятся, охотно, пропустив стаканчик-другой виски с содовой, хлопают друг друга по спинам. Но это лишь внешне. Идеал многих в этой стране — свой дом, причем дом не просто как удобное и приятное место

жительства, но как бастион, в котором можно спрятаться от неустроенности и неуютности жизни, от постоянной необходимости быть настороже. Француз, отработав положенное, спешит встретиться с друзьями, итальянец проводит вечера в траттории за стаканом вина, бельгиец, голландец или немец — с кружкой доброго пива. Американец после работы спешит укрыться за семью замками, отгородиться от мира. Это не только социальное, но и национальное.

Сообщество одиноких тем более противоестественно, что оно находится в вопиющем противоречии со всем строем современной жизни по своему стилю, по своей организации, общественной донельзя.

Мне вспоминается один разговор, происходивший на высоте девяти километров над американской территорией. Я летел в комфортабельном «боинге-747» из Нью-Йорка в Сан-Франциско. Рядом со мной оказалось двое американцев — преклонных лет человек, с седым ежиком на голове и умными глазами под толстыми стеклами очков, и его сын — студент, лохматый субъект лет двадцати двух — двадцати трех. Мы разговорились. Узнав, что я из Советского Союза, парень, у которого, очевидно, в голове был густой туман, что называется, с ходу принялся мне объяснять, почему он противник социализма.

— Социализм и индивидуальность — вещи несовместимые, — с апломбом заявил он. — А я хочу быть сам по себе. Не хочу зависеть ни от кого, никому не хочу быть обязанным и не желаю, чтоб кто-либо был обязан мне. Мне никто не нужен, я могу и хочу прожить сам.

— Простите, — возразил я. — Если не ошибаюсь, как раз сейчас при всей вашей независимости от общества и его отдельных представителей вы, по-моему, находитесь от них в полной зависимости.

— От кого? — взъерепенился юнец. — Глупости!

— В данную минуту, насколько я могу заметить, вы целиком и полностью зависите от нескольких парней, находящихся в пилотской кабине этого самолета. Вы их не знаете, но доверили им свою судьбу. Поживем мы с вами еще или грохнемся на скалы Юты, так неуютно выглядящие отсюда, с этой высоты, зависит от них. Так же, как и все остальные пассажиры, заплатив полтораста долларов, вы исходите из того, что они мастера своего дела, и полагаетесь на них настолько, что доверили им вашу вполне суверенную особу. И так происходит с вами каждый день, каждый час. Сколько бы вы ни говорили о своей независимости от общества, вы не сами по себе. Человек всегда зависит от себе подобных. Даже самый независимый, даже самый могущественный, даже тот,

кто, подобно киплинговской кошке, ходит сам по себе. Ибо, в конце концов, в современном мире, как вам это ни покажется грустным, сам по себе не ходит никто, даже кошка! Человек доверяет опытности водителей машин, квалифицированности аптекаря, добросовестности повара, опыту мостостроителя, умению портного, соорудившего штаны суверенной и независимой личности.

Прощались мы после посадки самолета по-хорошему. Особенно сердечен был старший из моих спутников, долго жавший мою руку и произносивший слова благодарности. Видимо, претензии на суверенность его отпрыска доставляют ему немало неприятностей.

Шутки шутками, но стремление уединиться, изолировать себя от общества свойственно многим американцам, составляя, пожалуй, одну из черт их национального характера. Но то, что не может себе позволить простой американец, пытается достичь американец непростой, Говард Хьюз — обладатель одного из трех крупнейших состояний Америки. Он считает, видимо, что за свои деньги он может купить себе одиночество, построить стену, за которой его никто не достанет. В хьюзовской мании к уединению нетрудно разглядеть до крайности, до анекдота доведенный американский индивидуализм.

И коль скоро речь зашла у нас о такой штуке, как американский национальный характер, давайте на некоторое время отвлечемся от Хьюза и поговорим об этом самом характере.

* * *

Нелегко, конечно, определять этот самый национальный характер. Сколько мы читали всяческой развесистой клюквы о всевозможных «национальных характерах», сколько благоглупостей и пошлостей написано на этот счет! Иногда возникает даже вопрос: есть ли он, существует ли в действительности национальный характер, как можно вогнать в простые формулы огромное многообразие людской массы, бесконечную разность типов, а особенно когда речь идет о такой не устоявшейся, в общем, нации, как американская? Что касается такой вещи, как характер нации, то думается, что некие общие закономерности все-таки имеются и говорить, хотя и осмотрительно и с осторожностью, об этом можно и даже должно.

Далеко еще не завершился сложный, многотрудный и длительный процесс становления американской нации. Еще живут, не смешиваясь, сохраняя обличье и привычки, фетиши и идеалы предков, различные национальные группировки, потомки людей, волею судеб массами сорванных в прошлом веке и начале нынешнего с насиженных мест, попавших за океан в поисках доли и счастья.

Я слышал в Америке такую старорусскую речь, едал такие

русские расстегаи и пироги с вязигой, пил такие дедовские квасы и меды, какие, ей-право-же, у нас дома ныне — констатирую это с превеликим сожалением — днем с огнем не сыщешь. Живут в некоторых американских городах русские колонии, являющие собой чудеса стойкости национального духа, не смешивающиеся с автомобильной американской суетой, бережно хранящие привезенные еще в прошлом веке язык и песни, обычаи и одежду. Кафтаны на мужчинах, женские сарафаны и кокошники, какие я видел в русском районе на окраине Чикаго, в Москве можно увидеть разве что в музее или на сцене Большого театра.

Есть в нью-йоркском Даун-тауне — Нижнем городе — кварталы, где обитает — слово «живет» не очень-то подходит к тяжкой доле этой голытьбы — еврейская беднота. Оказавшись здесь, ощущаешь себя как бы перенесенным на страницы пропитанных горьким юмором шолом-алейхемовских рассказов. Несколько кварталов в сторону, и декорация меняется. Ты уже не в еврейском местечке царской России, а на окраине итальянского города, и перед тобой разворачиваются сцены, будто бы сошедшие с экрана фильмов итальянского неореализма. Только диву даешься, до чего же стойки национальные традиции, как бережно хранят их люди, оказавшиеся далеко от родины, а многие из них никогда этой далекой родины и не видевшие.

Но уже это одно опровергает сомнения в том, что штука, именуемая национальным характером, все-таки существует. Конечно, разница между человеческими индивидуумами достаточно велика и в рамках одного народа, и в пределах одной нации. Холерики и сангвиники, веселые и грустные, талантливые и не очень, добрые и злые, трудолюбивые и наоборот — все это есть у каждого народа. Но имеет место и нечто общее, определяемое общими факторами, исторической судьбой, условиями жизни, климатом даже. Одинаково ошибочно как фетишизировать национальный характер, превращать его в некий абсолют, объяснять им, выводить из него, и только из него, все относящееся к данному народу, так и нигилистически отбрасывать специфические особенности различных народов.

Да, несомненно, процесс формирования американской нации как единой народности еще не привел к кристаллизации ее. Но было бы нелепым отрицать наличие некой общности, связанной с условиями и образом жизни этого одного из молодых и динамичных государств современного мира. Дух пионерства, предприимчивость, чувство собственного достоинства и независимости, энергия, подвижность, размах — все это порождение стремительного развития нового государства, когда в течение нескольких десятилетий огромные и малозаселенные пространства осваивались и поднимались к жизни пришельцами из различных стран мира. Многие

отличные качества американцев — порождение тех условий, в которых на необъятных просторах неосвоенного континента оказались и действуют вот уже несколько поколений.

Но те же самые условия породили и немало отрицательного. Чувство собственного достоинства и независимости людей, бежавших некогда от феодального, религиозного или иного гнета Европы, доведенные до крайности, до своих уродливых форм, породили ныне типично американский крайний индивидуализм, когда личность противостоит всему обществу, рассматривая это общество, всех людей, ее окружающих, как силу глубоко враждебную. В условиях Америки одиночество человека в обществе, типичное для капитализма вообще, обретает еще некий специфически американский оттенок, когда это уродливое искривление рассматривается не как зло, а как благо, то, к чему следует стремиться, что отвечает, дескать, извечной человеческой природе. Философия опасная, на почве которой вырастают плевелы ядовитые.

Путешествуя по Америке, невозможно не восхищаться плодами гигантского труда, вложенного в эту землю несколькими поколениями американцев. За небольшой с точки зрения истории срок этот не освоенный каких-нибудь две с половиной сотни лет назад континент превратился в ухоженную землю, покрытую сетью первоклассных дорог, с гигантскими городами, отлично возделанными полями, мостами и туннелями, портами и промышленными комплексами.

Причин столь быстрого развития страны немало: природа — отличный климат, богатые недра, обширные пространства, многоводные реки; исторические условия — 200 лет на американскую землю не ступала нога интервента, войны происходили где-то далеко, а американцы пользовались благами отдаленности, отсиживаясь от военных бурь за двумя океанами.

Есть и другие обстоятельства, счастливо сложившиеся для Америки. И в их ряду, безусловно, нечто имеющее прямое отношение к теме, о которой идет у нас речь. Кто 150—200 лет назад покидал Старый Свет — пускай неуютный, с его религиозным гнетом и феодальной кабалой, но обжитой и привычный — и пускался в опасное путешествие за океан, совершая прыжок в неизвестное? Лишь самые сильные, смелые и предприимчивые. Кого брали на корабли, плывшие за океан? Судов было немного, снаряжать их было делом дорогим, и среди тех, кто готов был поставить на кон собственную судьбу, отбирали не только смелых и отчаянных, но еще и умелых и искусных, хорошо владеющих топором или долотом, молотком каменщика или плугом хлебороба.

Так история и люди осуществили своего рода естественный и искусственный отбор, а на американской земле обосновывались,

давая начало новым поколениям, индивидуумы, особенно жизнеспособные, сильные духом и независимые характером. Там, в тех седых временах истоки того, что ложится сегодня в основу многосложной штуки, именуемой национальным характером.

Я говорю — многосложной потому, что действительно очень трудно разложить по полочкам, свести к простым формулам столь сложные вещи. Скажем, чувство независимости, предприимчивость и многое другое, свойственное американскому характеру, — хорошо это или плохо? И хорошо, и плохо. Сегодняшний американец независим и полон самоуважения. Это, безусловно, хорошо.

Характерная для американской повседневности деталь. В любом учреждении, общественном месте, гостинице американец всегда пользуется преимуществом перед иностранцами. Если самолетный или пароходный рейс загружен и на него трудно достать билеты, не пытайтесь напирать на то, что вы иностранец, претендуя на том основании на особое положение. Это даст прямо противоположный эффект, и вам выдадут билет в самую последнюю очередь, после того как будут удовлетворены все американцы. В государственном учреждении и частной конторе, в театре и на стадионе американскому гражданину первые места, наибольшее внимание и уважение. И это правильно. Он у себя дома. Он здесь хозяин.

Сталкиваясь с этим, невольно думаешь о том, что иногда встречается у нас. Русское гостеприимство вошло в поговорку, стало, если хотите, мировым стандартом понятия о гостеприимстве. И это тоже хорошо и правильно, ибо отвечает душевным качествам, традициям и нормам нашего народа. Но всякое доброе, как известно, всего в полушаге от своей противоположности. И когда видишь, как с совершенно излишней почтительностью, чтоб не сказать больше, в ущерб согражданам иной ретивый администратор гостиницы под белы руки ведет заезжего коммерсанта в самые лучшие покои или, того хуже, среди ночи изгоняет из гостиничного номера уважаемого человека для того, чтобы поместить туда нагрянувшего прыщеватого хлыща с заграничным паспортом, то думаешь: куда же подевалась его гражданственность и национальная гордость?!

Когда обнаруживаешь, что иной иностранец, вообразивший, что своим посещением он оказывает нам честь превеликую, кладет ноги на стол, чувствуя себя этаким сверхчеловеком и позволяя в гостях то, что он никогда бы не позволил дома, думаешь о том, что пора, давно пора взять за шиворот и тряхнуть как следует — не его, ибо что с него взять, — а иных деятелей, забывающих о том, что великий интернационалист Ленин именовал национальной гордостью великоросса.

Да, мы гостеприимны! Но гостеприимство наше не имеет ничего общего с угодливостью и заискиванием перед кем бы то ни было. Нетерпимо каким-то унылым чинушей и заскорузлым бюрократом установленное правило, предоставляющее какие-либо преимущества заезжим гостям перед гражданами собственной страны, пускай и в пустяках: в гостиничной броне или порядке выдачи театральных билетов. Ибо там, где идет дело о национальной гордости советского гражданина, нет и не может быть пустяков!

Национальная гордость великоросса — это не пустая спесь, не провинциальная ограниченность — оборотная сторона комплекса неполноценности, не попытка напялить лапти поверх современных штиблет, не воздыхания иных мужиковствующих графоманов о вечернем и ином звоне. Ленинское понимание гордости этой как небо от земли далеко от узколобого реакционного славянофильства, по которому вдруг загрустили иные критики, запевшие с чужого и чуждого нам голоса. Знают ли они, чего хотят? Скорее всего, нет. А если знают, то тем хуже, ибо некоторые из писаний таких, выдаваемых за истинно национальное, выглядят скорее как перевод с американского.

Наша советская национальная гордость — чувство светлое, не ограничивающее для нас мир околицей, но вмещающее огромное понятие — Родина! Социалистическая Родина!

Одним словом, самоуважение, национальная гордость — это хорошо. Однако когда гордость эта оборачивается спесью, националистическим чванством, это перестает быть чертой хорошей, переходя в свою противоположность. Между тем у американца национальное самоуважение сплошь и рядом гипертрофировано до размеров уродливых, превращаясь в высокомерие и пренебрежение к другим странам и народам. Но отсюда ведь недалеко и до концепции сверхчеловеков, а к чему это приводит, мир помнит достаточно хорошо. В недавние времена он слишком дорого заплатил за то, что одному народу вбили в голову это самое суперменство, мысль о том, что он избранная раса, которой все позволено. Самоуважение — благо лишь до тех пор, пока оно не перерастает в неуважение к другим, в фанфаронское чванство и мещанское самолюбование.

Или взять такое специфичное, особенно присущее американскому национальному характеру качество, как чувство независимости, умение постоять за себя. Качество это вырабатывалось на протяжении многих поколений. Оказавшийся на американской земле колонист уходил в глубь страны, обосновывался там, вырубал леса, вспахивал целину, пускал корни. На сотни миль вокруг не было никого, кому бы он мог пожаловаться на несправедливость и утеснения со стороны соседей или нежелательных пришельцев.

Шерифы, суды — все это было далеко, и поселенец привыкал полагаться на самого себя, на собственные кулаки, на кольт у бедра, с которым он не расставался ни днем, ни ночью и который заменял ему и параграфы закона, и судейский вердикт. Многозарядный кольт считался в Америке в период колонизации таким же предметом первой необходимости, как топор и лопата. И те, кто сейчас недоумевает по поводу широкого распространения в сегодняшней Америке личного оружия — что в нынешних условиях и неприемлемо и опасно, — не должны забывать корней этой традиции, делающей проблему изъятия оружия у миллионов граждан не такой простой, как это могло бы показаться на первый взгляд.

Вот тут мы и касаемся еще одной оборотной стороны медали. Больной проблемой сегодняшней Америки является преступность, принявший несусветные масштабы культ насилия. Вакханалия преступлений захлестнула Америку. Буржуазные политики, социологи, юристы написали сотни книг, пытаясь объяснить это явление. Одним из модных их объяснений является ссылка на телевидение — дескать, смакование культа насилия, типичное для американского телевидения, развращает молодежь, порождает преступность.

Действительно, показ всех возможных и невозможных форм насилия — один из главных китов, на которых стоит телевидение Соединенных Штатов. Свидетельствую: проведя многие и многие часы перед телевизором в Америке, я не могу припомнить хотя бы десятка минут, когда по одному из каналов голубого экрана не лилась бы кровь. И тем не менее я бы не стал искать столь простого решения такой сложной проблемы.

Доводилось мне сиживать у телевизора и в Англии, и во Франции, и в Японии. И там по части насилия дело обстоит далеко не благополучно — сказывается американское влияние. И в этих странах проблема растущей преступности не принадлежит к числу третьестепенных. Но ведь это же факт, что ни в Англии, ни во Франции она, проблема эта, не приобрела характера общенационального бедствия, как это имеет место в Америке. Не правильнее было бы сделать из этого вывод, что телеужасы все-таки не первопричина, а скорее следствие. Не правильнее ли было бы предположить, что корни разгула преступности в Соединенных Штатах значительно более глубоки и отнюдь не исчерпываются телевизионными программами, дурно влияющими на молодежь.

Прежде всего причины эти политические и социальные. Не последнее место занимает среди них и нечто свойственное американскому национальному характеру. Если хотите, то нынешняя вакханалия насилия — это в какой-то степени плата за кольт, доведенная до уродливых форм, до своей крайности, передающаяся из

поколения в поколение привычка решать проблемы, не обращаясь к закону, а в порядке, так сказать, самодеятельности, при помощи кулака. Доведенное до абсурда стремление полагаться на самого себя, на свое понятие о справедливом и несправедливом обернулось крайним индивидуализмом, пренебрежением к законности, к личности других, интересам общества.

Самое, пожалуй, американское, что есть в Америке, — это дорога, а американец больше всего американец, когда, оседлав двухсотсильный бензиновый экипаж, несется очертя голову по этой дороге. Ей-богу, я узнал об американском национальном характере, путешествуя по этим дорогам, значительно больше, нежели прочтя сотни книг или беседуя в тихих гостиных и деловых кабинетах с вполне респектабельными джентльменами — политиками и журналистами, бизнесменами и общественными деятелями.

Сдержанные и лощеные в гостиных и кабинетах, они мало чем отличаются, скажем, от англичанина или шведа. Но стоит вам увидеть того же самого джентльмена не за столом своей деловой конторы, а за рулем машины на одной из американских автострад, и перед вами совершенно иной человек.

Оказавшись на узеньких улочках Лондона, в первый момент я не мог взять в толк, каким образом они, приспособленные к медлительным экипажам прошлого века, могут ныне служить своему назначению. Почему ярко выраженный склероз городских улиц не привел еще Лондон и Брюссель к смерти от удушья? Понаблюдав, я решил, что открыл этот секрет. Не удивляйтесь, но мне кажется, что дело здесь... в вежливости.

Никакие правила уличного движения, никакие светофоры и регулировщики не могли бы сделать то, что делает врожденная вежливость англичанина, который, даже опаздывая куда-либо, любезно пропустит машину, пересекающую ему дорогу; визжа тормозами, остановится у пешеходной дорожки. Вежливость такая — высшая форма самоуважения. Желание считаться с интересами другого предполагает в этом другом такое же желание посчитаться с твоими интересами. А это, что ни говорите, существенно облегчает жизнь и сосуществование человеков.

Иное дело американец на дороге. Этот никогда не уступит. Наоборот, попытку обогнать, объехать его он воспринимает чуть ли не как личное оскорбление. Забавно, а подчас и неприятно наблюдать, как вполне респектабельный отец семейства или благообразная старушенция, сидящие за рулем своего автомобиля, буквально выходят из себя, обнаружив, что вы намереваетесь их обойти. Нигде в Америке мне не доводилось наблюдать так легко и по пустякам теряющих равновесие и выходящих из себя, злобно бранящихся по поводу и без повода людей, как на автострадах.

Заметил, правда, я и другое. Если автомобильный наездник на американской дороге обнаруживает, что его оставляет позади автомобиль более высокого класса, более дорогой и мощный, он как-то легко мирится с этим. И дело, по-моему, здесь не только в трезвом расчете, — дескать, более мощный мотор — это объективный факт, против которого не попрешь, как ни нажимай педаль газа, но и в присущем американцам уважении к силе: слабых он не ставит ни во что. На равных себе смотрит ревниво, ни в чем не уступая. Но силу уважает, с силой не спорит, перед силой склоняется. Американцы в массе своей не лирики, они не сентиментальны. Призывами, уговорами, улыбками их не возьмешь. Уважая силу, они обнаруживают склонность считаться с силой других, особенно тех, кто сильнее их. Но не дай бог оказаться слабее. На великодушие, милосердие, снисхождение к чужой слабости тут рассчитывать не приходится.

Было бы, конечно, неумным и неверным утверждать, что все американцы, каждый из них именно таковы. Да не обидятся на меня, коли дойдут до них эти строки, американцы добрые и сердечные, снисходительные и уступчивые. Таких в Америке, конечно же, немало, как и в любой другой стране.

Среди симпатичных черт американцев — умение иронизировать над самим собой. Именно такая самоирония породила формулу-пословицу, гласящую, что «цветы в Америке не пахнут, дети не плачут, женщины не любят». Насчет женщин — не знаю, но что красивые и пышные цветы, продающиеся в магазинах, действительно не пахнут, — заметил, так же как и готов подтвердить то обстоятельство, что детский плач за океаном доводится слышать не часто. Впрочем, все это имеет свои объяснения: садовники, выводя цветы, заботятся прежде всего об их внешнем виде, в детское питание грудничков добавляются успокоительные средства, что же касается женщин, то горькая острота эта связана с тем, что даже представительницы прекрасного пола, дыша американским воздухом, проникаются особым благоразумием, которое многих из них заставляет руководствоваться не достоинствами души или ума избранника, а состоянием его кошелька.

Если отбросить фигуральность пословицы, то ее рациональное зерно довольно точно, как мне кажется, схватывает одну из особенностей американского характера, которую можно сформулировать как рациональность в ущерб эмоциональности, расчетливость в ущерб душевности, холодность, отрицающую «души высокие порывы».

Я уже оговорился по поводу того, что очень трудно многообразие человеческих характеров сводить к некоему отвлеченному единому национальному характеру. Но все-таки, если попытаться

вывести среднеарифметическое, отобрать наиболее типичное не для отдельных индивидуумов, а для массы, то вышесказанное, как мне представляется, окажется все-таки недалеко от истины.

* * *

А теперь давайте вернемся к Говарду Хьюзу и его бизнесу. У читателей может возникнуть вопрос: а каким образом Говард Хьюз оказался во главе столь сложного, требующего особых знаний в новейших отраслях науки и техники дела, каким является современная электроника? Что общего между полуголыми нимфами Голливуда и полупроводниковыми схемами, между кинопроизводством, которым он занимался в течение многих лет, и производством ракет, на котором наживается ныне?

Может быть, Хьюз инженер, изобретатель, специалист?

Ни в коем случае. Наследник богатого папаши, он не обременил себя образованием и ухитрился даже не закончить простого колледжа. Случайное стечение обстоятельств да чужие таланты, которые он скупил по случаю, причина счастливого для него поворота колеса фортуны.

Еще в те годы, когда делами семейной компании управлял его отец — инженер Хьюз, богатый наследник отдал дань увлечениям золотой молодежи. Он пилотировал гоночные самолеты и даже ухитрился в 30-е годы прославиться как пилот-рекордсмен. В погоне за рекордами он не удовлетворялся самолетами, которые мог приобрести у специализировавшихся на этом фирм, а создал собственную компанию, единственной целью которой было конструирование и производство для него гоночных машин.

Так в свое время и возникла «Хьюз эйркрафт» — маленькая компания, потрафлявшая прихотям богатого наследника. Волею судеб в штате этой компании оказались молодые, необычайно одаренные и в то время никому еще не известные инженеры-конструкторы Симон Рамо и Дин Вулридж — ныне конструкторы с громкими именами. Они-то и взялись за разработку электронных схем тогда, когда этим еще мало кто интересовался. И «Хьюз эйркрафт» оказалась первой американской компанией, начавшей действовать в области применения электроники для военных целей. В годы корейской войны из небольшой фирмы она превратилась в крупный концерн. Если в 1948 году ее ежегодная прибыль составляла 2 миллиона долларов, то пять лет спустя, в 1953 году, она достигла уже 200 миллионов.

Но, может быть, Говард Хьюз, не обладая талантами и знаниями конструктора, проявил в те годы деловую хватку, разглядев золотое дно там, где его другие не видели еще? Так ведь тоже

бывает. Человек — инженер бездарный или вовсе не инженер, а организатор, администратор, коммерсант отменный. Нет, в данном случае и этого не было. Группа молодых инженеров его фирмы действовала почти тайком, буквально наперекор воле босса.

Одним из наиболее процветающих и стремительно богатеющих предпринимателей Америки последних лет является калифорниец Чарльз Торнтон, вырвавший у Хьюза титул «электронного короля». Об этом деятеле — преуспевающем и незаурядном — речь у нас шла в предыдущей главе. В начале 50-х годов Торнтон работал в «Хьюз эйркрафт». Именно под его руководством действовала группа инженеров-электронщиков. Дело в тот период закончилось острым столкновением между Хьюзом, не желавшим вкладывать доллары в бизнес, который ему не казался перспективным, и группой Торнтона. Результатом была ссора. Хьюз уволил Торнтона, вместе с которым из компании ушли многие специалисты. Торнтон основал собственное дело, которое стало расти очень быстро, и в конце концов как читатели уже знают, обошел своего бывшего хозяина.

Но если технических идей недоучка-миллионер Хьюз уразуметь не мог, то удар по карману до него все-таки дошел. Собственные убытки, а также успехи конкурентов заставили его образумиться и спрятать в карман свое самолюбие. Хотя и с некоторым запозданием, понеся убытки, он принялся наверстывать упущенное. Однако из этой истории становится очевидным, что Хьюз не только не является обладателем каких-либо талантов инженерных, но и особым деловым чутьем тоже похвастать не может.

После ухода Торнтона он сделал ставку на оставшегося у него в компании Лоуренса Хайлэнда, инженера и администратора. На этих страницах уже говорилось о так называемых менеджерах — квалифицированных управляющих, помогающих бесталанным обладателям тугих кошельков, за большие деньги руководящих их бизнесом. Хайлэнд по кличке Пэт (Ирландец) — один из таких типичных менеджеров. Квалифицированный инженер, делец, известный своей организованностью, доходящей до педантизма (рассказывают, что, отдыхая, он любит собственноручно жарить бифштексы; при этом он пользуется новейшими приборами и секундомером-хронометром, утверждая, что только таким образом можно их хорошо приготовить), Хайлэнд был облечен Хьюзом в компании всей полнотой власти. Организованность Хайлэнда, его собранность и деловитость — качества, которые обеспечили ему хорошее отношение и доверие босса.

И здесь мы снова ненадолго отвлечемся от Хьюза. Надо сказать, что это качество отнюдь не так уж распространено в Аме-

рике, как об этом принято думать. Одним из традиционных мифов об американских бизнесменах, об американском бизнесе, вообще об Америке, о порядках, в ней царящих, является миф о беспрецедентной деловитости, пунктуальности и точности. Дескать, вся жизнь в Америке отлажена, как хорошо выверенный часовой механизм: и поезда там ходят с точностью до секунд, и опоздание на деловое или иное свидание вещь невероятная.

Я не случайно назвал это мифом. Наслышанный об американской точности, я был буквально ошарашен, когда впервые попал за океан, разительным несовпадением привычного стереотипа с реальной повседневностью.

Помню, мне предстояла небольшая поездка в пригородной электричке из Нью-Йорка в один из городков, расположенных неподалеку. Справившись по телефону о расписании поездов, я договорился о встрече с одним из моих американских коллег, назначив, как мне казалось, вполне по-американски время этой встречи с точностью до минуты. Было предусмотрено все: время, необходимое, чтобы добраться до вокзала, срок отправления и прибытия электрички, минуты, необходимые, чтобы, сойдя с поезда, доехать до места встречи, оставлено в запасе даже десяток резервных минут. Вполне довольный собой, я отправился на вокзал. Там меня настигла первая неожиданность. Окошко кассы было закрыто в неурочное время. Затем выяснилось, что справка, данная мне по телефону о времени отхода поезда, была неточной. После того, как эти препятствия были преодолены и я, взмыленный и нервно поглядывающий на часы, ворвался на перрон, оказалось, что... торопиться мне было некуда — поезд опаздывал. Но особенно удивительным мне показалось, что столпившиеся на перроне пассажиры не выказывали никакого удивления, как будто так было и надо, как будто все было привычно. Ехать до пункта назначения мне предстояло 35 минут. Электричку в тот раз я прождал 52 минуты.

Когда, смущенный и расстроенный своим опозданием, которое, как мне казалось, должно было оскорбить американскую деловитость моего знакомого, я наконец добрался до кафе, где мы назначили встречу, и начал в свое оправдание рассказывать о невероятном происшествии, только что со мной случившемся, я услышал в ответ знаменитое американское «Тэйк ит изи» — трудно переводимую фразу, которую американцы произносят по сотне раз в день по каждому поводу и которая может означать все, что угодно, — от более или менее интеллигентного «стоит ли огорчаться по таким пустякам» до краткого и выразительного «наплюй на это». Во-первых, объяснил мне мой знакомец, он сам пришел сюда всего лишь за две минуты до моего запоздалого

появления, а во-вторых, ничего невероятного в происшествии с электричкой нет — это в Америке вполне обычная вещь.

Как известно, нет в жизни ничего более трудного и огорчительного, нежели расставание с иллюзиями. В тот раз я приписал все благовоспитанности моего собеседника, который, дабы рассеять мое смущение, осмелился возвести поклеп на американскую точность и деловитость. И все же с иллюзией этой, как было ни жаль, расстаться пришлось. Чем больше я находился в Америке, тем нагляднее убеждался, что случай с электричкой вовсе не исключение, а скорее правило.

С тех пор прошло уже немало лет. Мне довелось не один раз побывать за океаном, исколесить Америку вдоль и поперек. И сегодня я берусь свидетельствовать, что стократно описанная и просмакованная американская точность не более чем миф, неизвестно почему так широко распространенный и стойкий. Безалаберность, расхлябанность с каждым годом принимают в Америке все больший масштаб, сводя нередко на нет и один из наиболее обожествляемых в Америке культов — культ сервиса — образцового обслуживания потребителя.

Некоторое время назад мне в руки попал один из номеров журнала «Тайм». Журнал не может скрыть своего беспокойства. «Путешественники, — пишет он, — молниеносно пересекают океаны только для того, чтобы долгими часами околачиваться в американских аэропортах, а затем обнаруживать, что их багаж по ошибке отправлен в какой-нибудь другой город... Пригородные поезда, сезонные билеты на которые стоят все дороже и дороже, совершенно не считаются ни с расписанием, ни с пассажирами. В холодную или сырую погоду можно быть твердо уверенным, что поезд придет с опозданием на добрых три часа по окончании тряского путешествия в часто не обогреваемых или безжалостно перегретых вагонах».

Это не единичное высказывание. Американская печать заполнена сетованиями американцев на неурядицы, связанные с расхлябанностью и безалаберностью, приобретшей масштабы массовой национальной болезни. Вот одно из писем, взятое мною наугад. Я обратил на него внимание потому, что оно написано Рексом Ридом — знакомым мне писателем и драматургом. Он недавно живописал то, что назвал «кроватной эпопеей».

«Я, — сетует Рид, — заказал для своей спальни новую кровать в одном из крупнейших универмагов Нью-Йорка, оплатив ее полную стоимость и стоимость доставки. Ее должны были привезти ко мне домой на следующий день. Прошло *три месяца. Но наконец* пришло долгожданное уведомление: кровать будет доставлена в пятницу». Писатель прождал целый день, не выходя из

дому. На кровать не было и намека. Поскольку он предварительно сбыл свою старую кровать, спать ему пришлось на полу. В понедельник грузчики кровать все-таки привезли. Но... не смогли ее собрать — почему-то не оказалось полагающихся болтов. «Нам придется делать специальный заказ», — меланхолически сообщили они и удалились. Через несколько дней появились мастера с болтами. Но они не смогли водрузить на кровать матрац, поскольку на сей раз обнаружили отсутствие перекладин. «Это не по нашему ведомству», — сказали они. Перекладины из универмага прибыли 15 недель спустя.

Подобных случаев тысячи. Этакое случается каждый день в каждом из американских городов многократно и перестало уже удивлять кого-либо. Нет, что ни говорите, а иллюзии — штука неверная, в чем в Америке приходится убеждаться на каждом шагу!

Нужно ли удивляться после этого тому, что педантичный и пунктуальный Лоуренс Хайлэнд покорил хьюзовское воображение, убедив подозрительного, мало кому доверяющего Хьюза в том, что именно ему, Хайлэнду, можно доверить дело приумножения его, хьюзовских, долларов.

И сегодня именно он, а не Хьюз находится во главе «Хьюз эйркрафт». «Во главе» в том смысле, что, получая немалое жалованье, он руководит ее деятельностью. Прибыли же идут, разумеется, в хьюзовский карман. Хьюз сделал все выводы из своей самонадеянности, принесшей ему немалые убытки, предоставив сейчас своему управляющему свободу рук.

О взаимоотношениях между хозяином и управляющим можно судить по рассказу самого Хайлэнда. Он признается, что уже много лет и в глаза не видел своего босса. Когда-то он делал попытки встретиться с ним для решения серьезных проблем, встававших перед компанией. Но каждый раз такие попытки оканчивались неудачно. Общение между ними осуществляется при помощи телефона.

Одной из странностей Хьюза является то, что он спит днем, ночью же разговаривает по телефону из своей таинственной резиденции. При этом никто не знает достоверно номера его телефона. Желая пообщаться с боссом, его управляющие должны связываться с канцелярией Хьюза, расположенной в двухэтажном, светлой окраски здании, находящемся на Ромейн-стрит в Лос-Анджелесе. Туда следует направлять просьбу о желании переговорить с хозяином. Если тот соблаговолит, то глухой ночью раздастся телефонный звонок, и собеседник услышит негромкий запинающийся фальцет. «Когда говоришь с боссом, — рассказывает один из тех, кто изредка удостаивается этой чести, — приходится на-

прягать весь слух, и кажется, что говоришь со своим прадедушкой с того света».

Прямо скажем, несколько необычная манера руководства своим бизнесом. Впрочем, если вдуматься, то она не лишена смысла. Убедившись, очевидно, в том, что без него дела в компании идут лучше, нежели с его участием, Хьюз предпочел устраниться, а, чтобы не страдал при этом его престиж, придал всему этому крайне экстравагантную форму, окружив себя нарочитой таинственностью.

Управляющие Хьюза так это и истолковали. «Я не огорчаюсь, — разоткровенничавшись, рассказал управляющий «Хьюз эйркрафт» Хайлэнд, — если не могу к нему пробиться. Я посылаю ему мои планы. И в случае, если не получаю на них ответа, а они мне кажутся разумными, я их осуществляю. Пока дела идут хорошо, мне никто не мешает».

Вот именно, «пока»! В этом «пока» и заключена разница между, хотя и располагающим немалой свободой действий, менеджером и не прикладывающим к делу рук его хозяином. Менеджер — это только слуга. Власть его призрачна, и, если им будут недовольны, его выставят за дверь. Таланты в Америке — это тот же товар. Его покупают те, кто может за него платить...

Работа на войну обогатила Говарда Хьюза. Волею случая оказавшись одним из первых в области новейшей военной техники, не пожалев денег для того, чтобы собрать в последние годы под крышей своей компании группу специалистов, он вошел в число наиболее процветающих промышленников страны. Война и сотни миллионов прибылей — это вещи, которые в сегодняшней Америке находятся в связи, прямой и непосредственной.

Бизнесмены и гангстеры

Прибыльное дело — использование новейших открытий для производства оружия. Прибыльное! Но для дельца типа Хьюза почти непосильное. Приходится полагаться на знания и хватку других. Самому, не обремененному даже средним образованием, здесь не разобраться. Потому-то и предпринял Говард Хьюз шаг, заставивший удивленно крякнуть даже привыкших ничему не удивляться старожилов самых темных закоулков делового мира Америки.

Несколько лет назад в глухой предутренний час, когда сон особенно крепок, на запасном пути железнодорожной станции города Лас-Вегас остановился специальный поезд, состоявший из локомотива и трех салон-вагонов с зеркальными стеклами. Пятеро дюжих молодцев бережно вывели из вагона нахохлившегося как

сыч пожилого мужчину с черной, с проседью бородкой, посадили его в подъехавший прямо к вагону темный, с зашторенными стеклами автомобиль, и машина умчалась, петляя по пустынным в этот час улицам Лас-Вегаса.

Здесь нам придется сделать некоторое отступление для того, чтобы рассказать о необычном городе, куда под покровом ночной темноты и нарочитой таинственности явился Говард Хьюз, — а это, как вы догадались, был он, — о порядках и нравах, стяжавших этому отнюдь не райскому уголку Америки славу мрачную и скандальную.

Рисуя этот город, журнал «Ньюсуик» пишет так: «Мало кто приезжает в Лас-Вегас в поисках уединения. Ибо Лас-Вегас — поистине открытый город, город голой пустыни, голых тел и полуобнаженных душ; и в его легендах говорится о мужчинах и женщинах, чья жизнь, более похожая на призрак, проходит под ослепительным сиянием тысяч неоновых солнц».

Пустынные земли Невады на западе Американского континента, горные массивы, бесплодные почвы, удаленность от оживленных путей привели к тому, что цивилизация как-то не очень торопилась осенить своим присутствием эти земли.

Впрочем, некоторые атрибуты современной западной цивилизации не только дали о себе знать и здесь, но даже, более того, расцвели тут особенно пышным цветом. Нет, не промышленностью, не университетами, не театрами славен Лас-Вегас. Не им он обязан своей сомнительной известностью, перешагнувшей американские границы и расползшейся по злачным местам всего капиталистического мира.

Уже несколько десятилетий здесь, в районе, который на географических картах Америки значится под не шибко веселым наименованием — Долина смерти, свили свое гнездо американские гангстеры. Здесь, вдали от больших городов и недреманного ока блюстителей закона, возник крупный центр подпольного бизнеса, который в последние годы стал затмевать славу игорного дома в Монако, вертепа, куда на протяжении вот уже двух веков съезжаются богатые подонки со всего света для того, чтобы пощекотать свои нервы, потешить себя, пресытившихся острыми ощущениями, азартной игры в рулетку.

Сомнительные притоны, куда свозят падшие создания из всех городов Америки, ночные клубы, а главное — казино, где в одну ночь в рулетку можно просадить целое состояние, — вот что стало в Лас-Вегасе главным бизнесом, вот что уже много лет обогащает хозяев этого притона в масштабе целого города. Само слово «Лас-Вегас» стало в Америке синонимом разгула, поставленного на широкую ногу, и азартных игр, организованных по

принципам бизнеса. В обществе добропорядочных людей, а также своих начальников солидные американцы предпочитают не поминать вслух название Лас-Вегас и, уж во всяком случае, не хвастать публично своим посещением этого притона зла.

Но Лас-Вегас не просто азарт. Это азарт на потоке. Азарт с применением конвейерной системы выворачивания карманов и объегоривания доверчивых. С этой целью игорные дома используют все: от вполне старомодных ломберных столиков и уже многие десятилетия крутящейся рулетки до новейшей техники в виде хитроумных игорных автоматов.

...Автоматы. Без них нельзя представить себе сегодняшнюю Америку. Им поручают все: производить продукцию и стирать белье, подсчитывать выручку и предсказывать будущее, регулировать уличное движение и торговать сигаретами. И это хорошо. В этом дух времени. Времени умных машин, без которых сегодня ни в безбрежном космосе, ни на грешной земле нашей не обойтись.

Но автомат — это только автомат. Он действует так, как хотят те, кто им управляет, а иногда и зло шутит над ними. Как-то в душный день на одной из нью-йоркских улиц, измученный жаждой, я подошел к новенькому автомату, торговавшему прохладительными напитками. Около него стояли двое: хрупкое создание в анти-юбке и дородный мужчина, преисполненный чувства собственного достоинства настолько, что, несмотря на невероятный зной, он был облачен в черную пару и находился при котелке и зонтике.

Хрупкое создание опустило четвертак в автоматную пасть, после чего он заурчал, из его чрева в неумолимой логической последовательности выскочил сначала бумажный стаканчик, затем в стаканчик этот просыпалось мелкое крошево льда, а потом пенной струей побежала кока-кола. Создание отступило в сторону, и, облизнув пересохшие губы, к автомату приблизился джентльмен с зонтиком, опустивший свою монету. Не знаю, что произошло, — то ли джентльмен не понравился автомату, то ли автомату наскучило однообразие, но строго продуманная логическая последовательность операций сместилась непонятным образом. Не успела монетка звякнуть в железном автоматическом брюхе, как из окошка прямо на мостовую посыпалась ледяная крупа, вслед за ней хлынула, обдав черные брюки и начищенные штиблеты растерявшегося джентльмена, пенная струя кока-колы, а уж потом, словно бы в издевку, выскочил, как чертик из коробки, ярко раскрашенный глянцевый стаканчик. Негодованию обманутого в своих ожиданиях обладателя черной пары и зонтика не было предела. Хрястнув кулаком по автоматному боку и буркнув зло

что-то по поводу «этой растреклятой страны, где от автоматов нет жизни живому человеку», он удалился, полный возмущения, стряхивая пену со штанов.

Джентльмен с зонтиком негодовал. Сотня американцев, которых я увидел в знаменитом Луна-парке около другого автомата, не возмущалась. Они хохотали. Автомат, около которого стояла толпа, был выполнен в виде огромной человеческой фигуры. Искусно сделанный, он удивительно точно воспроизводил мимику и движения смеющегося человека.

Это был автомат-хохотун. Он хохотал. Громко. Заливисто. С повизгиваниями и подергиваниями. Хохотал бесконечно, заходясь в пароксизме смеха. И, глядя на него, начинали смеяться те, кто находился здесь. Сначала робко, украдкой, прячась один от другого, потом все громче, все неудержимее, все истеричнее. Они уже не могли остановиться, судорожно дергались, задыхались, вытирали слезы, сотрясаясь в истерическом смехе, который и смехто уже не напоминал, а смахивал на уродливо отвратительные судороги. Они гоготали, взвизгивали, ржали. Долго. Бессмысленно. До икоты. До посинения.

И все эти всхлипы и взвизгивания собравшейся здесь толпы покрывал торжествующий механический, какой-то ржаво-скрипучий, мертвый хохот автомата. Ничего более омерзительного и отталкивающего на своем журналистском веку я не встречал. Люди переставали быть людьми, превращаясь в автоматы. А автомат перестал быть достижением человеческого разума, обернувшись его поруганием, издевательством и проституированием его.

Нет, автомат, в том числе и самый искусный, самый хитро сработанный, сам по себе еще ничего не доказывает. Как не доказывает отвлеченная, оторванная от конкретных условий, от того, к чему направлена, на что работает, степень автоматизации. Сбившись, автомат может невинно посмеяться над человеком, как это случилось с джентльменом с зонтиком. Но его можно заставить ржать и над человеческим достоинством, над человечностью, как это сделали хозяева американского Луна-парка.

Когда выходит из строя автомат с кока-колой — это немного досадно, но еще более смешно. Когда начинает барахлить автоматика на космическом корабле — это может обернуться драмой. Когда же достижение человеческого разума ставится на службу его поруганию, на потребу низменным страстям — азарту, стяжательству, корысти и, еще хуже того, человеконенавистничеству, жажде крови и разрушения, — тогда это кощунственно и трагично...

Хозяева Лас-Вегаса не озабочены прогрессом. Их увлекает идея автоматизации человеческих пороков.

На протяжении многих лет в Лас-Вегасе властвовали гангстеры, преступные организации, в которые объединились банды уголовников. Надо сказать, что гангстеризм в Америке — это тоже бизнес. Бизнес хорошо организованный, имеющий свою иерархию, свои законы, своих боссов. Американская деловитость есть американская деловитость: ее законы подчиняют себе равным образом производство автомобилей, выпуск сосисок, ограбление банков, убийство из ревности и ночные увеселения.

И точно так же, как производители автомобилей или жевательной резинки объединяются в крупные концерны, так и налетчики и воры создали свой всеамериканский трест, именуемый «Коза ностра». Там своя строгая дисциплина, точнее — диктатура нескольких, наиболее ловких и отпетых гангстеров. Во главе «Коза ностры» стоит, как его называют, «Владыка», или «Великий Хозяин».

Зимой 1969 года гангстерский мир Америки переживал важное событие. Отдал душу богу (а может быть, и черту) наследник знаменитого в 30-е годы чикагского налетчика Аль Капонэ, Вито Дженовезе — бандит, на совести которого десятки человеческих жизней, миллионы награбленных им долларов, удостоившийся в годы второй мировой войны от Бенито Муссолини высшей фашистской награды. Он покинул земную юдоль, завещав гангстерский трон близкому сподвижнику Томми Эболи. Однако «Коза ностра» хотя и бизнес, но все-таки бизнес бандитов. И посему мистер Эболи, не успев взойти на гангстерский трон, последовал за своим шефом, весьма таинственным образом переправившись в мир иной.

По этому случаю в марте 1969 года не где-нибудь, а на фешенебельном флоридском курорте Майами-Бич состоялся всеамериканский гангстерский конгресс, которому надлежало выбрать нового «Великого Хозяина». Точности ради хочу напомнить читателям, что этот конгресс состоялся там же, где за несколько месяцев до того происходил конвент ныне правящей республиканской партии, выбиравшей кандидата на пост президента Соединенных Штатов Америки. Судя по сведениям, просочившимся в печать, новым боссом американских гангстеров стал известный налетчик и бандит Джерардо Катена.

Вот эта-то самая «Коза ностра» и царила на протяжении многих лет в Лас-Вегасе, небезуспешно эксплуатируя страсти и пороки людские, наживая на них десятки миллионов долларов ежегодно.

Ну, а Говард Хьюз? С какой целью появился он в Лас-Вегасе, что искал там? Быть может, острых ощущений у карточного стола или неверного рулеточного счастья? Нет, не такой он человек, что-

бы гоняться за призраками черно-красных рулеточных полей, преследуя вслед за бешено вращающимся шариком изменчивую и вечно ускользающую удачу.

Мне рассказывали в Америке такую историю: дескать, приехал Хьюз в Лас-Вегас инкогнито и поселился в гостинице «Пустыня». А через несколько дней его, никому там не известного, попросили освободить номер, поскольку предстоял съезд постоянных клиентов — крупных игроков. Дабы не освобождать номер, Хьюз вынул бумажник и тут же купил весь отель. А потом дело пошло. К отелю прибавился еще один, потом еще, потом ночные клубы, злачные заведения. И так до тех пор, пока весь город со всеми его потрохами не оказался собственностью Хьюза. История вполне в духе так называемых «вестернов» — фильмов-боевиков, повествующих о похождениях сильных парней Дикого Запада. Но она не имеет ничего общего с действительностью.

Думается, далеко не все объясняет и другая распространенная версия, связанная с патологической, маниакальной боязнью Хьюза болезнетворных микробов. Сухой воздух пустынной Невады, как утверждают специалисты, является особенно чистым. Вот это-то, мол, и привлекло Хьюза в Лас-Вегас. Не знаю, быть может, какую-то роль это в решении Хьюза и сыграло. Но убежден, что отнюдь не решающую.

Значительно более важным для него обстоятельством является не малая зараженность атмосферы Невады микробами, а малая насыщенность налоговым обложением доходов, получаемых в этом штате. Несколько лет назад, стремясь стимулировать развитие штата, его власти осуществили реформу, которая привела к тому, что налоговое бремя на предпринимателей здесь оказалось самым маленьким в Америке. Вот это-то, судя по всему, и было одной из важных приманок для Говарда Хьюза.

Он стал приглядываться к Лас-Вегасу еще десять лет назад. Его люди буквально облазили весь город, все его заведения, тщательно высчитав и скалькулировав все, что поддавалось подсчетам. Сама организация проникновения Хьюза в игорный бизнес города была поставлена по всем правилам большого бизнеса. Через подставных лиц, в обстановке большой секретности и сугубой тайны на фиктивные имена приобретались отели и земли, жилые дома и ночные клубы. А когда конкуренты спохватились, было уже поздно — дело было сделано. Значительная часть Лас-Вегаса оказалась собственностью Говарда Хьюза, вложившего в это дело в последние годы 300 миллионов долларов.

Несколько лет назад Говарду Хьюзу пришлось расстаться с контролем над одной из крупнейших авиатранспортных компаний Америки «TWA». То ли конкуренция была очень сильной, то ли

дело оказалось слишком сложным для невежды и неуча. Но так или иначе, он выбросил на рынок все принадлежавшие ему акции этой компании, и в один прекрасный день у него на руках оказался свободный капитал, превышающий 500 миллионов долларов. Вот эти-то деньги, как теперь выясняется, и были брошены Хьюзом в игорный бизнес.

Когда говорят о так называемой модерновой, современной формации американских бизнесменов, часто рисуют этакие ходячие электронносчетные машины, людей без страстей и слабостей, специалистов в той или иной отрасли бизнеса, бизнесменов, которым цифры заменяют эмоции. В Америке даже любят противопоставлять бизнесменов прошлого века нынешним воротилам, рассуждая о том, что, дескать, в прошлом были предприниматели-романтики, такие как старый Морган, Форд или Вандербильт, люди больших страстей, пускай даже и порочных. А сейчас, мол, нет ни страстей, ни пороков, а есть лишь сухая материя — «дебет—кредит», «убытки—прибыли», «приход—расход».

Вряд ли стоит опровергать все эти досужие рассуждения, настолько они далеки от действительности. Старый Морган отлично умел считать и делал это ничуть не хуже, чем сегодняшний банкир с Уолл-стрита. А сегодняшние ходячие «электронно-вычислительные машины», восседающие в президентских креслах крупнейших корпораций и банков, откалывают такие номера, пускаются в такие тяжкие, что «романтические» операции Моргана или Вандербильта воистину кажутся детскими игрушками.

Но если бы и потребовалось опровергать россказни буржуазной прессы, то Говард Хьюз может послужить преотличнейшей иллюстрацией, что живы, процветают и развиваются все те методы ведения бизнеса, которые 100 лет назад принесли старому Моргану кличку Корсар, то есть бандит.

...Вообще, если говорить о типичности, то Говард Хьюз фигура значительно более показательная для духа и нравов американского бизнеса, нежели те так называемые «интеллектуалы» — инженеры и финансисты, которых американская печать стремится изобразить как типичных представителей американского бизнеса в век атома и электронно-вычислительных машин. Многое изменилось в мире с тех времен, когда сколачивали свои состояния первые морганы, рокфеллеры и вандербильты, не брезговавшие подделкой векселей и воровской отмычкой, подлогами и убийствами.

Сложности века нынешнего с его масштабами и скоростями действительно требуют для руководства бизнесом людей высокой квалификации, способных разобраться и в сложных технологических процессах, и в математических моделях, и в новейших открытиях науки. Но для этого существуют управляющие, которых можно

нанять и можно уволить, знаниями и умением которых можно воспользоваться, купив их по сходной цене.

Изменилось многое, но среди того, что остается в мире американского бизнеса и сегодня в значительной степени неизменным, одно из первых мест занимает традиционный антиинтеллектуализм, глубоко сидящее недоверие к «длинноволосым», «яйцеголовым», «паршивым интеллигентам», как издавна именуются в среде королей железа, нефти и свиной тушенки те, чьи знания используются, но не уважаются.

Старый Морган был глубоко убежден, что все беды на земле идут от чтения книг. Первый из Рокфеллеров не терпел около себя никаких грамотеев, кроме своего пастора. Вандербильт утверждал, что кулак — штука куда более ценная, чем мозги, ибо при помощи кулака эти самые мозги нетрудно вышибить. Гарольд Хант считает одной из главных причин своего успеха отсутствие образования, поскольку, по его словам, образование — это препятствие для наживания денег.

Недоверие к образованности, интеллигентности, к интеллигенции — болезнь застарелая и, к сожалению, нередкая по сию пору. Может возникнуть вопрос: каким образом болезнь эта дожила до наших дней, до времени, когда знания, научные и технические открытия стали важнейшим двигателем в развитии человечества, превратились в век научно-технической революции, в ведущую производительную силу?

Разгадка этого парадокса не так сложна, как может показаться на первый взгляд. Современная промышленность и сельское хозяйство требуют образованности не от единиц, а от миллионов. Этим миллионам приходится давать образование, поскольку без этого сегодня не вырастить хлеб, не построить машину.

Рабочий класс в век научно-технической революции — это не рабочий класс прошлого. Чтобы управлять автоматическими линиями, станками с программным управлением, необходимы не только умелые руки, но и умные головы. Умные и образованные. Но образование, так же как и многое другое в мире, неделимо. Нельзя, к примеру, образовать человека, дав ему только те знания, которые необходимы для выполнения сегодняшней производственной операции. Образование — это не только сумма специальных знаний, это прежде всего умение думать, размышлять, сопоставлять, делать выводы. Миллионы и миллионы людей сегодня научились это делать. Думают ныне не только в кабинетах и канцеляриях, политически мыслят не только профессиональные политики.

Вряд ли нужно доказывать, что эксплуатировать людей мыслящих неизмеримо труднее, нежели забитые и необразованные мас-

сы. Возить тачку, орудовать кайлом можно заставить и силой. Думать, открывать, изобретать, творить и за чертежным столом, и у сложнейшего станка силой заставить неизмеримо труднее. Вдохновение, потребное для открытий, стоит дороже, чем просто знание, а раскошеливаться обладателю денежной благодати страсть как не хочется.

Да и управлять образованными куда труднее. Хочешь не хочешь, приходится изворачиваться, не только приказывать, но и убеждать, придумывать лозунги, обрабатывать общественное мнение, беспокоиться о вывесках. Любителям простых решений сложных проблем это нож острый. То ли дело, сетуют они, было в прежние времена, когда можно было не столько убеждать, сколько приказывать, когда палка успешно заменяла аргумент, а колючая проволока была куда действеннее, нежели экономические, политические и иные стимулы.

Изменилась количественно и качественно и современная интеллигенция, не только многомиллионный, но и производящий, а потому безжалостно эксплуатируемый слой общества. Играя все большую роль в качестве производительной силы, будучи непосредственным и ведущим участником таких эпохальных событий второй половины XX века, как прорыв человечества в космос, овладение тайнами атома, всем, что связано с дух захватывающими открытиями научно-технической революции, подвергаясь особенно изощренной эксплуатации, посягающей на творения ума и души, интеллигенция не хочет и не может мириться со своим положением. С другой стороны, хьюзы боятся людей, владеющих знаниями — огромной силой нашего времени, боятся за собственное положение. Вот вам и почва, на которой ядовитым цветом произрастает в сегодняшней Америке махровый антиинтеллектуализм, маскируемый за океаном под все ту же американскую деловитость. Дескать, осваивали страну, воевали с индейцами, скакали по прериям, основывали поселения наши простые предки, без умничания и умников, — и то был золотой век Америки.

А все нынешние беды проистекают, дескать, от умников, которых развелось недопустимо много, которым мало слова «надо», а подай еще ответ на их «зачем», «почему», «для чего», «для кого». Ну как тут не разгневаться, как удержаться от окрика и стучания кулаком по столу!

Хорошо бы, вздыхают антиинтеллектуалы, поставить на место всех этих умников, да как бы не убить курицу, несущую золотые яйца. Вот и приходится терпеть скрепя сердце, сожалея о «добром старом времени»...

Особенно остро проблема эта стоит в связи со странной аномалией. В прежние времена буржуазия не испытывала недостатка

в крупных государственных деятелях. Во всяком случае, их было не меньше, а быть может, и больше, чем талантливых людей в других областях. Ныне баланс этот резко нарушился, причем отнюдь не в пользу государственных деятелей. Несколько лет назад мне довелось слышать в Вашингтоне такую шутку: «Рузвельт показал, каким должен быть президент Соединенных Штатов. Трумэн — каким президент быть не должен. Что же касается Эйзенхауэра, то он доказал, что Соединенные Штаты вообще могут обойтись без президента».

Серость, заурядность обитателей вашингтонских коридоров власти стала в Америке притчей во языцех. Редко-редко появится там деятель яркий, да и то чаще всего судьба его бывает незавидной. Сам механизм выдвижения на политическую авансцену таков, что успех обеспечивают многие качества, среди которых одаренность и талантливость отнюдь не находятся на первом плане. Талантливый инженер, математик, музыкант заявляют обычно о себе очень рано. Их незаурядность видна окружающим невооруженным глазом. С политиками дело обстоит куда сложнее. Их успех в восхождении по лестнице карьеры чаще всего связан со случайными стечениями обстоятельств, а его величество случай — субъект капризный, взбалмошный и свои милости сплошь да рядом распределяющий отнюдь не в связи со степенью одаренности.

Вот и получается, что средний уровень управляемых в Америке, как правило, выше среднего уровня тех, кто управляет. А это, что ни говорите, почва для махрового антиинтеллектуализма, хотя по необходимости сдерживаемого и прикрываемого словесами.

Одним словом, Хьюз, вынужденный терпеть около себя умников, чувствует тем не менее себя в мире интеллектуалов весьма неуютно. Электронный король не имеет ничего против прибылей, приносимых ему новейшими открытиями. Но тянет его совсем к другому, чувствует он себя в своей тарелке в мире, ему близком и понятном. Недаром любимым развлечением этого неуча, с трудом одолевшего в своей жизни с десяток книг, является... игра на саксофоне. При этом, поскольку и это нелегкое дело, он не осилил его. «Игра» заключается в том, что Хьюз часами, сидя в кресле, дует в трубу, извлекая из нее беспорядочные звуки. Его интеллектуальные запросы такое занятие удовлетворяет вполне.

Думается, не случайно обратил свои взоры Говард Хьюз и к подпольному игорному бизнесу. Темным закоулкам его души и натуры бизнес этот отвечает значительно больше, нежели электроника, на которой сколотил он значительную часть своего состояния. Если хотите, есть какая-то внутренняя закономерность

в том, что именно Хьюз, начавший свое деловое поприще ловкой и выгодной женитьбой, наживший первые свои миллионы массовым производством киноскабрезностей, решил увенчать свою деловую карьеру созданием огромного бизнеса порока.

И еще одно обстоятельство. Конечно же, преступный мир играет в современном американском деловом мире роли немалые. Но все-таки гангстеры — это сравнительно мелкая рыбешка рядом с владельцами миллиардных состояний. До тех пор, пока они ограничивались крохами с барского стола, на их проделки смотрели сквозь пальцы. Но сейчас они замахнулись на лакомые куски. Их ежегодные прибыли стали измеряться цифрами со многими нулями. Такие деятели, как Хьюз, просто не могут спокойно смотреть, как эти прибыли уходят у них из-под носа.

Пока гангстерам приходилось иметь дело с законом и его блюстителями, они чувствовали себя спокойно и в полной безопасности. Но когда им приходится сталкиваться в конкурентной борьбе не с судьями и прокурорами, а с хьюзами, они вынуждены отступать. По сообщениям американской печати, в последние годы из Лас-Вегаса отбыли многие представители уголовного мира, в течение долгих лет заправлявшие там бесконтрольно.

Нет, было бы неверным сказать, что Говард Хьюз решил покончить с электроникой. Он по-прежнему получает огромные прибыли от своих военных компаний. Да и в Лас-Вегасе он тоже не забывает про электронную технику. Рассказывают, что в игорных домах установлены рулетки с электронными устройствами, которые исключают мухлевание со стороны крупье. В потолках залов, где идет игра, установлена аппаратура, при помощи которой обнаруживается любой, кто захотел бы утаить деньги от владельцев заведения. Что ни говорите, без техники ныне никуда!

Но главное не в этом. Главное в том, что нива, которая до последнего времени была уделом гангстеров, становится теперь полем, на котором собирают урожай представители крупнейших американских монополий. Все поставлено на широкую ногу, делу обеспечена огромная реклама. Возникает некий конвейер азартных игр, доходы от которого уже сейчас превосходят доходы многих промышленных корпораций страны.

Не подумайте, пожалуйста, что приход большого бизнеса в игорное дело изменил его мораль, или, точнее, аморальность. По-прежнему пороки бушуют в Лас-Вегасе. Совсем недавно губернатор Невады мистер Лаксалт, один из восторженных поклонников и помощников Говарда Хьюза, отказался принять меры в связи со стремительным увеличением количества публичных домов в Лас-Вегасе. «Закрыть заведения? — с возмущением парировал он робкие вопросы городских властей. — Ни в коем случае. Никогда не

удастся в нашем деле избежать девочек. Это очень старая профессия и очень прибыльная для нашего города». Это заявление губернатора я прочитал в одном из недавних номеров журнала «Тайм».

Схватка в темноте

Говард Хьюз наложил свой отпечаток на Лас-Вегас. Но и Лас-Вегас, судя по всему, наложил отпечаток на Говарда Хьюза. Нет, вертеп этот не развратил Хьюза, ибо больше развратить субъекта, как по заказу вместившего в себя целую коллекцию пороков, наверное, невозможно. Но безвылазное пятилетнее сидение в центре гангстеризма, видимо, направило мысли Хьюза по определенному руслу, привило ему вкус к детективу.

Во всяком случае, спектакль, поставленный им в конце 1970 года, был учинен по всем правилам дешевого детектива. Акт первый: необъяснимое исчезновение миллиардера. Вся Америка гадает, что это: бегство или таинственная смерть? Акт второй: поиск, погони, ночные обыски, полная неизвестность. Акт третий: кровавая схватка, драка не на жизнь, а на смерть и в заключение хэпи энд — счастливый конец.

Видно, не прошли даром для Хьюза годы, проведенные на голливудских кинофабриках. Только если раньше, когда он был помоложе, на первом плане его фильмов находились голливудские красотки, а сам он предпочитал обретаться за кулисами, то на сей раз главную роль он приготовил себе. Но расскажу все по порядку.

В сумрачный декабрьский вечер к ярко освещенному подъезду самой фешенебельной из гостиниц Лас-Вегаса, игриво названной «Пустыня», подъехало несколько полицейских автомашин. Власти получили анонимное сообщение о том, что в отеле совершено преступление. Поднявшись на лифте на последний этаж, куда вот уже пять лет ход посторонним был заказан строго-настрого, ибо, как теперь выяснилось, именно там окопался и безвылазно находился, управляя оттуда своей огромной империей, Говард Хьюз, полицейские постучали в наглухо запертую дверь. Ответа не было. Когда двери были взломаны, глазам опешивших представителей властей предстала картина поспешного бегства — клочки бумаги, выдвинутые ящики столов, раскрытые дверцы шкафов и... ни одной живой души. Говард Хьюз исчез.

Как? Каким образом это могло произойти, когда днем и ночью у двери, которая вела в его покои, бессменно дежурили дюжие охранники из его частной полиции, набранной правой рукой босса,

неким Робертом Мэйхью, в прошлом сотрудником ФБР. На все вопросы полиции телохранители только недоуменно разводили руками, клятвенно заверяя, что мимо них вот уже неделю не проходила ни одна живая душа. Запахло сенсацией всеамериканского масштаба. Еще бы! Исчез-то ведь не кто-нибудь, а обладатель одного из трех крупнейших состояний капиталистического мира. Эта новость мгновенно оттеснила все остальное с первых страниц американских газет. В предположениях не было недостатка. Убийство... Самоубийство... Похищение. Одна версия сменяла другую.

Между тем в империи Хьюза разворачивались бурные события. Обычно тайное понемногу становилось явным. Вышколенные и приученные к молчанию хьюзовские подручные, оказавшись без хозяина, внезапно заговорили, пролив свет на то, что происходило в хьюзовской империи за густой завесой секретности. Подорванное многолетними попойками и всяческими излишествами здоровье Хьюза в последнее время резко пошатнулось. Странности его приобретали все более патологический характер, нелюдимость росла — уже перебравшись в Лас-Вегас, он удалил от себя свою последнюю жену, известную в прошлом кинозвезду Джин Петерс, оставшись в полном одиночестве.

Все это, однако, было бы фактами его личной биографии, если бы не одно обстоятельство: бездетный Хьюз не имеет наследников. Кому достанется его огромная империя? Кто получит сотни миллионов долларов, ему принадлежащих? Кому достанутся авиационные линии и заводы, выпускающие электронные системы, нефтяное оборудование и игорная империя Лас-Вегаса? Это уже не из области личного. Это проблема, занимающая всю деловую Америку.

Но особенно проблема эта беспокоит хьюзовских приближенных. Недоверчивый, болезненно-подозрительный Хьюз разделил управление своей империей между несколькими командами. Одна из них возглавляется Лоуренсом Хайлэндом, о котором выше уже рассказывалось. Производство электроники, нефтебуров и другой, так сказать, серьезной продукции было доверено ему. Для руководства игорным бизнесом Лас-Вегаса была создана другая группа, во главе с Робертом Мэйхью. Наконец, вокруг самого босса была сформирована третья группа, наиболее приближенных к особе хозяина.

Так же, как и он сам, до самого последнего времени они обретались в тени, и их имена ничего не говорили в кабинетах деловых людей. Между тем, как выяснилось, в их руках сходились многие нити управления хьюзовским бизнесом. Говард Эккерсли, Рой Кроуфорд, Джон Холмс, Лейвэр Майлер, Джордж Дрэнком выполняли при Хьюзе роли самые разнообразные — и личных секретарей, и камердинеров, и поваров, и правителей его дел. Все они

принадлежат к религиозной секте мормонов, известной своими строгими нравами. Мормоны не пьют, не курят, известны своей честностью и чистоплотностью в делах. Правда, мормонская религия разрешает многоженство, но, пожалуй, все-таки не это привлекло к пятерым мормонам престарелого селадона. Не доверяющий никому, он, очевидно, посчитал, что правоверные мормоны будут меньше зариться на его доллары.

Бесспорной привилегией мормонской пятерки по сравнению со всеми другими подданными хьюзовской империи было то, что они в последние годы были единственными из смертных, непосредственно общавшихся с хозяином.

Они-то, судя по всему, и, что называется, заварили кашу, доведя до его сведения то обстоятельство, что среди визирей хьюзовского королевства уже началась драка за его наследство, за то, кому достанутся хьюзовские миллионы после того, как он сам переправится в мир иной. При этом особую неприязнь мормонской братии вызывал Мэйхью — последняя любовь Хьюза, делец, которому он доверил управление всеми предприятиями Лас-Вегаса.

Надо сказать, что этот самый Мэйхью — фигура весьма колоритная. В прошлом агент ФБР, известный своим свирепым нравом и железными кулаками, которые он, не задумываясь, пускал в ход, он подвизался в ролях самых различных. В годы второй мировой войны работал в контрразведке, участвуя в темных операциях во Франции, потом выступал в роли юриста, владельца рекламной конторы, поставщика живого товара для сомнительных заведений. Среди агентов ФБР он пользуется особым авторитетом, как лучший стрелок из пистолета.

Мэйхью, встретившийся с Хьюзом в Лас-Вегасе, стал одним из наиболее доверенных его лиц, не замедлив воспользоваться открывшимися перед ним возможностями. Текущий счет Роберта Мэйхью возрастал в последние годы со стремительностью снежного кома, значительно превосходя все то, что доставалось ему от Хьюза легальными путями, хотя оклад жалованья, положенного ему боссом, более чем вдвое превышал жалованье президента Соединенных Штатов и составлял 500 тысяч долларов в год. Снедаемая завистью мормонская пятерка и раньше пыталась открыть шефу глаза на казнокрадство его любимца, но обычно никому не доверяющий Хьюз на сей раз не хотел ничего слушать. Уединившись под крышей отеля «Пустыня», Хьюз не только передал Мэйхью ведение всех дел в Лас-Вегасе, но и поручил ему охрану своей драгоценной персоны. Здоровенные молодчики, стоявшие у входных дверей, ведущих в покои Хьюза, и его личные телохранители, шоферы, телефонистки и даже личный парикмахер — все были людьми Мэйхью.

Но тучи над его головой сгущались. Мормонам удалось раздобыть убедительные доказательства того, что непомерные аппетиты авантюриста стали простираться слишком далеко. Он готовил позиции для того, чтобы в случае смерти Хьюза прибрать к рукам всю его империю.

Хьюз, к своему ужасу, обнаружил, что фактически оказался в западне. И тогда был разработан план бегства. Под покровом темноты ненавидевшие и боявшиеся Мэйхью мормоны-приближенные спустили босса по пожарной лестнице с девятого этажа, посадили в машину с потушенными фарами и доставили на аэродром, где его уже ждал самолет. Только на следующий день, оказавшись вне досягаемости от Мэйхью, в тщательно охраняемом здании на Багамских островах, Хьюз позвонил в Лас-Вегас и сообщил, что он увольняет Мэйхью.

Однако с проходимцем оказалось не так-то легко справиться. Он заявил, что телефонный звонок сфальсифицирован, Хьюз-де находится при смерти, а потому он, Мэйхью, берет на себя управление всеми делами. Хьюз направил губернатору Невады подписанный им документ, подтверждавший увольнение Мэйхью. Тот вновь парировал удар, пригласив специалиста-графолога, который, получив солидную мзду, под присягой свидетельствовал подделку подписи Хьюза. Люди Мэйхью потребовали, чтобы Хьюз самолично появился в Лас-Вегасе и подтвердил свои указания, от чего тот благоразумно уклонился.

Схватка продолжалась много недель, и в конце концов Мэйхью пришлось отступить. Правда, отступление это не имело ничего общего с беспорядочным бегством. Он выговорил выгодные для себя условия ухода из хьюзовской компании, еще больше округлив наворованный им капитал и заявив, что он предполагает открыть собственное дело. Вот уж поистине тот самый случай, когда вор у вора дубинку украл.

Беспрецедентный факт, нечто из ряда вон выходящее? Ничуть не бывало. Не случайно Бальзак говорил, что за каждым крупным *состоянием скры*вается преступление. Летопись американских миллионеров таит в себе немало того, что с полным основанием могло бы войти в учебник криминалистики. То, что произошло в недрах хьюзовской империи в конце 1970 года, лишь вариация на довольно банальную тему драки пауков, сидящих в одной банке. Достаточно вспомнить историю прихода к руководству компанией Форда ее нынешнего хозяина — Генри Форда II.

В предшествовавшей этой книге «Некоронованные короли Америки» я рассказывал о том, как бывший гангстер и профессиональный боксер Генри Беннет, втершись в доверие к старому Форду, переступив через труп его скончавшегося при странных и невыяс-

ненных по сей день обстоятельствах сына, оказался в конце второй мировой войны во главе фордовской компании. И лишь ценой невероятных усилий внукам Форда удалось в конце концов избавиться от Беннета.

Тождественность Мэйхью и Беннета видна невооруженным глазом. Но что еще более важно, так это не только тождественность ситуаций, но и тождественность нравов, царящих в недрах миллиардерских семей, живущих по законам джунглей, законам, которые не меняются, независимо от того, когда происходит дело — сто лет назад, пятьдесят или в наши дни. То обстоятельство, что хьюзовские компании производят электронное оборудование или участвуют в подготовке экспедиций на Луну, нисколько не отражается на порядках мира, в котором они существуют. В этом смысле между веком электроники и каменным веком для хозяев этого мира нет никакой разницы.

Хьюз дошел до потолка могущества, мыслимого в современной Америке. Но, как говорится, долго на потолке не просидишь — муха и та устает. Огромное хьюзовское богатство непрочно не только потому, что приближающийся к седьмому десятку миллиардер не имеет наследников. Оно непрочно потому, что концерн его авантюристичен в своей основе. Хьюз напоминает глупую и жадную птицу, спешащую набить зоб свой чем ни попало: рыбешка так рыбешка, а галька так галька. Вчера нефтебуры и голливудские фильмы, сегодня электроника, игорные притоны и авиалинии, а завтра? Завтра неминуемый и неизбежный крах.

И если здесь так подробно рассказано об уродливом наросте на теле Америки, именуемом Хьюзом, то не только потому, что имя это значится в первой тройке обладателей крупнейших состояний Америки, — сегодня это так, а завтра (и история с Мэйхью показала, что сие вполне вероятно) может быть иначе, — но лишь потому, что история хьюзовского богатства типична для большого бизнеса современной Америки, бизнеса, где никто не может отличить гангстера от предпринимателя, а деловую операцию от мокрого дела.

Такова история хьюзовских миллиардов. Некоторые называют его таинственным. Другие — грязным. Правы, вероятно, и те и другие. Когда-то было сказано, что «деньги не пахнут». Хьюзовские пахнут. Пахнут дурно. Развратом. Преступлениями. Кровью!

И НА СЕЙ РАЗ ПОСЛЕДНЯЯ РЕМАРКА АВТОРА

Раньше, чем читатель перевернет заключительную страницу этой книги, ее автору хотелось бы сказать еще несколько слов, задержать еще на минуту читательское внимание. Вообще, то, что именуется послесловием, чаще всего бывает штукой вполне бесполезной. Если ты не сумел на протяжении всей книги внятно изложить волнующие тебя мысли и чувства, которыми ты обуреваем, то вряд ли это удастся сделать на еще одной страничке, в еще нескольких напоследок и вдогонку написанных строках. И... тем не менее строчки эти все-таки последуют.

Сложная страна Америка. Большая, разная, непохожая, многослойная, не всегда понятная для самих американцев, а тем более иностранцам, да еще гражданам совершенно иного мира, для которых многие трудные проблемы и социальные болезни американского общества — преданье старины глубокой, штука, знакомая лишь по учебникам истории. Уже по одному этому писать об Америке нелегко.

И еще потому, что очень много на тему сию написано, а это отнюдь не облегчает дела. Рассказано, что называется, и изнутри — Твеном и Лондоном, Драйзером и Колдуэллом, многими писателями, яркими и честными. Поведано блестящими нашими соотечественниками Горьким и Маяковским, Ильфом и Петровым, Пильняком и Эренбургом. Немало появилось на тему эту и в последние годы. Симонов, Стрельников, Кондрашов, Боровик, Стуруа, Колесниченко — каждый увидел что-то свое, каждый рассказал по-своему. Один проехал по стране в поисках души тысячу миль. Иной обнаружил эту самую душу, не отходя от телевизора, кому-то почудилось, что нью-йоркские небоскребы готовы вот-вот рухнуть.

Окно туристского автобуса и пресс-галерея конгресса, тома статистических сборников, пылающие кварталы негритянского гетто Ньюарка и многие другие, говоря языком кино и телерепортеров, точки съемки были использованы для того, чтобы показать читателю многосложную страну, присвоившую себе наименование всего континента и вместе с названием прихватившую несметные его богатства, историю, славу, место в мире.

И все-таки, думается, тема очень далека от того, чтобы считаться исчерпанной, как ни приблизилась она сколько-нибудь существенно к исчерпанию и после дочитываемой вами книжки. Собственно, эти строчки для того и пишутся, чтобы сие засвидетельствовать.

Автор не претендовал на то, чтобы «открыть Америку», как, впрочем, равным образом и на то, чтобы ее закрыть. Он просто старается найти еще одну «точку», показать еще одну сторону того, что составляет «американский образ жизни», — обычно не очень широко афишируемую деятельность нескольких семейств, могущество, интересы и амбиции которых оказывают немаловажное воздействие на жизнь и политику этой страны.

Такая оговорка не просьба о снисхождении и не этакое авторское кокетство. Это скорее напоминание о том, что сила этой страны и ее слабость, могущество и историческое бессилие, талантливый динамизм ее народа и заколдованный круг капиталистических противоречий, из которого не могут вырваться ни талант, ни динамизм, весь тот запутанный, сложный конгломерат, который именуется Соединенными Штатами Америки второй половины XX века,

не является величиной простой, однозначной, легко сводимой к общему знаменателю.

И все-таки знаменатель такой есть.

...На углу двух нью-йоркских улиц — Пэйн и Вильям-стрит, примыкающих к знаменитой Уолл-стрит, и по сей день символизирующей большой американский бизнес, растолкав потемневшие от времени и океанских ветров пузатые с колоннами здания постройки прошлого века, взметнулась ввысь семидесятиэтажная стеклянно-стальная пирамида. Она выглядит здесь кричаще, почти вульгарно. Как будто бы в толпу респектабельных джентльменов в сюртуках и при котелках затесался этакий стиляга в брючках раструбом и с наимоднейшей прической. В ультрамодерновом здании обосновалась штаб-квартира одной из самых могущественных династий американского капитала — «Чейз Манхэттен бэнк», принадлежащий пяти братьям Рокфеллерам.

Первое, что я увидел, войдя в огромный, отделанный нержавеющей сталью вестибюль этого здания, были вделанные в стену и убранные под толстое стекло часы, да не какие-нибудь, а атомные. Не исключено, что изготовлены они торнтоновским предприятием. Показывают сверхсовременные ходики эти не только минуты и часы, но также годы и дни. В момент, когда я впервые приблизился к этому электронному чуду, в его окошках значилось: год — 8-й, день 142-й, час 12-й, минута — 19-я. Почему же год 8-й, а не тот, который значится ныне на календаре? — спросит читатель.

Разные есть в наше время системы летосчисления. Христиане ведут отсчет лет от рождества Христова. Будда старше Христа на

543 года, и потому буддийский календарь помечен сейчас годом 2511-м. Доллары, да еще принадлежащие мистерам Миллиардам, ведут свой отсчет времени. Им нет дела до истории человечества. У них свои вехи. Именно за восемь лет до моего визита в результате финансовых махинаций на Уолл-стрите появился «Чейз Манхэттен бэнк», и атомные часы в рокфеллеровском небоскребе заставлены отсчитывать особый, уолл-стритский ход времени.

Стремясь отсрочить двенадцатый свой час, мистеры Миллиарды спешат спрятаться за атомную технику, электронику и другие новейшие открытия и достижения человеческого гения, мобилизуют все ресурсы — материальные и духовные, выискивают в среде своей деятелей самых ловких и оборотистых. Они пытаются сжульничать, заставляя свое уже истекшее время отсчитывать фальсифицированным ходом атомных часов. Ничего не скажешь, атомные часы сами по себе отличная штука. Но, будучи поставленными на службу доллару, они отстали на десятилетия.

Общим знаменателем американского капитализма, пускай в самых сложных переплетениях его, является просроченное им время. Сама противоречивость сегодняшней Америки — результат столкновения и непримиримого конфликта между огромными ее производительными силами и непомерными аппетитами кучки господ, высокомерно именующих себя Миллиардами.

На земле ныне не XIX век — золотая пора американских толстосумов, не 8-й год уолл-стритского летосчисления, а второе 50-летие Великого Октября. И никакие ухищрения, атомные и иные, не спасут того, что спасено быть не может.

Подведенные стрелки уолл-стритских часов не обманут Время!

Содержание

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА 7

Глава I. САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ 13

Глава II. ГАРОЛЬД ХАНТ — «Опаснейший человек в Америке» 51

Глава III. «КЛАН КЕННЕДИ» 115

Глава IV. ХАНТЫ ПРОТИВ КЕННЕДИ 207

Глава V. ЧАРЛЬЗ ТОРНТОН — ОДИН ИЗ «ЛОВКИХ» . . 249

Глава VI. ТАИНСТВЕННЫЙ МИЛЛИАРДЕР 293

И НА СЕЙ РАЗ ПОСЛЕДНЯЯ РЕМАРКА АВТОРА 332

Зорин Валентин Сергеевич

МИСТЕРЫ МИЛЛИАРДЫ. М., «Молодая гвардия», 1972. 336 стр., с илл. 32И

Редактор Л. АНТИПИНА
Художник А. БЛОХ
Художественный редактор Н. КОРОБЕЙНИКОВ
Технический редактор В. АГЕЕВА

Сдано в набор 30/XI 1971 г. Подписано к печати 4/IV 1972 г. А06877. Формат 84×108 1/32. Бумага № 2. Печ. л. 10,5 (усл. 17,64). Уч.-изд. л. 21,6. Тираж 150 000 экз. Цена 64 коп., в переплете 78 коп. Т. П. 1971 г., № 145. Зак. 2143.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

64 коп.

Зорин Валентин Сергеевич — советский ученый и журналист, доктор исторических наук, профессор института США АН СССР, политический обозреватель советского радио и телевидения. Неоднократно бывал в США, встречался с многими из «героев» своих книг, в которых он рассказывает о тех, кто тайно и явно правит сегодняшней Америкой. Среди известных книг Вал. Зорина «Доллары и политика США», «Некоронованные короли Америки».

В 1967 году удостоен премии имени В. Воровского за лучшую работу в области международной публицистики.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ